Адаптивный пожиратель

Книга I

18+

Гладких Валентин

Валентин Гладких
Адаптивный пожиратель 1

https://litres.ru/74350184
SelfPub; 2026

Аннотация

Колонизационный корабль «Альтаир» должен был доставить людей к новому дому. Вместо этого он рухнул на планету, которую разведка считала пригодной и почти пустой.

Майор Артём Савин приходит в себя в разбитой капсуле — с переломанным телом и хищным растением, проросшим в его раны. Повреждённый адаптивный комплекс выбирает единственный способ сохранить носителя: перестать сохранять человека.

Теперь Савин способен поглощать чужую биомассу, перестраивать собственное тело и перенимать физиологические особенности убитых существ. Каждая новая возможность помогает выжить, но усиливает голод и всё дальше отдаляет его от прежней человеческой формы.

Один в лесу, который пожирает всё живое, Савин должен добраться до обломков корабля, найти своих людей и понять, что именно сорвало экспедицию с курса.

Главный вопрос уже не в том, сумеет ли он выжить. Вопрос в том, что от него останется, когда он выживет.

Содержание

Пролог 5
Глава 1 — Падение 17
Глава 2 — Корни 44
Глава 3 — Кровь 68
Глава 4 — Кислота 91
Глава 5 — Вода 116
Глава 6 — Панцирь 142
Глава 7 — Тромб 170
Глава 8 — Шовник 198
Глава 9 — Пустой ход 231
Глава 10 — Дорога 269
Глава 11 — Метка 308
Глава 12 — Цена 324
Глава 13 — Рывкач 346
Глава 14 — Учиться падать 371
Глава 15 — Процессия 396
Глава 16 — Сборщики 415
Глава 17 — Каменное брюхо 446
Глава 18 — Перед воротами 473
Глава 19 — Внутренний двор 496
Глава 20 — Плата 524
Глава 21 — Костяной пир 549
Глава 22 — Трон питается 576

Глава 23 — Вставший с трона 599
Глава 24 — Кто кого съест 623
Глава 25 — Дно 645
Глава 26 — Звонари 667
Глава 27 — Подземное небо 703
Глава 28 — Подъём 736
Глава 29 — Горный выход 775
Глава 30 — Горящий горизонт 807
Эпилог — Под горой 823
Конец ознакомительного фрагмента. 826

Валентин Гладких
Адаптивный пожиратель 1

Пролог

«Альтаир» пах металлом, пластиком и людьми.

У каждого корабля был собственный запах, хотя инженеры любили утверждать обратное. Фильтры гоняли один и тот же очищенный воздух, системы влажности держали цифры в зелёной зоне, а дезинфекторы исправно убивали всё, что могло размножаться без разрешения. И всё равно жилые секции пахли тёплой тканью, пищевыми смесями, машинным маслом, человеческим потом и тем слабым лекарственным холодом, который неизбежно появлялся там, где несколько тысяч человек спали больше века.

Я проснулся за шесть суток до расчётного выхода на орбиту.

Крышка криокапсулы поднялась бесшумно, но тело встретило возвращение в мир так, словно меня вытащили из ледяной воды и сразу заставили бежать. Мышцы дрожали. Горло царапало сухостью. Свет медицинского бокса резал глаза, а собственное сердце билось неровно, с обидными паузами, будто ещё не решило, стоит ли продолжать работу.

Над лицом всплыло стандартное сообщение.

[СИСТЕМА] Реактивация завершена.

[Штатный адаптивный комплекс активен.]

[СИСТЕМА] Гравитационная подготовка: этап первый.

Я попытался сесть и тут же пожалел. Желудок скрутило, в висках ударило, ладони покрылись холодным потом. Медицинский манипулятор удержал меня за плечо мягким захватом.

— Майор Савин, не торопитесь, — сказала капитан медицинской службы Белова.

Она стояла у соседней капсулы, худая после пробуждения, с собранными на затылке тёмными волосами и красными следами датчиков на шее. Выглядела она немногим лучше меня, но уже держала планшет и командовала двумя техниками, которые ещё не до конца понимали, где находятся.

— Я не тороплюсь, — ответил я. — Я очень медленно совершаю ошибку.

— Тогда совершайте её лёжа.

Я снова опустился на подголовник.

За прозрачной перегородкой просыпались остальные. Крышки капсул поднимались рядами. Кто-то кашлял. Кто-то плакал без звука, не успев понять почему. Женщина в гражданской секции прижимала ладони к животу и повторяла имя ребёнка, оставленного в другом криоблоке. Техник с выбритым виском смеялся, пока смех не перешёл в рвоту. После ста восьми лет сна человеческое достоинство возвращалось не первым.

Я закрыл глаза и заставил дыхание выровняться.

До старта «Альтаира» я был на Земле в последний раз. Не на той Земле из рекламных архивов — синей, просторной и обещающей бесконечное будущее, — а на тесной, перегретой планете, где орбитальные лифты делили небо с дымом промышленных зон. Мы улетали не первыми, но дальше всех. На борту находились строители, врачи, агрономы, инженеры, военные, дети и люди, которые должны были родить других детей уже под чужим солнцем.

Моя работа начиналась после посадки. Безопасность периметра, разведка, поиск угроз, эвакуационные протоколы. На бумаге всё выглядело серьёзно и разумно. На практике я проснулся с ватными ногами и не мог самостоятельно дойти до туалета.

Через четыре часа адаптивный комплекс заставил тело вспомнить, что оно принадлежит человеку, а не мешку с размороженным мясом. Наниты стабилизировали кровообращение, подстегнули обмен веществ и начали готовить мышцы к гравитации планеты, которая была почти на треть выше земной. Чудом тут и не пахло: ускоренная физиология оборачивалась судорогами, зверским аппетитом и ощущением, будто внутри костей медленно затягивают болты.

Белова провела сканирование и нахмурилась.

— Левая коленная связка хуже прогноза.

— Ходить буду?

— Будете. Бегать тоже. Вопрос — насколько громко при

этом станете ругаться.

— Это уже зависит от обстановки.

Она не улыбнулась. На экране рядом с моим скелетом горели десятки жёлтых отметок — следы долгого сна, возраст, старые ранения, микроповреждения сосудов. У всех пробуждённых картина была похожей. Штатный комплекс помогал, но не превращал нас в новых людей. Он лишь давал старым телам шанс выдержать новый мир.

На второй день я впервые вышел в центральную галерею.

«Альтаир» оживал не сразу. В тёмных секциях загорались полосы света. По техническим коридорам шли ремонтные группы. Конвейеры кухни выпускали первые нормальные порции пищи, если серую кашу с запахом орехов можно было назвать нормальной. На обзорных панелях появлялись звёзды, а за ними — планета назначения.

Она занимала половину главного экрана.

Зелёно-чёрная, тяжёлая, затянутая облаками. Над экватором вращались два маленьких спутника, один из которых был изрезан светлыми полосами, словно его когда-то раскололи и небрежно собрали обратно. Полярные области скрывались под белёсым сиянием. На ночной стороне проступали длинные бледные дуги.

Я остановился перед экраном.

— Города? — спросил Руденко.

Сержант стоял рядом, прихлёбывая кофе из мягкого пакета. После пробуждения у него отекло лицо, но голос остал-

ся прежним — спокойным и немного насмешливым.

— Слишком ровные для природных образований, — сказал я. — Слишком тусклые для городов.

— Значит, древние руины.

— Значит, мы пока не знаем.

— С вами ужасно трудно мечтать, товарищ майор.

— Зато легко дожить до утра.

Первый разведывательный зонд ушёл к планете через шесть часов после нашего разговора. Мы смотрели на запуск из командного узла. Маленькая серебристая точка отделилась от корабля, раскрыла панели и исчезла в темноте. Телеметрия шла чисто: атмосфера плотная, кислорода достаточно, споровая нагрузка высокая, электромагнитный фон нестабилен.

На высоте семидесяти километров сигнал оборвался.

Не ослаб. Не зашумел. Просто исчез.

Второй зонд отправили по другой траектории. Он успел передать изображение верхнего слоя облаков — бурых, пронизанных зелёными вспышками. Затем связь пропала.

Третий был военным: усиленная защита, автономное возвращение, дублированный передатчик. Его запустили к ночной стороне. На экране несколько минут шла чёрная поверхность с редкими серебряными пятнами. Потом камера поймала одну из бледных дуг.

Я наклонился ближе.

Это была не река.

Дуга состояла из повторяющихся сегментов, каждый длиной в несколько километров. Они уходили за горизонт с одинаковым интервалом, будто кто-то проложил через континент гигантскую цепь. Между сегментами вспыхнул слабый свет.

Зонд развернулся сам.

— Команда не наша, — произнёс навигатор.

Капитан Хартман поднялся из кресла.

— Отрезать внешний канал.

— Уже. Он не отвечает.

Зонд изменил курс и пошёл вниз.

Последний кадр пришёл перед исчезновением: разрыв облаков, чёрный лес, белая вершина и тонкая вертикальная линия света, поднявшаяся с земли.

После этого в командном узле стало очень тихо.

Хартман приказал никому не покидать посты и собрал руководителей направлений. Мы стояли вокруг тактического стола, над которым вращалась модель планеты. На модели росли красные зоны неизвестности.

— Отказ техники возможен, — сказал главный инженер Вега. — Три аппарата могли попасть в один тип атмосферного разряда.

— На разных высотах, траекториях и сторонах планеты? — спросила Белова.

— Я сказал: возможен. Не вероятен.

— Нас обнаружили? — спросил руководитель научной

группы Лин.

Никто не ответил сразу.

Мы прилетели к миру, который считался необитаемым. Автоматические наблюдения, сделанные больше века назад, не показали промышленной активности. В спектрах не было устойчивых выбросов. На поверхности не нашли ночного освещения, орбитальных конструкций или работающих передатчиков.

Но старые данные не обещали, что планета пуста. Они лишь говорили, что мы ничего не заметили.

— До подтверждения считаем внешнее воздействие возможным, — сказал Хартман. — Орбиту не снижаем. Подготовить четвёртый зонд на тросовой системе.

Я посмотрел на модель.

— И начать проверку эвакуационных капсул.

На меня повернулись несколько человек.

— Мы ещё не вошли в опасную зону, — заметил Лин.

— Три зонда исчезли. Один изменил курс без команды. Опасная зона уже здесь.

Хартман задержал взгляд на моём лице и кивнул.

— Савин прав. Проверить капсулы, ручные приводы и аварийные запасы. Без общей тревоги.

Так начались три дня, в которые все делали вид, что готовятся к обычной посадке.

В жилых секциях разворачивали оборудование. Дети проходили последние медицинские осмотры. Агрономы спори-

ли о составе почвы, хотя ни одного образца у нас не было. Строители проверяли каркасы первых куполов. Люди записывали сообщения для потомков и снимали планету через обзорные панели.

Мои подчинённые проверяли то, чем обычно никто не интересуется до катастрофы: замки капсул, пироболты, автономные маяки, герметичность аварийных контейнеров, ручные механизмы сброса. Из ста двадцати восьми капсул девять потребовали ремонта. В двух не открывались внешние крышки. В одной система жизнеобеспечения показывала зелёный статус при пустом резервуаре кислорода.

— Когда всё работает, мы никому не нужны, — сказал Руденко, лёжа по пояс в технической нише. — Когда не работает, спрашивают, почему мы раньше не заметили.

— Поэтому замечай раньше.

— Вы лишаете меня права на философию.

— Философия после проверки седьмого ряда.

Седьмой ряд заедал. Привод работал, но механизм ручного сброса шёл с таким усилием, что одному человеку его было не провернуть. Инженеры обещали заменить узел до выхода на орбиту.

Они не успели.

На четвёртый день корабль впервые дрогнул.

Не сильно. Чашка на столе сдвинулась на несколько миллиметров. Под ногами прошла низкая вибрация. Я был в тренировочном отсеке, где группа высадки училась двигаться

под повышенной нагрузкой. Мы носили утяжелённые костюмы, и каждый шаг отдавался в позвоночнике.

Свет мигнул.

— Манёвр? — спросила Орлова.

Она отвечала за связь в моей группе и всегда задавала вопросы раньше, чем остальные успевали понять, что произошло.

— Не плановый, — сказал я.

На браслете загорелся вызов командного узла.

Хартман говорил быстро:

— Майор, переведите людей в готовность. Мы теряем орбитальную скорость.

— Двигатели?

— Исправны. Тяга есть. Эффекта недостаточно.

— Нас тянет к планете?

Пауза длилась меньше секунды.

— Да.

Общую тревогу ещё не объявили. Я велел группе снять тренировочные утяжелители, получить аварийное снаряжение и разойтись по секторам. В коридорах люди продолжали работать. Они видели красные значки на служебных панелях, но не знали, что корабль уже начал падать.

В командном узле воздух пах озоном. Навигаторы говорили одновременно, двигатели работали на предельной мощности, и от их вибрации зудели зубы. На главном экране планета стала заметно больше.

— Гравитационная модель не сходится, — сказал навигатор. — Источник воздействия смещается вместе с нами.

— Поле планеты не может смещаться вместе с кораблём, — ответил Вега.

— Передайте это полю.

Я подошёл к Хартману.

— Время до критической точки?

— Двадцать две минуты. Может быть меньше.

— Капсулы?

— Эвакуация пока не объявлена.

— Почему?

Он повернулся ко мне. Лицо у него было серым от усталости.

— Потому что после запуска капсул мы потеряем управление массой корабля и точно войдём в атмосферу. Пока остаётся шанс вытащить всех вместе.

Это был разумный ответ. Именно поэтому спорить с ним оказалось труднее.

— А если шанс закончится внезапно?

— Тогда вы сделаете свою работу.

Я посмотрел на планету. В облаках снова вспыхнули зелёные разряды. Они возникали не хаотично: несколько огней зажглись вдоль огромной дуги, которую видел третий зонд.

— Сколько нужно на полную эвакуацию?

— По протоколу двенадцать минут.

— По реальности — восемнадцать. Седьмой ряд не отре-

монтирован.

Хартман выругался тихо, почти беззвучно.

Корабль ударило второй раз.

На этот раз люди упали. Одна из консолей погасла. Где-то в глубине корпуса завыла аварийная сирена, но оборвалась на первой ноте. На схеме корабля вспыхнули три красных сектора.

В браслете раздался голос Беловой:

— Медицинский блок потерял питание. Криосекция три не отвечает.

Хартман закрыл глаза на мгновение.

Когда открыл, решение уже было принято.

— Общая эвакуация. Всем секторам. Запуск по готовности.

Сирена не завыла. Она ударила низким импульсом прямо в кости.

По кораблю побежал красный свет.

Я вызвал группу.

— Савин всем. Оставить всё, кроме аварийных комплектов. Гражданских — к ближайшим капсулам. Не ждать построения. Не пользоваться лифтами. Орлова, связь между секторами. Руденко, седьмой ряд. Я иду к вам.

— Принято, — ответила Орлова.

— Уже там, — сказал Руденко.

Коридор накренился. Люди вокруг замерли, а потом одновременно побежали.

В этот момент «Альтаир» перестал быть кораблём, который вёз нас к новой жизни.

Он стал огромной падающей ловушкой, внутри которой оставалось несколько тысяч человек.

Я побежал вместе с ними.

Глава 1 — Падение

Красный свет делал лица одинаковыми.

В коридоре не осталось учёных, военных, строителей и техников. Были только люди, которым приказали успеть до того, как металл вокруг них сложится внутрь. Кто-то бежал молча. Кто-то звал родственников. Кто-то тащил два аварийных контейнера и никак не мог решить, какой бросить.

Я двигался против потока.

Повышенная гравитация ещё не действовала в полную силу, но корабль уже терял нормальную ориентацию. Пол то уходил вниз, то вставал под углом. При каждом толчке людей бросало на стены. Пахло горячей изоляцией, потом и рвотой. Из потолочных швов сыпалась белая пыль.

— Не к центральным шахтам! — крикнул я. — Секторные капсулы ближе! Держитесь правой стороны!

Мужчина в сером рабочем комбинезоне стоял посреди прохода и смотрел на мигающую схему, не понимая, куда идти. Я схватил его за плечо.

— Какой жилой блок?

— Двенадцатый. Жена в детской секции.

— Детей ведут через медкоридор. Идите к капсулам Б-два. Там встретитесь.

Я не знал, встретится ли он. Сейчас людям требовалось направление, а не честный перечень способов умереть.

Браслет ожил треском.

— Майор, шестой сектор перекрыт, — сказала Орлова. На фоне её голоса били сирены. — Переборка не открывается. За ней около сорока человек.

— Обход через аграрный модуль.

— Там разгерметизация.

— Тогда техническая галерея под модулем. Люки двенадцать и четырнадцать.

— Она узкая.

— Зато с воздухом.

— Приняла.

Связь оборвалась. Я попытался вызвать Руденко.

— Седьмой ряд, ответьте.

— Мы вас слышим, — донёсся его голос. — Привод всё ещё изображает памятник инженерной мысли.

— Люди загружены?

— Девять капсул полностью. В десятой женщина с ребёнком, питание есть, сброса нет. Остальные подходят.

— Не запускай ряд, пока не освободишь десятую.

— Я и не собирался отправлять их в стену, товарищ майор.

Сверху раздался металлический треск. Я поднял голову и успел увидеть, как из потолка выходит длинный болт. Он ударился о пол, подпрыгнул и исчез под ногами бегущих людей.

Корабль дёрнуло в сторону.

Меня швырнуло плечом на переборку. Боль прошла от ключицы до пальцев. Рядом упала женщина. Аварийный кокон в её руках выскользнул и покатился по полу. Внутри за прозрачным пластиком закричал младенец.

Я поднял кокон, прижал к груди и помог женщине встать.

— Рука сломана? — спросил я.

Она попробовала пошевелить запястьем и побледнела.

— Да.

Я зафиксировал её предплечье ремнём от собственного подсумка.

— Капсулы за поворотом. Кокон не отпускайте.

— А вы?

— У меня плохая привычка идти туда, откуда остальные бегут.

Она хотела что-то сказать, но новый толчок погнал нас дальше. Я передал кокон ей в здоровую руку и дождался, пока двое техников подхватят её с обеих сторон.

До седьмого ряда оставалось меньше ста метров. На схеме путь выглядел чистым. В реальности половина коридора уже горела.

Из разорванного кабельного канала выбивалось голубое пламя. Система пожаротушения выпустила пену, но та тут же стекла по наклонному полу. За огнём двигались тени.

— Назад! — крикнул кто-то.

Люди начали разворачиваться. Я выдернул аварийный щит из ниши, накрыл им голову и вошёл в жар. Пластина

быстро нагрелась. Воздух обжигал лёгкие даже через фильтр воротника.

За пылающим каналом оказались четверо подростков и пожилой мужчина. Они пытались тащить женщину с рассечённой ногой. Кровь оставляла на полу широкую дорожку.

— Щит над ней, — приказал я мужчине. — Остальные по одному. Не бегите. Смотрите под ноги.

— Там огонь!

— Я заметил.

Первого подростка я провёл за плечо. Второй поскользнулся в пене, и мне пришлось подхватить его за разгрузку. При третьем переходе защита на левом рукаве начала дымиться. Женщину перенесли последней. Она стискивала зубы, но не кричала. У самой границы огня лопнул ещё один кабель, и горячая дуга ударила по щиту. Металл вырвало из рук.

Мы вывалились в чистую часть коридора. Я хлопнул ладонью по горящему рукаву и содрал верхний слой ткани.

— Капсулы туда, — показал я. — Не останавливайтесь.

Пожилой мужчина посмотрел на меня так, будто хотел запомнить лицо.

Я отвернулся первым.

Седьмой ряд находился в отдельной шахте. Двери стояли открытыми. Внутри царил организованный хаос: люди укладывались в ложементы, фиксаторы защёлкивались, техники проверяли крышки. Капсулы висели вертикально вдоль стен,

готовые уйти в пусковые каналы.

Руденко стоял у ручного привода десятой капсулы. Рядом двое бойцов тянули рычаг, но тот почти не двигался.

— Освободите площадку! — приказал я.

Внутри капсулы лежали женщина и мальчик лет десяти. Места были рассчитаны на одного взрослого или взрослого с ребёнком в дополнительном фиксаторе. Крышка закрылась, питание работало. На панели горела красная надпись: механический замок не отведён.

Я взялся за привод.

Металл был холодным и ребристым. Руденко встал рядом.

— На три, — сказал я. — Раз. Два. Три.

Мы надавили.

Рычаг не сдвинулся.

Корабль содрогнулся. Из шахты донёсся удар, похожий на выстрел тяжёлого орудия. Одна из уже запущенных капсул не вышла из направляющей. На схеме её канал погас.

Я не стал смотреть, сколько людей в ней было.

— Ещё раз.

Мы упёрлись ногами в пол. Мышцы спины свело. Ребристый металл впился в ладони. Рычаг пошёл на толщину пальца и снова остановился.

— Перекосило нижнюю тягу, — сказал Руденко.

— Доступ?

— Под платформой.

— Вскрывай.

Он лёг на пол и сунул мультитул в узкую щель. Я держал привод в натяжении. По ладоням потекла кровь. Штатный комплекс вывел перед глазами предупреждение о повреждении кожи, и я мысленно послал его вместе с инженерами, которые обещали заменить узел.

В капсуле мальчик смотрел на нас через крышку. Женщина обняла его одной рукой, второй прижимая ладонь к стеклу.

— Есть тяга, — сказал Руденко. — Погнута. Если срежу фиксатор, замок может уйти сразу.

— Срезай.

— Привод ударит.

— Я удержу.

— Майор...

— Работай.

Мультитул зажужжал. Запахло горячим металлом. Рычаг дрожал в руках, словно живой. Я перенёс вес вперёд, чувствуя, как подошвы скользят по крови.

Фиксатор лопнул.

Привод рванулся. Рукоять ударила меня в плечо, развернула и бросила на стену. В суставе что-то хрустнуло. Перед глазами вспыхнул белый свет.

Замок десятой капсулы открылся.

— Сброс! — крикнул Руденко.

Техник ударил по панели. Капсула сорвалась вниз и исчезла в шахте. Через секунду зелёным загорелся сигнал от-

деления.

Женщина и мальчик ушли.

Я проверил плечо. Рука двигалась, но при подъёме выше груди боль становилась острой. Вывиха не было. Пока хватит.

— Остальные запускай по готовности, — сказал я.

— Ваше место Б-четыре.

— Сначала люди.

— Это не обсуждение.

Он говорил спокойно, но смотрел на меня так, как смотрят подчинённые, когда готовы нарушить приказ ради командира. Я знал этот взгляд и не любил его.

— Орлова где?

— Последний сигнал из шестого сектора.

Я вызвал её.

Треск. Чужие крики. Потом голос:

— Мы в технической галерее. Двадцать семь человек. Выходим к капсулам В-один.

— Было сорок.

Пауза.

— Теперь двадцать семь.

Я зажал челюсть.

— Доведите их.

— А вы?

— Седьмой ряд почти ушёл.

— У вас четыре минуты до входа в атмосферу.

— Знаю.

— Артём...

Она редко называла меня по имени на службе.

Связь прервалась.

На центральной панели загорелась новая авария. Кормовая часть корабля начала разрушаться. Вибрация стала постоянной, глубокой, от неё немели зубы.

Мы запустили оставшиеся капсулы. Одна не ответила на команду, и техникам пришлось переводить её на ручное питание. В другой оказался пустой ложемент: человек ушёл искать сестру и не вернулся. Ждать его было нельзя. Руденко закрыл крышку и отправил пустую капсулу, потому что система не позволяла обойти последовательность пуска.

Когда последняя ушла, в шахте остались мы вдвоём и два техника.

— Б-четыре, — сказал Руденко. — Сейчас.

Техники побежали к своим местам. Я сделал шаг следом, но браслет ожил голосом Хартмана.

— Савин, центральный переход обрушился. В секторе Б-пять заблокированы люди.

— Сколько?

— Не знаю. Датчики мертвы.

— Путь?

— Через служебный коридор рядом с вами. Но времени нет.

Я посмотрел на дверь. До моей капсулы было меньше ми-

нуты. До Б-пять — примерно столько же в другую сторону.

Руденко услышал разговор.

— Не успеете вернуться.

— Возможно.

— Это не план.

— У тебя есть лучше?

— Есть. Сесть в капсулу и остаться живым.

За переборкой послышались удары.

Не корабль. Кто-то бил в дверь вручную.

Я открыл служебный коридор.

Там было темно. Аварийная подсветка тянулась по полу красными точками. Воздух уходил через повреждённую секцию, тянул дым и мелкий мусор. Я добрался до второй двери и увидел через маленькое окно людей. Их было шестеро. Среди них — техник с ожогами на лице и девочка в жёлтой куртке.

Механизм двери не работал.

— Отойдите! — крикнул я.

Я вставил мультитул в аварийный замок. Питания не было. Пришлось снимать панель и замыкать привод напрямую. Руки дрожали не от страха — от перегрузки и повреждённых ладоней. Провод выскользнул. Я поймал его, получил удар током и почувствовал запах собственной обожжённой кожи.

Дверь открылась на ладонь.

Люди навалились с другой стороны. Мы расширили щель.

— Куда? — спросил техник.

— Седьмой ряд пуст. Ближайшие капсулы Б-четыре и Б-шесть.

— Б-шесть разрушен.

— Тогда Б-четыре. Быстро.

Они пролезали по одному. Девочка оказалась последней. Когда я вытащил её, коридор снова качнуло. Потолочная балка рухнула между нами и остальными.

Я успел увидеть техника и ещё двух человек по другую сторону. Они отшатнулись.

— Обход! — крикнул я.

Техник посмотрел вверх, потом на меня. По его лицу я понял раньше, чем он ответил: обхода уже не было.

— Ведите ребёнка, майор.

Балка просела. Щель исчезла.

Девочка вцепилась в мою руку.

— Мама там.

Я не нашёл слов, которые могли бы исправить металл, время и падение многотонного корабля.

— Как тебя зовут?

— Лера.

— Лера, сейчас ты идёшь со мной. Не отпускай ремень.

Я дал ей свободный конец разгрузки и повёл назад.

Путь к Б-четыре занял меньше минуты и длился слишком долго. Пол накренился почти на сорок градусов. Нам приходилось цепляться за поручни. В одном месте коридор разошёлся трещиной, через которую было видно внутренности

корабля: кабели, фермы, облако искр и чёрную пустоту за пробитой обшивкой.

У капсул толпились последние люди. Мест не хватало.

Руденко уже считал.

— В две капсулы можно добавить детей. Взрослых — нет.

Я передал Леру женщине в медицинском комбинезоне.

— Дополнительный фиксатор.

— Уже занят мальчиком.

— Они поместятся.

— Перегрузка...

— Поместятся.

Женщина не спорила. Она уложила девочку рядом с мальчиком, стянула их ремнями и закрыла крышку.

Остались трое взрослых и две капсулы.

Я посмотрел на Руденко.

— В мою сядет один.

— В вашу сядете вы.

— Сержант.

— Майор.

Один из оставшихся, пожилой инженер, поднял руки.

— У меня повреждён позвоночник. Я всё равно не выдержу запуск.

— Это определит медицина, — сказал я.

— Медицины здесь уже нет.

Он сел у стены. Второй мужчина попытался поднять его, но инженер оттолкнул руку.

— Не тратьте время.

Я ненавидел его за то, что он был прав.

Руденко втолкнул второго мужчину в свободную капсулу. Третий оказался молодым техником из навигации. Он стоял рядом с моей и смотрел на единственный ложемент.

— Садись, — приказал я.

— А вы?

— Найду другую.

Это была плохая ложь. Он понял.

— Нет.

— Это приказ.

— Вы нужны на поверхности.

— А ты, значит, нет?

Он молчал.

Корабль вошёл в верхние слои атмосферы.

Шум пришёл со всех сторон сразу. Обшивка загудела. Температура в шахте поползла вверх. С потолка полетели раскалённые частицы.

Руденко схватил техника и буквально бросил в капсулу. Я помог застегнуть фиксаторы. Крышка закрылась.

Теперь осталась моя.

И нас двое.

— Полезай, — сказал я Руденко.

— Не помещусь.

— Сломаем боковой фиксатор.

— И оба погибнем при отделении.

— Возможно.

— Вы сегодня часто используете это слово.

— День располагает.

Он ударил меня в грудь ладонью. Не сильно, но достаточно, чтобы я сделал шаг назад. Потом опустился к панели капсулы и активировал внешний привод.

Крышка начала закрываться.

Я успел сунуть руку в щель.

— Ты что делаешь?

— Работу.

— Руденко!

— На поверхности найдёте остальных. Это приказ, товарищ майор.

— Ты не можешь отдавать мне приказы.

— Значит, считайте просьбой.

Я попытался разжать крышку. Повреждённое плечо прострелило болью. Руденко нажал аварийный сброс. Фиксаторы втянули меня в ложемент, а крышка защёлкнулась.

Через стекло я видел его лицо. Дым уже заполнял шахту.

Он улыбнулся одними губами.

— Найдите нас там.

Капсула сорвалась.

Первый удар вдавил меня в кресло. Второй пришёл сбоку. За стеклом промелькнули внутренние конструкции шахты, затем огонь, затем чёрное пространство.

«Альтаир» висел над планетой разломанным светящимся

телом.

Я увидел его всего на секунду. Кормовая часть отрывалась, разбрасывая обломки. Вокруг расходились десятки капсул, маленьких и хрупких. Некоторые включали двигатели. Другие вращались. Одна вспыхнула рядом и исчезла.

Потом система ориентации развернула меня к атмосфере.

[СИСТЕМА] Отделение завершено.

[СИСТЕМА] Траектория нестабильна.

[СИСТЕМА] Внешнее гравитационное воздействие не классифицировано.

— «Альтаир», Савин. Приём.

В наушниках трещало.

— Орлова, Хартман, Белова, кто-нибудь. Приём.

На мгновение сквозь шум пробился голос:

— ...не включать... маяк... они...

Сигнал оборвался.

— Орлова? Повторите!

Ответа не было.

Облака выросли перед капсулой стеной. Верхний слой оказался серым, потом бурым, потом зелёным от разрядов, которые вспыхивали внутри тумана. Корпус затрясся. Перегрузка вдавила затылок в ложемент.

Штатный комплекс включился без запроса.

[СИСТЕМА] Гравитационная нагрузка: критическая.

[СИСТЕМА] Стабилизация кровообращения активна.

Сердце ударило сильнее. В мышцы будто впрыснули ки-

пяток. Наниты не могли остановить падение, но старались не дать сосудам лопнуть раньше удара.

Правый двигатель капсулы погас.

Меня закрутило.

На экране мелькали бессмысленные цифры. Высота падала слишком быстро. Автопилот пытался выровнять траекторию, но что-то тянуло капсулу в сторону, словно невидимый трос.

Я отключил автоматику и дал ручной импульс левым двигателем. Вращение замедлилось. Через треснувшее обзорное окно я увидел поверхность.

Лес.

Не зелёное пятно на карте, а сплошное море громадных крон. Между ними торчали белые каменные иглы. Вдалеке поднимались горы. Над одной вершиной висел ровный вертикальный свет.

Тот самый, который видел зонд.

Капсула ударила верхушки деревьев.

Ветки толщиной с человеческое тело ломались о корпус. Каждое столкновение разворачивало меня. Стекло пошло трещинами. Внутри посыпались осколки панели.

Последний двигатель сработал слишком поздно.

Удар пришёл снизу.

Тьма была короткой.

Я вернулся от вкуса крови и хруста стекла под спиной. Во рту лежал осколок зуба. Я выплюнул его и несколько секунд

просто дышал, проверяя, входит ли воздух в оба лёгких.

Капсула лежала боком. Ложемент перекосило. Левая нога была зажата между креслом и смятой панелью. В разбитое окно лезли широкие синие листья, покрытые тусклым воском.

Снаружи шёл дождь.

Капли били по корпусу тяжело, почти как мелкие камни. Воздух внутри пах кровью, горячей электроникой и сладкой растительной гнилью.

Я начал проверку с головы.

Зрение двоилось, но сходилось. Шея двигалась. Пальцы слушались. Правое плечо болело после удара приводом. Рёбра отзывались на вдохе. Левая нога чувствовала прикосновение — значит, нерв не перебит.

[СИСТЕМА] Сотрясение: вероятно.

[СИСТЕМА] Повреждение мягких тканей: множественное.

[СИСТЕМА] Кровопотеря: умеренная.

[СИСТЕМА] Рекомендуется неподвижность.

— Очень своевременно.

Я освободил ремни. Мир качнулся. Пришлось зажмуриться и дождаться, пока тошнота отступит.

Панель, прижавшая ногу, весила слишком много. В земной гравитации я бы поднял её рывком. Здесь тело будто стало тяжелее вместе со всем вокруг. Мышцы уже получали поддержку комплекса, но адаптация не могла отменить фи-

зику.

Я нашёл аварийный домкрат под креслом. Рукоять погнулась. Пришлось вставить мультитул в шарнир и использовать его как рычаг. С первого раза крепление сорвалось. Панель опустилась, прижав бедро сильнее.

Боль стала белой и плотной.

Я остановился, выдохнул и попробовал иначе. Подложил под край обломок пластика, изменил угол, поднял на несколько сантиметров и выдернул ногу.

Кожа на голени была рассечена, но кость оставалась целой. Колено распухало. Я обработал рану остатком антисептика и наложил тугую повязку.

Когда стало ясно, что я ещё способен двигаться, я занялся тем, без чего долго не протяну. Аварийный контейнер застрял под смятой стенкой, карабин висел на ремне, ударившись прикладом о кресло, нож остался в ножнах, мультитул был при мне, а мягкая фляга уцелела в боковом кармане.

Контейнер пришлось вырезать. Внутри лежали два питательных брикета, фильтр, перевязочный пакет, коагулянт, термоплёнка, сигнальная лента и резервная вода. Одна ёмкость лопнула. Жидкость впиталась в упаковки. Вторая сохранила чуть больше половины.

Общий запас — около семисот миллилитров.

Я сделал один глоток и заставил себя остановиться.

Связь не работала. Внешняя антенна была оторвана. Маяк капсулы мигал красным, но после обрывка сообщения Ор-

ловой я не спешил включать полную мощность.

«Не включать маяк. Они...»

Кто — они?

Я перевёл маяк в пассивный режим и записал направление последнего сигнала. Точного положения система дать не могла, но импульс пришёл с северо-востока.

Снаружи лес молчал неправильно.

Дождь шумел по листьям. Где-то далеко раздавались низкие удары, будто огромный молот бил по пустому стволу. Под капсулой текла вода. Но не было привычного птичьего крика, шелеста мелких животных, жужжания насекомых. Звуки возникали редко и по одному, словно каждое живое существо здесь старалось не выдавать себя.

Я выбрался через разбитое окно.

Тяжесть мира навалилась сразу. Сапоги провалились в толстый мох. Воздух был горячим и влажным, но дождевые капли оставались холодными. Каждый вдох приносил запах мокрого камня, кислой зелени и чего-то мясного.

Капсула пробила несколько ярусов леса и застряла в чаше из чёрных корней. Стволы вокруг поднимались на десятки метров, широкие, ребристые, с плоскими кронами. Между ними висели белёсые нити. Под ногами росли синие листья, красные трубчатые грибы и прозрачные мешки, которые сжимались при моём приближении.

Я обозначил место падения сигнальной лентой, проверил карабин и сделал короткую передачу на минимальной мощ-

ности.

— Савин. Кто слышит — один щелчок в ответ. Координаты повреждены. Иду на северо-восток.

Тишина.

Я повторил через минуту.

В наушнике щёлкнуло.

Один раз.

Сигнал был слабым, но человеческим — или мне отчаянно хотелось так думать.

Я поднялся на корень, чтобы определить направление. Левая нога сразу напомнила о себе. Пришлось двигаться медленно, распределяя вес. С высоты двух метров я увидел между стволами металлический блеск.

Ещё одна капсула?

Я спустился и пошёл к нему.

Блеск оказался обломком внешней обшивки «Альтаира». Пластина глубоко вошла в дерево. Край металла был оплавлен. На мху лежали капли крови.

Человеческой.

Я присел. Капли тянулись на восток, но через несколько метров исчезали. Следов обуви не было. Что-то волокло раненого, или дождь уже смыл отпечатки.

Рядом я нашёл кусок ремня с номером медицинского сектора.

Белова могла быть жива.

Я убрал ремень в карман и услышал щелчок.

Звук пришёл слева, из-за корней.

Я поднял карабин и замер.

Сначала между растениями двигалась только длинная тень. Потом тень поднялась на шести коротких лапах. Существо было размером с крупную собаку, но гораздо ниже и шире. Плоское серое тело закрывал блестящий панцирь. Голова напоминала тупой клин. По обеим сторонам шеи дрожали полупрозрачные мешки, наполненные мутно-жёлтой жидкостью.

Глаз я не увидел.

Тварь втягивала воздух узкими щелями у пасти и поворачивалась точно вслед за запахом моей крови.

Я медленно отступил к обломку.

Стрелять сразу не стал. Патронов было мало, а неизвестное существо могло просто пройти мимо. Я бросил в сторону кусок мокрого мха.

Тварь не отреагировала.

Я провёл ножом по металлу.

Она повернулась на звук, но не пошла.

Запах. Возможно, тепло.

Я сместился против ветра.

Существо последовало за мной.

Теперь всё было ясно.

Я прицелился в сочленение передней лапы и нажал спуск.

Выстрел ударил по лесу слишком громко. Пуля пробила тонкий участок панциря. Тварь припала к земле, но не от-

ступила. Второй выстрел вошёл ближе к шее.

Я ожидал броска.

Вместо этого мешки раздулись.

Я увидел движение и успел повернуть карабин поперёк лица.

Струя мутно-жёлтой жидкости ударила в ствол.

Металл зашипел. Кислота мгновенно разъела покрытие, потекла к затвору и брызнула на левый рукав. Ткань почернела. Жар впился в предплечье.

Плевун.

Имя пришло само и больше ничего объяснять не требовало.

Я выронил оружие и сорвал рукав вместе с верхним слоем кожи.

Боль выбила воздух. На несколько секунд мир сузился до обожжённой руки, дождя и собственного крика, который я не сразу узнал.

Тварь пошла вперёд.

Не быстро. Она знала, что добыча ранена.

Карабин лежал между нами. Затвор уже плавился. Даже если бы я поднял оружие, стрелять оно больше не могло.

Я отступил к капсуле, удерживая нож правой рукой. Левая висела у груди. Существо двигалось боком, подставляя панцирь. Из пробоин сочилась тёмная жидкость, но раны не останавливали его.

Я ошибся, посчитав мешки только оружием.

Они были ещё и защитой. Кислота вытекала по шее, растворяя кровь и закрывая повреждения пеной.

Тварь бросилась.

Я нырнул за корень. Когти прошли по спине, распороли внешний слой комбинезона и ударили по защите. Меня швырнуло лицом в мох. Нож вылетел из руки.

Существо развернулось быстрее, чем позволяло его тяжёлое тело.

Я схватил сигнальную ленту, дёрнул её между двумя выступами корня и отполз. План был простым: заставить тварь пересечь натяжение и потерять равновесие.

Она остановилась перед лентой.

Щели у пасти втянули воздух.

Не видит. Чувствует запах. Возможно, ощущает вибрацию.

Я бросил окровавленный кусок рукава за ловушку.

Тварь повернулась к нему и пошла.

Передняя лапа коснулась ленты. Она не упала. Просто перерезала материал когтем.

— Разумеется.

Мешки снова начали раздуваться.

Я перекатился за обломок капсулы. Кислота ударила в металл. Обшивка выдержала, но едкий пар накрыл лицо. Глаза обожгло. Я почти вслепую пополз вдоль корпуса.

Рядом лежал аварийный контейнер.

В контейнере оставались вода, медикаменты и почти всё,

что ещё позволяло мне считать себя обеспеченным хотя бы на ближайшие часы. Тварь обошла капсулу с другой стороны, отрезая меня от ножа.

Я мог отступить в лес и оставить ей всё. Но без воды, перевязки и инструмента долго не прожил бы. Кроме того, существо шло на кровь. Оно последовало бы за мной.

Пришлось убивать.

Я выдернул из разбитой обшивки длинную металлическую пластину. Один край был рваным, другой — загнутым. Получилось плохое копьё длиной с руку.

Тварь появилась из-за корпуса.

Я ударил в шею. Пластина скользнула по панцирю. Существо мотнуло головой и сбило меня с ног. Коготь вошёл в бок комбинезона, прошёл через ткань и рассёк кожу под рёбрами.

Я отполз, прижимая рану локтем.

Кровь запахла резко, железом.

Мешки на шее хищника раздулись сильнее.

Он готовился плевать почти в упор.

Я схватил контейнер и бросил ему под морду.

Кислота ударила в пластик. Крышку расплавило. Оставшаяся в повреждённой ёмкости вода, фильтрующий порошок, коагулянт и едкая жидкость смешались. Реакция оказалась мгновенной: белая пена взорвалась вверх.

Тварь отшатнулась.

Нижняя часть морды начала расползаться. Один мешок

лопнул и залил кислотой её собственную переднюю лапу. Существо забилось, царапая землю.

Я поднялся.

Левая нога подломилась. Я упал на колено, но удержал пластину.

Тварь всё ещё была опасна. Она ударила головой, едва не выбив оружие. Я пропустил её мимо и вогнал рваный край под панцирь у раненой передней лапы.

Пластина вошла неглубоко.

Существо развернулось и придавило меня боком к корню. Рёбра хрустнули. Из лёгких вышел весь воздух. Пасть раскрылась рядом с лицом — без зубов, но с несколькими кольцами твёрдых режущих пластин.

Я толкнул металл обеими руками.

Обожжённая левая рука взорвалась болью.

Пластина прошла глубже.

Тварь дёрнулась. Кислота из разорванного мешка потекла по моему оружию. Металл зашипел, стал мягким. У меня оставались секунды.

Я навалился всем весом и провернул пластину.

Внутри что-то лопнуло.

Существо забилось, ударило лапой по бедру и отбросило меня. Я не чувствовал ногу ниже таза. На мгновение решил, что кость сломана.

Хищник попытался подняться. Передняя лапа уже растворялась. Пена шла из пасти. Он сделал один шаг, второй,

потом рухнул.

Я подполз и вбил остаток пластины под панцирь ещё раз. Держал, пока движения не прекратились.

Дождь смывал кровь с лица. Я лежал рядом с мёртвой тварью и слушал собственное дыхание. Каждый вдох отзывался в рёбрах. Обожжённая рука дрожала. Бок был рассечён. На бедре быстро росла тёмная гематома.

Но я был жив.

Пока.

Я нашёл нож, вернулся к контейнеру и вытащил то, что не успело раствориться. Мягкая фляга уцелела, потому что оставалась на мне. В контейнере сохранились мультитул, термоплёнка и один перевязочный пакет. Брикеты превратились в едкую кашу. Фильтр был уничтожен. Коагулянт ушёл в реакцию.

Я промыл ожог несколькими драгоценными глотками воды. Стиснул зубы, снял расплавленную ткань и закрыл руку повязкой. Рану на боку стянул полосой термоплёнки и фиксирующим пластырем.

Карабин поднять удалось только за ремень. Ствол был выгнут, затвор превратился в чёрную массу. Я вынул магазин и оставил патроны. Само оружие стало бесполезным куском металла.

Я положил его рядом с капсулой.

Тварь начала растворяться.

Кислота вытекала из повреждённых мешков, разъедала её

собственную плоть и мох под телом. Через несколько минут серый панцирь потемнел, мягкие ткани превратились в дымящуюся слизь. Я попытался отделить неповреждённый участок ножом, но материал рассыпался.

От добычи не осталось ни мяса, ни воды, ни ткани, которую я мог бы унести с собой, — только едкий запах, от которого слезились глаза.

Я отошёл к корням и сел, прижав повреждённую руку к груди. Нужно было уходить. Выстрелы могли привлечь других хищников. Полная темнота приближалась, хотя определить местное время я не мог.

Я снова включил связь на минимальной мощности.

— Савин. Кто слышит — ответьте.

Сначала ничего.

Потом в шуме возник голос Орловой, такой слабый, что я едва разобрал слова:

— ...не включать... они видят... сигнал...

— Орлова, координаты!

— ...север... корабль...

Треск поглотил остальное.

Я записал направление и выключил передатчик.

У меня появилась цель. Северо-восток. Найти высоту, проверить след крови, обнаружить людей и понять, кто видит наши сигналы.

Я поднялся.

Левая нога выдержала, хотя бедро горело. На первый шаг

ушло больше сил, чем хотелось признать.

Тогда я заметил белые нити.

Они выходили из мха возле капли моей крови. Тонкие, почти прозрачные, они медленно ложились на землю и поворачивались в сторону повязки на обожжённой руке.

Я отступил.

Нити ускорились.

Из-под корня поднялся красноватый стебель, покрытый мелкими влажными буграми. На его конце раскрылась мясистая чашка с тонкими иглами внутри.

Я поднял нож.

Кислотный хищник был мёртв. Карабин уничтожен. Воды осталось меньше половины фляги. За спиной лежала разбитая капсула, впереди — чужой лес, в котором что-то уже научилось искать человеческие сигналы.

Белая нить коснулась края моей повязки.

И прожгла ткань.

Глава 2 — Корни

Белая нить коснулась края повязки.

Ткань потемнела и зашипела. Не так, как под кислотой хищника: здесь не было дыма и мгновенно расползающейся дыры. Волокно выделяло прозрачную влагу, которая медленно размягчала пластырь, раздвигала волокна и прокладывала себе путь к крови.

Я рубанул ножом.

Нить лопнула с влажным щелчком. На лезвие брызнул бесцветный сок, густой, как яичный белок. Запах ударил сразу — сладкий, перебродивший, с примесью сырого мяса.

Остальные волокна замерли.

Их было больше, чем я заметил сначала. Они лежали на мху тонкой белой сетью, тянулись из-под корней, обвивали нижнюю часть капсулы и уже добрались до следов крови возле мёртвого кислотного хищника. Там, где сок касался бурых пятен, мох сворачивался и становился прозрачным.

Растение не бросалось вслепую. Оно находило питание.

Я отступил, перенося вес на правую ногу. Левое бедро отзывалось тупым жаром, колено плохо сгибалось. Правое плечо не позволяло поднять руку выше груди, а обожжённое предплечье пульсировало под размокшей повязкой.

Лучшего времени для знакомства с местной ботаникой планета выбрать не могла.

Нити поползли.

Я подхватил флягу, мультитул и остаток термоплёнки. Повреждённый контейнер оставался возле капсулы; тащить его одной рукой было неудобно, но бросать патроны и инструменты я не собирался. Я продел ремень через уцелевшую петлю и перекинул его на здоровое плечо.

Белое волокно обвило носок сапога.

Я дёрнул ногой. Нить натянулась и не порвалась. Тогда я прижал её подошвой к металлическому обломку и перерезал. Из среза выступил сок. Оставшаяся часть тут же втянулась под мох.

Слишком быстро для обычной лианы. И всё же в её движениях не было ничего, кроме слепой реакции на тепло, кровь и повреждение: ни поискового взгляда, ни попытки обойти меня, ни поведения, которое требовало бы разума.

Из-под корня поднялся красноватый стебель толщиной с запястье. Он не рос на глазах — просто распрямился, прежде лежавший в складке грунта. Поверхность покрывали мелкие влажные бугры. На конце раскрылась мясистая чашка без лепестков. Внутри блестели десятки полых игл.

Я шагнул в сторону.

Чашка повернулась за кровью на повязке.

Рабочее название пришло само.

Кроволист.

Глупо было давать имя тому, что собиралось меня переварить, но неназванная угроза всегда казалась больше. С на-

званием она становилась объектом. Объекты можно изучать и уничтожать.

Я бросил окровавленный кусок ткани к основанию соседнего дерева.

Чашка резко склонилась туда. Нити, лежавшие между мной и лесом, тоже изменили направление, потянулись к приманке.

Проход открылся.

Я пошёл, стараясь не хромать сильнее обычного. Первые пять шагов дались. На шестом мох под правой ногой просел.

Из земли выстрелила петля.

Она захлестнула голень поверх сапога и дёрнула назад. Я упал на колено. Боль ударила в повреждённое бедро, контейнер сорвался с плеча и проехал по мху.

Ещё две петли легли на пояс.

Я развернулся и перерезал ближайшую. Вторая сжалась вокруг бедра, вдавливая ткань в гематому. Третья скользнула по спине, нашла рассечение на боку и остановилась у края термоплёнки.

Я ударил ножом вслепую.

Лезвие прошло мимо. Волокно протиснулось под плёнку.

Холодный кончик коснулся открытой раны.

Я рванулся так, что в рёбрах что-то хрустнуло. Нить вышла вместе с кровью, но успела оставить после себя жгучий след. Я перерезал её и пополз к корню, используя нож как крюк.

Кроволист не преследовал меня одной лозой. Вся площадка вокруг капсулы оказалась его ловушкой. Мох скрывал переплетённые каналы и полые корешки. Они реагировали на давление и запах, поднимались там, куда я ставил ногу, и пытались прижать добычу к земле.

Я дошёл до толстого чёрного корня, подтянулся и вскарабкался на него.

Белые нити не остановились. Они полезли по ребристой поверхности следом.

Высота не спасала.

Я посмотрел на капсулу. Её смятый корпус стоял в чаше корней, вокруг которой сгущалась белая сеть. Если растение росло из одного центра, мне нужно было найти его и перерубить. Если центров было несколько, я зря тратил время.

Чашка кроволиста всё ещё склонилась над брошенной повязкой. Стебель уходил под мох рядом с капсулой.

Я вытащил из кармана патрон.

Без карабина он был почти бесполезен. Но внутри оставался порох, а в капсюле — энергия. Я зажал патрон мультитулом, вытащил пулю и высыпал порох на полоску термоплёнки. Получилось мало. Для пожара недостаточно. Для вспышки — возможно.

План требовал вернуться туда, откуда я только что вырвался.

Разумные решения сегодня закончились раньше воды.

Я обмотал плёнку вокруг сухой волокнистой оболочки,

найденной на корне, добавил несколько нитей сигнальной ленты и закрепил свёрток на металлической пластине. Мультитул мог дать искру от повреждённого аккумулятора, если замкнуть контакты.

Оставалось добраться до стебля.

Я спустил контейнер с корня на ремне, оставил его висеть над землёй и пошёл обратно налегке. Белые нити уже поднялись навстречу. Я резал только те, что касались ног, и не останавливался. Чем больше я рубил, тем сильнее вокруг пахло сладким соком.

Стебель повернулся ко мне.

Иглы внутри чашки раскрылись веером.

Я бросил в сторону флягу.

Кроволист не отреагировал.

Значит, не звук. Не движение. Только биологический след.

Я провёл ножом по собственной ладони.

Неглубоко. Кожа и без того была разодрана после ручного привода. Выступившая кровь мгновенно изменила всё.

Чашка дёрнулась. Нити поползли ко мне со всех сторон.

Я отступил к капсуле, оставляя красные капли. Когда стебель вытянулся над мхом, я бросил под него свёрток и замкнул контакты мультитула.

Вспышка получилась яркой и короткой.

Порох хлопнул. Сухая оболочка загорелась. Огонь лизнул стебель.

Кроволист резко согнулся. Чашка закрылась. Из мха одновременно поднялись десятки нитей и хлестнули по металлу, земле, моим ногам.

Я ожидал, что огонь заставит растение отступить.

Вместо этого вся скрытая сеть пришла в движение.

Петля захватила запястье с ножом. Другая обвила шею. Я успел просунуть пальцы под волокно, прежде чем оно сдавило горло, но рука оказалась прижата к подбородку. Нить на запястье потянула нож вниз.

Я удержал рукоять.

Стебель горел плохо. Его влажная поверхность только чернела и выделяла густой пар. Огонь угасал.

Ошибка.

Я ударил пяткой по металлической пластине. Она перевернулась, прижав горящий свёрток к основанию стебля. Кроволист сжался, и петля на шее затянулась сильнее.

Перед глазами поплыли тёмные пятна.

Я перестал тянуться к ножу и схватил волокно обеими руками. Повреждённое плечо сразу отказало. Силы одной руки не хватало.

Тогда я упал назад с корня.

Вес тела рванул петлю. Она не порвалась, но соскользнула с влажного воротника на подбородок. Я вдохнул.

Нож выпал в мох.

Нити потащили меня к стеблю.

Я упёрся сапогами в корпус капсулы. Подошвы заскользи-

ли. Белые волокна обвили голень, пояс, грудь. Одно попало под край повязки на левом предплечье.

Холод коснулся ожога.

Нить вошла в ткань без сопротивления.

Не проколола. Раздвинула размягчённую кислотой кожу и скользнула внутрь.

Я закричал.

В предплечье что-то двигалось. Тонкое, холодное, невероятно быстрое. Оно прошло вдоль сосудов к локтю и разветвилось. Кожа над ним поднялась тёмной дорожкой.

Интерфейс вспыхнул перед глазами.

[СИСТЕМА] Инородная биологическая структура.

[СИСТЕМА] Глубокое сосудистое внедрение.

[СИСТЕМА] Аварийное отторжение начато.

Жар ударил изнутри.

Наниты подняли температуру в повреждённой руке. Мышцы свело. По венам будто пустили кипящую соль. Волокно под кожей задёргалось и замерло, но не разрушилось.

Кроволист потянул сильнее.

Ещё одна нить вошла в рассечение на боку.

От боли я потерял опору. Спина ударилась о металл. Воздух вышел из лёгких. Волокно проскользнуло между мышцами и двинулось под рёбрами.

Паника требовала рвать их из себя.

Я схватил нить у раны и потянул.

Она вышла на несколько сантиметров вместе с тёмной

кровью. Боль стала такой, будто из тела вытаскивали нерв. Волокно оборвалось. Оставшаяся часть мгновенно ушла глубже.

Перед глазами появилась новая строка.

[СИСТЕМА] Отторжение неэффективно.

[СИСТЕМА] Повреждение сосудов: нарастает.

Я перестал дёргать.

Сначала убить источник. Потом решать, что делать с тем, что уже внутри.

Нож лежал в двух метрах, почти скрытый мхом. Правая рука была свободна, но до оружия не дотянуться. Мультитул всё ещё висел на страховочном шнуре у пояса.

Я раскрыл его одной рукой и выдвинул короткое режущее лезвие.

Нить на груди сдавила сильнее. Игольчатая чашка кроволиста опустилась ко мне. Из игл выступили прозрачные капли.

Я ударил мультитулом по ближайшему волокну. Короткое лезвие не перерезало его с первого раза. Пришлось пилить. Нить лопнула, хлестнула по лицу и рассекла щёку.

Освободив правую руку, я перерезал петлю на поясе, затем на голени.

Стебель был в полутора метрах. Обугленное основание стало мягче.

Я подтянулся на локте и вогнал мультитул в чёрную ткань.

Из разреза хлынул густой красный сок.

Кроволист дёрнулся. Нити вокруг меня сжались одновременно. Волокно внутри предплечья тоже натянулось, словно его внешняя часть оставалась связана со стеблем.

Я провернул мультитул.

Стебель раскрылся вдоль волокон. Внутри не было древесины — только влажные белые тяжи и несколько полых каналов, по которым пульсировал тёплый сок.

Я резал снизу вверх, используя весь вес тела. Мультитул застревал. Пальцы скользили по крови.

Чашка ударила меня в плечо. Иглы прокололи ткань у ключицы, но не успели войти глубже. Я оттолкнул её локтем и продолжил резать.

Стебель лопнул.

Верхняя часть упала на мох. Чашка закрылась. Белые нити заметались ещё несколько секунд, потом ослабли и легли на землю.

Тишина вернулась резко.

Я лежал, не двигаясь, и слушал дождь.

Внутри левой руки продолжало что-то шевелиться.

В боку — тоже.

Я поднялся на колени. Окружающая сеть не двигалась. Возможно, я уничтожил основной питающий узел. Возможно, только один из них.

Нужно было уходить.

Я поднял нож, подтянул контейнер и сделал шаг.

Левая нога не выдержала. Я упал.

Не из-за колена.

Жар распространился от предплечья в грудь. Вены под кожей потемнели. Сердце ускорилось. В висках застучало.

[СИСТЕМА] Иммунное отторжение продолжается.

[СИСТЕМА] Чужеродная ткань интегрирована в повреждённые сосуды.

[СИСТЕМА] Прогноз выживания при полном удалении: низкий.

[СИСТЕМА] Ресурсы восстановления: критически недостаточны.

Я прислонился к капсуле.

Удалить волокна хирургически было невозможно. Они уже разветвились, использовали мои раны как вход и уходили глубже, чем позволяли нож и знания полевой медицины. Наниты пытались уничтожить их, одновременно заделывая повреждённые сосуды. Чем сильнее они жгли чужую ткань, тем сильнее кровоточили мои собственные раны.

На ладони выступили красные точки.

Я вытер их о штаны. Кровь появилась снова, уже между линиями кожи.

Интерфейс мигнул.

[СИСТЕМА] Кровопотеря: опасная.

[СИСТЕМА] Возможный аварийный сценарий: структурная интеграция.

[СИСТЕМА] Риск необратимых изменений: высокий.

— Отказать.

Сообщение исчезло.

Я знал устройство комплекса. Он выполнял команды носителя, пока носитель оставался в состоянии их отдавать и пока запрет не вёл к немедленной смерти. В госпиталях аварийная интеграция означала использование любых совместимых материалов: синтетических сосудов, временных мембран, донорских тканей.

Но здесь донором было растение, которое минуту назад пыталось выпить меня через иглы.

Я затянул повязку на предплечье сильнее, прижал термоплёнку к боку и попробовал встать.

Получилось.

Я сделал три шага.

На четвёртом кровь потекла из носа.

На пятом ноги подкосились.

Я упал в углубление между корнями. Там стояла вода — тёмная, пахнущая железом и гнилью. Глубина была по щиколотку, но дно уходило вниз впереди. Дождь и сток с деревьев быстро наполняли низину.

Я попытался выбраться на склон. Мох оторвался под пальцами. Под ним лежала гладкая чёрная кора, покрытая слизью.

Жар перешёл в озноб.

Зубы застучали. Пальцы перестали слушаться.

[СИСТЕМА] Потеря сознания вероятна.

[СИСТЕМА] Полное отторжение приведёт к критическо-

му повреждению сосудов.

[СИСТЕМА] Аварийная интеграция доступна.

Я снова приказал отказать.

Комплекс подтвердил.

Я дополз до выступа корня и обмотал вокруг него ремень контейнера. Если отключусь, хотя бы не сползу в воду.

Дождь усилился. Поток между корнями поднялся до середины голени.

Где-то справа раздался тяжёлый треск.

Не ветка. Шаг.

Затем второй.

Земля под ладонью дрогнула.

Я выключил подсветку интерфейса и замер. Между стволами двигалось что-то большое. Я видел только части силуэта: массивную спину выше человеческого роста, четыре длинные опоры, серые складки кожи. Существо шло медленно, раздвигая подлесок грудью. На его голове или плечах поднимались ветвистые костяные пластины.

Оно остановилось возле останков кислотного хищника.

Воздух наполнился низким гулом. Не рёвом — вибрацией, от которой вода пошла кругами.

Большая тварь наклонилась. Из-под её корпуса вытянулся длинный гибкий отросток и коснулся дымящейся слизи.

Мне не нужно было знать, хищник это или падальщик. В моём состоянии разницы не было.

Я медленно подтянул ноги, стараясь не плеснуть водой.

Ремень на корне скрипнул.

Существо подняло голову.

Костяные пластины повернулись в мою сторону.

Я задержал дыхание.

Вода поднялась до колен.

Большая тварь сделала шаг.

Корень рядом со мной треснул под её весом. Между нами оставалось около двадцати метров и плотная стена растений, которая для существа не представляла препятствия.

Я попытался отползти глубже в расщелину. Левая ладонь соскользнула по коре.

Кожа на ней раскрылась.

Не порезалась снаружи. Разошлась изнутри по центральной линии.

Я увидел красную щель и белое волокно под ней.

Боль пришла через долю секунды.

Ладонь будто раздвинули металлическим клином. Волокно пробило кожу, вытянулось на несколько сантиметров и упало в воду. Следом раскрылась правая ладонь.

Я закусил рукав, чтобы не закричать.

[СИСТЕМА] Аварийная интеграция инициирована.

[СИСТЕМА] Приоритет: сохранение кровообращения и объёма жидкости.

— Я отказал...

Голос не получился. Только хрип.

Комплекс не отвечал словами. Он исполнял протокол, по-

тому что мои показатели пересекли границу, после которой отказ перестал считаться жизнеспособной командой.

Жар вернулся.

Чужеродные волокна внутри рук начали разрастаться, но теперь не хаотично. Наниты разрушали часть ткани и направляли оставшуюся вдоль сосудов. Я чувствовал это как медленное выворачивание мышц. Каждый новый канал прокладывался через живое мясо.

Белые нити из ладоней удлинились.

Они не двигались сами. Просто лежали в воде, дёргаясь вместе с судорогами моих пальцев.

Большое существо подошло ближе.

Я увидел его между листьями. Передняя часть тела была закрыта серыми пластинами, похожими на наложенные друг на друга камни. Глаз не было видно. Из-под головы свисали тонкие чувствительные усики, которые касались земли.

Оно искало источник звука или запаха.

Вода уже доходила мне до бёдер. Поток становился сильнее.

Я попытался напрячь ладонь.

Ничего.

Белое волокно лишь дрогнуло.

Боль в груди усилилась. Нить, проникшая через бок, разветвлялась под рёбрами. Я чувствовал каждое новое ответвление как горячий надрез.

Существо остановилось у края углубления.

Один усик коснулся воды.

Я снова напряг правую ладонь, представляя простое движение: сжать пальцы, подтянуть к себе.

Волокно сократилось на несколько сантиметров.

Это было не чужое движение. Сигнал пришёл из моей нервной системы, такой же осознанный, как команда согнуть палец.

Я повторил.

Нить втянулась в ладонь.

Боль при обычном сокращении не усилилась. Она шла от продолжающейся перестройки, не от самого движения.

Я выпустил волокно снова и направил к корню над головой. Контролировать конец было трудно. Он падал, скользил по мокрой коре. С третьей попытки зацепился за глубокую борозду.

Я потянул.

Тонкая нить выдержала часть веса.

Большая тварь шагнула в воду.

Глубина скрыла её переднюю конечность до сустава. По поверхности прошла волна и ударила мне в грудь.

Я выпустил второе волокно из левой ладони. Оно легло на другой выступ. Управление было хуже: ожог и продолжающаяся перестройка мешали чувствовать направление.

Я подтянулся обеими руками и ремнём.

Правое плечо прострелило. Рёбра сжались. Левая нога волочилась.

Но я поднялся на полметра.

Существо наклонило голову. Усики потянулись к месту, где я только что лежал.

Ещё рывок.

Корень под правой нитью размок и раскрошился. Волокно сорвалось. Я ударился боком о склон, и свежая боль прошла под рёбрами.

Большая тварь дёрнулась на звук.

Мне оставался один шанс.

Я направил правое волокно не к коре, а к рассечённому стеблю кроволиста, зажатому между корнями. Конец коснулся влажной ткани.

Ладонь почувствовала это.

Не запах и не вкус. Давление, температуру и влажность — слабые сигналы, пришедшие по новому нервному каналу.

Я сжал пальцы.

Волокно вошло в срез.

В руку хлынула холодная жидкость.

Не поток, способный наполнить тело. Несколько глотков, растворённых в горьком растительном соке. Но пересохшее горло отозвалось мгновенно. Сердце ударило сильнее.

Вместе с влагой пришло другое ощущение.

Голод.

Не обычный спазм пустого желудка. Он возник в ладонях, прошёл по предплечьям и сжался под рёбрами. Организм распознал свежую ткань как ресурс и потребовал про-

должения.

Отвращение едва не заставило меня разорвать контакт.

Большая тварь подняла голову.

Я втянул волокно, перехватил корень выше и потянулся вверх. Воды и сил хватило на один рывок. Я перевалился через выступ в узкую щель между двумя чёрными корнями.

Существо ударило усиками по склону. Один прошёл в нескольких сантиметрах от сапога.

Я замер.

Тварь не могла просунуть массивную голову в щель. Она несколько раз провела усиками по коре, издала низкий гул и осталась ждать.

Перестройка продолжалась.

Я лежал в темноте, прижав ладони к груди. Кожа на них раскрывалась шире. Белые волокна втягивались и снова выходили во время судорог. Под запястьями проступили тонкие тёмные жилы.

В какой-то момент я перестал различать отдельные волны боли.

Было только тело, которое переделывало себя без моего согласия, вода под щелью и огромное существо снаружи.

Я потерял сознание.

Очнулся от холода.

Дождь закончился. Вода в низине спадала. Серый свет между кронами стал темнее — приближалась ночь.

Большой твари не было. На склоне остались глубокие сле-

ды, наполненные водой, и несколько сломанных костяных чешуек размером с ладонь.

Я лежал в той же щели. Ремень контейнера по-прежнему был обмотан вокруг корня. Нож находился в ножнах. Мультитул висел на страховочном шнуре.

Я начал с дыхания: больно, но ровно. Левая нога слушалась плохо, однако чувствительность сохранилась; правое плечо лучше не стало. Ожог на предплечье покрылся тёмной коркой, а рана на боку перестала активно кровоточить, хотя края всё ещё расходились.

Ладони изменились.

Посередине каждой тянулся неровный тёмно-красный рубец длиной почти с палец. Кожа вокруг опухла. Под ней ощущался новый канал — не предмет и не паразит, а часть тела, к которой нервная система уже успела подобрать управление.

Я медленно разжал правую ладонь и напряг мышцу, которой вчера у меня не было.

Из рубца вышло белёсое волокно.

Длиной около двадцати сантиметров. Тоньше шнурка. Поверхность покрывали микроскопические тёмные ворсинки.

Я коснулся им коры.

Ощутил холод, шероховатость и влагу.

Никакой новой боли.

Только необычное касание, как если бы у меня появился очень тонкий шестой палец.

Я втянул волокно. Рубец сомкнулся вокруг него.

Повторил левой рукой. Управление было медленнее, но работало.

[СИСТЕМА] Аварийная интеграция завершена.

[СИСТЕМА] Сформированы ограниченные проводящие каналы.

[СИСТЕМА] Доступные функции: контактный захват; поглощение доступной влаги и свежей растительной ткани.

[СИСТЕМА] Совместимость: нестабильная.

[СИСТЕМА] Потребность в ресурсах: критическая.

Я смотрел на сообщение, пока оно не исчезло.

Комплекс сделал единственное, на что у него оставался материал: перестроил уже внедрившуюся в сосуды ткань кроволиста в заплату, насос и новый орган. Судя по тому, сколько крови я потерял, второй вариант был намного короче — просто не пережить ночь.

От понимания легче не стало.

Я выбрался из щели.

На площадке вокруг капсулы лежали мёртвые нити. Некоторые ещё сохраняли влагу. Рассечённый стебель кроволиста потемнел, но внутри оставалась свежая красная ткань.

Горло пересохло. Во фляге было меньше трети литра. Я мог выпить её сейчас и остаться без воды утром.

Или проверить, что именно со мной сделали.

Я сел рядом со стеблем, положил нож на колено и выпустил волокно из правой ладони. Коснулся среза. Чувство бы-

ло яснее, чем ночью: холодная влажная плоть, слабое внутреннее давление, сеть полых каналов.

Я напряг ладонь.

Корневое волокно вошло глубже.

Влага начала переходить в руку.

Медленно. Не чистая вода. Вместе с ней шли сахара, соли и горькие соединения, от которых язык свело металлическим вкусом, хотя рот не касался растения.

Я прекратил через несколько секунд.

Стебель возле контакта сморщился. Жажда уменьшилась, но не исчезла. Желудок свело.

Голод усилился.

Организм хотел не только влагу. Он распознал растительную ткань как доступный материал. В ладонях возникло тянущее ощущение, побуждающее снова открыть канал.

Я втянул волокно.

— Нет.

Слово прозвучало хрипло.

Тянущее чувство в ладонях отступило неохотно, почти так же, как спазм пустого желудка, когда отворачиваешься от еды. Теперь тело умело добираться до пищи способом, от одной мысли о котором меня мутило, и это ощущалось слишком естественно для такой мерзости.

Я осмотрел остатки растения внимательнее. В основании стебля обнаружились плотные мешки, наполненные прозрачной жидкостью. Один я проколол ножом и собрал содер-

жимое в углубление металлической пластины. Интерфейс определил высокую концентрацию неизвестных сахаров и несколько потенциально токсичных соединений.

Пить напрямую нельзя.

Через новый канал организм отбирал часть влаги, но не очищал её полностью. После короткого поглощения во рту появилась горечь, а под рёбрами — лёгкая тошнота.

Польза оказалась вполне реальной, но с неприятной границей: свежая ткань могла отдать мне несколько глотков влаги, а вместе с ними — столько же неизвестной химии. Стоило потерять меру, и жажду я рисковал заменить отравлением.

Солнце — или местный свет, пробивавшийся сквозь облака, — быстро уходило. Оставаться возле капсулы было опасно. Выстрелы, кровь, мёртвый хищник и разрезанный кроволист уже привлекли крупное существо. Следующим могло прийти то, что пролезет между корнями.

Я собрал то немногое, что ещё мог унести: нож, мультитул, флягу, магазин с патронами, пока бесполезными без оружия, и остаток термоплёнки. Повреждённый контейнер разобрал на ремень, две металлические пластины и уцелевшую застёжку, а сам корпус бросил.

Перед уходом я подошёл к месту, где находил человеческую кровь.

Дождь почти смыл след. Но на чёрной коре сохранилась царапина от металлической подошвы и тонкая полоса син-

тетической ткани.

Кто-то двигался на северо-восток.

Я выпустил короткое волокно из правой ладони и коснулся влажной коры. В ответ пришли только вода, температура и шероховатость поверхности. След человека от этого яснее не стал, и, пожалуй, одной неожиданностью за ночь мне уже хватало.

Я сделал первый шаг.

Левая нога держала хуже, чем до ночи. После интеграции тело потратило остатки ресурсов. В мышцах стояла пустая дрожь. На подъёме пришлось цепляться новым волокном за кору и разгружать колено.

Обычное использование не болело.

Это пугало сильнее, чем боль.

К вечеру я ушёл от капсулы меньше чем на километр. В нормальном состоянии такое расстояние не считалось бы движением. Сейчас каждый десяток шагов был решением не ложиться.

Я нашёл сухую полость под нависающим корнем. Вход был узким, внутри пахло пылью и старой смолой. Следов крупных существ не было. Я натянул остаток термоплёнки, закрыл проход ветвями и сел, прислонившись к коре.

Из фляги выпил один маленький глоток.

Потом достал кусок красной ткани кроволиста, который всё-таки взял с собой.

Я долго смотрел на него. В этой красной мякоти остава-

лись влага и сахара, вместе с ними — неизвестные токсины, но другой доступной пищи поблизости всё равно не было.

Я выпустил волокно из ладони и коснулся среза.

Голод отозвался мгновенно.

На этот раз я сознательно позволил каналу втянуть немного жидкости. Остановился, когда горечь во рту стала сильнее.

Кусок ткани сморщился.

Под кожей предплечья проступили тёмные жилы.

Я убрал остаток в металлическую пластину и завернул термоплёнкой.

Снаружи лес оживал с наступлением темноты. Где-то высоко раздавались короткие щелчки. Между корнями проходила тяжёлая вибрация. Вдалеке несколько раз вспыхнул зелёный свет.

Я положил нож на колени и посмотрел на ладони.

Утром они были человеческими, только разодранными и обожжёнными.

Теперь в каждой скрывался новый орган.

Я всё ещё был Артёмом Савиным. Помнил корабль, людей, Руденко у ручного привода и голос Орловой в помехах. У меня оставалась цель — найти выживших и добраться до «Альтаира».

Но тело уже приняло первое решение, которого человек принимать не должен был.

Чтобы не умереть, оно научилось есть живое.

И голод не собирался ждать, пока я с этим смирюсь.

Глава 3 — Кровь

Жажда разбудила меня раньше леса.

Я открыл глаза и несколько секунд не понимал, почему не могу сглотнуть. Язык прилип к нёбу, губы растрескались, а горло превратилось в сухую трубку, по которой каждый вдох проходил с царапающим свистом. Тело требовало воды так настойчиво, будто все остальные повреждения временно перестали существовать.

Потом я пошевелился, и они напомнили о себе разом.

Правое плечо не хотело подниматься. Рёбра отозвались тупой болью. Левая нога затекла в неудобном положении и при попытке выпрямить колено вздрогнула мелкой судорогой. Ладони горели под свежими рубцами, но это была обычная боль повреждённой кожи, не вчерашнее ощущение раздвигаемого изнутри мяса.

Снаружи ещё держался сумрак. Через ветви пробивался серо-фиолетовый свет, слишком холодный для утра. Ночью дождя не было, зато воздух стал плотнее и теплее. Под корнем пахло старой смолой, влажной землёй и кусочком кроволиста, завёрнутым в металл у моих ног.

Запах свежей ткани отозвался голодом в ладонях.

Я сжал пальцы.

Тёмно-красные рубцы остались закрытыми. Я разжал пальцы, снова сжал — и только тогда почувствовал, как под

кожей готовятся к движению новые каналы. Голод отзывался там же, в ладонях, но по сути ничем не отличался от пустоты в желудке: неприятный, настойчивый и целиком телесный.

Во фляге плеснулось совсем немного.

Я позволил себе один глоток. Вода была тёплой, пахла пластиком и казалась лучшим, что я пробовал за всю жизнь. Хотелось запрокинуть голову и выпить остальное, но после этого у меня осталось бы несколько часов до обезвоживания и ни одного решения.

Я закрутил крышку.

— Поздравляю, — сказал я хрипло. — Сила воли пока функционирует.

Лес не оценил.

Где-то далеко ответил низкий удар. Через несколько секунд другой пришёл с противоположной стороны. Звук напоминал стук по пустой металлической ёмкости, хотя никакого металла вокруг быть не должно. Между ударами по кронам прокатывался шелест, и в нём постепенно просыпались короткие щелчки мелких существ.

Я выбрался из укрытия.

За ночь мышцы успели остыть и задубеть. Первые шаги дались хуже вчерашних. Приходилось ставить левую ногу почти прямой, не сгибая колена, а правой рукой придерживать повреждённое плечо при каждом спуске.

Я проверил корневые каналы.

Выпустил волокно из правой ладони на длину пальца, кос-

нулся влажной коры. Пришло слабое ощущение холода и шероховатости. Я удлинил его примерно до двадцати сантиметров и попытался обвить тонкий выступ. Конец слушался с задержкой, словно я управлял пальцем через толстую перчатку. После трёх попыток волокно легло правильно и сжалось.

Я потянул.

Оно выдержало часть веса, но не больше. Стоило нагрузить сильнее, как рубец в ладони неприятно натянулся. Я сразу отпустил. Новый орган был полезным, но превращать тонкую биологическую нить в страховочный трос значило снова разорвать ещё не зажившие ткани.

Левый канал работал хуже: волокно выходило короче, дрожало и плохо держало направление из-за ожога на предплечье. В лучшем случае я получил две дополнительные короткие опоры, способные чувствовать влагу и цепляться за неровности. Иногда этого хватило бы, чтобы не упасть, но нож, ремень и здравый смысл от этого лишними не становились.

Я достал кусок кроволиста.

Ткань за ночь потемнела по краям, но внутри оставалась влажной. Прямой контакт с правым каналом вызвал мгновенный отклик: холод, сок, доступный материал. Я позволил волокну войти на несколько миллиметров и втянул совсем немного.

Во рту появилась знакомая горечь. Желудок свело, по ко-

же прошёл жар.

Я прекратил.

[СИСТЕМА] Неизвестные соединения в кровотоке.

[СИСТЕМА] Токсическая нагрузка: умеренная.

Очень хорошо. Растительная пища пыталась отравить меня медленнее, чем отсутствие пищи.

Я завернул остаток обратно и двинулся на северо-восток.

Человеческий след находился не в земле. Дождь уничтожил отпечатки, кровь почти смыло, а мох восстанавливался после повреждения быстрее, чем привычная трава. Приходилось искать другое: надломленные стебли на высоте человеческого колена, царапины синтетических подошв на гладкой коре, волокна ткани, которые не могли вырасти в лесу.

Через двести метров я нашёл тонкую серебристую нить на колючем кусте.

Материал был от термопокрытия медицинского комбинезона. Я помнил его по «Альтаиру»: лёгкая ткань, отражающая тепло, с вплетёнными проводниками мониторинга. Нить блестела чисто, без плесени. Значит, человек прошёл здесь недавно — вероятно, после падения.

Я снял её и убрал в карман.

След уходил вниз.

Лес менялся постепенно. Громадные чёрные корни становились ниже, стволы стояли дальше друг от друга. Между ними появлялись широкие поля серого мха, покрытые мелкими красными чашечками. Воздух тяжелел. К запаху влаж-

ной древесины примешивалась гниль и металлическая сырость.

Где-то впереди была вода. Корни тут ни при чём: я слышал редкие всплески, видел испарину на нижней стороне листьев и замечал, как почва под сапогами становится мягче.

Человеческий след тоже шёл туда.

На одном из стволов осталась ладонь, отпечатанная засохшей кровью. Пальцы скользнули вниз, оставив пять тёмных полос. Я приложил свою руку рядом. Размер совпадал со взрослым человеком. След обрывался у края серого мха.

Я огляделся.

Ни тела. Ни снаряжения. Ни новых отпечатков.

Возможно, раненый свернул. Возможно, его унесли. Возможно, то, что оставило ладонь, уже перестало быть человеком.

Я выключил эту мысль и занялся тем, что мог проверить.

Низина впереди выглядела как обычная поляна. Серый мох лежал ровно, без блеска открытой воды. По нему росли тонкие чёрные стебли с голубыми мешочками на концах. В нескольких местах торчали широкие корни, достаточно крепкие для опоры.

Запах выдавал болото, но поверхность казалась плотной.

Я вырезал длинную ветвь и стал проверять путь. Конец уходил в мох на несколько сантиметров, затем упирался в сопротивление. Я перенёс на ветвь часть веса. Поверхность пружинила, но держала.

Первый шаг.

Мох прогнулся и вернулся на место.

Второй.

То же самое.

Я не спешил. Каждый участок проверял дважды: сначала вертикальным нажимом, потом боковым, чтобы обнаружить пустоту под коркой. Ветка не проваливалась.

Человеческий след продолжался. На голубом мешочке висел клочок серой ткани. Чуть дальше один из чёрных стеблей был срублен ровным движением лезвия.

Кто-то прошёл здесь.

Я поставил левую ногу на проверенное место.

Поверхность выдержала.

Перенёс вес.

Мох разошёлся без звука.

Я ушёл вниз до пояса, не успев даже выругаться. Холодная жижа сомкнулась вокруг тела. Левая нога проскользнула глубже и застряла между чем-то твёрдым. Ветка выпала из руки. Я попытался опереться правой ногой, но под ней не было дна.

Сверху мох начал закрываться.

Я вцепился в край обеими руками. Серый слой оказался не почвой, а живой плавучей плёнкой толщиной с ладонь: переплетение корней, листьев и полых камер. Она выдерживала распределённое давление ветки, но прорвалась под моим весом.

Мои тесты были правильными.

Вывод — нет.

Я подтянулся. Повреждённое плечо прострелило. Край плёнки оторвался целым пластом, и я снова опустился в чёрную воду.

Она доходила до груди.

Запах металла усилился. Не просто болотная гниль. Кровь.

Я почувствовал первое прикосновение к сапогу.

Что-то плоское скользнуло вверх по голени, обогнуло край разорванной ткани и исчезло под штаниной. Я ударил ладонью по ноге. Под пальцами дёрнулось мягкое тело.

Вытащил его наружу.

Существо было длиной с палец, широкое и плоское, с тёмной полупрозрачной кожей. Внутри виднелась сеть красных каналов. Передний край раскрывался белой складкой, похожей на круглый рот без челюстей.

Оно изогнулось и присосалось к перчатке.

Я срезал его ножом.

Тварь упала в воду, свернулась кольцом и поплыла обратно.

Вокруг меня расходились десятки маленьких кругов.

— Разумеется.

Первый укус на бедре я почувствовал как лёгкое давление. Потом кожу обожгло. Второй паразит вцепился в голень. Третий нашёл рану на боку под остатком термоплёнки.

Я провёл ножом вдоль бедра, подцепил плоское тело и оторвал. Вместе с ним вышел круглый кусок кожи. Кровь мгновенно окрасила воду.

Кругов стало больше.

Паразиты поднимались из ила лентами. Одни плыли, волнообразно изгибаясь. Другие цеплялись к нижней стороне моховой плёнки и ждали, пока добыча коснётся их спиной или руками. Они не бросались стаей. Просто заполняли пространство, где появилась кровь.

Кровососы.

Для этих плоских присосок название было достаточно точным.

Я попытался выдернуть левую ногу.

Ступня не двигалась. Что-то обхватило сапог у щиколотки — корень или узкая расщелина. Чем сильнее я тянул, тем глубже погружался.

Паразит присосался к шее.

Я схватил его пальцами. Тёмное тело уже разбухло и стало вдвое толще. Оно держалось так крепко, что отрывать пришлось ножом. Из круглой раны потекла кровь, слишком жидкая и яркая.

На укусе не образовывался сгусток.

Слюна мешала свёртыванию.

[СИСТЕМА] Множественные повреждения кожи.

[СИСТЕМА] Кровопотеря: нарастает.

— Спасибо. Без тебя я бы решил, что всё прекрасно.

Я убрал нож в зубы и выпустил правое корневое волокно. До ближайшего толстого корня на поверхности было около тридцати сантиметров — слишком далеко. Я потянулся, увеличивая длину до предела. Рубец в ладони натянулся, волокно дрожало.

Конец коснулся коры.

Я заставил его обвиться вокруг выступа и потянулся.

Нить выдержала несколько секунд.

Потом участок коры отслоился. Волокно сорвалось, хлестнуло по воде и ударилось о край моховой плёнки. В ладони вспыхнула боль: несколько свежих тканей внутри канала надорвались.

Я втянул его. Из рубца выступила кровь.

Паразит, сидевший под плёнкой, мгновенно вцепился в ладонь.

Я зажал крик и раздавил тварь рукоятью ножа.

Первая попытка закончилась новым ранением.

Я достал ремень, снятый с контейнера. На конце была металлическая застёжка. Я привязал к нему одну из пластин и бросил к корню, как импровизированный крюк.

Пластина перелетела нужное место и легла на мох.

Я подтянул ремень. Она зацепилась за чёрный стебель.

Ненадёжно, но лучше ничего.

Я обмотал ремень вокруг правого запястья и потянулся. Стебель согнулся, мох под ним поднялся. На мгновение тело вышло из воды выше пояса.

Левая нога осталась внизу.

Боль прошла от щиколотки до колена. Что-то держало сапог так крепко, словно его зажали в тисках.

Стебель лопнул.

Пластина исчезла под мхом. Ремень дёрнулся из руки и ушёл в чёрную воду. Я успел схватить свободный конец, но паразиты облепили предплечье. Пришлось отпустить, чтобы не потерять нож.

Вторая попытка стоила мне половины ремня и металлической пластины.

Дыхание участилось. Лес над головой начал покачиваться, хотя ветра не было. Пальцы становились холодными.

Кровь уходила из круглых ран на шее, руках, бедре, голени и боку. Паразиты не просто пили её. Их слюна превращала каждый укус в открытый кран.

Я прижал ладонь к ране на шее. Через несколько секунд она стала мокрой.

Наниты пытались компенсировать, но без воды и питательных веществ им нечем было строить новую кровь.

Вторая металлическая пластина оставалась у меня за поясом. Я вынул её и начал расширять отверстие в моховой плёнке перед собой. Если выбраться вверх нельзя, можно добраться до того, что держит ногу.

Пластина резала переплетённые корни хуже ножа, но позволяла отталкивать паразитов. Я прорубил узкий канал, наклонился и погрузил руку в воду.

Дна не было до плеча.

Пальцы нашли сапог. Вокруг щиколотки обвился толстый гибкий корень. Он не сжимался намеренно; нога просто проскользнула в петлю и заклинила её собственным весом.

Я попытался подрезать корень ножом.

Для этого пришлось нырнуть.

Вода была чёрной даже у поверхности. Под ней исчез свет, звуки стали глухими, а запах сменился вкусом железа и гнили. Я провёл рукой по голени, нашёл петлю и ударил ножом.

Лезвие отскочило.

Корень имел жёсткую внешнюю оболочку.

В грудь упёрлась нехватка воздуха. Я ударил снова, скользнул и порезал сапог.

Что-то присосалось к щеке.

Я вынырнул, кашляя и плюясь болотной водой. Паразит висел у уголка рта. Я сорвал его вместе с кожей.

Третья попытка ничего не изменила.

Я больше не мог делать вид, что выберусь силой.

Вокруг плавали раздувшиеся существа. Некоторые стали толщиной с большой палец, их полупрозрачные тела темнели от моей крови. Насытившись, они отваливались и опускались в воду. На их место приходили другие.

Я поймал одного.

Он извивался в ладони, белая ротовая складка открывалась и закрывалась. Я прижал тварь к металлической пластине и проткнул ножом за передним краем. Тело дёрнулось, но

осталось свежим.

Корневой рубец отозвался тянущим голодом.

До этого я касался только растения.

Сейчас в руке лежала животная плоть, наполненная моей кровью.

Я знал, что канал способен втягивать влагу и вещества из свежей ткани. Не знал, какие именно. Не знал, что сделают наниты с чужими белками. Не знал, останусь ли после этого человеком хотя бы настолько, чтобы продолжать задавать вопрос.

Зато знал другое: ещё несколько минут, и выбирать будет некому.

Я выпустил правое волокно.

Конец коснулся пробитого тела. Пришло ощущение тёплой жидкости под тонкой оболочкой. Я заставил волокно войти глубже.

Паразит начал сдуваться.

В ладонь хлынуло тепло, а вместе с ним пришло странное телесное ощущение состава: солоноватая жидкость, вода, плотный органический материал и металлический привкус железа. Часть этого была моей собственной кровью, украденной минуту назад, остальное принадлежало существу.

Горло свело от отвращения.

Я не остановился.

Тело паразита сморщилось до тонкой кожи. Жажда чуть

ослабла. Перед глазами перестали множиться тёмные пятна.

И сразу возник голод. Он прошёл от ладони по предплечью к груди, требуя продолжения, но стоило мне втянуть волокно, как напор ослаб. Значит, остановиться я всё ещё мог.

Я поймал второго паразита.

Прижал к пластине. Проколол. Поглотил.

Потом третьего.

Четвёртого.

Я работал как на бойне, стараясь не думать, что сижу по грудь в собственной разбавленной крови. Нож — в тело. Корневое волокно — в свежий разрез. Несколько секунд контакта. Сморщенную оболочку — в сторону.

Каждая тварь возвращала мне крошечную часть воды и сил. Недостаточно, чтобы восстановить потерянное. Достаточно, чтобы не отключиться.

Паразиты продолжали кусать, но теперь я использовал самых раздувшихся. Их было легче ловить. Они двигались медленнее и содержали больше жидкости.

Через некоторое время под правой ладонью начало жечь.

Не от повреждённого канала. Глубже.

По предплечью прокатилась горячая волна. Сердце сбилось, ударило два раза подряд, замерло и снова заработало.

[СИСТЕМА] Неизвестные биологические шаблоны.

[СИСТЕМА] Аварийная компенсация кровопотери.

[СИСТЕМА] Сосудистая перестройка инициирована.

— Нет.

Я втянул корневое волокно.

Но поглощённый материал уже находился внутри. Нани-ты не ждали разрешения на каждую химическую реакцию. Они получили набор белков, сигнальных молекул и механизмов, позволявших паразитам удерживать чужую кровь внутри собственного тела, не истекая после насыщения.

Комплекс подхватил эту биохимию как аварийный шаблон.

Через несколько секунд я почувствовал, как спасение начинает меня убивать.

Сначала раны стали чесаться.

Укус на шее стянулся плотным красным кольцом. Кровь, которая минуту назад текла непрерывно, загустела прямо на коже. То же произошло на предплечьях и бедре.

Это должно было помочь.

Вместо облегчения по сосудам пошла боль.

Не острая — давящая, распирающая. Будто кровь становилась тяжелее и проталкивалась через слишком узкие каналы. Под кожей правой руки проступили тёмные линии.

Пальцы свело.

Я заставил себя двигаться.

Нужно выбраться до того, как перестройка отнимет управление. Новая энергия давала несколько минут.

Я снова нырнул к сапогу. На этот раз не пытался перерезать толстый корень. Я рассёк сам сапог вдоль внешней стороны, от голени к подошве. Материал сопротивлялся, нож

скользил. Пришлось сделать три прохода.

Паразиты облепили затылок и спину.

Я продолжал резать.

Сапог раскрылся. Я выдернул ногу, оставив внутри наружный слой и часть шнуровки. Ступня вышла босой, в мокром внутреннем носке. Корень удерживал пустую оболочку.

Я вынырнул.

Мир потемнел по краям.

Правая кисть плохо сжималась. Нож едва не выпал. Я переложил его в левую руку, но ожог и слабое управление мешали держать рукоять.

Осталась моховая плёнка.

Я прорубил в ней ещё один разрез и просунул вторую металлическую пластину под толстое переплетение корней. Повернул поперёк, создавая опору. Затем обмотал оставшийся ремень вокруг пластины и своей груди.

Потянулся.

Плёнка прогнулась.

Пластина держала.

Я поднялся до живота. Паразиты висели на коже и одежде, тяжёлые от крови. Левая нога скользнула. Я снова ушёл вниз, ударившись подбородком о край.

Пластина не сорвалась.

Я отдохнул один вдох.

Второй.

Третий дался хуже: грудь сжало, перед глазами вспыхнули

искры.

Я напряг правую ладонь и выпустил волокно к ближайшему чёрному стеблю. Оно обвилось, но пальцы почти не чувствовали сокращения. Левое волокно зацепилось за край моховой плёнки.

Они не могли вытащить меня.

Но могли удержать равновесие.

Я потянул ремень, оттолкнулся босой левой ногой от корня в воде и перевалился грудью на серую поверхность.

Она начала рваться подо мной.

Я не вставал. Распределил вес, пополз, широко расставив локти и колени. Каждый рывок сдвигал живую плёнку. Под ней хлюпала чёрная вода.

Паразиты падали с одежды и ползли следом.

Метр.

Ещё один.

Правая рука перестала слушаться окончательно. Я волочил её перед собой, цепляя корневым волокном за стебли. Левой резал тех паразитов, которые добирались до шеи.

За спиной раздался плеск.

Моховая плёнка в месте ловушки провалилась. Металлическая пластина ушла вниз вместе с ремнём. Если бы я задержался ещё на несколько секунд, она потянула бы меня обратно.

Я добрался до настоящего корня и обнял его обеими руками.

Точнее, левой рукой и правым предплечьем.

Подтянулся на сухой выступ.

Несколько минут просто лежал.

Паразиты продолжали висеть на теле. Их нужно было снять, пока слюна снова не открыла раны. Я перевернулся на спину и начал работать ножом.

С шеи — два.

С груди — три.

С живота — четыре.

С внутренней стороны бедра я снял шесть, один за другим. Каждый оставлял круглую кровавую ямку. Но кровь больше не текла свободно. Она выступала густой каплей и почти сразу превращалась в тёмный сгусток.

Слишком быстро.

На левой ступне кожа была разрезана острым краем повреждённого сапога. Разрез закрылся плотной чёрно-красной пробкой ещё до того, как я успел его промыть.

Я снял остатки сапога, выжал внутренний слой и вернул подошву на место. Обмотал её фрагментом термоплёнки и шнуром. Получилось плохо, но босиком по этому лесу я не прошёл бы и ста метров.

После последнего паразита вокруг меня лежало больше двадцати сморщенных тел.

Несколько ещё двигались.

Голод в ладонях напомнил, что они свежие.

Я отвернулся.

Хватит.

Поглощение спасло меня. Это не означало, что нужно доедать всё вокруг только потому, что организм хотел восполнить потери.

Я попытался подняться.

Правая кисть висела тяжёлой синеватой массой. Большой палец двигался. Указательный дёрнулся. Средний и безымянный почти не реагировали. Мизинец не чувствовал ничего.

Под кожей предплечья проступила тёмная линия толщиной с карандаш. Она шла от рубца в ладони к локтю и исчезала под остатками рукава.

Я надавил на ноготь.

Он побелел и не возвращал цвет слишком долго.

Кровоток нарушен.

[СИСТЕМА] Свёртывание крови: резко повышено.

[СИСТЕМА] Локальное нарушение кровообращения.

[СИСТЕМА] Риск тромбоза: высокий.

— Уже не риск.

Я нащупал пульс на запястье. Слабый, неровный.

Нужно было двигать пальцами, согревать руку, не давать крови остановиться полностью. Я начал медленно сжимать и разжимать кисть. Каждый раз боль проходила до локтя. Три пальца почти не участвовали.

Я попробовал выпустить правое корневое волокно.

Рубец открылся на несколько миллиметров. Белёсый ко-

нец показался и замер. Управление не исчезло, но канал оказался зажат отёком и нарушенным кровотоком.

Левый работал, хотя слабее.

То, что спасло меня из болота, теперь запирало основную руку.

Я собрал то, что ещё осталось: нож, мультитул, магазин с патронами, кусок кроволиста и флягу. Обе металлические пластины и большая часть ремня остались в яме, а повреждённый левый сапог держался только на термоплёнке и шнуре.

Человеческий след на другой стороне болота был ближе, чем путь назад.

Я посмотрел туда.

Серая плёнка лежала спокойно. Ни одна отметина не показывала, где она провалится снова. Впереди на голубом мешочке висел клочок медицинской ткани. Человек, за которым я шёл, либо пересёк это место, либо стал причиной того металлического запаха под мхом.

Я не мог проверить.

С правой кистью, которая синела на глазах, и повреждённой обувью второй переход означал смерть.

Я отступил от болота.

Каждый шаг отдавался в левой ступне. Термоплёнка скользила. Правую руку я держал у груди и продолжал шевелить пальцами. Иногда по кисти проходило покалывание, иногда она становилась полностью чужой.

Через сотню метров меня настигла перестройка.

Жар начался под грудиной и быстро поднялся к шее. Колени подломились. Я успел добраться до полости между двумя корнями и сел, прежде чем тело свело судорогой.

Раны на коже стягивались.

Я видел, как края укуса на предплечье сходятся под плотной красной коркой. Не заживали — закупоривались. Под ними оставались слюна паразитов, болотная вода и грязь. Отличные условия для инфекции, если комплекс не справится.

Боль в сосудах усилилась.

Я прижал правую руку к животу. Под кожей будто перекатывались твёрдые зерна. Сердце разгоняло кровь, а новые механизмы пытались остановить каждую утечку одновременно, не различая открытую рану и здоровый сосуд.

Я дышал коротко, потому что глубокий вдох тревожил рёбра.

В голове всплывали лица людей на «Альтаире». Женщина за стеклом капсулы. Лера, державшаяся за ремень. Руденко у внешнего привода.

Я представил, как найду выживших с белыми нитями в ладонях и синей рукой. Как Белова посмотрит на сосуды и спросит, что я с собой сделал.

Правильный ответ был простым.

Выжил.

Но в этом слове становилось всё меньше человеческого

достоинства и всё больше голой биологии.

Судорога отпустила не сразу.

Когда я снова смог двигаться, свет над лесом начал тускнеть. До темноты оставалось немного. Мне требовалось сухое укрытие, вода и материалы, которыми можно зафиксировать кисть, заменить перевязки и укрепить сапог.

Впереди было неизвестное болото.

Позади — разбитая капсула.

Она находилась меньше чем в двух километрах. Там оставались крупные обломки металла, часть корпуса контейнера, расплавленный карабин и, возможно, участки капсулы, до которых я не добрался при первой проверке. Там же могли появиться новые хищники.

Выбор не был хорошим.

Зато был выбором.

Я развернулся назад.

Обратный путь занял больше времени, чем дорога к низине. Я отмечал направление по надломленным растениям и собственным следам, пока они ещё сохранялись. Левую ногу ставил осторожно. Правой рукой почти не пользовался.

Через каждые двадцать шагов останавливался и проверял кисть.

Синий цвет поднимался к запястью.

Указательный палец перестал сгибаться.

Тёмная сосудистая линия стала толще.

Я попытался размять её большим пальцем левой руки.

Боль была такой, что меня вырвало на пустой желудок. Вышла горькая слизь с металлическим запахом.

После этого пульс в кисти стал ещё слабее.

— Прекрасная медицинская практика, Савин.

Говорить с собой было глупо, но голос помогал сохранять последовательность мыслей.

Не резать сосуд вслепую.

Не вскрывать ладонь.

Не пытаться выдавить тромб.

Сохранить тепло.

Двигать теми пальцами, которые слушаются.

Вернуться к металлу.

Подготовиться к следующей попытке пройти на северо-восток.

Лес вокруг темнел. Красные чашечки на мху закрывались, а голубые мешочки начинали светиться изнутри слабым холодным светом. Вдалеке снова прошёл низкий гул крупного пластинчатого существа.

Я выключил маяк полностью.

Если неизвестные системы действительно видели сигналы, возвращение к капсуле и без того было риском. Посылать им приглашение не требовалось.

На одном из стволов я нашёл собственную царапину, оставленную металлической пластиной утром.

До места падения оставалось недалеко.

Тогда из-за корней донёсся знакомый щелчок.

Один.

Пауза.

Второй.

Я остановился.

Так двигался кислотный хищник перед атакой: низко, почти беззвучно, цепляя когтями кору. Первый был мёртв, но ничто не обещало, что он жил здесь один.

Правой рукой я не мог нормально держать нож.

Левой — мог, но ожог ограничивал движение предплечья.

Я медленно вынул лезвие и посмотрел на синюю кисть.

Капсула находилась впереди.

И кто-то уже пришёл туда раньше меня.

Глава 4 — Кислота

Щелчок повторился.

Я остановился между двумя чёрными корнями и медленно опустил нож. Не потому, что передумал защищаться. Блестящее лезвие могло выдать движение раньше, чем я пойму, где находится тварь.

Место падения было впереди, за стеной синих листьев. Сквозь них проступал серый бок капсулы. Вокруг корпуса лежали потемневшие пятна, оставшиеся после первой схватки, и обугленные остатки кроволиста. Запах кислоты сохранился даже после дождя — резкий, минеральный, заставляющий слезиться глаза.

Что-то двигалось возле карабина.

Я присел, прижав правую кисть к груди. Она стала ещё темнее, чем час назад. Кожа на пальцах натянулась от отёка, ногти посинели, а толстая сосудистая линия под предплечьем пульсировала с каждым ударом сердца. Большой палец ещё слушался. Указательный едва дрожал. Остальные могли с тем же успехом принадлежать трупу.

[СИСТЕМА] Нарушение кровотока сохраняется.

[СИСТЕМА] Повреждение тканей кисти: нарастает.

Интерфейс исчез, не предложив ничего полезного.

Разрезать руку и искать тромб вслепую я не собирался. Даже если бы добрался до сосуда, моё новое свёртывание за-

крыло бы разрез раньше, чем я успел что-либо исправить. Или закупорило бы ещё один участок.

У меня оставалось одно рабочее предплечье, повреждённая нога, нож, мультитул и крайне мало времени до темноты.

Отличный состав штурмовой группы.

Я подался вперёд и раздвинул листья левым локтем.

Плевун стоял у мёртвого собрата.

Первое существо почти полностью растворилось. На земле остались серые пластины панциря, почерневшая растительность и несколько густых жёлтых лужиц, вокруг которых мох превратился в слизь. Новый зверь медленно обходил пятно, втягивая воздух боковыми щелями.

Он принадлежал к тому же виду, но был крупнее. Туловище длиннее человеческого роста держалось на шести конечностях. Задняя пара была толстой и пружинистой, средняя — низкой, приспособленной для быстрого разворота, а короткие передние лапы заканчивались тремя загнутыми крючьями. Панцирь на спине выглядел темнее и толще, чем у первой твари. По бокам шеи висели четыре полупрозрачных мешка с мутной жидкостью.

На голове не было глаз.

Зато вдоль нижней челюсти постоянно раскрывались и закрывались узкие щели. Существо пробовало воздух и почву на вкус. Иногда прижимало морду к следам моей крови и замирало.

Оно пришло не к трупу.

Оно искало меня.

Я отступил за корень, стараясь не задеть листья. Уходить было можно. Лес за спиной оставался открытым, а тварь пока не знала моего точного положения.

Но возле капсулы лежало всё, что могло дать мне шанс пройти болото второй раз: обшивка, кресельные фиксаторы, кабели, жёсткие пластины, возможно, уцелевшие технические отсеки. Без них повреждённый сапог развалится, а правую кисть я не смогу даже защитить от веток.

Если отступлю сейчас, придётся вернуться позже.

Хищник никуда не денется. Зато рука может.

Я сделал медленный вдох и осмотрел площадку.

Капсула лежала на боку между тремя толстыми корнями. Разбитое обзорное окно смотрело вверх. Внутри торчало сорванное кресло, которое я частично освободил при выходе. Наружная панель у двигателя отогнулась, образовав узкую металлическую полку. За корпусом проходила промоина глубиной примерно по пояс, заполненная мхом и обломками.

Первую тварь я убил грубой импровизацией и удачей. Вторую в прямом бою не одолею. Даже двумя здоровыми руками это было бы сомнительно. Сейчас — невозможно.

Значит, нужен вес.

Кресло внутри капсулы крепилось к силовой раме. Один нижний замок я повредил домкратом, когда освобождал ногу. Верхний оставался целым. Если срезать фиксатор, кресло

вместе с рамой могло упасть наружу. Массы хватит, чтобы прижать хищника, если он окажется под окном.

Проблема состояла в том, что я не мог быстро перерезать силовой ремень. Ножом на это уйдёт несколько минут. Кислота справится за секунды.

Я посмотрел на мешки на шее зверя.

План начал складываться.

Хищник должен войти под окно, увидеть цель внутри и плюнуть. Струя ударит в удерживающий ремень. Кресло рухнет на него.

Простой план.

Простые планы обычно убивают меньше людей, чем сложные. Но они не защищают от того, что противник не читал инструкцию.

Я отполз назад, описал широкий круг и подошёл к капсуле со стороны двигателя. Каждый шаг левой ногой отдавался в порезанной ступне. Обмотка скользила по влажному мху, разрезанный сапог расходился у носка. Приходилось ставить ногу боком.

Хищник продолжал исследовать старое кислотное пятно. Между нами оставался корпус капсулы.

Я лёг на живот и прополз под изогнутой внешней панелью. Металл был холодным и пах старой гарью. Правая кисть цеплялась за мох, не чувствуя давления. Я прижал её к груди ремешком от магазина, чтобы не оставить пальцы под собственным телом.

В техническом отсеке за двигателем сохранилась сервисная крышка. Мультитулом можно было открыть её, но работать приходилось левой рукой. В первый раз бита сорвалась с винта. Во второй — слизала край. Я перевернул инструмент, зажал винт короткими клещами и провернул.

Щелчок зверя прозвучал ближе.

Я замер.

По другой стороне корпуса прошёл скребущий звук. Когти коснулись обшивки. Хищник остановился, втянул воздух и двинулся дальше.

Он чувствовал кровь, но остатки кислоты и труп мешали определить направление.

Пока.

Я снял крышку. Внутри находились жгуты кабелей, аварийный амортизатор и тонкий рулон сервисной ленты. Большая часть электроники была разбита, но механические детали уцелели. Я вытащил ленту, короткий стальной трос и съёмную ручку технического замка — двадцатисантиметровый штырь из твёрдого сплава.

Уже лучше.

В глубине отсека нашлась мягкая трубка резервного контура охлаждения. Я пережал её клещами и проколол. На палец выступила прозрачная капля.

Интерфейс отметил токсичный антифриз.

Я вытер её о мох.

Вода находилась везде, кроме мест, где её можно пить.

Снаружи раздалось влажное втягивание.

Я выглянул из-под панели.

Хищник стоял у разбитого окна. Голова медленно качалась. Передние крючья скребли край корпуса. Он учуял кровь внутри — на кресле, ремнях и осколках стекла.

Он оказался там, где нужно.

Только ловушка ещё не была готова.

Я втянул голову и пополз к кормовой части. Капсула закрывала меня, но любое неловкое движение могло выдать вибрацию. Под правым локтем хрустнул кусок панциря первой твари.

Щелчки прекратились.

Тишина длилась один удар сердца.

Потом второй.

Я не двигался.

Над корпусом показалась плоская голова. Щели вдоль челюсти раскрылись. Хищник втянул воздух прямо надо мной.

Его мешки начали раздуваться.

Я перекатился под двигатель.

Жёлтая струя ударила в место, где секунду назад находилось моё плечо. Обшивка зашипела. Кислота потекла по металлу и прожгла мох тонкими дымящимися дорожками.

Несколько капель попали на разрезанный сапог.

Термоплёнка почернела. Я сорвал её левой рукой, пока кислота не добралась до кожи. Обмотка распалась. Носок сапога окончательно раскрылся.

Хищник перескочил через корпус.

Я увидел его задние лапы и ударил стальным штырём снизу. Остриё вошло в мягкое сочленение неглубоко. Тварь дёрнулась, ударила средней лапой и отбросила меня в промоину.

Я рухнул на спину.

Рёбра взорвались болью. Воздух исчез. Правая рука прижалась под телом, и я не почувствовал, сломались пальцы или нет.

Хищник повернулся.

Я не мог вдохнуть.

Не мог подняться.

Передние крючья вонзились в край промоины. Плоская голова опустилась ко мне. Из щелей пахнуло гнилью и острым минеральным запахом.

Я ткнул штырём в нижнюю челюсть.

Тварь отпрянула. Остриё скользнуло по панцирю, оставив царапину. Этого хватило, чтобы я перевернулся на бок и втянул воздух.

Первый план закончился, не начавшись.

Я отполз под капсулу через узкий просвет между корпусом и корнем. Хищник ударил крючьями вслед. Один прошёл по спине, распорол комбинезон и кожу от лопатки к поясничке.

Боль пришла горячей полосой.

Кровь выступила и почти сразу загустела, склеивая ткань.

Тварь не могла протиснуться под корпус, но начала обхо-

дить.

Я выбрался с противоположной стороны и поднялся на колено. Мир качался. Правое плечо висело ниже левого, кисть оставалась синей. Сапог держался только на внутреннем слое.

Нужно было прекратить импровизировать на бегу.

Я отступил в заросли, оставляя редкие тёмные капли. Хищник вышел из-за капсулы и пошёл по следу, не торопясь.

Он уже знал, что я ранен.

Я завёл его между двумя массивными корнями, затем резко свернул и прополз в щель, куда крупное тело не проходило. Тварь ударила панцирем о древесину, заскребла лапами, но остановилась.

Мешки на шее раздулись.

Я нырнул глубже.

Кислота ударила в корень. Наружный слой задымился, но толстая древесина выдержала. Узкий проход заполнился едким паром. Я закашлялся, закрыл лицо локтем и отполз к другому выходу.

Хищник не пошёл за мной. Он остался у щели, втягивая воздух.

Я выбрался в двадцати метрах и лёг за выступом.

Теперь я знал две вещи.

Он мог плевать почти без подготовки. Раздувание мешков занимало меньше секунды.

И он не тратил кислоту вслепую. Струя следовала только

туда, где он чувствовал свежий запах или движение воздуха.

Подвести его под окно и спокойно выставить мишень не получится. Нужна приманка, которую он примет за меня, и механизм, готовый заранее.

Я снял магазин с пояса. Патроны без карабина были бесполезны как боезапас, но каждый содержал металл и порох. Один я уже потратил на кроволист. Осталось достаточно, чтобы создать запах и резкий звук.

Я вскрыл патрон мультитулом, высыпал порох в короткий отрезок сервисной трубки и вставил внутрь кусок окровавленной ткани, срезанной со спины. К концу привязал тонкий кабель. Получилась приманка, которую можно было дёрнуть из укрытия.

Кресло оставалось лучшим грузом.

Я обошёл капсулу с дальней стороны. Хищник стоял у корневой щели, где потерял мой след. До корпуса было около тридцати метров. Я двигался медленно, используя деревья как заслон.

К разбитому окну добрался незамеченным.

Внутри капсулы было темнее, чем я помнил. Сорванное кресло лежало под углом, одна направляющая вышла из крепления. Верхний удерживающий ремень натянулся, принимая почти весь вес. Ниже болтались фиксаторы, покрытые засохшей кровью.

Я залез внутрь.

Правая рука не помогала. Приходилось подтягиваться

левой, упираясь локтем и коленом. Повреждённая ступня скользила по стеклу.

Удерживающий ремень проходил через металлическую скобу над окном. Если кислота перережет его, кресло уйдёт не прямо вниз, а качнётся наружу на нижней направляющей. Это даже лучше: удар придётся сбоку, прижимая цель к корню.

Я закрепил аварийный трос на нижней части рамы и вывел конец наружу. Он должен был удержать кресло до нужного момента, если ремень начнёт растворяться слишком рано.

Затем прикрепил трубку-приманку к ремню точно перед скобой. Кровавая ткань висела на виду. Кабель управления провёл через разбитое окно к укрытию за корнем.

Работать одной левой рукой оказалось мучительно медленно. Узлы расползались. Мультитул дважды падал. Когда я попытался прижать трос правой кистью, пальцы не удержали его, а ноготь мизинца зацепился за раму и вывернулся.

Я увидел кровь, но боли почти не почувствовал.

Это напугало сильнее боли.

Я обмотал правую кисть сервисной лентой, фиксируя пальцы в полусогнутом положении, и продолжил.

Последним приготовил путь отхода. За капсулой проходила промоина. Я положил через неё узкую панель, чтобы перескочить, и очистил место у корня, где можно спрятаться от плевка.

План был готов.

Свет между кронами почти погас. Голубые мешочки растений начали светиться. В их холодном сиянии капсула выглядела мёртвым серым животным.

Я вернулся к корневой щели.

Хищник исчез.

На земле остались следы когтей и свежие капли кислоты. Я прислушался.

Ничего.

Существо не рычало, не дышало громко и почти не шуршало панцирем. Оно могло находиться в нескольких метрах.

Я взял в левую руку нож, зажал кабель приманки между пальцами и пошёл к капсуле, нарочно цепляя сапогом мох.

Щелчок пришёл справа.

Я повернулся.

Тварь лежала на корне выше человеческого роста. Её плоское тело сливалось с тёмной древесиной. Задние лапы были поджаты, мешки на шее — пусты.

Она ждала.

Хищник прыгнул сверху.

Я успел отступить, но повреждённая ступня подвернулась. Тело ударило меня в плечо. Крючья передних лап сомкнулись на левой руке, один вошёл в старый кислотный ожог.

Я закричал и ударил ножом в мягкую ткань под челюстью.

Лезвие вошло на пару сантиметров.

Тварь дёрнула головой. Крючок распорол предплечье, от-

крывая ожог до мяса. Кровь выступила густая и тёмная.

Я выпустил левый корневой канал прямо в рану зверя.

Не для поглощения — чтобы зацепиться.

Белёсое волокно обвилось вокруг края повреждённой ткани. Я потянул ладонь к себе, одновременно выворачивая нож.

Хищник отпустил руку.

Я упал, перекатился и рванул к капсуле.

План изменился. Теперь приманкой был я.

Тварь шла следом быстро, низкими скачками. Я слышал только удары лап и щелчки. До окна оставалось десять метров.

Пять.

Мешки на шее начали наполняться.

Я нырнул за капсулу и дёрнул кабель приманки.

Трубка с порохом хлопнула. Вспышка осветила кровь на ткани и натянутый ремень.

Хищник плюнул.

Струя попала точно в приманку.

Ремень зашипел.

Я потянул аварийный трос, готовясь отпустить кресло, когда зверь окажется под окном.

Он не пошёл к ткани.

Он прыгнул через корпус прямо на меня.

Я ошибся во второй раз. Запах моей открытой руки был сильнее приманки.

Тварь приземлилась на край капсулы. Кресельный ремень продолжал растворяться, но груз ещё держался. Я отступил к промоине.

Хищник оказался между мной и окном, но не под ним.

Мешки снова раздулись.

Слишком быстро. У него оставался второй плевок.

Я поднял сорванную панель как щит.

Кислота ударила в металл. Край панели расплавился, горячая жижа потекла вниз. Несколько капель попали на левое бедро. Ткань вспыхнула болью.

Я бросил щит и прыгнул через промоину.

Повреждённый сапог соскользнул с узкой панели. Левая нога ушла вниз между обломками. Колено вывернуло. Я упал грудью на противоположный край, но не отпустил аварийный трос.

Хищник прыгнул следом.

Его задняя лапа встала на панель. Металл прогнулся.

Я увидел натянутый, наполовину растворённый кресельный ремень над его спиной.

Отпускать трос было рано. Кресло ударит по хвостовой части и оттолкнёт зверя, а не придавит.

Тварь наклонилась ко мне. Передний крюк поднялся.

Я выпустил левый корневой канал и зацепил им расплавленный край панели. Волокно почувствовало жар и едкую влагу. Я потянул панель на себя.

Она соскользнула из-под задней лапы хищника.

Тварь провалилась в промоину боком. Панцирь ударился о корень. Голова и передние лапы остались снаружи, туловище оказалось точно под разбитым окном.

Я отпустил трос.

Кресельный ремень ещё держал.

Кислота разъела только внешний слой.

Хищник начал выбираться.

Я схватил технический штырь и ударил по скобе, через которую проходил ремень. Один раз.

Скоба погнулась.

Второй удар отдался в повреждённом плече.

Третий сорвал крепление.

Кресло рухнуло.

Силовая рама качнулась из капсулы и ударила хищника поперёк спины. Раздался глухой треск. Тварь вдавило в промоину. Одна задняя лапа вывернулась под неправильным углом.

Но голова и передние крючья остались свободны.

Рама не убила её.

Тварь забилась, сдвигая кресло. Панцирь выдержал удар. Мешки на шее распухли так сильно, что стали почти прозрачными.

Она могла залить кислотой всю промоину.

Я выдернул ногу из обломков и пополз сбоку. Левое бедро горело, рука кровоточила густыми толчками. Правая кисть не помогала.

Хищник повернул голову ко мне.

Я бросил ему в морду остаток кроволиста.

Мясистая ткань ударила по щелям у пасти. Тварь рефлекторно захватила её крючьями и выпустила кислоту.

Струя пошла не в меня.

Она ударила в собственную переднюю лапу и металлическую раму. Жёлтая жидкость разъела сочленение. Крючок обмяк. Кислота потекла под панцирь.

Хищник забился сильнее.

Я прыгнул к голове и вогнал технический штырь в рану под челюстью, которую оставил ножом. Остриё вошло глубже. Тварь ударила здоровым крюком и распорола мне бок, прямо по старой ране.

Кровь хлынула на мгновение.

Потом моё новое свёртывание начало закрывать её плотной тёмной массой.

Я не отпустил штырь.

Навалился всем весом, используя раму как упор. Существо дёргалось, панцирь бил по металлу, кислота шипела внизу.

Штырь прошёл сквозь мягкую ткань и упёрся во что-то твёрдое.

Я провернул его.

Движения стали слабее.

Ещё раз.

Хищник замер.

Я продолжал давить, пока мешки на шее не опали и щелчки не прекратились.

Только тогда отпустил штырь.

Несколько секунд я стоял на коленях рядом, не понимая, почему лес качается. Потом сел спиной к капсуле.

Левая рука была рассечена от локтя почти до запястья. Старый ожог раскрылся, края кожи почернели. На бедре кислота прожгла два небольших участка через ткань. Бок снова разошёлся, но сгусток уже закупоривал рану, запирая внутри грязь и возможную инфекцию.

Правая кисть стала почти чёрно-синей.

Я растёр её левой рукой. Пульс едва ощущался.

[СИСТЕМА] Травмы множественные.

[СИСТЕМА] Объём доступной жидкости: критический.

[СИСТЕМА] Сосудистая непроходимость сохраняется.

— Я в курсе.

Голос сорвался.

Нужно было действовать до того, как тело хищника растворится.

В этот раз большая часть кислоты осталась внутри мешков. Один лопнул и разъедал грудь. Два были повреждены. Четвёртый сохранял форму у основания шеи.

Я освободил голову из-под рамы и перевернул её деревянным обломком. Нож лежал у окна. Лезвие получило пятна после болота, но оставалось острым.

Резать одной левой рукой было трудно. Правой я мог

только прижимать предплечьем. Я зафиксировал шею зверя между рамой и корнем, затем вскрыл мягкую ткань под мешком.

Из разреза вышел горячий пар.

Я отступил.

Жёлтая жидкость пульсировала в полупрозрачном резервуаре. К нему подходили два плотных протока и тёмный узел ткани размером с фалангу пальца. Железа сидела глубже, защищённая тонкими керамическими пластинами.

Ножом касаться резервуара было опасно. Я вырезал вокруг него широкий участок вместе с мышцами. Ткань дёргалась после смерти, протоки сокращались.

Один проток лопнул.

Капля кислоты упала на нож. Металл зашипел. Я бросил лезвие на камень и отодвинул железу штырём.

Тело хищника начало разрушаться. Кислота из повреждённых мешков проходила между слоями, превращая плоть в серую пену.

У меня оставались минуты.

Я выпустил левый корневой канал.

Белёсое волокно дрогнуло над железой. Ладонь почувствовала тепло, влажность и резкую химическую среду. При прямом контакте конец канала потемнел.

Боль пронзила рубец.

Обычное использование корня не болело. Здесь ткань начала повреждать его.

Я отдёрнул волокно.

Кончик стал серым и потерял чувствительность.

Поглощать железу напрямую означало пропустить через себя кислоту.

Можно было оставить её.

Новая способность не стоила руки, жизни и остатков человеческого тела. У меня уже были корни и неправильная кровь. Ещё одна перестройка могла закончить то, что не смогли падение, болото и хищники.

Но впереди лежало болото. Нож тупился. Огнестрела не было. Каждый следующий зверь окажется сильнее не потому, что мир соблюдает красивую прогрессию, а потому, что я становился слабее.

Кислота могла перерезать корень, открыть металлическую панель, прожечь панцирь или освободить застрявшую ногу.

Если научусь контролировать хотя бы каплю.

Я нашёл участок протока выше резервуара, где едкая жидкость ещё не смешивалась с тканью железы. Пережал его сервисной застёжкой, отрезал узел вместе с окружающей мышцей и положил на керамическую пластину из шеи зверя.

Корневой канал коснулся не мешка, а плотной ткани у основания.

Голод отозвался сразу.

Я позволил волокну войти.

Тепло пошло в ладонь.

Сначала в руку пошли жидкость и плотный органический материал. Потом пришла такая резкая горечь, что свело зубы, а в предплечье будто влили растворённый металл. Я попытался прекратить контакт, но мышцы ладони судорожно сжались от боли и перестали слушаться.

Я схватил волокно пальцами правой руки. Онемевшая кисть почти ничего не чувствовала, но большого пальца хватило, чтобы сорвать канал с железы.

Поздно.

Под кожей левой ладони побежала тёмная линия к указательному пальцу.

Боль изменилась.

Это уже не было отравлением. Тело строило.

Указательный палец выгнулся. Суставы хрустнули. Я упал на бок и прижал руку к груди, но остановить перестройку не мог.

Под ногтем возникло давление. Казалось, палец наполняют раскалённым песком. Кожа на внутренней стороне разошлась тонкой линией от ладони до первой фаланги. Из разреза выступила кровь, сразу загустевшая в чёрный сгусток.

Наниты использовали его как временную стенку.

Внутри формировался узкий канал.

Я чувствовал, как ткань разделяется на два слоя: один должен был удерживать едкую жидкость, второй — выводить её наружу. Для полноценной железы не хватало материала, воды и времени. Организм создавал примитивный карман,

выстилая его тем, что успел извлечь из хищника.

Каждая новая клетка отзывалась жжением.

Судорога поднялась от пальца к плечу. Старый ожог раскрылся ещё сильнее. На коже выступил пот, хотя меня трясло от холода.

Интерфейс мигал, но я не мог читать.

Я уткнулся лбом в мокрый мох и считал вдохи.

Один.

Два.

На третьем меня вырвало. Желудок был пуст; вышла густая горькая слизь.

Четыре.

Пять.

На шестом указательный палец перестал чувствовать холод.

На седьмом боль резко отступила.

Я лежал, не двигаясь.

Лес снова наполнился звуками. С капсулы стекала вода. Где-то в кронах щёлкали мелкие существа. Остатки хищника шипели под рамой.

Левая рука дрожала.

На внутренней стороне указательного пальца появился тёмный продольный шрам. Он начинался у рубца корневого канала в ладони и заканчивался маленькой красной точкой сбоку от ногтя. Палец распух. Кожа вокруг ногтя стала серой.

[СИСТЕМА] Сформирована нестабильная железистая

структура.

[СИСТЕМА] Объём секрета: минимальный.

[СИСТЕМА] Изоляция тканей: неполная.

[СИСТЕМА] Риск химического повреждения носителя: высокий.

Я рассмеялся один раз.

Получился кашель.

Тестировать новую структуру сразу было глупо. Я был обезвожен, отравлен и едва удерживал сознание.

Но не знать, работает ли она вообще, было ещё хуже.

Я нашёл плоский камень и положил руку над ним. Согнул указательный палец. Ничего.

Попробовал напрячь его так, как напрягал корневой канал, но движение оказалось другим. Внутри фаланги чувствовался маленький плотный карман. Я попытался сжать его.

Боль кольнула под ногтем.

На красной точке выступила прозрачная капля.

Меньше дождевой.

Она не сорвалась. Повисла на коже, блестя в голубом свете растений.

Я наклонил палец.

Капля поползла не вниз, а вдоль шрама к ладони.

— Нет.

Я резко повернул руку.

Едкая жидкость сорвалась, коснулась основания большо-

го пальца и упала на камень.

Кожу прожгло мгновенно.

Я вскрикнул, вытер ладонь о влажный мох и плеснул на ожог последними каплями из фляги. Вода ушла вся.

На камне осталась тёмная точка глубиной меньше миллиметра. Кислота шипела несколько секунд, затем исчезла.

Результат уместился в одной крошечной капле. До плевка или хотя бы струи было далеко, а собственная кожа пока страдала от секрета ничуть не меньше камня.

Я промыл палец влагой, собранной с внутренней стороны капсулы. Корневой канал втянул несколько капель из мокрого мха, но вместе с ними пришёл земляной вкус и слабая тошнота.

Кислотный карман под пальцем опустел. Повторная попытка не дала ничего, кроме боли и сухого спазма.

[СИСТЕМА] Повторное выделение недоступно.

[СИСТЕМА] Требуется восстановление жидкости и тканей.

— Выдающаяся функция, — прохрипел я. — Один раз прожечь себе руку и сразу перейти к обезвоживанию.

Я сел у капсулы и занялся тем, ради чего вернулся.

Из кресельной рамы вырезал две узкие металлические полосы. Одну согнул вокруг повреждённого сапога, закрепил сервисной лентой и кабелем. Получилась жёсткая подошва, тяжёлая и неудобная, но она закрывала ступню.

Вторую полосу заточил о камень и прикрепил к ручке тех-

нического замка. Вышло короткое копьё длиной с предплечье. Не оружие для честного боя. Инструмент, позволяющий держать пасть чуть дальше от лица.

Снял с кресла уцелевший ремень и сделал перевязь для правой руки. Кисть зафиксировал у груди, продолжая раз в несколько минут шевелить большим пальцем.

Мизинец не чувствовал ничего.

Под ногтями указательного и среднего пальцев цвет становился почти чёрным.

Я осмотрел капсулу ещё раз. В нижнем отсеке уцелели два герметичных пакета с аварийным теплоизолятором, катушка тонкого кабеля и полупустой баллон монтажной пены, но питьевого запаса не осталось: система жизнеобеспечения потеряла воду при падении.

В кармане кресла сохранился маленький механический компас-инклинометр. Магнитное поле планеты сводило его с ума, но датчик наклона работал. Я забрал его вместе с крепёжными клипсами.

Тело хищника почти исчезло. Под кресельной рамой оставались панцирные пластины и серый студень. Поглощать остальное я не стал.

Голод тянул обратно к остаткам туши, но я втянул корень и отвернулся. После двух перестроек за двое суток мне хотелось хотя бы ненадолго перестать проверять на себе, во что ещё организм способен переделать сосуды, печень или мышцы.

Я взял только небольшой кусок обычной мышечной ткани, не затронутой кислотой, завернул в керамическую пластину и убрал отдельно. Если выбора между голодом и риском не останется, материал пригодится.

Ночь окончательно легла на лес.

Оставаться у капсулы было нельзя. Запах крови и кислоты привлечёт новых существ. Возможно, крупного пластинчатого падальщика, которого я видел во время интеграции.

Я выключил все остаточные системы капсулы, вырезал пассивный идентификатор из панели и разбил его камнем. Маяк и раньше молчал, но теперь даже случайный импульс не уйдёт наружу.

Перед отходом я посмотрел на место падения.

Здесь закончился мой карабин. Здесь появилось первое растение внутри тела. Здесь я дважды едва не умер от одного вида хищника.

Капсула могла считаться моей единственной точкой возвращения.

Теперь она стала только грудой металла и запахом, который следовало оставить позади.

Я поднялся.

Левая нога держала хуже из-за нового вывиха, но металлическая подошва не позволяла сапогу расползаться. Правую руку поддерживала перевязь. В левой лежало короткое копьё. Нож и мультитул висели на поясе.

Указательный палец пульсировал. Под шрамом медленно

собиралось тепло, но новой капли не было.

Я двинулся на северо-восток, обходя болото с южной стороны.

Через несколько сотен метров лес начал подниматься. Почва стала каменистой. Между корнями появились полосы серого минерала, по которым стекала влага. Я касался их левым корневым каналом и втягивал по несколько капель, когда поверхность была чистой.

Этого не хватало.

Но впереди, за каменным склоном, слышался постоянный шум.

Не дождь.

Вода.

Я остановился и прислушался.

Шум шёл из узкой расщелины, где чёрные корни уступали место влажному камню.

До неё оставалось меньше километра.

Я посмотрел на левый указательный палец с тёмным шрамом, на перевязанную синюю кисть и на короткое копьё.

Кислота стала частью моего тела.

Слабой, опасной и почти бесполезной.

Но теперь, когда впереди была вода, я собирался прожить достаточно долго, чтобы выяснить, останется ли она такой.

Глава 5 — Вода

Шум воды оказался ближе, чем я ожидал, и дальше, чем мог вынести организм.

Он шёл из каменной расселины впереди — ровный, тяжёлый, настоящий. Не шорох дождя по листьям и не редкие капли, которые приходилось собирать корневым каналом с мокрой коры. Поток бился о камень непрерывно, обещая столько воды, сколько я не смог бы выпить даже после недели в пустыне.

До него оставалось меньше километра.

Первые сто метров я прошёл почти нормально. Потом язык снова прилип к нёбу, а левая нога начала цепляться металлической подошвой за каждый выступ. Жёсткая пластина удерживала разрезанный сапог вместе, но изменила шаг. Ступня не перекатывалась, колено принимало удар целиком, и после каждого десятого шага по бедру проходила дрожь.

Правая рука висела в перевязи у груди. Кисть потемнела до цвета переспелой сливы. Большой палец ещё двигался, указательный отзывался слабым сокращением, остальные молчали. Я время от времени растирал предплечье левой ладонью и чувствовал под кожей плотную болезненную дорожку.

Тромб не исчез.

Кислотный канал в левом указательном пальце тоже на-

поминал о себе. Тёмный шрам пульсировал в такт сердцу, кожа у ногтя оставалась серой. Внутренний карман казался пустым, но при каждом сгибании пальца под фалангой возникало сухое давление.

Организм хотел воды на всё сразу: поддержать кровь, дать нанитам материал для ремонта и хотя бы понемногу вернуть расход в кислотный канал. Каждое новое изменение теперь тоже требовало свою долю.

Я остановился у наклонной каменной плиты. По её нижнему краю ползла прозрачная капля. Я выпустил левый корневой канал, коснулся мокрой полосы и втянул влагу.

Капля исчезла.

Во рту появился вкус пыли и железа. Жажда не уменьшилась, зато под ногтем указательного пальца чуть потеплело. Кислотный карман забрал часть жидкости раньше, чем организм успел распределить её туда, где она была нужнее.

— Отлично, — прошептал я. — Теперь внутри меня ещё и очередь без правил.

Голос вышел сухим шорохом.

Я продолжил подъём.

Лес постепенно отступал. Гигантские корни больше не закрывали землю сплошной стеной, а врастали в серый камень отдельными жилами. Между ними поднимались плиты с гладкими гранями, слишком ровными для обычного обвала. Некоторые уходили вниз ступенями, но дождь, мох и трещины почти стёрли следы обработки.

Я провёл корневым волокном по краю одной плиты и ощутил только холодную влажную поверхность плотного камня — никаких канавок или надписей, которые можно было бы различить касанием.

Если это и было частью древнего сооружения, сейчас оно служило руслом.

Шум усиливался.

Воздух стал прохладнее. На камнях появилась испарина, а из расселины тянуло мокрым минералом, водорослями и чем-то терпким, похожим на запах раздавленной хвои.

Я увидел поток с края уступа.

Вода шла между двумя почти вертикальными стенами. Расщелина начиналась широкой чашей, затем сужалась до двух метров и уходила вниз ступенями. По дну бежала мутно-серая струя глубиной от ладони до колена. В местах, где поток замедлялся, поверхность покрывала тонкая радужная плёнка.

Вокруг воды не было привычной жизни: над руслом никто не летал, на мокром камне не оставалось мелких следов, а красные чашечки мха, встречавшиеся по всему лесу, останавливались в нескольких шагах от потока. На нижних плитах росли только бледные мясистые наросты, похожие на сложенные пальцы.

Я спустился на колено у верхней чаши.

Вода была так близко, что тело перестало слушать доводы.

Я зачерпнул бы её ладонью, если бы правая рука работала.

Вместо этого поставил копьё поперёк колен, достал пустую флягу и набрал немного через горлышко. Серую жидкость встряхнул. На стенках остался зеленоватый налёт.

Я опустил в неё обрезок металлической ленты.

За минуту металл не изменился.

Капнул на кусочек ткани.

Ткань потемнела, но не распалась.

Этого было недостаточно.

Я выпустил левый корневой канал и коснулся поверхности самым кончиком.

Холод ударил в ладонь. Следом пришла горечь. Волокно дёрнулось, будто я сунул палец в слабый электрический разряд. Я втянул его и увидел на белёсой ткани серые точки.

[СИСТЕМА] Биологическое загрязнение: высокое.

[СИСТЕМА] Неизвестные растворённые соединения.

[СИСТЕМА] Прямое употребление не рекомендовано.

Интерфейс не запрещал. Он вообще редко запрещал то, что могло убить медленно.

Я смочил губы одной каплей.

Сначала вода показалась безвкусной. Потом язык онемел по краям, во рту возникло ощущение мела, а желудок сжался ещё до того, как я сглотнул.

Я выплюнул.

Капля на камне оставила мутное пятно.

— Вода есть, — сказал я. — Осталась мелочь: не умереть от неё.

Я осмотрел русло выше.

Поток выходил из узкой щели в стене, где вода была прозрачнее и двигалась быстрее. Радужная плёнка появлялась ниже, в спокойной чаше. Возможно, загрязнение накапливалось в застойных участках. Возможно, всё русло было одинаково ядовитым, просто верхняя часть лучше скрывала это.

Достать источник можно было только изнутри расселины.

Я наполнил флягу серой водой, но не пил. Даже опасный запас лучше пустой ёмкости. Потом закрепил её на поясе, перевёл копьё в левую руку и начал спуск.

Каменные стены быстро сомкнулись. Через двадцать метров проход стал таким узким, что я мог коснуться обеих сторон локтями. Свет сверху превратился в серую полосу. Под ногами шумела вода, холодная и быстрая.

Металлическая подошва скользила.

Я шёл боком, проверяя каждый шаг копьём. Правая рука в перевязи цеплялась за выступы, поэтому я затянул ремень короче. Кисть прижалась к груди. От давления тёмная линия в предплечье заболела сильнее.

Ниже стены расходились, образуя небольшую камеру. Вода падала туда с уступа высотой по колено и закручивалась в глубокой яме. На дне лежали белые обломки.

Я сначала принял их за камни.

Потом увидел округлый сустав и длинную трубчатую кость.

Останки принадлежали не человеку. Конечность была

слишком длинной, с четырьмя тонкими пальцами, соединёнными перепонкой. Кости покрывал пористый налёт. Рядом лежал панцирный сегмент незнакомого существа и несколько пустых прозрачных оболочек.

Камера была местом кормления.

Я остановился до воды.

Шум потока мешал слышать всё остальное. Это было опаснее тишины. В прошлых схватках врагов выдавали щелчки, тяжёлые шаги или движение растений. Здесь существо могло находиться в метре, а я бы не услышал.

Я опустил копьё в яму.

Глубина оказалась больше метра. Наконечник коснулся дна, но ничего не произошло.

Я провёл им вдоль стены.

Тоже ничего.

В прозрачной верхней воде не было видно движения. Только серый песок и белые кости.

Я не доверял этому месту.

Обойти камеру было невозможно. Узкая полка тянулась вдоль правой стены, но посередине исчезала под водой. До щели, из которой выходил поток, оставалось около пятнадцати метров.

Я привязал конец тонкого кабеля к выступу за спиной, второй обмотал вокруг пояса. Страховка не выдержит сильного рывка, но не позволит течению сразу унести меня вниз. Затем выпустил левый корневой канал и коснулся ближай-

шей стены, выбрав глубокую трещину для дополнительного захвата.

Обычное движение не болело. Повреждённый кончик корня чувствовал хуже, но мог держать часть веса.

Я сделал шаг в воду.

Холод прошёл через сапоги и сжал мышцы.

Второй шаг.

Вода поднялась до середины голени. Поток толкал в повреждённое колено.

Третий.

Металлическая подошва скользнула по гладкому камню. Я упёрся копьём и восстановил равновесие.

Из-под полки выстрелило серое тело.

Я увидел только раскрывающийся круг и белые пластины внутри. Потом что-то сомкнулось вокруг левой голени выше сапога.

Удар сбил меня с ног.

Я упал грудью в воду. Холодная струя вошла в рот и нос. Существо дёрнуло назад, в глубокую яму.

Кабель на поясе натянулся.

Я ударился боком о край полки. Рана под рёбрами вспыхнула. Копьё вылетело из руки и застряло между камнями в двух метрах впереди.

Тварь потянула снова.

Круглая пасть не прокусила металлическую пластину сапога, поэтому захватила ногу выше неё. Белые внутренние

пластинки впились в ткань и кожу, работая как кольцо мелких крючьев.

Я схватился левой рукой за выступ.

Пальцы скользили.

Корневой канал удерживал трещину, но натянулся до предела. В ладони появилось острое предупреждающее чувство.

Существо уходило назад под полку.

Я увидел его целиком только на мгновение.

Длинное плоское тело, около двух с половиной метров, серое и почти прозрачное по краям. Вместо лап — четыре широких плавника с короткими костяными крючьями, которыми оно цеплялось за камень. Хвост заканчивался раздвоенным якорем, зафиксированным в щели под водой. По бокам туловища раскрывались ряды тонких полупрозрачных пластин. Через них проходила вода.

Тварь не просто жила в ядовитом потоке.

Она фильтровала его.

Потом пасть дёрнулась, и меня потащило глубже.

Я ударил ножом по серому телу.

Лезвие скользнуло по покрытой слизью коже и оставило неглубокую белую полосу. Я ударил снова, целясь в боковые пластины. Существо прижало их к телу. Нож отскочил от плотного основания.

Первая попытка не помогла.

Я попробовал разжать пасть.

Просунул нож между белыми пластинками у ноги и по-

вернул как рычаг. Внутренняя кромка сомкнулась на лезвии. Металл заскрипел. Нож застрял.

Тварь рванула.

Кабель на поясе впился в живот. Узел на камне за спиной выдержал, но тонкая линия натянулась струной. Меня растянуло между страховкой и хищником. Рёбра сдавило. Вода накрыла лицо.

Я отпустил нож, чтобы не уйти под воду с ним.

Вторая попытка лишила меня основного лезвия.

Я поднял голову и втянул воздух.

Копьё лежало выше по течению. Дотянуться рукой невозможно. Правый корневой канал мог бы помочь, но кисть не слушалась. Левый удерживал меня за трещину.

Пришлось выбирать.

Я ослабил захват корня и направил волокно к копью.

Существо сразу потянуло меня на полметра глубже. Кабель застонал. Корневой конец скользнул по мокрому камню, коснулся рукояти копья и попытался обвить её.

Слишком гладко.

Волокно соскользнуло.

Я повторил. На этот раз зацепил петлю кабеля у основания наконечника и подтянул.

Копьё двинулось по дну.

Хищник дёрнул ногой в сторону. Моё колено ударилось о стену. Внутри что-то хрустнуло, и боль выжгла зрение белым.

Корневой канал потерял копьё.

Третья попытка закончилась новой травмой.

Я прижался спиной к полке и заставил себя дышать.

Не бороться с силой тяги. Существо было закреплено хвостом и четырьмя плавниками. Оно выигрывает прямое перетягивание.

Нужно лишить его опоры.

Я провёл ладонью по дну. Под пальцами лежали гладкие камни размером с кулак. Один имел острый край. Я поднял его и ударил по ближайшему плавнику.

Первый удар соскользнул.

Второй попал в сочленение. Тварь вздрогнула, но не отпустила ногу.

Третий расколол тонкий костяной крючок. Один плавник сорвался с камня.

Течение развернуло тело боком.

Хищник ударился о стену. Пасть на ноге сместилась, белые пластины прорезали ткань глубже. Кровь сразу окрасила воду, но моё чрезмерное свёртывание начало закупоривать порезы ещё до того, как поток успел унести её.

Запах крови изменил поведение существа.

Боковые фильтры раскрылись шире. Тварь перестала тянуть меня под полку и попыталась обвить плоским телом ногу, чтобы удержать добычу рядом с пастью.

Она кормилась не только мясом.

Она пропускала кровь и воду через боковые пластины.

Я ударил камнем по второму плавнику.

Хищник выгнулся. Свободный край тела хлестнул по лицу. Губу рассекло о зубы, голова ударилась о стену. Камень выпал.

Перед глазами появились тёмные точки.

Кабель на поясе начал рваться. Несколько металлических нитей уже лопнули.

Я снова направил корневой канал к копью. На этот раз не пытался обвить гладкую рукоять. Ввёл волокно в отверстие между металлической полосой и технической ручкой.

Контакт закрепился.

Я втянул канал.

Копьё поползло ко мне, стуча по камням.

Тварь почувствовала движение воды и дёрнулась навстречу. Плоский бок ударил по древку. Копьё застряло под её телом.

Я тянул сильнее.

В ладони возникла боль. Повреждённый конец корня не выдерживал нагрузки.

Сухой щелчок прошёл по нервам.

Белёсое волокно надорвалось у самого кончика. Я почувствовал не касание, а резкую открытую боль, будто мне срезали кожу с пальца.

Но копьё выскочило.

Я схватил рукоять левой рукой.

Хищник раскрыл боковые пластины и снова потянулся

к крови на ноге. Под прозрачными мембранами виднелись тёмные каналы, а у основания пасти — мягкая складка, куда сходились фильтрующие ткани.

Туда и нужно было бить.

Я ударил копьём.

Наконечник вошёл между пластинами, но неглубоко. Тварь сжалась. Древко вырвало из руки и прижало к стене.

Четвёртая попытка дала рану, но не победу.

Кабель за спиной лопнул.

Натяжение исчезло мгновенно. Хищник потащил меня в яму.

Вода закрыла голову.

Я ударился затылком о камень и потерял направление. Вверх и вниз различались только по пузырям. Пасть на ноге тянула к тёмной щели под полкой. Туда не проходили плечи, но существо продолжало затягивать меня, сжимая колено между камнями.

Правая рука в перевязи прижалась к груди. Я дёрнул ремень зубами и левой рукой, освобождая её. Бесполезная кисть всплыла перед лицом, чёрно-синяя, с растопыренными пальцами.

Кислотный канал был в другой руке.

Я согнул левый указательный палец.

Внутренний карман отозвался слабым давлением.

После капель воды, собранных с камня, и нескольких глотков, случайно попавших в рот, внутри накопилось

немного жидкости. Возможно, хватит на одну каплю. Возможно, канал выделит её внутрь пальца и прожжёт ткань.

В лёгких уже горело.

Я прижал указательный палец к мягкой складке у пасти.

Напряг карман.

Сначала ничего.

Потом под ногтем появилась раскалённая игла.

Прозрачная капля вышла прямо между пальцем и плотью существа. Она не могла стечь на ладонь — я прижал выход к цели.

Кислота зашипела.

Хищник дёрнулся всем телом.

Пасть раскрылась на несколько миллиметров. Этого не хватило, чтобы освободить ногу, но белые пластины перестали резать глубже.

Капля прожгла мягкую складку и попала на мой палец.

Кожу обожгло по краю ногтя. Я отдёрнул руку.

Тварь забилась. Один плавник отпустил стену. Течение начало разворачивать её поперёк узкой ямы.

Я вынырнул и вдохнул вместе с водой.

Кашель согнул тело. Хищник снова попытался закрепиться.

Кислотный карман опустел. Повторного шанса не будет.

Я увидел копьё. Оно торчало между телом зверя и стеной, наконечник находился как раз под повреждённой складкой.

Я выпустил левый корневой канал, несмотря на разорван-

ный кончик. Волокно обвилось вокруг древка. Боль была такой, что пальцы свело, но обычной мышечной силы не хватало.

Я не тянул копьё к себе.

Я потянул его в сторону, используя стену как рычаг.

Древко повернулось. Наконечник вошёл глубже в рану, прожжённую кислотой.

Хищник выгнулся.

Пасть отпустила ногу.

Я выдернул ступню и оттолкнулся от стены. Повреждённое колено не выдержало, но течение вынесло меня к краю ямы. Я вцепился левой рукой в каменную полку.

Тварь осталась между стенами.

Её тело развернуло поперёк потока. Длинный хвост и два уцелевших плавника цеплялись за камни, но в узкой камере хищник не мог развернуть пасть ко мне. Копьё торчало из основания фильтров.

Я выбрался на полку до пояса и подтянул копьё корневым каналом.

Существо двинулось следом, пытаясь освободиться.

Я схватил с дна плоский камень обеими предплечьями. Правая кисть не держала, но локтем можно было прижать вес к груди. Камень оказался тяжёлым, с острым краем.

Поднять его над головой я не мог.

Я перекатил его к краю.

Хищник выгнулся под полкой. Боковые пластины раскры-

вались и закрывались, прокачивая воду через повреждённую ткань. Каждый раз из раны выходила тёмная жидкость.

Я поставил левую ногу на камень и толкнул.

Он упал в узкую часть ямы.

Тело существа оказалось зажато между валуном и стеной. Оно ударило хвостом, но теснота не позволяла набрать силу.

Я навалился на копьё.

Металлическая полоса прошла через прожжённую складку в центр мягкого узла.

Тварь дёрнулась.

Я давил дальше, чувствуя, как древко изгибается.

Боковые фильтры судорожно раскрылись. Прозрачные пластины задрожали, затем одна за другой сложились.

Хвост перестал бить по камню.

Я не отпускал копьё, пока вода вокруг не очистилась от мути и тело не обмякло.

Только после этого вытащил левую ногу на полку.

Сапог выглядел хуже, чем до ремонта. Металлическая подошва осталась на месте, но верхняя ткань выше щиколотки была разрезана кольцом. Кожа под ней превратилась в ряд глубоких полукруглых ран. Сгустки закрывали их слишком быстро, неровно, оставляя в мясе обломки белых пластин.

Колено распухало на глазах.

Я попытался согнуть ногу и едва не потерял сознание.

[СИСТЕМА] Повреждение связок: вероятное.

[СИСТЕМА] Инородные фрагменты в тканях.

[СИСТЕМА] Нарушение кровообращения правой кисти: критическое.

Последняя строка была знакомой. Комплекс мог перечислять мои проблемы до утра. Воды от этого не прибавлялось.

Я лёг на мокрую полку и несколько минут просто дышал.

Расселина пахла кровью, холодным камнем и слизью хищника. Поток проходил по одежде, унося грязь и тепло. Жажда стала ещё сильнее после случайно проглоченной воды. Организм получил вкус и требовал продолжения.

Я поднял голову к источнику.

Чистая на вид струя выходила из щели в десяти метрах.

Между мной и ней больше ничего не двигалось.

Сначала нужно было разобраться с ранами.

Я вскрыл повреждённый сапог ножом, который всё ещё торчал между пластинами пасти. Лезвие погнулось, но не сломалось. Белые обломки сидели в коже как зубы. Я вытаскивал их мультитулом по одному.

Боль возвращала ясность.

Каждый фрагмент выходил вместе с тёмной густой кровью. Новое свёртывание мгновенно создавало пробку. Приходилось разрывать некоторые сгустки, чтобы достать пластину глубже, и каждый раз я боялся, что внутри образуется ещё один тромб.

Последний обломок оказался возле сухожилия.

Я не стал резать вслепую. Оставил его, промыл рану потоком и затянул сапог кабелем выше повреждения.

Затем осмотрел хищника.

Вне движения он выглядел не как змея и не как рыба. Плоское тело состояло из плотных мышечных лент, способных складываться в любом направлении. Четыре плавника были скорее якорными конечностями. На каждом — по два сломанных костяных крюка.

Пасть представляла собой круг из белых пластин, которые не кусали одним движением, а удерживали добычу и делали множество неглубоких разрезов. Кровь смешивалась с водой и проходила через боковые фильтры.

Там и находилось нужное мне.

Я придумал существу рабочее название.

Водорез.

Не самое изящное, зато точное.

Я прижал тело валуном и вскрыл боковую пластину. Под прозрачной мембраной лежали десятки тонких складок, соединённых с тёмным узлом у основания пасти. Вода проходила через них, оставляя на внутренней стороне серый минеральный налёт. Отдельные каналы собирали более прозрачную жидкость и уводили её в ткани.

Фильтр не делал поток чистым.

Он позволял существу переживать то, что было в воде.

Этого могло хватить мне.

Могло и не хватить.

После паразитов я получил тромб. После кислотной железы — канал, который первым делом обжёг хозяина. Все ос-

нования ожидать третьего удачного решения отсутствовали.

Я посмотрел на пустую флягу.

Потом на струю.

Ждать безопасной воды означало умереть рядом с опасной.

Я вырезал один фильтрующий узел вместе с окружающей мышцей. Ткань была прохладной, почти прозрачной, с серебристой сеткой внутри. Она сокращалась после смерти, пропуская через себя воду из разрезанных каналов.

Левый корневой канал вышел из ладони.

Кончик был надорван и кровоточил. Обычное движение не причиняло боли, но контакт с мокрой тканью водореза вызвал жжение. Я ввёл волокно в свежий разрез.

Поглощение началось медленно.

В ладонь пошла прохладная жидкость, менее горькая, чем вода потока. Затем белок, соли и неизвестные соединения. Голод потребовал больше.

Я удерживал контакт только несколько секунд.

Этого оказалось достаточно.

Под левыми рёбрами возник спазм.

Сначала я решил, что желудок реагирует на проглоченную воду. Потом боль опустилась ниже, прошла через живот и сомкнулась вокруг позвоночника.

Я втянул корневой канал.

Спазм не прекратился.

Внутри что-то перестраивалось.

Я упал на колени, упёрся лбом в камень. Живот стал твёрдым. Мышцы сжимались волнами, пытаясь вытолкнуть содержимое из пустого желудка.

[СИСТЕМА] Получен биологический шаблон.

[СИСТЕМА] Аварийная обработка жидкости.

[СИСТЕМА] Совместимость: низкая.

Меня вырвало.

Сначала вышла вода, которую я вдохнул во время боя. Серая, со слизью и тонкими красными нитями. Потом жёлчь. Затем только болезненные сокращения.

Перестройка продолжалась. Под кожей живота проступили тёмные линии, потянувшиеся от растительных жил под рёбрами к желудку и верхней части кишечника. Внутри не появлялся отдельный узел: существующие ткани обрастали дополнительными складками и каналами, грубо повторяя принцип фильтров водореза.

Каждая новая складка ощущалась как медленно затягиваемая проволока.

Я вцепился зубами в рукав, чтобы не кричать.

Правая кисть лежала на камне рядом. Её цвет почти не менялся. На фоне боли в животе она казалась чужой вещью, которую я зачем-то носил с собой.

Жар сменился холодом.

Кожа покрылась потом. В расселине и без того было прохладно, но меня трясло так, что зубы стучали.

Я попробовал отползти от воды. Мышцы живота сжались,

и меня снова вырвало. На камень упала густая мутная слизь с серыми хлопьями.

Наниты и новая ткань отбрасывали часть поглощённого материала.

Не всё.

Что-то осталось.

Боль постепенно стала тупее. Вместо ножа внутри появился тяжёлый горячий узел ниже грудины.

Я лежал, пока свет над расселиной не начал темнеть.

Когда смог сесть, первым делом проверил живот. Под кожей от левого подреберья к пупку проступали тонкие тёмно-зелёные линии. Они исчезали, если я напрягал мышцы, и возвращались при расслаблении. Давление вызывало тошноту.

Интерфейс появился только после того, как показатели стабилизировались.

[СИСТЕМА] Сформирован нестабильный контур переработки жидкости.

[СИСТЕМА] Частичное связывание некоторых растворённых соединений.

[СИСТЕМА] Пропускная способность: низкая.

[СИСТЕМА] Накопление токсинов: вероятно.

Слово «фильтрация» система не использовала.

Правильно.

То, что образовалось внутри, не превращало яд в питьевую воду. Оно могло задержать часть загрязнений, перена-

править их в ткани или заставить тело вывести обратно.

Я должен был проверить предел.

Не потому, что был любопытен. Потому что без проверки мог выпить слишком много и умереть.

Я поднялся к струе у источника. Каждый шаг давался через боль в колене и спазм живота. Вода там выглядела прозрачнее. На стене не было радужной плёнки, но корневой канал всё равно чувствовал горечь и живую взвесь.

Я зачерпнул воду сложенной керамической пластиной от кислотного хищника, которую сохранил как контейнер.

Первый глоток был маленьким.

Вода оказалась ледяной. Она коснулась языка, прошла по горлу и ударила в желудок холодом.

Я ждал.

Под рёбрами новый контур сжался. Появилась горечь, но вода не вернулась сразу.

Второй глоток.

Спазм стал сильнее. По коже выступил пот.

Третий.

Тело удержало его несколько секунд, затем желудок поднялся к горлу. Я отвернулся от источника и вырвал часть воды на камень. Не всю.

Несколько глотков остались.

Жажда отступила на один шаг.

Не исчезла. Но язык перестал быть сухим деревом, а сердце стало биться ровнее.

Я захотел выпить ещё.

Контур под рёбрами сжался болезненно, предупреждая раньше интерфейса. Во рту появился металлический вкус. На коже живота тёмные линии налились цветом.

Я остановился.

Четвёртый глоток мог остаться. Пятый — тоже. А потом токсины накопятся быстрее, чем организм сможет их связать.

Предел проявился быстро: несколько глотков организм ещё терпел, дальше вместе с водой накапливалась новая проблема. Я наполнил флягу прозрачной водой у источника. Она оставалась опасной, но теперь у меня хотя бы был запас, который можно принимать по глотку. На горлышке закрепил полоску ткани как грубый механический фильтр от крупной взвеси. От растворённых соединений он не защищал.

Затем вырезал второй фильтрующий узел водореза и завернул его отдельно. Поглощать сейчас не стал. Тело уже переживало перестройку, а избыток той же ткани мог не улучшить контур, а утолщить его до закупорки.

Обычную мышцу тоже взял — небольшой кусок, без серого налёта. Голод стал глубже после формирования нового органа. Организм расходовал собственные запасы.

Я попробовал поглотить немного обычной мышцы через левый корневой канал. Тело приняло влажную органику без новой перестройки; живот свело, но материал остался внутри. Значит, изменение запустил именно специализирован-

ный фильтрующий узел, а обычная плоть здесь сработала как питание.

Это различие стоило помнить.

Я провёл в расселине ещё несколько часов.

Сначала восстановил копьё. Металлический наконечник погнулся, крепление разболталось. Я выпрямил полосу между камнями и затянул кабелем. Оружие стало короче и хуже сбалансировано.

Нож очистил от слизи, но на лезвии осталась глубокая вмятина.

Левый корневой канал втянулся не полностью. Повреждённый кончик распух внутри рубца, из-за чего ладонь закрылась неровно. Обычное движение по-прежнему работало, но максимальная длина уменьшилась.

Кислотный канал не восстановился. Под ногтем оставался сухой жар. Новую каплю получить не удалось.

Правую кисть я размотал.

Зрелище было плохим.

Мизинец и безымянный стали почти чёрными у ногтей. Кожа на тыльной стороне блестела от отёка. Большой палец двигался, но медленно. Я растёр руку, поднял её выше сердца и снова зафиксировал.

Резать сосуд не стал.

Пока ткань оставалась тёплой у запястья, шанс сохранить кисть существовал.

В какой-то момент сверху донёсся скрежет.

Я погасил подсветку интерфейса и замер.

Звук пришёл из широкого входа в расселину, откуда я спустился. Что-то тяжёлое двигалось по камням. Не мягкие шаги кислотного хищника. Каждый контакт сопровождался сухим скоблением, будто по плите тащили броневой лист.

Существо остановилось у верхней чаши.

Воздух принёс запах мокрой земли и падали.

Оно учуяло мёртвого водореза.

Я не видел гостя из глубины расщелины. Только тень, которая на мгновение закрыла серый свет. Потом раздался низкий хруст.

Камень под чужим весом.

Мне требовалось уходить.

Наверх — к существу — нельзя. Ниже поток уходил между стенами, в незнакомое каменное русло. Глубина уменьшалась, но проход оставался узким и скользким.

Я собрал всё, что ещё имело смысл нести: флягу с водой, два пакета теплоизолятора, монтажную пену, кабель, инклинометр, оставшиеся патроны, нож, мультитул, короткое копьё, кусок мышцы и запасной фильтрующий узел водореза.

Тело хищника пришлось оставить.

Я сделал один маленький глоток из фляги.

Контур под рёбрами сжался, вода осталась внутри.

Этого хватило, чтобы подняться.

Я двинулся вниз по руслу.

Камни были гладкими, течение толкало в металлическую

подошву. Левая нога почти не сгибалась. Приходилось переставлять её руками за ремень сапога на высоких уступах. Правой кистью я не мог опереться, поэтому каждый спуск превращался в медленное падение на левый локоть и копьё.

За спиной скрежет повторился.

Тяжёлое существо вошло в расселину.

Оно не спешило. Возможно, останки водореза задержат его. Возможно, запах моей крови окажется интереснее.

Я прошёл первый поворот.

Шум воды изменился. Впереди поток выходил из тесной щели в широкое каменное русло под открытым небом. По краям лежали серые валуны и длинные полосы белого налёта.

Я выбрался наружу и впервые за несколько часов увидел небо между ветвями.

Свет был тёмно-фиолетовым. Ночь подходила.

Русло уходило на северо-восток.

Это совпадало с моим направлением и давало возможность не возвращаться к болоту.

Я опустился на камень, прижав ладонь к животу. Новый контур пульсировал. Вода во фляге плескалась — целая, доступная и всё ещё способная меня отравить.

За поворотом расселины показалась широкая тень.

Сначала — округлый край панциря.

Потом когтистая передняя лапа, тяжёлая и покрытая наложенными друг на друга пластинами.

Существо протиснулось между стенами, соскребая с камня белую крошку. Оно было ниже того гиганта, которого я видел у кроволиста, но шире и плотнее кислотных хищников. На морде двигались короткие мясистые отростки, ловя запах.

Один повернулся в мою сторону.

Я поднял копьё.

Панцирная тварь опустила голову и пошла по следу крови, который вода смывала с моей повреждённой ноги.

У меня появилась вода.

И почти сразу нашёлся тот, кто собирался получить её вместе со мной.

Глава 6 — Панцирь

Тень за поворотом не торопилась.

Она выдвигалась из расселины по частям: сначала широкая передняя лапа, затем плоская голова, потом слоёный панцирь, скребущий обе стены одновременно. Белая каменная крошка сыпалась под тяжёлым брюхом и сразу смывалась потоком.

Я стоял посреди открытого русла и держал копьё левой рукой.

Между нами было около тридцати метров. Для здорового человека — достаточно, чтобы отступить, оценить местность и выбрать позицию. Для меня расстояние измерялось иначе: семь-восемь болезненных шагов до следующего спазма в животе, три шага до того, как левая нога начинала подламываться, и неизвестно сколько до полной потери правой кисти.

Существо выбралось наружу.

Оно было ниже кислотного хищника, но почти вдвое шире. Четыре короткие ноги расходились в стороны, удерживая корпус над камнем. Передняя пара заканчивалась не когтями, а тяжёлыми лопатами с зубчатыми краями. Задние лапы были толще и опирались на раздвоенные копыта.

Спину покрывали перекрывающиеся пластины цвета мокрого сланца. Каждая начиналась гладкой у позвоночника и

заканчивалась шершавым краем, похожим на крупную тёрку. На шее пластины стояли почти вертикально, защищая голову и позволяя втянуть её внутрь.

Глаз я не увидел.

Вокруг широкой пасти шевелились восемь коротких мясистых отростков. Они касались камня, воды и воздуха, оставляя влажные следы. Существо опустило морду к красной полосе, которую поток смывал с моей левой ноги.

Отростки развернулись ко мне.

Тварь издала низкий скрежещущий звук. Не рык. Она провела внутренними пластинами пасти друг о друга, словно точила два каменных ножа.

Я отступил.

Нога отозвалась болью, но выдержала.

Существо сделало шаг.

Камень под ним хрустнул.

Оно не выглядело быстрым. Это ничего не означало. Броня, способная таскать такой вес, требовала сильных мышц. Короткие ноги могли оказаться медленными только до первого рывка.

Я сделал маленький глоток из фляги.

Холодная вода прошла в желудок. Новый контур под рёбрами сжался, будто кто-то затянул ремень изнутри. Я остановился, дождался, пока металлический вкус ослабнет, и закрыл флягу.

Воды было достаточно, чтобы мучительно растянуть

смерть.

Недостаточно, чтобы тратить её на панику.

Русло впереди спускалось между валунами. Слева стена поднималась почти отвесно. Справа камни лежали ступенями и переходили в редкий лес. Там можно было уйти с воды, спрятать запах и обойти тварь по высоте.

Я двинулся вправо.

Панцирное существо не бросилось следом. Оно подошло к месту, где я сидел, втянуло воздух и слизало с камня кровь длинным серым языком.

Падальщик.

Живой человек интересовал его только потому, что уже достаточно напоминал падаль.

Я поднялся на первую каменную ступень. Металлическая подошва заскрежетала. Существо повернуло голову.

Слишком громко.

Я поставил копьё на камень и подтянулся. В животе прошёл новый спазм. Тёмно-зелёные линии под кожей налились жаром. Пришлось замереть, прижав левый локоть к боку.

Падальщик продолжал идти по руслу.

Он не смотрел на меня. Отростки у пасти скользили над камнями, читая след. Иногда передняя лапа переворачивала валун размером с человеческую голову. Под ним существо находило мелкие белые организмы, собирало их языком и шло дальше.

Оно не охотилось одним способом.

Оно проверяло всё, что могло оказаться мясом.

Я добрался до плоской площадки над руслом. Оттуда открывался путь между камнями к лесу. Если удастся заставить зверя продолжить вниз, я уйду по сухой стороне.

Для приманки у меня оставался кусок мышцы водореза.

Я достал его из керамической пластины. Ткань уже остыла, но пахла кровью и потоком. К ней добавил полоску ткани, срезанную с кольцевой раны на ноге. Свежей крови выступило мало: свёртывание сразу превратило её в густую тёмную каплю.

Я завернул всё в аварийный теплоизолятор, привязал остаток кабеля и вложил внутрь камень.

Получился тяжёлый свёрток, который можно было бросить далеко и протянуть по земле, создавая ложный след.

Я дождался, когда падальщик приблизится к развилке.

Бросил приманку вниз по руслу.

Свёрток ударился о камень и покатился. Я потянул кабель, заставляя его дёрнуться ещё на несколько метров.

Отростки у пасти существа мгновенно поднялись.

Падальщик ускорился.

Не рывком. Его шаги стали короче и чаще, панцирь задвигался волной. Пластины скользили друг по другу, позволяя широкому телу изгибаться намного сильнее, чем я ожидал.

Он настиг свёрток, прижал передней лапой и раздавил.

Челюстные пластины сомкнулись. Камень внутри хрустнул.

Существо проглотило мясо вместе с тканью и частью теплоизолятора.

Я пополз к лесу.

Первые метры прошёл тихо. Копьё ставил на мягкий мох между камнями. Левую ногу переносил почти руками, за ремень сапога. Правая кисть лежала в перевязи, тяжёлая и холодная.

За спиной снова раздалось скрежетание.

Я оглянулся.

Падальщик стоял над пустой обёрткой. Отростки у пасти касались места, где приманка лежала на камне. Затем один за другим повернулись не вниз по ложному следу, а к площадке, откуда я бросал.

Там остался запах моей ладони.

Свежей крови.

И капля токсичной воды, которую вырвало при спазме.

Зверь поднял голову.

Я перестал красться и пошёл быстрее.

План не провалился полностью. Приманка дала мне расстояние. Просто не то расстояние, на которое я рассчитывал.

Лес справа оказался редким только из русла. За первыми деревьями начиналась полоса каменных рёбер, тесно поставленных друг к другу. Между ними проходили узкие щели, заросшие серым мхом.

Я выбрал проход шириной меньше метра.

Падальщик не должен был войти туда плечами.

Я протиснулся боком. Копьё пришлось держать перед собой. Панцирное существо поднялось на площадку и пошло по запаху.

Земля дрожала под его весом.

Проход сужался. Я продвинулся ещё на пять метров и оказался в маленькой полости между двумя плитами. Впереди была щель, достаточно широкая для человека. Позади — коридор, где зверь должен был застрять.

Я достал монтажную пену.

Баллон оставался полупустым. Пена не удержит такую массу, но могла забить чувствительные отростки или дыхательные щели. Я снял защитный колпачок и положил баллон рядом.

Падальщик подошёл к проходу.

Плоская голова вошла первой. Отростки ощупали края камней. Передняя лапа скребнула по плите, расширяя щель.

Плечи остановились.

Я поднял копьё.

Существо втянуло голову.

На мгновение мне показалось, что оно отказалось.

Потом пластины на его спине приподнялись и легли друг на друга плотнее. Бока втянулись. Передние ноги повернулись, прижимаясь к туловищу.

Зверь развернулся почти боком и снова вошёл в щель.

Камень заскрежетал по панцирю. Шершавые края пластин срезали мох и расширяли проход. Тело сжималось вол-

ной, проталкиваясь вперёд по несколько сантиметров.

Я ошибся.

Панцирь был не только защитой. Он позволял существу менять форму и продираться туда, куда не проходило обычное тело такой ширины.

Я схватил баллон и отступил к передней щели.

Левая нога зацепилась за корень. Колено подломилось. Я упал на бок.

Падальщик рванулся.

В тесноте он не мог разогнаться, но передняя лопата достала меня. Зубчатый край прошёл по левому плечу.

Комбинезон лопнул.

Кожу не разрезало — её сняло.

Боль пришла не сразу. Сначала я увидел красную полосу на сером камне и белёсый слой собственной ткани на зубцах лапы. Потом плечо обдало кипятком.

Я закричал.

Существо потянуло лапу к пасти, соскребая мясо с зубчатого края языком.

Я ударил копьём в отростки.

Наконечник срезал два. Из ран брызнула тёмная жидкость. Падальщик дёрнул головой и навалился вперёд.

Я отполз к выходу.

Левой рукой приходилось одновременно держать копьё и отталкиваться. Правая болталась у груди. Плечо заливало кровью, но кровь быстро густела, образуя рваную корку по-

верх открытой мышцы.

Это спасало от истечения.

И запирало грязь прямо в ране.

Я выбрался из щели на каменный склон.

Падальщик протиснулся следом.

Его панцирь расправился с сухим треском. Пластины снова перекрыли бока. Существо стало шире, выше и будто тяжелее.

Я бросил баллон с пеной в сторону и ударил копьём в переднее сочленение.

Наконечник вошёл между пластинами, но зверь повернулся. Древко зажало.

Я попытался выдернуть.

Падальщик резко вскинул голову.

Копьё вылетело из руки. Меня развернуло и бросило вниз по склону.

Левая нога попала между двумя камнями.

Тело продолжило падать.

Кость хрустнула ниже колена.

Мир исчез в белом свете.

Я очнулся на спине.

Рот был открыт, но звук не выходил. Левая нога лежала под неправильным углом. Металлическая подошва смотрела в сторону, куда стопа не должна была поворачиваться.

Падальщик спускался ко мне.

Не спешил.

Отростки вокруг пасти двигались. Два срезанных висели короткими обрубками, остальные тянулись к крови на плече.

Я попытался освободить ногу.

Камни держали голень. При малейшем движении обломки кости тёрлись внутри. Тошнота поднялась к горлу. Новый водный контур сжался и выбросил из желудка единственный недавний глоток.

Вода растеклась по камню.

Падальщик ускорился.

Я нащупал рядом короткое копьё. Древко треснуло у крепления, но наконечник держался.

Поднять оружие левой рукой было трудно. Плечо не хотело двигаться. Снятая кожа собиралась в складку у ключицы, открытая мышца дрожала при каждом сокращении.

Я упёр копьё в камень перед собой.

Зверь подошёл.

Пасть раскрылась.

Внутри не было зубов. Две широкие пластины двигались навстречу друг другу, а между ними вращались короткие костяные рёбра. Это была дробилка для мёртвого мяса, костей и панцирей.

Он собирался начать с ноги.

Я ударил копьём в мягкую ткань между нижней челюстью и первой шейной пластиной.

Наконечник вошёл неглубоко.

Падальщик опустил голову и толкнул.

Древко согнулось. Моя рука прижалась к груди. Плечо разорвалось ещё шире.

Я отпустил копьё и ударил зверя камнем в один из отростков.

Бесполезно.

Передняя лапа легла на моё бедро.

Вес прижал таз к земле. Когтистый край начал тянуть ткань комбинезона вниз.

Зверь не убивал одним ударом.

Он фиксировал добычу и снимал с неё доступные слои.

Я выпустил левый корневой канал.

Надорванный конец вышел только на половину обычной длины. Я направил его не к зверю, а в трещину между камнями у зажатой ноги. Волокно нашло узкий корень, обвилось и сжалось.

Я потянулся всем телом.

Корень не мог освободить ногу. Он дал опору.

Я вывернулся из-под лапы, оставив на зубчатом краю ещё полоску ткани и кожи с бедра.

Падальщик ударил снова.

Лопата прошла над головой и разбила камень.

Я подтянулся к узкой выемке под плитой. Нога осталась зажата, но тело ушло из прямого доступа. Зверь не мог просунуть широкую голову под низкий навес.

Он начал копать.

Передние лапы работали попеременно. Камни летели в

стороны. Каждый удар отдавался через зажатую ногу прямо в перелом.

Я кусал ремень перевязи, чтобы не кричать.

У меня были секунды, возможно минуты.

Я осмотрел пространство под плитой.

Слева проходила глубокая трещина. Справа лежал клиновидный валун, удерживающий край навеса. Если сдвинуть его, плита опустится. Не обрушится полностью — другой конец лежал на массивном основании. Получится каменная пасть.

Падальщик должен войти глубже.

Я нашёл баллон монтажной пены. Он лежал на склоне в двух метрах, куда я бросил его перед падением.

Дотянуться рукой невозможно.

Корневой канал всё ещё держал трещину. Я отпустил опору и направил волокно наружу. Кончик чувствовал хуже, но различил холодный металл баллона.

Обвить гладкий цилиндр не удалось.

Я зацепился за пластиковый клапан.

Потянул.

Баллон сдвинулся.

Падальщик ударил лапой. Камень рядом с волокном раскололся, осколок рассёк белёсую ткань.

Боль прошла от ладони до локтя.

Корень не оторвался, но на нём появился тёмный надрез.

Я продолжил тянуть.

Баллон подкатился под плиту.

Падальщик просунул морду глубже. Отростки скользили по камню, искали меня. Пасть раскрывалась и закрывалась в нескольких десятках сантиметров от лица.

Я подобрал баллон.

Клапан погнулся, но работал.

Слева от зверя находился клиновидный валун. Чтобы освободить его, нужно было убрать два мелких камня. Левой рукой я мог добраться до одного. Второй лежал за головой падальщика.

План требовал, чтобы тварь повернулась.

Для приманки у меня оставался фильтрующий узел водореза.

Я достал свёрток зубами и левой рукой. Развернул. Прозрачная ткань пахла водой, кровью и свежей биомассой.

Падальщик замер.

Все уцелевшие отростки повернулись к узлу.

Я бросил его вправо, за голову зверя.

Существо дёрнулось за запахом.

Шея повернулась. Пластины разошлись с одной стороны и сжались с другой.

Между ними появилась тёмная мягкая линия.

Я запомнил место.

Затем выпустил пену прямо в раскрытую пасть.

Белая масса ударила в челюстные пластины и отростки. Падальщик рванулся назад. Пена начала расширяться, сме-

шиваясь со слюной и тёмной кровью.

Она не могла задушить зверя мгновенно. Пасть была слишком широкой, дыхательные щели могли находиться в другом месте.

Зато чувствительные отростки слиплись.

Существо ослепло в своём единственном понятном мне чувстве.

Оно забилось под плитой, пытаясь стереть пену о камень.

Я вытащил первый мелкий валун из-под клина.

Падальщик ударил головой вверх. Навес дрогнул. Пыль посыпалась мне на лицо.

Второй камень оставался за его шеей.

Я направил корневой канал вдоль стены. Волокно прошло над панцирем, коснулось камня и попробовало зацепить его край.

Слишком тяжёлый.

Я не мог вытащить его корнем.

Падальщик пятился. Если он выйдет из-под плиты, ловушка исчезнет.

Я схватил обломок копья и воткнул его между шейными пластинами, где видел мягкую линию.

Наконечник вошёл на несколько сантиметров.

Тварь дёрнулась вперёд.

Это удержало её под навесом, но древко снова начало изгибаться.

Мне нужен был слабый шов.

Кислотный канал под левым указательным пальцем оставался почти пустым. После боя с водорезом прошло слишком мало времени. Я сделал два глотка воды, но новый внутренний контур забрал большую часть на собственную работу.

Я открыл флягу зубами.

Выпил ещё один маленький глоток.

Желудок сжался.

Второй.

Металлический вкус заполнил рот. Тёмно-зелёные линии на животе налились жаром.

Я не пил воду ради жажды.

Я отдавал её кислотному карману.

Под ногтем появилось давление.

Падальщик начал вырываться. Копьё вышло из раны. Панцирь сдвинулся, закрывая мягкую линию.

Я прижал указательный палец к соединению двух пластин у основания шеи.

Напряг внутренний карман.

Ничего.

Сильнее.

Боль прошла по шраму.

На красной точке появилась крошечная прозрачная капля. Я удержал палец на месте, не давая ей стечь по ладони.

Кислота зашипела между пластинами.

Запахло палёным рогом и моей кожей.

Падальщик рванулся.

Капля расползлась по соединительной ткани. Она не прожгла панцирь. Только размягчила узкую полосу и вызвала судорогу мышц под ней.

Этого хватило.

Я вогнал копьё в ослабленный шов и навалился левой стороной тела.

Плечо взорвалось болью.

Наконечник прошёл глубже.

Существо ударило головой в плиту. Клин сдвинулся.

Второй мелкий камень выскочил сам.

Навес опустился на несколько сантиметров.

Панцирь принял вес.

Раздался скрежет, но пластины выдержали.

Падальщик оказался зажат, не раздавлен. Передние лапы продолжали работать. Одна достала мою сломанную ногу и ударила по сапогу.

Кость снова сместилась.

Я закричал и почти отпустил копьё.

Пена на пасти рвалась. Отростки освобождались один за другим.

Ловушка не закончила бой.

Она только лишила зверя движения.

Я посмотрел на клиновидный валун. Он вышел наполовину. Если вытянуть полностью, плита опустится ещё ниже и прижмёт шею к камню.

До клина было меньше метра.

Между нами работала передняя лапа.

Я снял перевязь с правой руки.

Кисть выпала на грудь — чёрно-синяя, тяжёлая. Большой палец едва двигался.

Я обмотал ремень вокруг клина, используя левую руку и зубы. Свободный конец перекинул через каменный выступ.

Получился примитивный блок.

Тянуть придётся всем телом.

Падальщик ударил лапой.

Зубчатый край прошёл по правому предплечью. Я не почувствовал пореза в кисти, только удар выше запястья. Тёмная кровь выступила и сразу загустела.

Я зажал ремень между зубами и левой рукой.

Потянулся назад.

Клин сдвинулся на палец.

Живот свело. Меня вырвало водой прямо на грудь.

Я продолжил тянуть.

Клин вышел ещё немного.

Падальщик дёрнул головой. Плита поднялась на его панцире, возвращая часть веса.

Он был сильнее ловушки.

Я не был сильнее его.

Но камень не уставал.

Я переставил ремень, упёр здоровую правую пятку в стену и потянул снова.

Клин выскочил.

Плита рухнула.

Шейные пластины треснули. Голова падальщика ударилась о нижний камень. Пасть закрылась на собственных отростках. Передние лапы несколько раз ударили по земле и замерли.

Я лежал рядом, не отпуская ремень.

Существо ещё двигалось. Под панцирем проходили медленные волны. Тёмная жидкость текла из раны, сделанной копьём.

Я подполз ближе.

Левая нога оставалась зажатой между камнями. Теперь, когда тварь не копала, я мог освободить её, но сначала нужно было убедиться, что падальщик не встанет.

Я взял короткий обломок копья.

Вставил наконечник в размягчённый кислотой шов.

Толкнул.

Металл вошёл до камня под шеей.

Тело дёрнулось последний раз.

Я держал копьё ещё долго.

Потом отпустил.

Лес вокруг русла продолжал жить. Вода текла по камням. Где-то в кронах перекликались далёкие существа. Для мира ничего важного не произошло.

Для меня закончилась возможность идти.

Я освободил левую ногу.

Камни разошлись после нескольких ударов обломком копья. Голень лежала криво. Под кожей выпирал острый угол, но кость не прорвала её. Повреждённый сапог и металлическая подошва частично удержали от открытого перелома.

[СИСТЕМА] Перелом костей голени: вероятный, со смещением.

[СИСТЕМА] Нагрузка на конечность не рекомендована.

— Серьёзно?

Голос дрожал.

Я не мог оставить кость в таком положении. Отёк увеличивался. Сосуды могли пережаться, и тогда к правой кисти добавится мёртвая левая ступня.

Обезболивания не было.

Я положил ремень между зубами.

Одной рукой зафиксировал колено. Второй руки, способной тянуть стопу, не существовало.

Пришлось использовать корневой канал.

Белёсое волокно вышло из левой ладони. Надрез на нём болел, но сокращение сохранялось. Я обвил им кабель на металлической подошве и потянул ступню от себя, одновременно прижимая колено локтем.

Первое движение ничего не исправило.

Только заставило обломки кости скользнуть друг по другу.

Я заорал в ремень.

Остановился.

Вдохнул.

Повторил.

На этот раз голень вытянулась. Угол под кожей уменьшился. Стопа повернулась ближе к нормальному положению.

Я не пытался добиться идеального совмещения.

Мне нужно было вернуть кровоток и возможность наложить шину.

Из внутренней стороны панциря падальщика выступали узкие гладкие пластины, которыми перекрывались края сегментов. Я вырезал две ножом. Лезвие скользило, поэтому пришлось использовать шов, размягчённый кислотой, и трещины от плиты.

Одна пластина легла вдоль внешней стороны голени. Вторая — вдоль внутренней.

Между ними я проложил аварийный теплоизолятор. Стянул всё кабелем и остатком ремня.

Копьё пришлось разобрать. Техническая ручка стала третьей жёсткой опорой для шины. Металлический наконечник я сохранил отдельно.

Основного оружия больше не было.

Только нож, мультитул и короткий острый кусок металла.

Левая нога превратилась в тяжёлую прямую конструкцию. Наступить на неё было невозможно.

Плечо болело сильнее перелома, когда я переставал двигаться.

С зубчатого края лапы свисал кусок моей кожи. Область

от ключицы до верхней трети плеча оставалась открытой. Мышца была покрыта грязью, пеной и тёмными сгустками. Обычная перевязка прилипнет и оторвётся при первом движении.

Я промыл рану небольшим количеством воды.

Контур в животе сжался от потери доступной жидкости, будто понимал, что я вылил ресурс наружу.

Выбора не было.

Один пакет теплоизолятора я разрезал и положил гладкой стороной на плечо. Закрепить его одной рукой оказалось почти невозможно. Пришлось привязать кабель к зубам, обвести вокруг груди и затянуть.

Повязка держалась плохо.

Каждый вдох сдвигал её.

Панцирное существо лежало под плитой. Туша не растворялась. Из разбитых пластин выходил запах тёплого минерала, крови и жирной земли.

Голод отозвался сразу.

Не обычный желудочный.

Корневой рубец в ладони натянулся, а тёмные линии на животе стали заметнее. Организм видел свежую массу, воду, белок и структуры, которые могли закрыть открытую рану.

Я боялся не того, что поглощение не поможет.

Я боялся, что поможет неправильно.

После каждого спасения моё тело оставляло себе часть врага. Кроволист дал корни и голод. Кровососы остановили

кровь и почти убили руку. Кислотная железа Плевуна создала оружие, которое жгло меня. Водорез позволил пить и превратил каждый глоток в отравление.

Теперь передо мной лежала броня.

Если организм решит покрыть панцирем всё тело, я не встану.

Если укрепит кость вокруг неправильного смещения, нога останется кривой.

Если утолстит сосуды правой кисти, тромб может стать окончательным.

Я не хотел снова совать корень в тушу наугад. Сам панцирь был слишком массивным и бесполезным сейчас; куда интереснее выглядело то, что позволяло зверю таскать эту броню и не рваться под её весом. Я полез под пластины за плотной кожей, боковыми связками и сухожилиями тяжёлых лап.

Я вскрыл участок у переднего плечевого сустава падальщика.

Под сланцевой пластиной лежала тёмная кожа толщиной с палец. Её пересекали серебристые волокна, уходившие в широкий сухожильный веер. Ткань была свежей и ещё сокращалась.

Я вырезал небольшой кусок.

Положил на камень.

Левый корневой канал вышел медленно. Повреждённый кончик дрожал. Я коснулся разреза и позволил волокну вой-

ти только на несколько миллиметров.

Поглощение началось.

В ладонь пошла плотная тяжёлая ткань, совсем не похожая ни на прохладную мякоть водореза, ни на обжигающую железу кислотного хищника. Организм разбирал её на строительный материал, и сильнее всего ощущалась жёсткая упругая волокнистость, словно я втягивал в себя сырой ремень вместе с мясом.

Я остановил контакт через несколько секунд.

Корень втянулся.

Боль появилась в левом плече.

Сначала под открытой раной.

Мышца сжалась, будто к ней приложили раскалённую пластину. Края содранной кожи начали темнеть. Не заживать — меняться.

Я упал на спину.

Новая ткань росла отнутри кнаружи. Волокна проходили через рану, соединяя мышцу с остатками кожи. Они стягивались слишком сильно, тянули ключицу вниз и ограничивали сустав.

Под повязкой что-то хрустело.

Я сорвал теплоизолятор.

На открытом плече появлялись тёмные островки. Сначала тонкие, блестящие, почти чёрные. Потом они утолщались и соединялись, образуя неровную заплату.

Вместо жёстких пластин рана затягивалась грубой, но всё

ещё гибкой кожей, разбитой мелкими ромбическими линиями. Под ней между мышцей и новым покровом формировались широкие сухожильные ленты.

Боль поднялась к шее.

Левая рука выгнулась. Пальцы сжались. Ногти потемнели у основания и начали утолщаться, выталкивая старую прозрачную кромку вперёд.

Я пытался расслабить плечо.

Не мог.

Судорога держала сустав, пока новые волокна закреплялись вокруг него.

[СИСТЕМА] Структурная перестройка кожи и соединительных тканей.

[СИСТЕМА] Дефицит жидкости.

[СИСТЕМА] Дефицит минеральных соединений.

Я схватил флягу.

Сделал один глоток.

Контур живота свело.

Второй.

Вода осталась внутри, но металлический вкус усилился.

Третий я не смог проглотить. Желудок выбросил его обратно.

Перестройка продолжала требовать воду.

Организм забрал её из собственных тканей.

Губы высохли. Глаза резало. Мышцы ног свело, включая сломанную голень внутри шины.

Я лежал между трупом и потоком, пока боль не стала терпимой.

Свет над руслом почти исчез.

Когда я смог сесть, левое плечо выглядело чужим.

Тёмная плотная кожа закрыла большую часть содранной области. Края оставались красными и воспалёнными. Новая поверхность чувствовала давление и температуру, но лёгкое касание воспринималось глухо, словно через толстую ткань.

Я провёл по ней повреждённым ногтем.

Царапина осталась светлой линией и быстро исчезла.

Обычный порез не раскрыл бы её так легко, как прежнюю кожу.

Царапина на новом покрове почти сразу исчезла, зато плечо стало тяжёлым и тугим. Я попробовал поднять левую руку.

До уровня груди получилось.

Выше сустав остановился. Плотные сухожилия не растягивались. Плечо весило так, будто к нему привязали пластину металла. При попытке отвести руку назад боль прошла к шее и рёбрам.

Основная рабочая рука стала защищённее и почти наполовину менее подвижной.

Правая оставалась чёрно-синей.

Левая нога — сломанной.

Ногти на левой руке утолщились и стали тёмно-серыми. На правой изменения появились только у основания большо-

го пальца, куда ещё доходила кровь. Мёртвые на вид пальцы не приняли перестройку.

Контраст был слишком наглядным: там, куда кровь почти не доходила, пальцы оставались холодными и чёрными, а перелом под шиной никуда не делся. Комплекс отметил лишь стабилизацию; кости всё ещё требовали времени, воды и нормального положения.

У меня не было ни одного из трёх в достаточном количестве.

Я пересобрал остатки снаряжения. Фляга стала легче почти на треть, один пакет теплоизолятора был испорчен кровью, монтажная пена закончилась, кабеля оставалось мало, а копьё пришлось разобрать. Из оружия у меня теперь были лишь погнутый нож, мультитул и металлический наконечник длиной с ладонь.

Я срезал с падальщика ещё две тонкие внутренние пластины. Не для поглощения. Они могли стать инструментом, защитой или частью следующей шины.

Потом нашёл его слабость окончательно.

Панцирные сегменты выдерживали удары, но крепились на мягких боковых связках. Голова втягивалась под шейные пластины. Органы чувств находились в отростках вокруг пасти. Существо не преследовало здоровую быструю добычу. Оно шло на кровь, слабость и неподвижность, проверяло камни лопатами и снимало мясо слоями.

Панцирник.

Рабочее название подходило лучше, чем «падальщик». Падалью для него мог стать любой, кто перестал двигаться достаточно быстро.

Я посмотрел на русло.

До ближайших деревьев было около двухсот метров. Среди них возвышался один гигантский ствол, толще остальных. Его корни образовывали тёмные полости у основания.

Укрытие.

Путь до него с исправными ногами занял бы несколько минут.

Я не мог встать.

Пришлось сделать волокушу.

Один кусок панциря положил под левую ногу. Привязал шину к пластине остатком кабеля, чтобы она скользила по камням. Вторую пластину закрепил на правом предплечье как щит, хотя кисть не могла её удерживать.

Для опоры оставался только обломок технической ручки. Вынуть её из шины было нельзя. Я взял плоский камень и обмотал его тканью, получив скользящую подставку для левой ладони.

Двигаться можно было одним способом.

Сесть.

Поставить правую ногу.

Упереться левой рукой.

Подтянуть тело.

Перетащить сломанную ногу.

Повторить.

Первое движение отняло больше сил, чем десяток шагов утром.

Второе вызвало спазм живота.

На третьем тёмная кожа плеча натянулась, но не разорвалась.

Это была её польза.

Я полз.

Русло медленно оставалось позади. Панцирник лежал под плитой, часть его панциря блестела в последнем свете. Запах крови тянулся за мной, несмотря на сгустки и новую кожу.

Через пятьдесят метров правая кисть начала болеть.

Не вся.

Только большой палец и участок запястья.

Остальные пальцы не чувствовали ничего.

Я остановился и посмотрел на них.

Мизинец у ногтя стал чёрным. Безымянный — почти таким же. Кожа между ними оставалась холодной.

Панцирная перестройка не спасла руку.

Она потратила воду и силы, которые могли понадобиться для борьбы с тромбом.

Я продолжил ползти.

В лесу справа что-то коротко пискнуло.

Ответ пришёл слева.

Мелкие быстрые звуки перемещались между корнями.

Запах крови нашёл новых хозяев.

До гигантского дерева оставалось меньше ста метров.

Я подтянул сломанную ногу, прижал к груди чёрную кисть и пополз быстрее.

Панцирь дал мне кожу, которую было труднее разорвать.

Он не дал возможности остановиться.

Глава 7 — Тромб

Первый писк пришёл справа.

Второй — слева, на полтона ниже.

Я замер посреди каменного русла, опираясь левой ладонью на обёрнутый тканью камень. Сломанная нога лежала на панцирной пластине позади, шина цеплялась за каждый выступ. До гигантского дерева оставалось меньше ста метров.

При обычных обстоятельствах я преодолел бы это расстояние за несколько секунд.

Сейчас между мной и укрытием лежало примерно пятьдесят подтягиваний, каждое из которых двигало обломки костей внутри голени и натягивало новую тёмную кожу на левом плече.

Писк повторился.

Я медленно повернул голову.

В папоротниках мелькнуло серое тело — низкое, длинное, не выше колена. Потом исчезло. С другой стороны по камню прошёл быстрый перестук мелких лап.

Они не нападали.

Пока.

Я подтянул правую руку к груди. Перевязь пришлось снять во время боя с панцирником, и кисть теперь лежала на животе, тяжёлая, холодная и почти чёрная у пальцев. Большой палец ещё отзывался слабым движением. Указательный

дрогнул, когда я приказал ему согнуться. Безымянный и мизинец не чувствовали даже давления ногтя.

Тёмная полоса под кожей предплечья поднялась ещё на несколько сантиметров.

[СИСТЕМА] Кровоснабжение дистальных тканей: критическое.

[СИСТЕМА] Риск необратимого повреждения: высокий.

Ничего нового.

Только слово «необратимого» стало конкретнее.

Я прижал кисть к боку, растёр запястье левой ладонью и почувствовал редкую слабую пульсацию выше плотного участка. Ниже — почти ничего.

Разрезать сосуд в лесу, одной рабочей рукой, без антикоагулянта и нормального света было способом ускорить потерю конечности, а не спасти её.

Ампутация тоже оставалась вариантом.

Плохим.

Но уже не невозможным.

В папоротнике снова мелькнуло движение.

Я взял металлический наконечник, оставшийся от копья, и зажал его в левой руке. Получился нож длиной с ладонь, без удобной рукояти. Настоящий нож висел на поясе, но погнутое лезвие заедало в ножнах, а для быстрого удара требовалось поднять тяжёлое плечо выше груди.

Я продолжил ползти прежним мучительным способом: сел, поставил правую ступню, упёрся левой ладонью и под-

тянул таз. Панцирная пластина за спиной заскрежетала по камню, утягивая за собой сломанную ногу. Боль прошла через шину, поднялась до паха и ударила в поясницу.

Я остановился, дождался, пока белая пелена перед глазами станет прозрачнее.

Повторил.

Лес по краям русла темнел. Между корнями загорались голубые мешочки растений. В их свете гигантское дерево впереди казалось частью неба: ствол уходил вверх широкой стеной, а корни лежали на земле, как окаменевшие волны.

Под одним корнем темнела полость.

Сухая или хотя бы не залитая водой.

Цель была простой: добраться внутрь, закрыть один подход и пережить ночь.

Все существа вокруг, судя по звукам, считали план слишком оптимистичным.

Я прошёл ещё десять метров.

Первое нападение заняло меньше секунды.

Серое тело вылетело из травы справа, коснулось земли двумя передними лапами и развернулось в воздухе. Я увидел узкую морду, четыре блестящих глаза, поставленных по два друг над другом, и пасть, открывающуюся не вниз, а в стороны.

Прозрачные зубы сомкнулись на краю панцирной волокуши.

Тварь дёрнула.

Сломанная нога поехала назад.

Я ударил наконечником, но существо уже отпустило пластину и исчезло в папоротнике.

Слева ответили два коротких щелчка.

Они проверяли, что можно утащить.

Не добычу целиком. Сначала снаряжение, шину, слабую конечность.

Я развернул волокушу ближе к правому боку и связал её остатком кабеля с поясом. Кабеля было так мало, что узел получился почти без хвоста. Если его перегрызут, заменить будет нечем.

Следующая тварь появилась впереди.

Она стояла на валуне и не пряталась. Размером с крупную лису, но тело длиннее и ниже. Шесть тонких лап сгибались в двух местах. Серую кожу покрывали свободные складки, которые прижимались к бокам, когда существо напрягалось. За короткой головой рос плоский гребень из трёх костяных пластин.

Хвоста не было.

Вместо него на крупе располагались две твёрдые створки. Существо ударило ими друг о друга.

Щёлк.

Ответ пришёл сразу с трёх сторон.

Я насчитал четыре голоса.

Потом пятый — дальше, возле дерева.

Тварь на валуне опустилась ниже. Верхняя пара глаз смот-

рела на меня, нижняя — на сломанную ногу.

Я бросил камень.

Она спрыгнула прежде, чем он долетел.

Не испугалась. Только сменила позицию.

Я подтянулся ещё на метр.

Стая двигалась вместе со мной. Серые складки мелькали за валунами, в траве, под корнями. Они не окружали ровным кольцом. Одни шли ближе, другие оставались на расстоянии. После каждого моего движения позиция менялась.

Они выясняли, в какую сторону я не способен ударить.

Ответ был неприятно простым: почти в любую.

Тёмная кожа на плече удерживала сустав, но рука поднималась только до груди. Выпад вперёд получался коротким. Вправо я мог развернуться, опираясь на здоровую ногу. Влево мешала волокуша. Назад не доставал вообще.

Правая рука могла служить только приманкой.

Я снова прижал её к животу.

Пальцы показались темнее, чем минуту назад.

Внутри возник холодный, ясный страх.

Кисть умирала не после боя, не когда-нибудь потом. Она умирала сейчас, пока я полз по камням.

Я попытался открыть правый корневой канал.

Рубец в ладони натянулся. Под кожей возникло слабое движение, словно тонкое волокно упёрлось в закрытую дверь. На поверхности показалась белая точка и сразу потемнела.

Канал втянулся.

Боли почти не было.

Отсутствие боли означало, что нервам тоже не хватало крови.

Я пополз быстрее.

Через несколько метров живот свело.

Новый контур переработки жидкости сжался под рёбрами. Во рту появился металлический вкус. Я остановился, вытащил флягу и сделал один маленький глоток.

Вода осталась внутри.

Второй не рискнул.

Стая услышала паузу.

Серое тело прыгнуло с камня слева.

Я успел поднять наконечник. Тварь не пошла на руку. Она ударила передними лапами по моей груди и тут же оттолкнулась, разворачиваясь над сломанной ногой.

Боковая пасть раскрылась.

Зубы вошли в кабель на шине.

Я ударил вниз.

Наконечник рассёк свободную кожную складку на боку. Из раны выступила ярко-оранжевая кровь.

Тварь взвизгнула и отпрыгнула.

Остальные не бросились на защиту.

Наоборот, два существа метнулись к месту, где упала кровь сородича, коснулись её языками и сразу разошлись.

Раненое животное скрылось.

Стая запомнила длину моего удара.

Следующая атака пришла точно сзади.

Зубы сомкнулись на одном из ремней волокуши. Существо потянуло, не приближаясь к левой руке. Узел на поясе врезался в живот.

Я развернулся, но плечо не позволило ударить достаточно далеко.

Тварь отпустила ремень раньше, чем наконечник дошёл до неё.

Щёлк.

Ещё один ответ.

Они обучались быстро.

Я снял с пояса настоящий нож и положил его на панцирную пластину рядом с коленом. Металлический наконечник оставил в руке. Два оружия не давали двух рук, но хотя бы позволяли не искать лезвие после каждого падения.

До дерева оставалось около шестидесяти метров.

Между мной и корнями лежала полоса мягкой почвы, покрытая красно-серым мхом. Каменная волокуша должна была идти там тише.

Она пошла тяжелее.

Пластина сразу зарылась краем в мокрую землю.

Я потянул сильнее.

Левая ладонь скользнула. Новая кожа плеча выдержала, но сухожилия под ней натянулись до боли. Сломанная нога осталась на месте, а тело дёрнулось вперёд.

Внутри шины что-то сместилось.

Я задохнулся.

Не закричал только потому, что не хватило воздуха.

Стая приблизилась.

В траве показались сразу три серые спины.

Они чувствовали изменение движения.

Я развернул волокушу и подложил под передний край вторую тонкую пластину панцирника. Получился скользящий нос. Последний кусок теплоизолятора ушёл между пластинами, чтобы металл не закусывало.

Запас материалов становился похож на список уже совершённых ошибок.

Я сделал ещё одно подтягивание.

Волокуша двинулась легче.

Одна тварь бросилась справа, другая слева.

Я ударил наконечником по правой. Она отступила.

Левая не атаковала тело. Она вцепилась в флягу на поясе.

Ремешок натянулся.

Я прижал флягу локтем, но тяжёлое плечо не успело опуститься. Существо дёрнуло сильнее. Крепление лопнуло.

Фляга полетела в траву.

Тварь схватила её поперёк и отскочила.

Я бросил наконечник.

Металл попал ей в заднюю лапу. Серое тело перевернулось. Фляга выпала и покатилась по мху.

Сразу два других существа метнулись к блестящему пред-

мету.

Не к воде.

К моему запаху на горлышке.

Я подтянулся к фляге и накрыл её левой ладонью. Одна пасть щёлкнула у пальцев. Прозрачный зуб скользнул по утолщённому ногтю и оставил белую борозду, не расколов его.

Плотная ткань работала.

До тех пор, пока зуб не попадал в обычную кожу между пальцами.

Я ударил рукоятью ножа. Существо отлетело. Второе успело вцепиться в край рукава и рвануло.

Меня развернуло на живот.

Правая кисть оказалась под телом.

Я не почувствовал боли.

Зато услышал сухой хруст.

Существо отпустило рукав и отскочило.

Я перевернулся на бок.

Мизинец правой руки смотрел под неправильным углом. Ноготь был сорван, кожа у кончика разошлась, но крови почти не появилось. Только густая тёмная влага.

Палец сломался.

Я понял это глазами, не телом.

Тошнота поднялась к горлу не от боли.

От того, насколько легко можно потерять часть себя, если она уже перестала говорить.

Я выпрямил мизинец левой рукой и примотал к безымянному узкой полоской ткани. Движение было почти символическим. Если кровоток не вернётся, положение кости не будет иметь значения.

Существа наблюдали из травы.

Никто не приближался, пока я двигался.

Стоило замереть — одна серая морда появилась ближе.

Я поднял нож.

Она исчезла.

— Понял, — сказал я хрипло. — Лежать разрешено только мёртвым.

Дерево было уже в сорока метрах.

Я выбрал направление к самому низкому корню. По земле там шла широкая борозда, вымытая дождями. Волокуша могла скользить внутри неё.

Путь оказался ловушкой.

Борозда сужалась у основания дерева и упиралась в переплетение мелких корней. Я увидел это только когда прополз половину расстояния. Слева и справа поднимались мшистые берега. Развернуть волокушу в тесном жёлобе будет трудно.

Стая это поняла раньше меня.

Щелчки переместились к обоим выходам.

Я остановился и осмотрел дерево.

Гигантский ствол был живым не весь. Правая сторона поднималась гладкой чёрной стеной, по которой текли светящиеся жилы. Левая часть погибла. Кора там стала серой,

вздулась и разошлась вертикальными трещинами. Изнутри выступала рыхлая древесина, проеденная белыми грибными нитями.

Один боковой корень нависал над бороздой на высоте человеческой груди. Толстый снаружи, он провалился внутри. Нижняя часть держалась на трёх тёмных перемычках и спутанной сети мелких корней.

Если обрушить его, борозду перекроет.

Если сделать это после того, как стая войдёт внутрь, часть существ окажется под древесиной.

Главное слово — «часть».

Остальные останутся.

Я пополз к мёртвому участку.

Первая тварь появилась на краю борозды. Она шла параллельно, не спускаясь. Нижние глаза следили за сломанной ногой, верхние — за ножом.

Я сделал вид, что не замечаю.

Вторая двигалась с противоположной стороны.

Третья показалась впереди, под нависающим корнем.

Я насчитал шесть здоровых существ и одно раненое, которое держалось дальше. Возможно, были ещё.

Они не входили в жёлоб одновременно.

Один проверял, остальные ждали.

Мне требовалось изменить это.

Я снял с правого предплечья тонкую панцирную пластину, служившую щитом. Ремень под ней пропитался кровью

из рассечения. Я разрезал ткань ножом, снял самый мокрый слой и бросил его под нависающий корень.

Запах ударил даже мне в нос.

Существа замерли.

Ближайшее спустилось в борозду.

Не к ткани сразу. Оно сделало короткий круг, проверило края, щёлкнуло створками на крупе.

Второе вошло следом.

Третье осталось наверху.

Я продолжил ползти к мёртвой древесине, демонстративно волоча сломанную ногу. Панцирная пластина скребла по корням. Каждый звук говорил стае одно и то же: добыча медленная, уставшая, почти остановилась.

Первая тварь схватила кровавую ткань.

Вторая прыгнула к ней и попыталась отнять.

Они не делились.

Хорошо.

Я добрался до серой коры и вогнал нож в вертикальную трещину.

Лезвие вошло легко.

Слишком легко.

Внутри древесина превратилась в влажную труху. Нож не мог служить рычагом — опора рассыпалась.

Я расширил трещину рукой. Под наружным слоем обнаружилась пустота. Нависающий корень держался не на древесине, а на трёх смолистых перемычках толщиной с за-

пястье.

Перерезать их ножом одной рукой было невозможно.

Кислотный канал оставался пустым.

Монтажной пены больше не было.

Из инструментов — мультитул, погнутый нож, металлический наконечник и корневое волокно длиной меньше прежнего.

Я достал мультитул и развернул пилку.

Левое плечо позволяло работать только перед грудью. Пришлось лечь боком и пилить нижнюю перемычку короткими движениями.

Стая услышала звук.

Тварь с кровавой тканью отступила. Вторая подняла морду.

Они ещё не понимали, что я делаю.

Я пилил.

Смола забивала зубья. Каждый десяток движений приходилось очищать пилку ногтем.

Первая перемычка начала скрипеть.

Существо впереди бросилось на меня.

Я выпустил мультитул, схватил наконечник и ударил снизу.

Тварь изменила направление в прыжке. Прозрачные зубы прошли мимо горла и сомкнулись на плотной коже левого плеча.

Панцирная заплата не разорвалась сразу.

Зубы продавили её до мышцы.

Челюсти сжались.

Боль ударила в шею и грудь. Левая рука перестала слушаться.

Я не мог поднять наконечник достаточно высоко.

Тварь тянула меня из-под корня.

Её кожа прижалась к телу, мышцы проступили длинными тяжами. Ещё немного — и плотная заплата оторвётся вместе с тем, что закрыла.

Я ударил головой в костяной гребень.

Первый раз только оглушил себя.

Второй сместил пасть.

Я просунул металлический наконечник между боковыми челюстями и повернул.

Прозрачный зуб лопнул.

Существо отпустило плечо и отскочило.

Я метнул наконечник вслед.

Он вошёл в серую складку за передней лапой.

Тварь перевернулась, ударилась о стену борозды и попыталась подняться. Одна передняя нога не держала.

Остальные рванулись не ко мне.

К раненому.

Две пасти сомкнулись на его боку.

Я замер.

Стая разрывала сородича, который больше не мог двигаться нормально.

Не из голода — мяса вокруг хватало бы после моей смерти.

Они устраняли слабого, пока тот не привлёк кого-то крупнее или не замедлил группу.

Раненая тварь визжала недолго.

Три существа оказались в борозде у тела.

Ещё два стояли на краях.

Это был лучший момент, который я получу.

Я схватил мультитул и продолжил пилить перемычку.

Плечо дрожало. Из-под тёмной кожи выступила кровь: зубы не прорезали поверхность насквозь, но раздавили ткани под ней. Новые сухожилия удерживали сустав, одновременно мешая каждому движению.

Первая перемычка лопнула.

Нависающий корень опустился на несколько сантиметров.

Стая замерла.

Одна тварь подняла все четыре глаза.

Я перешёл ко второй перемычке.

Она находилась выше уровня груди. Поднять руку я не мог.

Пришлось использовать корневой канал.

Белёсое волокно вышло из левой ладони. Надрезанный кончик дрожал. Я ввёл его в трещину вокруг перемычки и обвил смолистую ткань.

Обычный захват не причинял боли.

Проблема была в силе.

Я потянул.

Перемычка растянулась, но не лопнула. Корень в моей ладони натянулся до повреждённого участка. Там появилась острая боль.

Серые хищники бросили мёртвого сородича.

Один пошёл ко мне по борозде.

Я отпустил перемычку и взял нож.

Тварь остановилась за пределом выпада.

Мы смотрели друг на друга.

Верхние глаза не моргали. Нижняя пара двигалась отдельно, следя за левой рукой и флягой на поясе.

Она ждала.

Я тоже.

Слева по краю борозды прокралось второе существо.

Я увидел его слишком поздно.

Оно прыгнуло сверху и ударило меня в спину. Прозрачные зубы сомкнулись на ремне, удерживающем флягу и снаряжение. Вес прижал меня к земле.

Передняя тварь бросилась к сломанной ноге.

Я развернулся на боку. Зверь на спине рванул ремень. Фляга ударила по камню, но не выпала.

Вторая пасть схватила панцирную волокушу у пятки.

Они потянули в разные стороны.

Шина сместилась.

Кость внутри голени прошла по краю панцирной пласти-

ны.

Я закричал.

Левая рука оказалась под грудью. Нож выпал.

Правой я ничего не мог сделать.

Существо на спине переключилось с ремня на правое предплечье. Зубы прошли по плотной панцирной пластине, нашли край и сомкнулись на кисти.

Я увидел, как чёрные пальцы исчезли в боковой пасти.

Боли не было.

Тварь дёрнула руку к себе.

Мизинец, уже сломанный, согнулся под невозможным углом. Кожа между безымянным и средним пальцами разошлась.

Тёмная кровь почти не пошла.

Это было хуже крика.

Я выпустил левый корневой канал вслепую, направил назад и обвил им заднюю лапу существа на спине.

Потянул.

Тварь потеряла опору и свалилась в борозду рядом. Я ударил её лбом в морду, нащупал нож левой рукой и вогнал под нижнюю челюсть.

Лезвие вошло до вмятины.

Существо забилось.

Я удерживал нож, пока движения не ослабли.

Вторая тварь отпустила волокушу и отступила.

Остальные щёлкали на краях.

Я лежал рядом с убитым существом и пытался дышать.

Новая рана на правой кисти выглядела как разрез на чужом предмете. Средний палец ещё сохранял тёмно-фиолетовый цвет. Безымянный и мизинец стали почти чёрными. Кожа на мизинце была раздавлена у сустава.

[СИСТЕМА] Жизнеспособность тканей четвёртого и пятого пальцев: низкая.

[СИСТЕМА] Распространение ишемии: продолжается.

Ампутация приближалась.

Но не сейчас.

Стая ждала, когда я займусь рукой.

Я вытащил нож из шеи зверя. Оранжевая кровь потекла по лезвию. Коротким движением разрезал ему бок и выпустил запах свежего мяса.

Потом подтянул тушу под нависающий корень.

Остальные существа заволновались.

Одно спустилось к мёртвому.

Я вернулся ко второй перемычке.

Корневой канал обвил её снова. На этот раз я не пытался порвать одной тягой. Скручивал волокно вокруг смолистой связки, используя край мёртвой коры как рычаг.

Перемычка начала трещать.

Тварь у туши куснула мёртвого в живот.

Вторая подошла ближе.

Третья спустилась в борозду за ними.

Верхние хищники оставались на краях.

Я подтянулся выше, упёр правую ступню в корень и потянул всем телом.

Вторая перемычка лопнула.

Нависающая масса просела.

Белая грибная пыль посыпалась сверху.

Осталась третья связка.

Она находилась с дальней стороны корня, вне досягаемости руки. Толще остальных и почти не повреждена гнилью.

Если пилить её, стая успеет разобрать тушу и переключиться на меня.

Нужен был рывок.

Я посмотрел на остаток кабеля, соединявший волокушу с поясом.

Если снять его, сломанная нога останется без страховки. Панцирная пластина может соскользнуть, шина — разойтись.

Без кабеля обрушение было возможно.

Без обрушения нога мне всё равно не понадобится.

Я перерезал узел.

Кабель освободился — меньше метра, с загнутым крепёжным крючком на конце.

Корневым каналом я протолкнул крючок через полость в мёртвой древесине. Он вышел с дальней стороны рядом с третьей перемычкой.

Зацепить связку получилось со второй попытки.

Свободный конец кабеля я обмотал вокруг толстой пан-

цирной пластины волокуши.

Она стала грузом и рычагом.

Три существа рвали тушу под навесом.

Четвёртое спустилось в борозду и пошло ко мне.

Я пополз назад, волоча сломанную ногу без страховочного узла. Пластина под ней съехала в сторону. Кость внутри шины снова задвигалась.

Каждый сантиметр отдавался тошнотой.

Тварь ускорилась.

Я оставил нож на земле между нами и продолжил отступать.

Она остановилась у оружия, понюхала рукоять.

Не взяла.

Перешагнула.

Умнее, чем мне хотелось.

Я добрался до места, где кабель натянулся.

Панцирная пластина-рычаг упёрлась в край борозды. Чтобы вытянуть связку, нужно было столкнуть её вниз.

Я поднял левую руку.

Плечо остановилось на уровне груди.

До верхнего края пластины не хватало ладони.

Тварь была уже в двух метрах.

Я выпустил корневой канал, обвил пластину и толкнул её от себя.

Волокно предназначалось для тяги, а не для такого движения. Оно согнулось, надрез на конце раскрылся.

Боль вспыхнула в ладони.

Пластина сдвинулась на несколько сантиметров.

Кабель натянулся.

Третья перемычка заскрипела.

Серое существо прыгнуло.

Я бросил тело в сторону.

Пасть прошла по правому боку, прозрачные зубы прорезали старую рану под рёбрами. Сгусток лопнул. Тёплая кровь потекла по животу.

Хищники под корнем подняли головы одновременно.

Я ударил нападавшего утолщёнными ногтями левой руки по глазам. Не кулаком — плечо не давало размаха. Просто вдавил пальцы в верхнюю пару.

Существо завизжало и отскочило.

Я снова толкнул пластину корневым каналом.

Она перевалилась через край.

Упала в борозду.

Кабель рванул третью перемычку.

Связка выдержала первый удар.

Пластина повисла, раскачиваясь над землёй.

Стая поняла опасность.

Два существа метнулись из-под корня.

Третье осталось у туши.

Я схватил кабель левой рукой и дёрнул вниз всем весом.

Плечо будто оторвалось от ключицы.

Перемычка лопнула.

Нависающий корень не рухнул сразу.

Сначала опустился медленно, выпуская из трещин облако белой пыли. Внутри ломались десятки мелких корешков. Стая бежала.

Потом наружная кора разошлась по вертикальному шву.

Масса дерева упала в борозду.

Удар поднял землю и мох.

Меня отбросило к стенке.

Сломанная нога осталась на месте, а тело развернуло вокруг неё. Шина хрустнула. Боль выключила зрение.

Когда мир вернулся, борозда была перекрыта.

Под корнем билось одно серое тело. Виднелись задние лапы и створки на крупе. Второе существо лежало у края, придавленное боком. Третье исчезло полностью под трухой и корой.

Остальные отступили.

Не убежали сразу.

Две серые фигуры стояли на краях борозды и смотрели вниз. Раненое существо с проколотым боком появилось дальше. Ещё одно щёлкнуло возле дерева.

Четыре живых.

Возможно, пять.

Я убил не стаю.

Я сделал нападение слишком дорогим.

Одна тварь спустилась к придавленному сородичу.

Я поднял металлический наконечник.

Она остановилась.

Щёлкнула створками.

Ответы пришли из темноты.

Потом существо медленно отступило. Остальные исчезли следом. Щелчки удалялись, но не прекращались ещё несколько минут.

Они не боялись меня.

Они решили, что сейчас выгоднее уйти.

Щелкуны.

Название было примитивным, но точным. Стая переговаривалась костяными створками, испытывала добычу короткими атаками и немедленно избавлялась от раненых сородичей. Не смелость и не трусость. Только постоянный расчёт цены.

Я лежал у стены борозды и слушал собственное дыхание.

Кровь из бока уже густела. Новая плотная кожа на плече выдержала рывок, но под ней что-то надорвалось. Левую руку теперь удавалось поднять только на несколько сантиметров. Корневой канал втянулся не полностью: из рубца торчал короткий потемневший конец, повреждённый натяжением.

Шина на ноге разошлась.

Одна внутренняя пластина треснула, техническая ручка сместилась. Голень снова лежала криво, хотя не так сильно, как после первого перелома.

Правая кисть выглядела хуже всего.

Пасть разорвала кожу между пальцами. Мизинец держал-

ся под неправильным углом. Безымянный стал чёрным почти до средней фаланги. Тёмная окраска поднялась к тыльной стороне кисти.

Я проколол подушечку среднего пальца кончиком ножа.

Появилась густая тёмная капля.

На безымянном — ничего.

На мизинце — тоже.

Ткани там уже могли быть мертвы.

Я прижал руку к груди, поднял выше сердца и обмотал остатком чистого теплоизолятора. Согреть мёртвую ткань недостаточно. Но оставлять её открытой после укуса было ещё хуже.

Фляга пережила падение.

Я сделал один глоток.

Живот свело, вода осталась внутри.

Второй вызвал рвотный спазм, поэтому я остановился.

Несколько минут ушло на шину. Я выровнял пластины, заменил лопнувшую внутренней пластиной, снятой с панцирника, и связал всё полосами ткани. Кабеля больше не было. Узлы из мокрой ткани растягивались, поэтому пришлось затянуть их зубами до онемения челюсти.

Встать я не мог.

Ползти — мог.

Гигантское дерево находилось уже вокруг меня. Борозда проходила между его корнями, а обрушенный мёртвый участок открыл тёмную полость под стволом.

Из неё тянуло сухой пылью.

Я подтянул волокушу к себе. Панцирная пластина потерялась под упавшим корнем — та самая, которой я вырвал последнюю перемычку. Для сломанной ноги осталась только узкая внутренняя пластина, привязанная к шине. Она хуже скользила и цеплялась за землю.

Пришлось тащить голень почти на весу, поддерживая ремнями из ткани.

Каждое движение стало медленнее.

Мелкие хищники могли вернуться.

Их жертвы под корнем ещё шевелились.

Я не стал добивать придавленного сразу. Его писк и запах удерживали внимание стаи вдали от полости. Жестокость решения не требовала объяснений. Только времени.

Я добрался до входа под корень.

Полость оказалась шире, чем виделась снаружи. Земля внутри была сухой, покрытой мелкой серой трухой. Потолок образовывали переплетённые древесные арки. В глубине лежали камни и белые грибные мешки.

Я прополз внутрь на длину тела.

Только после этого вернулся к придавленному существу.

Не из жалости.

Мне нужна была свежая биомасса.

Стая могла прийти за ней раньше, чем я восстановлю силы.

Я подполз сбоку, избегая задних лап. Тварь щёлкала

створками и пыталась повернуть голову, но грудь была зажата корнем.

Я вогнал металлический наконечник под челюсть.

Движение прекратилось.

Корневой канал в левой ладони выходил с трудом. Повреждённый конец почти не чувствовал поверхность. Я разрезал обычную мышцу на задней лапе, подальше от желез, органов чувств и любых незнакомых узлов, и коснулся свежего разреза корнем. Поглощал недолго, забирая то, что телу сейчас было нужнее всего из обычной плоти и жидкости. Внутри не возникло ни нового жара, ни знакомого приступа перестройки.

Тепло пошло в левую руку, затем в грудь. Голод ослаб, но правой кисти это не помогло. Плотный участок в предплечье оставался закрытым. Сколько ни добавляй жидкости в систему, через закупоренный сосуд она не пройдёт.

Я остановился до того, как организм потребовал больше.

С туши я снял ещё две полосы самой обычной мышечной ткани и завернул их в кусок кожи существа. Если голод снова прижмёт, лучше было начать с уже проверенного мяса, а не с очередного неизвестного органа.

Потом вернулся в полость.

Теперь можно было осмотреть укрытие.

Внутренние корни образовывали три прохода. Один уходил вверх, слишком узкий. Второй заканчивался стеной влажной земли. Третий шёл глубже под ствол и был частич-

но завален после падения мёртвого корня.

Оттуда исходил слабый серый свет.

Не голубой, как у растений.

Ровный.

Искусственный.

Я подумал, что начинается лихорадочный бред.

Подполз ближе.

Под трухой виднелась гладкая дуга шириной с ладонь. Серо-белый материал не был камнем и не принадлежал дереву. На поверхности шла тонкая красная линия, почти стёртая царапинами.

Я провёл по ней левыми пальцами.

Композит.

Человеческий.

Сердце ударило сильнее.

Я начал разгребать труху ножом и ладонью. Тяжёлое плечо не позволяло работать быстро. Куски гнилой древесины приходилось отодвигать локтем. Под ними открывалась всё большая часть изогнутой оболочки.

Красная линия сложилась в знакомую маркировку медицинского сектора.

Посадочная капсула.

Не моя.

Я замер, прижав ладонь к холодной поверхности.

За стенкой мог находиться живой человек.

Или тело.

Или то, что нашло его раньше меня.

На краю оболочки мигнул слабый аварийный индикатор.

Один раз.

Погас.

Правой рукой я не чувствовал ничего. Левая едва двигалась. Нога была сломана, стая оставалась где-то в темноте, а между мной и люком лежали корни, земля и неизвестно сколько часов работы.

Но впервые после падения передо мной находился не след, не волокно ткани и не отпечаток крови.

Передо мной была человеческая капсула.

Я приложил ухо к корпусу.

Изнутри пришёл тихий металлический стук.

Один.

Потом ещё один.

Слишком ровный для случайно падающей земли.

Глава 8 — Шовник

Стук повторился через семь ударов сердца.

Два коротких металлических касания. Пауза. Ещё два.

Я лежал ухом на холодном корпусе медицинской капсулы и пытался отделить надежду от шума механизма. Живой человек не стал бы стучать так ровно, если только не потерял сознание и не бился о стенку в судорогах. Автоматика могла работать по циклу. Ослабевшая деталь могла раскачиваться от движения дерева. Любой вариант был вероятнее, чем выживший, терпеливо ждавший под корнями, пока я доползу до него через половину леса.

Я всё равно постучал в ответ.

Три раза рукоятью ножа.

Изнутри ничего не изменилось.

Пауза. Два удара.

Надежда умерла не сразу. Она вообще оказалась живучей заразой.

Я отодвинулся от корпуса и осмотрел завал. Капсула вошла в землю под углом, носом вниз. Гигантский корень лежал поверх кормовой части, а мелкие отростки оплели корпус так плотно, будто дерево медленно затягивало чужой осколок в собственную ткань. Снаружи оставались видны часть люка, красная маркировка медицинского сектора и узкая полоса аварийного индикатора.

Слабый серый свет мигнул.

Стук повторился.

До ручного замка люка не хватало примерно полуметра расчищенного пространства. Полметра земли, гнилой древесины и корней толщиной с палец. Для человека с двумя руками — неприятная работа. Для меня — отдельная операция со всеми шансами закончиться раньше пациента.

Если он там вообще был.

Я сел, прислонившись спиной к сухой стенке полости. Левая нога лежала прямо, стянутая панцирными пластинами и полосами ткани. После обрушения корня шина держала хуже. Голень пульсировала в такт сердцу, а ступня периодически немела. Плотная тёмная кожа на левом плече не разошлась, но под ней мышцы были раздавлены зубами щелкуна. Руку удавалось сдвинуть на несколько сантиметров вперёд и почти невозможно поднять.

Правую кисть я держал на груди.

Безымянный и мизинец почернели до середины. Раздавленный мизинец был примотан к соседнему пальцу, хотя оба уже не заслуживали слова «живые». Средний оставался тёмно-фиолетовым. Указательный и большой палец отзывались едва заметным движением.

Тромб сидел в предплечье плотной холодной пробкой.

Я мог чувствовать собственный пульс выше него.

Ниже — тишину.

В медицинской капсуле могли быть антикоагулянты, со-

судистые инструменты, стерильная вода и нормальная шина. Мог быть только мёртвый человек и разбитые контейнеры. Проверить следовало в любом случае.

Я достал мультитул, раскрыл пилку и начал с корней.

Работать пришлось лежа на правом боку. Левое плечо не позволяло удерживать инструмент на весу, поэтому я подводил зубья снизу и двигал кистью короткими рывками. Белые волокна забивали пилу. После каждого десятка движений приходилось очищать её утолщённым ногтем.

Первый корень лопнул быстро.

Второй был живым, наполненным прозрачной тягучей жидкостью. Разрез сомкнулся вокруг пилки, как мышца вокруг инородного тела. Я выдернул инструмент, пока его не зажало окончательно.

Корневой канал из левой ладони показался на несколько сантиметров. Повреждённый конец выглядел хуже, чем раньше: белёсая поверхность потемнела у надрезов, чувствительность почти исчезла. Я ввёл волокно в срез растительного корня и втянул немного влаги.

Жажда отступила незначительно.

Зато живой корень ослаб, его края сморщились. Пилить стало легче.

Я не позволял организму поглощать больше. Чужая растительная ткань уже однажды спасла меня ценой, которую я до сих пор не понимал полностью. Добавлять к ней неизвестные корни гигантского дерева ради удобства не собирался.

Через полчаса ручной замок люка открылся полностью.

Пальцы левой руки дрожали. Лихорадка усилилась. В полости было прохладно, но по спине стекал пот. Фляга лежала рядом. Я сделал один маленький глоток токсичной воды.

Контур под рёбрами сжался.

Вода осталась внутри.

Второй глоток пришлось отложить.

Я расчистил углубление под рычагом замка, вставил металлический наконечник от копья и надавил. Рычаг не двигался. Корпус капсулы перекосило, запирающие штыри находились под нагрузкой.

Пришлось искать аварийный доступ.

На человеческих посадочных модулях внешний ручной привод располагался под сервисной пластиной справа от люка. Я помнил схему. На «Альтаире» мы прогоняли эвакуацию столько раз, что могли открыть капсулу в дыму и без света.

Могли — двумя исправными руками.

Сервисная пластина была вдавлена корнем. Я подцепил её ножом. Погнутое лезвие соскользнуло и рассекло кожу у основания левого большого пальца. Кровь выступила густой тёмной линией и почти сразу закрылась сгустком.

— Даже человеческая техника решила поучаствовать, — прошептал я.

Пластина поддалась со второй попытки.

Под ней находилось гнездо ручного привода и складная

рукоять. Рукоять сломалась при падении. Остался квадратный хвостовик, который можно было провернуть мультитулом.

Первый оборот прошёл тяжело.

Внутри корпуса что-то ударило.

Два металлических стука.

Я замер.

Не человек.

Каждый оборот натягивал или отпускал деталь, которая била по раме. Слабый привод продолжал пытаться разблокировать повреждённый люк, возвращался в исходное положение и начинал снова.

Надежда окончательно стала диагнозом.

Я продолжил вращать.

После шестого оборота из щели люка вышел воздух. Запах ударил в лицо: кровь, пластик, медицинский антисептик и сладкая тяжесть разлагающейся ткани.

Внутри был человек.

Живые так не пахли.

Я отодвинулся, вдохнул через рукав и провернул хвостовик ещё раз. Один запирающий штырь вышел. Второй застрял. Люк приоткрылся на ширину пальца.

Левым корневым каналом я нащупал внутренний край и потянул. Обычная работа волокна не болела, но повреждённый кончик срывался с гладкого композита. Пришлось завести его за петлю аварийного троса.

Я тянул корнем и нажимал здоровой правой ногой на корпус.

Люк открылся рывком.

Изнутри выпала металлическая тяга и дважды ударила по полу полости.

Вот и весь сигнал бедствия.

Я лежал, задыхаясь, и смотрел в тёмный проём.

Капсула была рассчитана на двух раненых и медицинского сопровождающего. При падении боковой отсек смяло. Один ложемент отсутствовал — его вырвало вместе с частью корпуса. Второй занимал человек в светлом медицинском комбинезоне.

Ремни удерживали его в кресле.

Точнее, то, что осталось от ремней и человека.

Корни проросли через трещины корпуса, но не касались тела. Его удерживали другие нити — серые, толщиной со шнур, прошедшие через рукава, бока и бёдра. Они связывали труп с ложементом, стеной и сломанной медицинской рамой. Некоторые уходили в темноту за креслом.

Лицо высохло и потемнело. Левая часть черепа была разбита при ударе. На груди сохранился жетон.

Я подтянулся ближе.

Медицинский техник Егор Власов.

Имя я знал. Не близко. На корабле невозможно знать лично всех, но фамилии ответственных за аварийные секции я учил до пробуждения экипажа. Власов проверял комплекта-

цию полевого госпиталя и спорил с логистами из-за лишних контейнеров плазмозаменителя.

Он всё-таки летел с медицинским запасом.

Только не довёз.

Я коснулся шеи двумя пальцами, хотя по виду смерть наступила давно.

Холодная кожа. Ни пульса, ни реакции интерфейса на живую сигнатуру.

— Майор Савин, — сказал я тихо. — Нашёл тебя, Власов.

Фраза прозвучала глупо.

Слишком поздно, чтобы называться находкой.

Я отрезал жетон. Не для отчёта, которого могло не быть. Потому что оставить имя под деревом вместе с тем, что сделало эти швы, казалось неправильным.

Серые нити проходили через тело аккуратно. Не рвали его широкими ранами. Каждая входила костяной иглой, делала петлю вокруг кости или плотной ткани и выходила наружу. На некоторых участках к человеку были пришиты куски местной кожи и растительных волокон.

Кто-то пытался не собрать его.

Кто-то использовал тело как основу.

Я подцепил одну нить наконечником.

Она дрогнула.

Не от моего движения.

Из темноты за креслом пришло слабое натяжение.

Я отпустил нить.

Внутри капсулы стало тихо.

Слишком тихо.

Я отодвинулся от люка и поднял нож. Левая рука почти не поднималась, поэтому лезвие держал у груди.

Ничего не произошло.

Запах трупа забивал остальные запахи. Серые нити сливались с внутренними тенями. Я различил небольшие утолщения на них — полупрозрачные мешочки, где двигалась тёмная жидкость.

Нити были живыми сосудами.

Они ещё соединялись с хозяином.

Я не стал лезть внутрь.

Сначала оценил капсулу снаружи.

Правую часть корпуса смяло корнем. Слева сохранился аварийный медицинский отсек. Его крышка была закрыта, индикатор не горел. Ниже ложемента находилась ручная силовая рама: две дуги, которые фиксировали тяжелораненого при извлечении и могли разжимать деформированный корпус. Привод работал от аккумулятора или механического винта.

Аккумулятор, судя по редким миганиям, почти умер.

Механика могла остаться.

Это было важно.

Существо, спрятавшееся за креслом, уже знало капсулу лучше меня. Нити проходили через направляющие, вокруг дуг и под ложементом. Оно устроило здесь гнездо или кор-

мовую площадку.

Я нашёл аварийный медицинский контейнер снаружи и начал вскрывать.

Крышка держалась на двух замках. Первый открылся. Второй заклинило. Я вставил металлический наконечник и повернул.

Из капсулы вылетела игла.

Я увидел белую костяную точку, когда она уже вошла в левое предплечье.

Удар был слабее копья, но точнее.

Игла пробила мышцу, вышла с другой стороны и зацепилась за край люка. Следом натянулась серая нить.

Руку рвануло к корпусу.

Я ударился плечом о люк. Тёмная кожа выдержала контакт, раздавленная мышца под ней отозвалась горячей болью.

Нить начала сокращаться.

Она не просто связывала. Она подтягивала меня к капсуле короткими равномерными рывками.

Я перерезал её ножом.

Лезвие вошло в серую ткань.

Нить распалась не на два мёртвых конца.

Обе половины сократились.

Внешний отрезок втянул костяную иглу глубже в предплечье. Внутренний исчез за креслом.

Боль прошла до пальцев.

Первая ошибка.

Я попытался вытащить иглу мультитулом. На её конце раскрылись четыре обратных крючка. Они держали мышцу изнутри.

Выдернуть означало разорвать предплечье.

Из капсулы появилась тварь.

Сначала две длинные передние конечности. Они опирались на края люка не ладонями, а костяными дугами, похожими на хирургические скобы. Потом вышло плоское тело размером с человеческий торс.

Кожа была полупрозрачной. Под ней перемещались тёмные сосудистые пучки, сходившиеся к двум барабанам по бокам груди. На барабанах наматывались живые нити.

Четыре задние конечности держались за стенки капсулы. Каждая состояла из трёх тонких сегментов и заканчивалась раздвоенной иглой. Голова отсутствовала. В верхней части тела находился венчик из коротких чувствительных усиков, которые касались воздуха, металла и серых швов на трупе.

В центре венчика открывалась узкая вертикальная щель.

Тварь провела одной передней дугой по нити в моём предплечье.

Щель раскрылась.

Внутри блеснули ряды мелких режущих пластин.

Я отполз.

Серая нить натянулась. Игла повернулась в мышце.

Левая рука почти перестала двигаться.

Существо не прыгнуло следом. Оно закрепило одну заднюю конечность на раме и выбросило вторую нить.

Игла прошла мимо лица и вошла в корень за моей спиной.

Третья нить ударила в плотную кожу плеча. Костяная игла скользнула по ромбическим линиям, не пробила центр заплаты и вошла в обычную кожу у ключицы.

Нить прошила меня и корень.

Тело оказалось притянуто к стене полости.

Тварь начала работать передними конечностями.

Не атаковать.

Шить.

Одна дуга удерживала натянутую нить. Вторая подхватывала местные корневые волокна, пропускала через петлю и затягивала узел. Серый шов соединял моё плечо с деревом.

Я ударил металлическим наконечником по нити.

Минеральная поверхность только сплющилась.

Ножом можно было резать, но каждое рассечение заставляло внутренний конец втягиваться глубже. Существо использовало сокращение как дополнительный крючок.

Нужно было убить хозяина до того, как освобождаться.

Я выпустил левый корневой канал.

Белёсое волокно вышло из ладони и обвило край люка. Оно могло подтянуть тело в сторону, но предплечье уже было пришито к металлу. Тяга сразу натянула иглу в мышце.

Я остановился.

Тварь выбросила четвёртую нить.

Она вошла в тканевый узел на шине и прошла между панцирными пластинами. Костяная игла закрепилась в земле.

Сломанная нога стала неподвижной.

Пятая нить ударила в правое предплечье.

Кожа там была холодной и почти не чувствовала прокола. Игла прошла через разорванную ткань у кисти и пришила руку к моему собственному комбинезону на животе.

Я увидел движение, но не ощутил боли.

Это пугало сильнее остальных ран.

Существо спустилось с люка.

Шесть конечностей двигались беззвучно. Тёмная жидкость перетекала в боковых барабанах. При каждом сокращении нити становились короче.

Оно не собиралось убивать меня быстро.

Власова оно тоже не убило сразу. Часть швов на его теле успела воспалиться и начать заживать. Значит, он прожил после первого нападения достаточно долго.

Я представил медицинского техника, пришитого к собственному креслу, пока существо добавляло к нему куски чужой ткани.

Страх сменился холодной яростью.

Не полезной.

Но достаточно сильной, чтобы перестать дёргаться.

Тварь чувствовала движение по нитям. Каждый рывок говорил ей, куда бросить следующую иглу.

Я замер.

Она остановилась.

Усики на верхней части тела поднялись.

Я задержал дыхание.

Существо провело передней дугой по нити, закреплённой в моём плече. Получило слабый ответ.

Сделало шаг ближе.

Я не двигался.

Вертикальная щель раскрылась. Тварь наклонилась к старой ране на боку, где зубы щелкуна снова разорвали сгусток.

Она собиралась пришить к ней что-то из своих запасов.

На внутренней стороне одной конечности висели полосы серой кожи.

Я ждал, пока боковой сосудистый барабан окажется на расстоянии удара.

Левая рука не поднималась.

Металлический наконечник лежал рядом с ладонью.

Я зажал его утолщёнными ногтями и толкнул вперёд без замаха.

Острие вошло в прозрачную стенку барабана.

Тёмная жидкость брызнула на грудь.

Существо выгнулось.

Все нити сократились одновременно.

Игла в левом предплечье прорезала мышцу глубже. Шов у ключицы рванул кожу. Сломанную ногу дёрнуло к земле.

Я закричал.

Тварь отступила к капсуле. Повреждённый барабан сжи-

мался, выбрасывая жидкость. Передняя конечность закрыла прокол полосой собственной ткани и начала затягивать её нитью.

Она шила себя на ходу.

Прямой удар не сработал.

Вторая ошибка.

Зато я увидел важное.

Чтобы восстановить барабан, существу пришлось ослабить часть нитей. Линия в моём предплечье провисла на несколько сантиметров.

Я дотянулся до медицинского контейнера.

Заклинивший замок оставался наполовину открытым. Левым корневым каналом обвил крышку и потянул. Волокно соскользнуло. Повреждённый кончик не держал гладкий пластик.

Тварь заканчивала шов на себе.

Я ввёл корень в отверстие замка, упёрся изнутри и раздвинул.

Крышка лопнула.

Содержимое высыпалось на землю: герметичный пакет стерильной промывочной жидкости, две перевязки, обезболивающий автоинъектор, треснутая кассета сосудистого антикоагулянта с остатком меньше половины, антимикробный герметик и складная шина. Среди всего этого лежала ручка управления медицинской силовой рамой, и сейчас она была важнее лекарств.

Я схватил ручку и увидел короткую схему на корпусе: открыть фиксаторы, вставить в гнездо, выбрать направление, качать до нужного усилия.

Гнездо находилось внутри капсулы под ложементом.

Между мной и ним стояла тварь.

Она закончила латать барабан.

Нити снова натянулись.

Я сунул автоинъектор в плотную кожу левого плеча. Игла не пробила.

Пришлось выбрать обычную кожу на груди.

Нажал.

Холодная жидкость вошла в мышцу.

Обезболивание не выключило боль. Сделало её дальше, отделило от мысли тонкой стеной. Голова поплыла. Интерфейс предупредил о падении давления, но я уже двигался.

Антикоагулянт лежал рядом.

Правая кисть требовала его немедленно.

Я не использовал кассету.

Если снизить свёртывание сейчас, пять проколов и разорванный бок начнут кровить одновременно. Сначала существо.

Тварь шагнула ко мне и выбросила новую нить.

Я подставил тёмную плотную кожу плеча.

Игла ударила в центр заплаты, скользнула и ушла в сторону.

Я толкнулся здоровой правой ногой.

Тело переместилось к капсуле на полметра. Шов у ключицы натянулся, кожа разошлась по краю плотной заплаты. Нить в предплечье прорезала новый канал.

Ещё один толчок.

Сломанная нога осталась пришита к земле. Шина заскрипела. Полосы ткани начали рваться.

Тварь отступала, сохраняя дистанцию, и добавляла швы между мной и корпусом.

Она не понимала, что я сам иду в её гнездо.

Или понимала, но считала это выгодным.

Левым корневым каналом я зацепился за петлю на ложементе Власова. Подтянулся.

Мёртвый техник качнулся в ремнях.

Серые нити на его теле натянулись. Существо мгновенно повернулось к старой добыче.

Вот что оно защищало.

Не тело.

Систему уже проложенных сосудистых нитей, через которые могло питаться и хранить материалы.

Я дёрнул ложемент сильнее.

Одна нить на груди Власова лопнула.

Тварь бросилась внутрь капсулы.

Передние дуги схватили серый шов и начали восстанавливать его.

Я оказался у люка.

Ручка силовой рамы вошла в гнездо не с первой попыт-

ки. Пальцы левой руки дрожали, плечо почти не двигалось. Пришлось прижать ручку подбородком и направлять корневым каналом.

Щелчок.

Зафиксировалась.

Рама была раскрыта вокруг ложемента: две металлические дуги лежали вдоль стен, повреждённые, но целые. В нормальной ситуации ими разжимали корпус и вытягивали раненого. Если переключить направление, они могли сойтись.

Я повернул селектор зубами.

Тварь почувствовала вибрацию.

Она выпустила нить в моё лицо.

Я успел наклониться. Игла прошла через верх уха и вошла в край люка.

Голову пришило к капсуле.

Любое движение тянуло ухо.

Я не мог отстраниться.

Существо развернулось ко мне. Вертикальная пасть раскрылась.

Я качнул ручку рамы.

Один раз.

Механизм заскрежетал. Левая дуга сдвинулась на несколько сантиметров.

Тварь остановилась между ними.

Второй раз.

Ручка сопротивлялась. Пришлось давить левой ладонью и подбородком. Плечо не участвовало, только локоть и вес тела.

Дуга пошла дальше.

Существо выбросило две нити. Одна прошила левую кисть между утолщёнными костяшками и закрепилась на ложементе. Вторая вошла в правый бок, рядом со старой раной.

Я оказался пришит к капсуле в шести местах.

Почти неподвижен.

Тварь начала отходить из зоны рамы.

Я дёрнул нити на теле Власова левым корневым каналом.

Они натянулись.

Существо рефлекторно подалось к повреждённой кормовой сети и схватило одну передней дугой.

Я качнул ручку в третий раз.

Металлическая арка ударила по задним конечностям твари и прижала их к ложементу.

Существо забилось.

Нити натянулись так, что меня подняло с земли на несколько сантиметров. Игла в ухе прорезала край хряща. Шов в боку раскрылся. Кровь пошла тёплой полосой.

Ускоренное свёртывание пыталось закрыть раны, но постоянное движение нитей разрывало сгустки.

Рама удерживала только две задние ноги.

Остальные четыре могли освободить тело.

Тварь начала шить металлическую дугу к собственной ко-

нечности, создавая опору для рывка.

Мне требовалось закрыть вторую арку.

Ручка находилась под левой ладонью.

Кисть была пришита к ложементу.

Я не мог поднять её.

Правой рукой — чёрной и холодной — попробовал коснуться ручки.

Большой палец двинулся.

Указательный согнулся на несколько миллиметров.

До ручки не хватало ладони.

Я повернул корпус.

Нить в боку натянулась и вошла глубже.

Дотянулся запястьем.

Правые пальцы не держали.

Тогда я прижал ручку внутренней стороной предплечья и толкнул всем телом.

Она сдвинулась.

Четвёртый ход.

Вторая металлическая дуга пошла к первой.

Тварь попыталась вырваться. Прижатые конечности оторвались у суставов. Из тела брызнула тёмная жидкость. Освободившись, оно метнулось к люку.

Дуги ещё не сомкнулись.

Существо проходило между ними боком.

Я не мог сделать следующий ход рукой.

Левая кисть была пришита.

Правое предплечье лежало на ручке, но силы не хватало.

Здоровая правая нога оставалась свободной.

Я подтянул колено к груди и поставил пятку на конец ручки.

Шовник выбросил нить.

Игла вошла в бедро правой ноги.

Я надавил пяткой.

Ручка опустилась.

Пятая ступень механизма сработала с сухим ударом.

Дуги сошлись.

Тварь оказалась между ними на уровне боковых сосудистых барабанов.

Прозрачная кожа лопнула.

Тёмные пучки выдавило наружу. Передние конечности продолжали шить, цепляясь иглами за металл, дерево, труп и меня. Нити сокращались беспорядочно.

Рама не убила существо сразу.

Она зафиксировала его.

Этого было достаточно.

Я выдернул левую кисть из шва.

Костяная игла разорвала ткань между указательным и средним пальцами. Обезболивание превратило боль в тяжёлый далёкий толчок. Кровь побежала по ладони, но быстро загустела.

Нож лежал у люка.

Корневой канал дотянулся до рукояти, обвил её и подтя-

нул.

Я зажал нож левой ладонью.

Шовник открыл вертикальную пасть.

Я вогнал лезвие в основание одного сосудистого барабана.

Первый удар перерезал прозрачную оболочку.

Второй вошёл в тёмный пучок.

Третий сломал погнутое лезвие у вмятины.

Половина ножа осталась внутри.

Существо всё ещё двигалось.

Я взял металлический наконечник и протолкнул его в разрез до рамы.

Тёмные сосуды перестали сокращаться один за другим.

Нити на моём теле обмякли.

Передние дуги медленно раскрылись.

Тварь осталась зажатой между металлическими арками.

Я не двигался.

Не потому что бой закончился.

Потому что не знал, какие нити можно резать без нового разрыва.

Одна серая линия проходила через левое предплечье, другая — через кисть, третья — через ключицу в корень, четвёртая — через правый бок, пятая — через бедро, шестая — через ухо. Нога оставалась пришита к земле через шину.

Я лежал рядом с мёртвым Власовым и мёртвым существом, связанный с обоими одной сетью.

— Нашёл людей, — прошептал я. — Очень продуктивный

день.

Сначала освободил ухо.

Игла находилась снаружи. Я обрезал нить далеко от кожи, чтобы внутренний конец не втянулся, зажал костяной стержень мультитулом и сложил обратные крючья по одному. Ухо всё равно разорвалось по краю, когда я вытаскивал его.

Потом бедро.

Там игла прошла только через мышцу. Разрез пришлось расширить, сложить крючья и вывести по каналу.

Шов у ключицы оказался хуже. Нить уже связала мою ткань с волокнами дерева и начала покрываться прозрачной плёнкой. Существо вводило не просто шовный материал. Оно запускало сращение.

Я срезал корень вокруг узла, оставив короткий серый отрезок в ране. Вытащить его без вскрытия плеча было невозможно.

Правый бок кровил сильнее остальных мест. Ускоренное свёртывание закрывало края, но серая нить двигалась вместе с дыханием. Я удалил иглу и залил рану антимикробным герметиком из капсулы. Пена обожгла ткани, затем застыла тонкой эластичной плёнкой.

Левое предплечье пришлось резать.

Игла прошла через мышцу и захватила петлёй собственную серую нить. Я сделал продольный разрез вокруг входа, освободил крючья и вытолкнул стержень. Рука сразу

ослабла. Пальцы дрожали. В глубине раны оставался тонкий серый фрагмент, приросший к сосуду.

Я не стал выдирать его вслепую.

Перевязочный пакет ушёл на предплечье и кисть.

Второй — на бок и ухо.

На сломанную ногу материалов не осталось.

Я освободил шину последней. Нить прошла между панцирными пластинами, не задев кожу. Это была единственная удача за последние часы.

Потом занялся Власовым.

Серые швы удерживали его тело в ложементе. Я перерезал их снаружи и складывал крючья, где мог. Некоторые прошли через кости и уже не выходили. Я не собирался разбирать человека на части ради чистоты.

Достаточно было снять его с сети существа.

Под креслом нашёлся регистратор.

Корпус треснул, но накопитель оставался цел. Я положил его рядом с жетоном и продолжил поиск медицинских запасов.

Стерильный пакет содержал сто восемьдесят миллилитров промывочной жидкости. Часть я потратил на левое предплечье, правую кисть и разорванный бок. Остаток — меньше половины — сохранил отдельно. Пить стерильную воду хотелось сильнее, чем дышать.

Я не пил.

Она могла понадобиться для сосудов или раны.

Обезболивающий автоинъектор опустел. Антимикробный герметик почти закончился. Складная шина была целой и лучше моей конструкции из панциря.

Я снял старые тканевые узлы с левой голени.

Отёк стал огромным. Кожа натянулась. Положение кости снова ухудшилось после обрушения и боя. Исправить полностью я не мог, но медицинская шина раскрывалась вдоль ноги, подстраивалась по форме и затягивалась одной лентой.

Я провёл новое вытяжение корневым каналом.

Обезболивание ещё действовало.

Это не сделало процедуру безболезненной. Только позволило не потерять сознание.

Кость сдвинулась внутри с влажным хрустом. Я выровнял ступню, закрыл шину и затянул фиксатор зубами. Нога стала устойчивее. Наступать на неё по-прежнему было нельзя.

Оставалась правая кисть.

Антикоагулянтная кассета показывала тридцать восемь процентов от стандартной дозы. Для обычного тромба этого могло хватить. Для моей ускоренной свёртывающей системы — неизвестно.

Если ввести кассету сейчас, она могла ослабить сгусток.

И открыть все раны одновременно.

Я осмотрел мёртвое существо.

Его сосудистые барабаны были не просто резервуарами. Тёмные пучки расходились по телу множеством параллельных каналов. Когда один повреждался, соседние расширя-

лись и обходили разрыв. Серые нити тоже содержали сосуды. Существо могло держать ткань живой на расстоянии, прокладывая временные обходные пути.

Именно поэтому швы на Власове воспалялись, но не отмирали сразу.

Мне нужен был не шов.

Мне нужен был обход.

Я вырезал неповреждённый сосудистый узел из второго барабана. Ткань сокращалась в ладони. Тёмные каналы соединялись и расходились, меняя направление.

Поглощение могло создать обход вокруг тромба.

Могло пришить сосуды друг к другу неправильно.

Могло пустить артериальную кровь прямо в поверхностную вену, разорвать кисть давлением или занести ткани существа в мёртвые пальцы.

Вариант без поглощения был проще.

Безымянный и мизинец уже умирали. За ними могла уйти вся кисть, затем предплечье.

Я положил сосудистый узел на чистую упаковку.

Сначала ввёл антикоагулянт.

Не всю кассету.

Поставил дозатор на половину доступного остатка и прижал к коже выше тромба. Игла вошла. Холодная жидкость растеклась по предплечью.

Через минуту ничего не изменилось.

Через две старая рана на боку начала просачиваться кро-

вью под герметиком. Проколы шовника снова покраснели. Сгусток у основания большого пальца размягчился.

Ускоренное свёртывание сопротивлялось препарату.

Я оставил вторую половину кассеты на случай, если новые сосуды закроются сразу.

Левый корневой канал вошёл в сосудистый узел.

Поглощение началось мгновенно. Тёмная жидкость и мягкая сосудистая ткань пошли в ладонь, а вместе с ними организм получил сам принцип, по которому шовник удерживал обходные каналы открытыми вокруг повреждения.

Я оборвал контакт через несколько секунд.

Поздно.

Правая рука выгнулась.

Боль пришла от локтя, хотя кисть почти не чувствовала. Под кожей предплечья поднялись тёмные линии. Они не шли по старым сосудам. Пересекали их, соединялись петлями, ныряли глубже.

Тромб остался плотным бугром.

Новые каналы росли вокруг него.

Один прошёл по внутренней стороне предплечья к большому пальцу. Второй — вдоль кости к указательному и среднему. Третий попытался уйти к чёрным пальцам и остановился в мёртвой ткани.

Кожу разрывало изнутри.

Я прижал руку к груди.

Под ней стучало новое кровообращение — неправильное,

судорожное, слишком быстрое.

Тепло вошло в основание большого пальца.

Затем огонь.

Кровь вернулась в ткани, которые несколько дней задыхались. Нервы ожили сразу всей болью: ожогом, укусами, переломом мизинца, разорванной кожей и внутренним давлением.

Я орал, пока голос не сорвался.

Пальцы дёрнулись.

Большой согнулся.

Указательный медленно притянулся к ладони.

Средний дрожал, но двигался.

Безымянный остался неподвижным.

Мизинец тоже.

Тёмная граница на них не исчезла.

[СИСТЕМА] Частичное восстановление перфузии.

[СИСТЕМА] Формирование обходных сосудистых каналов: нестабильно.

[СИСТЕМА] Риск повторной закупорки и неправильного соединения: высокий.

Боль поднялась к плечу.

Новые сосуды не остановились на кисти. Они искали выходы, соединялись с повреждёнными линиями под кожей. На предплечье появились выпуклые тёмные перемычки, похожие на грубые стежки.

Одна из них пульсировала слишком сильно.

Я использовал остаток антикоагулянта.

Сразу после укола рана на боку открылась сильнее. Кровь пошла из левого предплечья, из уха и прокола бедра. Ускоренная свёртываемость ослабла, но не исчезла.

Пришлось прижимать бок локтем, предплечье — к груди, а бедро стянуть полосой от старой шины.

Лихорадка поднялась быстро.

Меня трясло рядом с раскрытой капсулой. Правая кисть горела. Левая рука почти не работала. Сломанная нога лежала в медицинской шине. Кровь медленно пропитывала повязки.

Но основание правой ладони стало тёплым.

Я попробовал открыть корневой канал. Рубец натянулся, и из ладони вышло короткое белёсое волокно — меньше трёх сантиметров, тонкое, покрытое тёмными сосудистыми точками. Оно едва коснулось воздуха и втянулось обратно. Для прежней работы этого было ничтожно мало, зато сам отклик означал, что хотя бы часть кисти снова получала кровь.

Я лёг на сухую землю и позволил телу переживать перестройку.

Когда дрожь ослабла, свет снаружи изменился. Между корнями просачивалось серое утро или поздний рассвет — я потерял счёт времени. Щелкуны не вернулись. Возможно, запах шовника отпугивал их. Возможно, ждали, пока я окончательно перестану двигаться.

Я поглотил через левый корневой канал полосу обычной

мышцы щелкуна, не касаясь органов и незнакомых тканей. Тело получило немного жидкости и строительного материала; жар не исчез, но мысли стали яснее.

Потом включил регистратор Власова.

Экран треснул. Звук шёл с помехами. На накопителе было несколько автоматических медицинских отметок и одна ручная запись.

Я запустил её.

Голос сначала не узнал. Сухой, слабый, иногда прерывающийся кашлем.

[СИСТЕМА] Если это найдёт кто-то с «Альтаира»… медицинский техник Власов. Капсула М-четыре.

[СИСТЕМА] Я видел корабль после падения. Северо-восток. Далеко, но дым стоял над лесом до темноты. Значит, основной корпус не ушёл под землю.

[СИСТЕМА] Общий маяк не включайте. Я включил свой два раза. После второго импульса в лесу появились огни. Не наши.

[СИСТЕМА] Через несколько часов после сигнала появились высокие фигуры. Оружие у них или инструменты — не разобрал. Не знаю, нашли ли они нас по передатчику или заметили падение сами. Я погасил маяк капсулы на всякий случай, но поздно. Они забрали блок связи и кого-то на носилках. Человек был жив.

[СИСТЕМА] Если можете идти — уходите от маяков. К кораблю через северо-восток. Здесь под деревом старый про-

ход. Он тоже идёт в ту сторону.

[СИСТЕМА] У меня сломана рама. Нога… неважно.

[СИСТЕМА] Если командование слышит… они находят нас по сигналу.

Запись прервалась.

После неё остался автоматический файл.

Пульс Власова сохранялся ещё девять часов.

Серые швы появились позже.

Я выключил регистратор.

Корабль существовал.

По крайней мере, существовал после падения. Дым над лесом. Основной корпус на северо-востоке.

Кого-то из людей забрали живым.

Не звери. Высокие фигуры с инструментами или оружием, способные определить координаты маяка.

Я посмотрел на слабый индикатор капсулы.

Её передатчик всё ещё выдавал редкие импульсы.

Панель находилась под ложементом. Я вскрыл её мультитулом, нашёл аварийный передающий модуль и отсоединил питание. Серый свет погас.

Полость стала темнее.

Зато теперь сюда не должен был прийти тот, кто шёл на сигнал.

Я забрал жетон Власова и регистратор, остаток стерильной воды, пустой автоинъектор с рабочей иглой, почти законченный герметик и уже закреплённую на ноге медицин-

скую шину. Из капсулы снял две прочные ременные петли и короткую ручку силовой рамы — пригодится как опора или основа оружия. Сломанный нож пришлось выбросить, так что из режущего инструмента остались металлический наконечник и мультитул.

Тело Власова я накрыл аварийной термоплёнкой из ложемента. Закопать его не мог. Вытащить наружу — тоже.

Я отключил силовую раму и оставил шовника зажатым в дугах. Его нити начали высыхать, серея на глазах.

Свежая сосудистая ткань в отдельной упаковке сокращалась всё слабее. Я всё же взял небольшой образец и убрал отдельно: если обходные каналы начнут закрываться раньше, чем я найду другой выход, этот кусок может оказаться последним резервом.

Потом осмотрел проход, о котором говорил Власов.

За медицинской капсулой корни скрывали прямоугольное отверстие в камне. Не естественную расщелину. Стены уходили вниз под одинаковым углом. На дне виднелись две параллельные тёмные полосы, похожие на рельсы или направляющие.

Из глубины тянуло холодом и старой пылью.

Проход шёл на северо-восток.

Лес сверху оставался быстрее для здорового человека.

Для меня с переломом, мёртвыми пальцами и стаей щелкунов снаружи древний тоннель был единственным маршрутом, который хотя бы не требовал ползти через открытую

землю.

Я проверил правую кисть ещё раз.

Большой палец двигался.

Указательный сгибался наполовину.

Средний отвечал слабой дрожью.

Безымянный и мизинец оставались чёрными и холодными. Обходные сосуды пульсировали под кожей грубыми тёмными стежками. Тромб никуда не исчез.

Рука не была спасена.

Только получила отсрочку.

Я привязал ременную петлю к медицинской шине, вторую закрепил вокруг пояса. Теперь сломанную ногу можно было тянуть за собой без панцирной волокуши. Ручку рамы взял в левую ладонь как короткий костыль, хотя плечо почти не держало вес.

Перед входом в тоннель я оглянулся на капсулу.

Первый человек, которого я нашёл на этой планете, был мёртв.

Зато он оставил направление.

И предупреждение.

Я выключил последний внешний индикатор, подтянул сломанную ногу и спустился в древний проход.

В темноте впереди что-то тихо постукивало по камню.

Не металл.

Слишком мягко.

Слишком часто.

Я остановился.
После шовника любой ровный звук заслуживал проверки.
Особенно тот, который приближался.

Глава 9 — Пустой ход

Мягкое постукивание приближалось из темноты.

Не шаги. Слишком часто и слишком ровно. Будто кто-то перебирал камень десятком коротких пальцев, останавливался, прислушивался и начинал снова.

Я сидел у стены древнего тоннеля, положив сломанную левую ногу на две ременные петли. Медицинская шина удерживала голень прямой, но каждое движение отзывалось внутри глухим трением. Левое плечо почти не поднималось. Правую кисть я держал перед грудью и смотрел, как тёмные сосудистые перемычки под кожей пульсируют вразнобой.

Большой палец согнулся.

Указательный последовал за ним.

Средний только дрогнул.

Безымянный и мизинец остались чёрными, холодными и неподвижными.

Обходные сосуды шовника вернули кровь лишь части кисти и пока только отодвинули момент, когда придётся решать, что делать с остальными пальцами.

За спиной, под корнями гигантского дерева, находилась капсула Власова. Её передатчик я отключил, но запись предупреждала: высокие фигуры приходили к сигналам быстро. Возвращаться к люку означало ждать тех, кто уже увёз минимум одного человека живым.

Впереди было неизвестное постукивание.

Выбор выглядел ровным и честным: одна угроза без лица против другой, уже умеющей пользоваться носилками.

Я выбрал темноту.

Регистратор Власова светил слабым серым прямоугольником. Экран я закрыл пальцами, оставив узкую щель. Свет выхватывал две параллельные направляющие в полу. Они не были обычными рельсами. Тёмный металл лежал в каменных желобах и местами уходил под налёт, похожий на окаменевшую смолу. Между направляющими тянулась узкая зубчатая полоса.

Тоннель уходил вниз под небольшим углом.

На стенах через равные промежутки виднелись пустые гнёзда. Когда-то в них стояли светильники или силовые узлы. От некоторых оставались только чёрные стеклянные чаши. Другие были вырваны вместе с камнем.

Постукивание прекратилось.

Я перестал дышать.

Тишина здесь была неправильной. Звук не возвращался эхом. Даже собственное сердцебиение казалось приглушённым, пока я не касался стеной затылка. Тогда каждый удар отдавался в камне.

Я положил левую ладонь на направляющую.

Холодный металл передал слабую дрожь.

Три быстрых толчка.

Пауза.

Ещё два.

Я убрал руку. В повреждённом корневом рубце осталось обычное давление от контакта с холодным металлом, а вибрация ничем не отличалась от той, которую любой человек почувствовал бы ладонью.

Существо находилось далеко или было маленьким.

Возможно, и то и другое.

Ручку силовой рамы я превратил в короткую опору, примотав к её концу металлический наконечник. Узел выдержал бы один-два удара. Мультитул лежал в нагрудном кармане, фляга — на поясе, регистратор и жетон Власова — под комбинезоном. Патроны без оружия я обернул кожей, чтобы они не гремели.

Двигался я одинаково: ставил опору, толкался правой ногой, подтягивал тело и переносил сломанную голень за ременные петли. Правая кисть удерживала ремень большим и указательным пальцами лишь несколько секунд; основную работу выполняла левая рука. Шина всё равно скользила по пыли и время от времени касалась камня.

Я прошёл около двадцати метров, когда постукивание вернулось.

Теперь впереди.

Ближе.

Я погасил экран регистратора.

Темнота сомкнулась сразу. Не ночной лес, где светились растения и небо угадывалось между ветвями. Здесь не суще-

ствовало даже направления взгляда. Камень пах сухой пылью, железом и старой водой.

Я ждал.

Мягкие удары перемещались справа налево. Затем остановились у дальней направляющей.

Что-то коснулось металла.

По рельсу прошла короткая дрожь. Медицинская шина на моей ноге ответила едва слышным звоном.

Постукивание прекратилось.

Я прижал ремни к шине.

В темноте раздался скрежет.

Существо двинулось ко мне.

Я достал пустой обезболивающий автоинъектор. Игла оставалась рабочей, корпус — металлическим. Бросать полезный инструмент не хотелось. Умирать с сохранённой иглой хотелось ещё меньше.

Я швырнул инъектор влево, к стене.

Он ударился о камень, отскочил и покатился, звеня.

Постукивание мгновенно сменило направление.

Скрежет ушёл к стене.

Я включил регистратор на секунду.

Серый свет поймал движение.

Тварь была длиной около полутора метров и почти не поднималась над полом. Шесть лап расходились в стороны. Передняя пара заканчивалась широкими бледными подушками, которыми существо поочерёдно касалось камня. Сред-

ние лапы были длиннее и держали туловище. Задние — короткие, сильные, готовые к прыжку.

Кожа цвета пыли собиралась в плотные складки. Глаз не было. На месте морды лежала плоская костяная маска с вертикальной щелью. По обе стороны шеи раскрывались четыре тонкие пластины, полые и полупрозрачные. Они касались пола краями и дрожали после каждого удара лапы.

Существо стояло возле инъектора.

Свет регистратора прошёл по его телу.

Никакой реакции.

Я погасил экран.

Тварь ударила передней подушкой по камню.

Ответ пришёл из глубины тоннеля.

Один толчок.

Потом второй, дальше.

И третий — совсем в стороне, за правой стеной или в боковом проходе.

Их было несколько.

Первое существо раздавило инъектор костяной маской. Металл хрустнул. Игла больше не представляла ценности.

Я счёл, что понял главное.

Они не видели и шли на звук.

Ошибся я почти сразу.

Я прижал губы к рукаву и свистнул в сторону, противоположную себе. Резкий звук прорезал тоннель, но не дал нормального эха.

Существо не повернулось.

Я тихо хлопнул левой ладонью по собственному бедру.

Никакой реакции.

Потом ременная петля на шине соскользнула, металлический край коснулся направляющей.

Тварь развернулась точно ко мне.

Она не слышала воздух.

Она чувствовала камень.

Существо сорвалось с места.

Передние лапы больше не постукивали. Средние и задние несли его низко над полом, почти беззвучно. Шейные пластины прижались к телу.

Я упёр ручку силовой рамы в камень и толкнул себя назад.

Шина заскребла.

Тварь ускорилась.

Я ударил наконечником в костяную маску.

Металл скользнул по гладкой поверхности. Существо повернуло голову, зажало наконечник между маской и плечевой складкой и рвануло.

Тканевый узел лопнул.

Оружие осталось возле него.

Я упал на спину.

Левая голень ударилась о направляющую. Боль прошла до таза, но крик я удержал. Воздушный звук твари не интересовал. Движение тела по камню — интересовало полностью.

Костяная маска раскрылась по вертикальной щели.

Внутри находилась не пасть, а две плоские тёрки, покрытые короткими минеральными зубцами. Они двигались навстречу друг другу. Тварь не откусывала мясо. Она должна была стачивать его слоями.

Я ткнул ручкой силовой рамы в раскрытую щель.

Зубчатые пластины сомкнулись.

Металл заскрежетал.

Существо вырвало ручку из моей руки и отбросило. Потом подняло переднюю лапу и ударило по полу рядом с головой.

Толчок прошёл через камень и мой череп.

Тварь замерла.

Она проверяла, где находится центр движения.

Я лежал неподвижно.

Сердце билось слишком сильно. Через спину каждый удар передавался полу. Не знаю, могла ли тварь различить пульс. Её шейные пластины дрожали, поворачиваясь ко мне.

Правая кисть лежала на груди. В обходных сосудах пульсировала боль. Тёмные стежки под кожей тоже двигались.

Существо сделало шаг.

Я медленно выпустил левый корневой канал.

Повреждённое волокно вышло на десять сантиметров. Обычное движение не болело, но чувствительность на конце была почти нулевой. Я направил его к дальней направляющей.

Коснулся металла.

Сжал.

И резко дёрнул корнем ремень, обёрнутый вокруг магазина на поясе.

Патрон выскользнул из кожи и упал на рельс в двух метрах справа.

Звон ушёл по металлу.

Тварь развернулась прежде, чем патрон остановился.

Она бросилась к нему.

Я подтянулся к боковой стене. Ручка рамы лежала рядом, наконечник — дальше, возле рельса. За ним идти было нельзя.

Существо ударило по патрону костяной маской.

Капсюль не сработал. Корпус смяло.

Я добрался до углубления в стене и втиснул туда плечо. Ниша была неглубокой; левая нога оставалась снаружи. Тварь приблизилась, постукивая передними лапами. Её пластины касались пола, стены и направляющей, собирая дрожь сразу с трёх поверхностей.

Моё сердце ударило. Одна пластина повернулась к нише. Я оторвал спину от камня, но левое плечо быстро задрожало под весом тела.

Правой рукой я вытащил патрон, положил на край ниши и щёлкнул по гильзе ногтем. Он покатился наружу. Существо ударило маской в момент касания камня. Капсюль сработал. В закрытом тоннеле хлопок ударил по груди; гильзу разорвало, осколки и порох вошли в мягкую складку под маской.

Тварь отшатнулась. Воздушный звук её не оглушил — оглушила вибрация, прошедшая через собственное тело. Я ударил ручкой рамы в повреждённую складку, но металл вошёл неглубоко. Существо зацепило средними лапами медицинскую шину и потянуло меня наружу.

Я ударил снова. Тварь отпустила ногу, прижалась подушками к полу и послала по камню сильный толчок. Из глубины ответили сразу несколько серий постукиваний.

Она звала остальных. Убить её короткой ручкой я не мог.

За нишей нащупалась узкая сервисная щель. Я протолкнул туда правую ногу и таз. Шина не проходила; пришлось повернуть голень боком. Кость хрустнула внутри, зрение потемнело. Тварь сунула лапу в проём и распорола крючьями правое бедро, но я закрепил левый корневой канал в трещине выше головы и вытянул себя. Повреждённое волокно натянулось до боли.

Шина прошла. Я свалился на другую сторону, в узкий служебный коридор. За стеной уже двигались другие существа. Я чувствовал отдельные грубые толчки коленом и ладонью, когда касался камня, но не мог определить ни расстояние, ни число.

Сервисный коридор вывел к старой станции. Свод поднялся выше. Между направляющими стояла низкая вагонетка: каркас, четыре ролика, боковые дуги и тормозной рычаг. Справа отходила служебная ветка под массивный грузовой узел. Над ней висели каменные бункеры на цепях и зубчатых

рейках. На полу лежали кости разных существ, металлические крюки и остатки ремней. Здесь перевозили руду, добычу или и то и другое.

За спиной сервисная щель затрещала. Раненая тварь расширяла проход, другие шли по основному тоннелю.

План был прост: освободить вагонетку, пустить её по рельсам как сильную приманку и остаться у станции. Проблема — ролики застыли под минеральной коркой, а от платформы до ближайшей ниши было несколько метров открытого пола.

Я поднял тормоз и вставил ручку силовой рамы между роликом и коркой. Левое плечо не выдерживало, поэтому давил здоровой пяткой. Первый ролик треснул и повернулся. По рельсам ушла дрожь. Все постукивания в тоннеле прекратились, затем четыре существа ответили почти одновременно.

Второй ролик я освободил мультитулом, выковыряв из-под него сплющенную кость с такой же полой шейной пластиной. Этих тварей уже давило здесь раньше.

Костяная маска раненого существа появилась в служебной щели. Я ударил по тормозному рычагу, толкнул платформу правой ногой. Она прошла полметра и остановилась на третьем заклинившем ролике.

Тварь прыгнула. Ремень моей ноги зацепился за каркас. Маска ударила в боковую дугу, и вибрация прошла через медицинскую шину прямо в перелом. Я сунул ручку рамы меж-

ду раскрывающимися тёрками и правой рукой нащупал фиксатор под платформой. Большой и указательный пальцы едва нажали его.

Третий ролик опустился на направляющую. Вагонетка дёрнулась. Средняя лапа существа попала под колесо и хрустнула. Я подтянул сломанную ногу на платформу и лёг поперёк каркаса.

План с пустой приманкой закончился раньше, чем начался.

Я ехал вместе с ней.

Вагонетка набирала скорость на спуске. Ролики били по стыкам, превращая платформу в огромный маяк. Сзади твари сорвались в погоню: одна бежала по стене, две по направляющим, четвёртая держалась дальше. Тормоз почти не работал.

Впереди тоннель раздваивался. Основная линия уходила вниз, боковая поднималась к грузовому узлу. Стрелка оставалась на прямом ходе, переводной рычаг стоял у стены. Спрыгнуть со сломанной ногой я не мог.

Я свесился с каркаса и выпустил левый корневой канал. Волокно коснулось рычага уже после того, как передние ролики прошли стрелку. Я не отпустил. Повреждённый участок в ладони раскрылся, рычаг заскрипел и сорвался с фиксатора в последний момент.

Передние ролики ушли на боковую ветку, задние попытались остаться на основной. Вагонетку развернуло. Каркас

ударился о стену; регистратор вылетел из руки и погас. Правое предплечье врезалось в дугу, один выпуклый сосудистый стежок под кожей лопнул, рукав сразу наполнился кровью.

Первая тварь прыгнула на платформу. Вторая оказалась над грудью. В темноте я вогнал шило мультитула в мягкую складку под костяной маской, но удар передней лапы прошёл через каркас и оглушил кости. Вес существ выровнял вагонетку на боковой ветке, и она снова покатилась.

Ветка шла к тупику. Пустой ход. Именно туда я сам перевёл стрелку.

Одна тварь ударила маской в рёбра. Мультитул выпал между роликами и исчез. Я вытащил из-под раненого существа ручку рамы, удерживая её тремя ожившими пальцами правой руки, и упёр металл в маску нападавшего. Толкнул здоровой ногой. Существо слетело с платформы, ударилось о стену и продолжило погоню.

Вторая тварь вцепилась в ремни медицинской шины. Один ремень лопнул, конструкция раскрылась на внешней стороне голени.

Впереди появился грузовой узел.

Серый свет пробивался через трещины в потолке. Над тупиковой веткой висела массивная каменная ёмкость, похожая на перевёрнутую чашу. Её удерживали две цепи и центральная зубчатая рейка. Под ёмкостью стояла приёмная площадка.

На стене справа — три рычага.

Один сломан.

Второй опущен.

Третий удерживала каменная защёлка.

Смысл механизма угадывался.

Вагонетка входила под бункер.

Груз падал.

Платформа возвращалась по основной линии.

Пустой ход не был тупиком для груза. Только для того, кто не умел запускать станцию.

В бункере сейчас могла быть руда.

Могла быть пыль.

Могла быть пустота.

Я не мог рассчитывать на содержимое.

Зато вся конструкция над нами держалась на старых цепях.

До рычагов оставалось десять метров.

Вагонетка замедлялась на подъёме.

Существа догоняли.

Первое всё ещё цеплялось за шину. Второе бежало рядом. Третье приближалось по стене. Четвёртая тварь показалась у стрелки.

Я прижал левую ладонь к платформе и выпустил корневой канал. Волокно направил к каменной защёлке третьего рычага.

Слишком далеко.

Нужно было дождаться.

Раненая тварь потянула шину.

Один ремень лопнул.

Медицинская конструкция раскрылась на внешней стороне голени. Перелом потерял часть фиксации.

Я ударил ручкой по костяной маске.

Существо не отпустило.

Второе прыгнуло на платформу сзади.

Вагонетка вошла под бункер.

Корневой канал достиг защёлки.

Я обвил её и потянул.

Камень не двигался.

Тварь сзади ударила в левое плечо.

Тёмная кожа выдержала поверхность, но раздавленные мышцы под ней отказали. Левая рука прижалась к платформе. Корень ослаб.

Защёлка осталась на месте.

Первый план — уронить груз рычагом — провалился.

Вагонетка ударилась в тупиковый упор.

Каркас смялся.

Меня бросило вперёд.

Шина раскрылась окончательно. Левая голень ударилась о каменную площадку. Кость сместилась.

Я закричал.

Существа не отреагировали на голос.

Они отреагировали на удар.

Все четыре пошли к вагонетке.

Я лежал под грузовым бункером, почти безоружный, со сломанной ногой вне шины.

Третий рычаг находился в двух метрах над головой. До него не достать.

Центральная зубчатая рейка спускалась к платформе. На нижнем конце была квадратная муфта.

Ручка силовой рамы подходила к ней по размеру.

Не случайность. Стандарты древних механизмов я не знал. Просто выступ оказался близким.

Я вставил ручку в муфту.

Она вошла наполовину.

Повернуть левой рукой не мог.

Правой — хват не выдерживал.

Осталась правая нога.

Я поставил пятку на поперечный выступ и надавил.

Муфта не двигалась.

Первая тварь поднялась на платформу.

Я ударил пяткой сильнее.

Зубчатая рейка щёлкнула.

Где-то наверху натянулась цепь.

Тварь прыгнула.

Я отпустил ручку и перекатился.

Костяная маска ударила по камню рядом. Передняя лапа прижала край комбинезона.

Вторая тварь вошла под бункер.

Третья остановилась у платформы, постукивая по полу.

Я схватил одну из ременных петель медицинской шины и бросил её на направляющую за вагонеткой.

Петля ударила по металлу.

Третья тварь развернулась к ней.

Две другие остались рядом со мной.

Они различали отдельные источники колебаний и выбирали ближайший.

Я сунул ручку обратно в муфту.

Пяткой повернул ещё на зуб.

Цепь наверху застонала.

Бункер опустился на несколько сантиметров.

Не падал.

Механизм сводил его вниз медленно, как пресс.

Слишком медленно.

Тварь ударила по моей правой ноге. Крючья прошли через сапог, разорвали икру.

Я пнул её костяную маску.

Второе существо вцепилось тёрками в пустую медицинскую шину и начало стачивать композит.

Я продолжил вращать муфту ногой.

Три зуба.

Четыре.

Бункер опускался.

Край каменной чаши оказался уже в метре над платформой.

Существа не понимали угрозы. Вибрация механизма была

для них сильнее моего тела. Шейные пластины раскрылись и прижались к камню, пытаясь считать движение рейки.

Они собрались под чашей.

Я увидел шанс.

Нужно было выбраться из зоны пресса.

Слева от тупика находился узкий желоб для обслуживания цепи. До него — полтора метра по открытому камню.

Ползти со смещённой голенью невозможно быстро.

Я обвязал обе ременные петли вокруг левой ноги выше и ниже колена. Правой рукой удержал верхнюю — большой и указательный пальцы дрожали. Левой взял нижнюю.

Подтянул ногу к телу.

Боль прошла так сильно, что руки отпустили ремни.

Я вдохнул.

Сделал ещё раз.

Тварь у платформы повернулась ко мне.

Я толкнулся правой пяткой и левой ладонью.

Тело сдвинулось к желобу.

Левая голень осталась на месте на мгновение, потом ремни потянули её следом. Обломки кости прошли друг по другу.

Я потерял зрение.

Продолжил двигаться вслепую.

Крючья скользнули по спине.

Существо зацепило комбинезон между лопаток.

Я дёрнулся к желобу.

Ткань лопнула. Крючья рассекли старую рану на спине.

Кровь потекла вниз.

Ускоренное свёртывание сразу начало стягивать края.

Я упал в сервисный желоб.

Глубины хватило, чтобы скрыть тело ниже уровня платформы. Левая нога осталась частично снаружи.

Одна тварь пошла за ней.

Бункер висел в полуметре над вагонеткой.

Муфта перестала вращаться.

Я больше не мог нажимать ручку ногой.

Механизм остановился.

Существа находились под чашей, но пресс не закрылся.

Вторая ошибка.

Я думал, что механизм продолжит движение после запуска.

Он требовал постоянной силы.

Ручка торчала из муфты вне желоба.

Дотянуться левой рукой — не хватало.

Правый корневой канал выходил меньше чем на три сантиметра.

Левый был длиннее, но повреждён.

Я выпустил его.

Волокно прошло по камню к ручке. Обычное движение не болело. Боль появилась, когда я обвил металл и попытался повернуть тяжёлую муфту.

Корень натянулся.

Ручка сдвинулась на один зуб.

Бункер опустился.

Тварь у ноги ударила передней лапой по желобу. Толчок прошёл через камень в мой локоть и череп.

Корень ослаб.

Я снова потянул.

Ещё зуб.

Сверху раздался треск.

Не механизм.

Одна цепь начала рваться.

Твари почувствовали изменение. Две бросились из-под чаши.

Я дёрнул ручку всем остатком силы левого корня.

Повреждённое волокно разорвалось у кончика.

Боль вспыхнула от ладони до плеча.

Муфта прошла сразу два зуба.

Каменная защёлка наверху вылетела.

Бункер рухнул.

Первая цепь лопнула. Чаша ударилась краем о вагонетку, смяла каркас и прижала двух существ к платформе. Третью задело боком и отбросило в стену.

Четвёртая успела уйти за пределы пресса.

Удар прошёл по тоннелю.

С потолка посыпались камни.

Трещина, которую я видел над станцией, раскрылась.

Обвал начался не там, где планировал.

Свод над тупиковым ходом опустился.

Камень ударил по краю желоба, раздавил оставшуюся часть медицинской шины и прижал ремень на левой ноге.

Я оказался зажат.

Четвёртая тварь стояла в трёх метрах.

Пыль скрыла её, но передние лапы постукивали по камню. Она не бросалась. После обвала все поверхности дрожали: падающие осколки, цепи, вагонетка, мои движения.

Существо потеряло точную цель.

Я лежал неподвижно.

Камни продолжали осыпаться.

Сердце билось в рёбра.

Тварь повернулась к каждому крупному падению.

Вот почему они не атаковали сразу после обвалов. Слишком много сигналов.

Я медленно освободил правую руку.

Тёмные сосудистые стежки на предплечье вздулись. Кровь под кожей образовала горячий валик в месте удара о вагонетку. Большой и указательный пальцы ещё двигались.

Металлического наконечника не было.

Мультитул потерян.

Ручка силовой рамы осталась в муфте под обвалом.

Из оружия — патроны, утолщённые ногти и корневые каналы.

Кислотный канал мог восстановиться частично после воды, но я не чувствовал давления под левым указательным

ногтем. Пуст.

Тварь приблизилась.

Костяная маска показалась сквозь пыль. Одна шейная пластина была треснута об стену. Средняя лапа волочилась.

Она тоже пострадала.

Прямой бой всё равно был невозможен.

Я нащупал под грудью магазин.

Патроны без ствола могли создать вибрацию.

Один уже сработал от удара.

Я вытащил второй.

Правые пальцы удерживали его с трудом. Левой рукой я не мог подняться из-за повреждённого плеча и разорванного корня.

Я положил патрон на каменный край желоба.

Тварь остановилась.

Передняя лапа ударила по полу.

Я ответил лёгким касанием ногтя по гильзе.

Существо повернулось к патрону.

Я толкнул его наружу.

Гильза покатилась к придавленной вагонетке.

Тварь пошла следом.

Но не ударила сразу.

Она остановилась, шейные пластины коснулись камня. Различала мою дрожь под другими сигналами.

Сердце.

Дыхание.

Пульсирующий сосуд в правой руке.

Я зажал воздух.

Тварь двинулась обратно ко мне.

Патрон не отвлёк.

Ей нужен был живой повторяющийся источник.

Я посмотрел на придавленное существо под бункером.

Одна задняя лапа ещё дёргалась.

Свежая кровь стекала на направляющую.

Каждое сокращение мышцы создавало вибрацию.

Четвёртая тварь повернулась к нему.

Пошла под край чаши.

Я понял, что они находят не просто движение.

Ритм.

Живую периодичность.

Я дотянулся правой рукой до ремня, зажатого камнем на левой ноге. Большой и указательный пальцы не могли развязать узел. Пришлось прижать ткань к камню и тереть.

Ремень начал рваться.

Тварь вошла под бункер и коснулась раненого сородича костяной маской.

Тот дёрнулся.

Четвёртая раскрыла тёрки.

Я продолжил пилить ремень о край камня.

Ткань лопнула.

Левая нога освободилась, но без шины. Голень лежала в желобе, неправильный угол возвращался.

Я не мог вытянуть её сейчас.

Сначала — пережить существо.

Над бункером висела вторая цепь.

Первая лопнула полностью. Вторая держала чашу под углом. Под ней находились две раздавленные твари и третья, ещё живая.

Четвёртая стояла рядом.

Если оборвать цепь, край чаши опустится.

До цепи не дотянуться.

Зато зубчатая рейка упиралась в камень рядом с желобом. После обвала несколько зубьев обнажились.

Я выпустил правый корневой канал.

Он вышел на два сантиметра. Тёмный, слабый, дрожащий. Коснулся края рейки.

Этого хватило не для тяги.

Для контакта.

Я напряг большой палец правой руки и толкнул рейку через короткое волокно, как через мягкий клин.

Ничего.

Ещё раз.

Рейка сдвинулась на долю миллиметра.

Цепь наверху звякнула.

Тварь подняла маску.

Я замер.

Она повернулась к рейке.

Подошла ближе к чаше.

Я толкнул снова.

Короткий правый корень надорвался у выхода. Боль вернулась в оживающую ладонь — хорошая и плохая одновременно.

Рейка выскочила из зацепления.

Вторая цепь приняла весь вес.

Старый металл лопнул.

Бункер опустился.

Край чаши прижал четвёртую тварь вместе с живым сородичем.

Костяная маска ударилась о направляющую. Шейные пластины разошлись и сломались.

Тело продолжало дёргаться, но выбраться не могло.

Я лежал в желобе, пока пыль не начала оседать.

Обвал перекрыл основную ветку частично. Пустой ход исчез под камнем и чашей. Со стороны станции доносились редкие удары.

Возможно, другие существа.

Возможно, осыпь.

Новая функция могла бы помочь различить.

У меня её ещё не было.

Я выбрался из желоба.

Левая голень без шины двигалась при каждом подтягивании. Я связал её двумя уцелевшими ременными петлями и обломком тонкой боковой дуги вагонетки. Фиксация была хуже медицинской. Хуже панцирной. Но лучше свободного

перелома.

Правое предплечье продолжало отекать. Разорванный поверхностный сосуд закрылся сгустком, создав новую плотную дорожку рядом со старыми обходами.

Я проверил пальцы.

Большой двигался.

Указательный — медленнее.

Средний почти перестал сгибаться.

Безымянный и мизинец не изменились.

Цена поездки оказалась ещё не подсчитана полностью.

Придавленная тварь была жива.

Край чаши держал её за заднюю часть тела. Передние лапы царапали направляющую. Одна шейная пластина оставалась целой и при каждом движении касалась металла.

Я подошёл со стороны маски.

Существо почувствовало вибрацию моего тела и ударило передней лапой.

Крючья прошли по плотной коже левого плеча, оставив светлые царапины. Поверхность выдержала.

Я вдавил обломок дуги в вертикальную щель маски.

Тёрки сомкнулись на металле.

Пока они были заняты, я схватил целую шейную пластину утолщёнными ногтями левой руки и рванул.

Она не оторвалась.

Под ней натянулись прозрачные сосуды и белые нервные нити.

Существо забилось.

Я упёр правую пятку в маску и потянул пластину снова.

Ткань лопнула.

Тварь потеряла ориентацию с одной стороны. Передняя лапа ударила мимо.

Я вставил край пластины в мягкую щель под маской и навалился всем телом.

Минеральные тёрки остановились.

Движения лап ослабли.

Я держал, пока существо не перестало передавать дрожь направляющей.

Только потом отпустил.

Сначала изучил добычу.

Без глаз.

Без наружных ушей.

Костяная маска защищала рот-тёрку и передний нервный узел. Четыре шейные пластины соединялись с плотным кольцом прозрачной ткани вокруг позвоночника. От кольца шли нити к подушкам передних лап, бокам и нижней поверхности тела.

Каждая пластина не слышала.

Она передавала колебания в кольцо, где сигналы сравнивались.

Существо чувствовало направление через разницу времени и силы между точками контакта.

Слухач.

Название было не совсем точным, но лучше, чем «ходячая геофизическая станция».

Оно ориентировалось по дрожи твёрдой среды. Воздушный звук почти не имел значения.

Я вырезал небольшой участок прозрачного кольца у основания целой пластины.

Ножа не было. Пришлось использовать острый край сломанной костяной детали самого существа. Ткань тянулась, как плотное стекловидное сухожилие. Внутри проходили серебристые нити.

Поглощать её было опасно.

После шовника организм ещё перестраивал сосуды. Лихорадка усиливалась. Правая кисть могла снова закупориться. Левая голень оставалась сломанной. Любая новая перестройка могла окончательно выключить тело.

В тоннеле за обвалом пришёл глухой толчок.

Потом ещё один.

Оставаться без способа понять, откуда приближается угроза, было опаснее.

Я приложил левый корневой канал к свежему разрезу.

Повреждённое волокно коснулось прозрачного кольца.

Поглощение началось резким холодом. В ладонь втягивалась плотная стекловидная ткань с серебристыми проводящими нитями — именно тот чувствительный узел, который связывал пластины существа с телом. Я удерживал контакт всего несколько секунд.

Отпустил.

Первый удар боли пришёл в зубы.

Все сразу.

Будто челюсти сжали между каменными плитами.

Второй прошёл по костям предплечий.

Третий — по позвоночнику.

Я упал рядом с телом слухача.

Камень под щекой перестал быть поверхностью. Он превратился в сплошной поток ударов.

Капля воды упала где-то в тоннеле.

Я почувствовал её как резкий прокол в виске.

Пыль осыпалась с края бункера.

Сотни мелких толчков прошли по рёбрам.

Собственное сердце ударило в грудь — и отразилось через пол обратно в ладонь, колено, щёку.

Я не мог понять, что находилось снаружи, а что внутри меня.

Новая ткань росла вокруг корневых рубцов.

Сначала в левой ладони. Серебристые нити расходились от шрама к пальцам, встраивались между сухожилиями и костями. Затем боль появилась в правой — там, где короткий корневой канал ещё мог выходить. Обходные сосуды вздулись. Три живых пальца свело судорогой.

Кожа вокруг обоих рубцов покрылась мелкими серыми точками.

Каждая точка пульсировала при касании камня.

Перестройка поднялась по запястьям, разветвляя чувствительные узлы вокруг ладонных рубцов и дальше, вдоль костей предплечий. Всё ощущение по-прежнему приходило через точки контакта тела с твёрдой поверхностью.

Я оторвал руки от пола.

Сигналы ослабли.

Щека всё ещё касалась камня. Через неё приходила грубая дрожь, но не такая подробная.

Я поднял голову.

Мир стал тише.

Коснулся направляющей левым указательным пальцем.

Тоннель ударил в меня множеством сигналов.

Капли.

Осыпь.

Напряжение цепи.

Далёкое движение.

Собственный пульс через палец.

Я убрал руку.

Тошнота поднялась к горлу. Водный контур сжался. Меня вырвало небольшим количеством жидкости и жёлчи.

[СИСТЕМА] Контактная чувствительность к механическим колебаниям: нестабильна.

[СИСТЕМА] Разделение источников: недостаточно данных.

Я рассмеялся один раз.

Получился кашель.

— Великолепно. Теперь я чувствую всё и не понимаю ничего.

Видимое изменение было простым: вокруг рубцов в ладонях появились серые точечные дуги. На правом запястье тёмные сосудистые стежки пересеклись с тонкими серебристыми линиями. На левом линии уходили к повреждённому корневому каналу.

Пользу нужно было проверить.

Я положил левую ладонь на направляющую, задержал дыхание и попытался не двигаться.

Сначала пришло сердце.

Ритмичный толчок снизу, хотя источник находился в груди.

Потом капли — разные, нерегулярные.

Пыль — россыпь слабых прикосновений.

За обвалом что-то ступило.

Четыре последовательных удара.

Пауза.

Шесть быстрых.

Я решил, что это слухач.

Через секунду цепь на бункере соскользнула и ударила по камню в том же ритме.

Ложный вывод.

Я сменил точку контакта и коснулся боковой стены. Сердце стало ощущаться слабее, капли исчезли, а далёкое движение осталось, только будто сместилось в сторону. Никакой

цельной картины тоннеля из этого не складывалось: ладонь ловила лишь колебания той поверхности, к которой я прикасался, и они смешивались с дрожью собственного тела.

Если источник касался той же непрерывной структуры, я мог заметить его.

Если между нами была трещина, грунт, разные материалы — сигнал искажался или пропадал.

Импровизированная шина на ноге добавляла собственный скрежет при каждом движении. Обходные сосуды правой руки пульсировали. Сердце передавалось через локоть. Даже дрожь от лихорадки превращалась в ложную активность.

После того как перестройка стихла, боль почти ушла, но появилась проблема хуже: теперь я мог чувствовать больше и при этом совершенно неверно понимать источник.

Я забрал целую шейную пластину слухача и небольшой кусок обычной мышцы. Пластина могла служить жёсткой деталью для шины или чувствительным материалом для проверки.

Мультитул потерялся под вагонеткой. Найти его под обвалом было невозможно.

Ручка силовой рамы зажата в механизме.

Металлический наконечник остался в первом участке тоннеля и тоже был потерян.

От отдельного оружия почти ничего не осталось — лишь обломок костяной пластины слухача, собственные утолщён-

ные ногти и корневые каналы. Ещё три патрона потерялись по дороге: один смяло у первой направляющей, второй сработал возле ниши, третий остался у желоба; магазин я всё же сохранил.

Я осмотрел тупиковую ветку.

За бункером нашёлся проход, который раньше скрывала каменная чаша. Узкий технический коридор поднимался вдоль цепи и соединялся с основным тоннелем дальше обвала.

Пустой ход всё-таки имел выход.

Для рабочих.

Не для вагонетки.

Я связал левую голень заново. Обломок дуги лёг снаружи. Целую пластину слухача поставил изнутри. Ременные петли затянул вокруг колена и сапога. Нога оставалась кривой, но не болталась свободно.

Подъём занял несколько часов.

Я двигался на правом колене, здоровой ступне и локтях. Левую ногу подтягивал ремнями. Левая рука почти не поднималась, правая могла удерживать петлю тремя пальцами по нескольку секунд.

Через каждые несколько метров я касался стены ладонью.

Большинство сигналов ничего не значило.

Собственный пульс.

Дрожь мышц.

Падающий песок.

Иногда приходили сильные последовательные толчки из глубины. Я замирал, менял поверхность и проверял снова. Часть исчезала. Часть оставалась.

По крайней мере одно существо двигалось по основному тоннелю параллельно мне.

Оно не могло пройти через обвал.

Искало обход.

Я ускорился насколько позволяла нога.

Технический коридор сузился. Камень сменился древними плитами с поперечными швами. Через каждый шов вибрация проходила иначе. Слухач за стеной то исчезал, то появлялся снова.

Один раз я решил, что он впереди, и остановился на десять минут.

Оказалось, это моя фляга постукивала о пряжку при дыхании.

Я обмотал её остатком ткани.

В другой раз слабая серия толчков шла снизу. Я решил, что осыпается тоннель. Через минуту из трещины вылезло множество мелких белых организмов, и пол задрожал от их движения.

Они не напали. Разошлись от тепла тела.

Ладонь исправно приносила мне дрожь камня, но смысл у этой дрожи приходилось угадывать самому.

К концу подъёма лихорадка усилилась.

Правое предплечье распухло. Тёмная дорожка нового

сгустка стала плотнее. Большой палец двигался медленнее. Я не знал, закрылся ли один из обходных сосудов или отёк сдавил его снаружи.

Воды оставалось меньше половины фляги.

Я пил по одному глотку и ждал, пока внутренний контур перестанет сводить живот.

Стерильную жидкость не трогал.

Она нужна была для ран или глаза, а не для обычной жажды.

Коридор вывел в основной тоннель дальше обвала.

Здесь направляющие поднимались к свету.

Настоящему.

В конце чёрной арки виднелась серая полоска рассвета.

Я положил ладонь на рельс.

Сердце.

Капля.

Далёкая осыпь.

Четыре тяжёлых толчка позади.

Пауза.

Четыре снова.

Не цепь. Не фляга. Не пульс.

Слухач нашёл технический обход.

Расстояние я определить не мог.

Только то, что сигнал становился сильнее.

Я пополз к выходу.

Свет расширялся медленно.

Воздух стал прохладнее и влажнее. Запах камня сменился запахом земли, листьев и старой золы.

За спиной пришёл новый толчок.

Ближе.

Я не оглядывался. В темноте это ничего не дало бы.

Последние метры тоннеля шли вверх. Правая нога скользила. Левую приходилось поднимать за обе петли. Плечо отказало окончательно, поэтому я упирался предплечьем и толкал тело грудью.

На середине подъёма правый указательный палец разжался.

Ремень выпал.

Левая голень ударилась о ступень.

Я закричал и скатился на полметра назад.

Толчки за спиной ускорились.

Слухач почувствовал падение.

Я прижал обе ладони к полу.

Мир взорвался сигналами: сердце, шина, скользящая пыль, приближающиеся шаги, капли, напряжённые мышцы.

Невозможно.

Я убрал левую руку, оставил только правую на боковой плите. Через выпуклые сосудистые стежки прошла боль.

Сигнал существа пришёл отдельной серией.

Шесть быстрых касаний.

Пауза.

Шесть.

Оно было в коридоре, но ещё не на подъёме.

Я нашёл рядом рыхлый каменный клин, удерживавший обломок боковой плиты. Выдернуть рукой не мог.

Левый корневой канал вышел коротко. Кончик разорван, но захват сохранился. Я обвил клин и потянул.

Камень сдвинулся.

Плита опустилась, перекрыв половину прохода.

Не ловушка. Задержка.

Я подтянулся выше.

Слухач ударил в плиту.

Камень дрогнул.

Новая контактная сеть в правой ладони передала удар так сильно, что пальцы свело.

Я оторвал руку.

Ещё метр.

Свет.

Холодный воздух.

Край тоннеля закончился древней каменной площадкой.

Я вывалился наружу и перекатился на бок. Левая нога осталась в арке. Подтянул её ремнями.

Слухач ударил в плиту снова.

Клин вылетел.

Обломок сдвинулся.

Я отполз от входа.

Существо могло выйти следом.

Не вышло.

В арке появилась костяная маска. Шейные пластины коснулись камня снаружи. Трава, почва, отдельные плиты и корни передавали другие, рассеянные сигналы.

Тварь остановилась.

Сделала шаг.

Ветер качнул высокую траву. Корни дрогнули. По дороге где-то далеко прошёл тяжёлый толчок.

Слухач развернул маску в ту сторону.

Потом отступил в тоннель.

Открытая поверхность была для него слишком шумной.

Я лежал на древней дороге.

Она шла между деревьями широкой серой полосой, сложенной из больших плит. По центру проходила неглубокая канавка. Края заросли мхом, но сама поверхность оставалась почти чистой, будто по ней иногда двигалось что-то тяжёлое.

Северо-восток совпадал с направлением дороги.

Я приложил ладонь к ближайшей плите.

Сначала почувствовал сердце.

Потом дрожь собственной лихорадки.

Потом далёкую серию тяжёлых ударов.

Не шаги слухача.

Слишком медленные.

Между ними проходили слабые частые колебания, похожие на множество небольших контактов.

Источник двигался по дороге ко мне или от меня.

Определить направление я не смог.

Пыль под ладонью осыпалась в трещину и создала новый ложный сигнал.

Я убрал руку.

Контактное чувство работало.

Именно поэтому доверять ему пока было нельзя.

Над деревьями поднимался бледный утренний свет. Где-то северо-восточнее находился корабль. Где-то по этой дороге двигалось что-то большое.

Я подтянул к себе сломанную ногу и посмотрел на серые точки вокруг ладонных рубцов.

Тоннель дал мне способ чувствовать угрозу сквозь камень.

Взамен он научил бояться каждого собственного удара сердца.

Глава 10 — Дорога

Дорога отзывалась в ладони тысячей чужих движений.

Я коснулся ближайшей плиты и сразу пожалел об этом.

По камню шёл тяжёлый размеренный ритм. Два удара почти одновременно, потом ещё два, чуть тише. Между ними дрожали десятки мелких касаний. Всё перемешивалось с моим пульсом, подрагиванием мышц после лихорадки и скрежетом грубой шины, лежавшей на краю той же плиты.

Я отнял руку.

Мир снова стал обычным: серое утро, гигантские стволы по обеим сторонам древней дороги, мокрая трава между каменными секциями и туман, лежавший над низинами. Обычным здесь называлось место, где любой куст мог пить кровь, а дорога, судя по вибрации, вела прямо к чему-то достаточно тяжёлому, чтобы камень чувствовал его за сотни метров.

За спиной темнел выход из тоннеля. Изнутри больше не доносилось постукивания слухача, но я не собирался проверять, насколько хорошо боковая плита удерживает существо. В открытом лесу его чувствительные пластины путались в корнях, почве и разрозненных камнях. В тоннеле оно снова станет хозяином.

Вперёд, на северо-восток, шла дорога.

Выбор закончился ещё до того, как я вышел наружу.

Я перетащил сломанную ногу на полосу мягкого мха у обочины. Шина из дуги вагонетки и костяной пластины слухача держала голень грубо. Края упирались в отёкшие ткани. Две ременные петли позволяли подтягивать ногу, но после каждого движения внутри проходило медленное трение, будто обломки кости пытались найти новое положение.

Правая нога тоже перестала быть надёжной. Четыре борозды на бедре и разорванная икра стянулись плотными грязными сгустками. Пока я сидел, боль оставалась тупой. Стоило толкнуться пяткой — она превращалась в горячую полосу от лодыжки до паха.

Левое плечо почти не двигалось.

Правая кисть двигалась слишком мало.

Большой палец мог прижать ремень к указательному. Средний только помогал удерживать. Безымянный и мизинец лежали чёрными, примотанными друг к другу, как две чужие детали, которые я зачем-то продолжал носить.

От снаряжения уцелело немного: фляга с остатком токсичной воды, стерильная промывочная жидкость, почти пустой герметик, магазин с несколькими патронами, жетон Власова и три небольших запаса ткани — обычное мясо щелкуна и слухача плюс сосудистый образец шовника. Нож, мультитул и даже простой металлический штырь я уже успел оставить позади.

Я подобрал с края дороги плоский камень с острым сколом и сунул за пояс.

Вооружение майора экспедиционного корпуса: один камень.

— Карьерный рост, — прошептал я.

Голос прозвучал хрипло. Никто не оценил.

Я двинулся вдоль обочины, стараясь не касаться ладонями больших дорожных плит. Стоило перейти на мох и корни, как лишняя дрожь исчезала: сердце снова оставалось просто сердцем, капли — каплями, а далёкое движение переставало грохотать внутри костей. Чтобы услышать камень, мне всё ещё приходилось действительно касаться связанной твёрдой поверхности.

Дорога была шире, чем показалось у тоннеля. Под травой и землёй скрывались шесть рядов плит, каждая размером с небольшой жилой модуль. Центральные секции сохранились лучше. По краям камень просел, корни подняли углы, а в трещинах выросли красные папоротники с прозрачными прожилками.

Через равные промежутки стояли столбы.

Некоторые упали. Другие оставались прямыми, хотя лес вокруг успел превратить собственные корни в стены. Верхушки столбов были обломаны или закрыты серой коркой. В центре каждого сохранялся одинаковый знак: круг, перечёркнутый тремя короткими линиями.

Я видел его в тоннеле.

Знак не объяснял ничего. Только связывал подземные механизмы с дорогой.

У первого целого столба лежали кости. Не человеческие. Длинный позвоночник, распавшийся на отдельные диски, и четыре узких черепа без нижних челюстей. Поверх костей прошли свежие колёсные борозды.

Свежие.

Я остановился.

Грязь у края плиты была продавлена широким ободом. Рядом виднелись отпечатки раздвоенных копыт, но животное ставило ногу не как панцирник: след был длинным, узким и глубоким только у переднего края. Между копытами шли следы высоких существ в обуви с поперечными металлическими накладками.

И человеческая подошва.

Я узнал рисунок прежде, чем успел подумать.

Стандартный протектор колонизационного комбинезона: широкая пятка, четыре косых канала и центральный шестигранник с износостойкой вставкой. Отпечаток был смазан, будто человека тащили или заставляли идти, не давая нормально поднять ноги.

Второй след оказался дальше.

Третий закончился тёмной каплей на краю плиты.

Я коснулся её ногтем.

Кровь загустела, но ещё не высохла полностью.

Человеческая кровь. Наниты уверенно узнавали только знакомую биохимию и больше ничем помочь не могли: ни имени, ни пола, ни ответа на главное — жив ли тот, кто её

оставил.

Я поднял голову.

Дорога изгибалась между двумя громадными корнями и исчезала в тумане. Тяжёлое движение, которое я чувствовал через плиту, шло по ней. Свежие следы — тоже.

Я подтянул ногу быстрее.

Первые двадцать метров прошёл по мху. Потом обочина закончилась у разлома. Корень поднял край дороги почти на человеческий рост, образовав стену. Справа начиналась заболоченная низина. Слева плиты уходили под нависающий ствол.

Чтобы продолжить, пришлось выползти на камень.

Я положил левую ладонь на плиту.

Сигналы ударили сразу.

Тяжёлый ритм стал ближе. Теперь в нём различалось перекатывание — длинная дрожь после каждого четвёртого удара. Колёса. Рядом шли более короткие касания. Не десятки. Несколько повторяющихся рисунков.

Я попытался сосчитать.

Сердце добавило свой ритм.

Правая икра задрожала от напряжения, и вибрация прошла через пятку в камень. В шине что-то щёлкнуло. С ветки на плиту упала тяжёлая капля. Все сигналы смешались.

Я убрал ладонь и несколько секунд сидел, прижав её к груди.

Из этой мешанины я всё ещё не видел никакой мысленной

карты — только сырой удар мира без подписи. Но протяжный перекат колёс повторялся слишком ровно и с каждым разом становился сильнее.

Я осмотрел место.

У поднятой корнем плиты оставалась узкая щель, заполненная сухими листьями. Влезть целиком я не мог: сломанную ногу пришлось бы согнуть. Под нависающим стволом росли плотные серые грибы, а дальше темнел дренажный канал вдоль дороги.

Канал подходил лучше.

Я спустился в него, цепляясь левой рукой за корни. Правое бедро снова открылось у верхнего края одной борозды. Кровь выступила, но быстро стала густой. Запах в канале был тяжёлым: стоячая вода, грибная слизь, гниющая древесина.

На дне лежал влажный песок.

Он гасил часть вибраций и скрывал шину ниже уровня дороги.

Я прополз под нависающий корень и нашёл углубление между двумя каменными опорами. Отсюда дорога просматривалась через сетку тонких корней. Я был ниже её поверхности примерно на полметра.

Тяжёлое движение приблизилось настолько, что стало слышно без мутации.

Сначала скрип.

Потом глухие удары копыт.

Голоса.

Низкие, отрывистые. Слова состояли из коротких гортанных частей, между которыми говорящие щёлкали языком или зубами. Я не понимал ни одного звука.

С края дороги показалось животное.

Оно было выше лошади, но строением напоминало смесь насекомого и длинноногого копытного. Передняя часть тела поднималась почти вертикально. Четыре ноги — две длинные передние и две ещё более мощные задние — заканчивались раздвоенными чёрными копытами. Под узкой грудью висела дополнительная пара маленьких конечностей, которыми зверь поправлял сбрую и отгонял насекомых.

Шерсти не было.

Кожу покрывали тёмные складки, а вдоль позвоночника росли бледные костяные дуги. Голова сидела низко на длинной шее. Вместо глаз я увидел два ряда блестящих ямок. Рот открывался вертикально и пережёвывал пучок красной травы прямо на ходу.

Дугоспин.

За первым животным шло второе.

Между ними тянулась тяжёлая повозка.

Колёса были не деревянными. Широкие каменно-композитные ободы состояли из отдельных сегментов, связанных тёмными гибкими перемычками. На каждой ступице двигался небольшой металлический диск, подстраивая положение колеса под неровности плит.

Платформа была закрыта высоким решётчатым коробом.

Вокруг шли шестеро.

Все выше меня минимум на голову. Узкие тела скрывали длинные накидки цвета мокрой коры. Под тканью угадывались защитные пластины на груди, плечах и бёдрах. Лица закрывали гладкие маски без прорезей. На месте глаз по поверхности проходила тёмная горизонтальная полоса.

Трое несли короткие копья с крючьями возле наконечников.

У двоих на руках были устройства, похожие на сложенные арбалеты без тетивы. Тёмные дуги охватывали предплечье, а из центрального канала выступал короткий шип.

Шестой шёл впереди и держал длинный жезл. На его верхушке вращались три тонких кольца.

Высокие фигуры из записи Власова.

Не доказательство, но слишком точное совпадение, чтобы считать иначе.

Я прижался глубже к опоре.

Животное остановилось прямо над моим укрытием.

Одна маленькая грудная конечность потянулась к сбруе. Копыто встало на край плиты. Через камень в ладонь, лежавшую на стенке канала, ударила такая волна, что я едва не дёрнулся.

Все ложные сигналы исчезли под одним настоящим.

Я чувствовал вес зверя.

Не его форму. Не намерение. Только четыре точки давления, связанные плитой. Рядом двигались более лёгкие шаги

охраны. Колесо передавало длинный скрежет.

Это можно было использовать.

Только не сейчас.

Повозка остановилась.

Передний высокий произнёс короткую фразу. Один из сопровождающих ударил древком копья по решётке.

Изнутри ответил человеческий стон.

Я перестал дышать.

Между прутьями показалась рука в сером колонизационном рукаве. Запястье было окровавлено. Кожу пересекал свежий неровный разрез, а вокруг темнели следы грубой верёвки или узкого металлического зажима.

Я не знал, пытался ли пленник освободиться сам или охрана проверяла, насколько крепко он связан.

Человек внутри не ответил на следующую команду. Тогда охранник открыл боковую секцию короба и полез внутрь.

Я увидел пленного целиком.

Мужчина. Примерно моего возраста или немного моложе. Светлые волосы слиплись от крови. Левый глаз заплыл. Колонизационный комбинезон был разорван на груди и бедре. На шее сидел широкий тёмный обруч, от которого к полу клетки уходила короткая цепь.

Руки связаны за спиной.

Правая нога зафиксирована двумя пластинами и вывернута наружу.

Он не мог бежать.

Даже если я каким-то образом убью всех шестерых.

Охранник потянул его за обруч. Мужчина поднял голову, попытался сесть и получил удар древком в живот.

Моё тело напряглось раньше мысли.

Левая рука сдвинулась к острому камню за поясом.

Плечо не позволило даже нормально вытащить его.

Я считал.

Шесть разумных противников.

Два тягловых зверя, каждый тяжелее панцирника.

Два неизвестных дистанционных устройства.

Три копья.

Жезл у ведущего.

Пленный с повреждённой ногой и металлическим обручем.

Я — в дренажной канаве, со сломанной голенью, разорванной правой икрой, почти неподвижным левым плечом и двумя рабочими пальцами на правой руке.

Нападение не было храбростью.

Оно было способом сделать пленника первым заложником моей ошибки.

Охранник вытащил мужчину к краю клетки. Тот согнулся, кашляя. На плече сохранилась часть нашивки.

Инженерный сектор.

Имя было закрыто кровью и ремнём обруча.

Я мог знать его.

Мог видеть на совещаниях, в переходах «Альтаира», во

время загрузки капсул. На корабле находились тысячи людей. Командир обязан был отвечать за каждого, даже если не помнил лицо.

Особенно если не помнил.

Мужчина повернул голову к обочине.

Не ко мне.

Он смотрел на лес, как человек, который ищет хоть что-то знакомое и уже не верит, что найдёт.

Я прижал острый камень к ладони.

Один бросок мог попасть в ведущего. Потом двое с устройствами накроют дренаж. Если их оружие метательное, мне конец. Если это сигнальные приборы, остальные доберутся копьями. Даже убив одного, я не освобожу цепь на шее.

Нужен был ключ.

Нужен был инструмент.

Нужно было, чтобы мужчина мог двигаться.

Ничего из этого у меня не было.

Передний высокий опустил жезл к дороге. Три кольца перестали вращаться.

В плитах что-то ответило.

Глухой удар прошёл вдоль каменной полосы.

Дальше по дороге поднялась поперечная секция, до этого выглядевшая обычной плитой. Под ней находилась глубокая щель. Из неё вышел металлический выступ с четырьмя крюками.

Один охранник снял с повозки повреждённую перемычку

колеса и закрепил на выступе. Каменная секция медленно опустилась. Через несколько секунд поднялась снова, уже с новой гибкой деталью, покрытой свежей чёрной смолой.

Дорога ремонтировала их транспорт.

Или станция под дорогой хранила запасные части.

Высокие пользовались древней системой, хотя не обязательно создали её.

Пока они меняли перемычку, двое охранников разошлись к обочинам.

Один направился к моему каналу.

Я убрал ладонь со стены.

Шаги стали обычными звуками. Мягкими, почти бесшумными.

Фигура остановилась над дренажом.

Тёмная маска повернулась в сторону крови, оставшейся на песке после моего спуска.

Я почувствовал запах собственного тела: кислый пот, гной под сгустками, кровь, чужая биомасса, антимикробный герметик.

Скрыться от зрения было недостаточно.

Высокий присел.

Его рука в тонкой пластинчатой перчатке коснулась края канала.

Я не мог уйти тихо. Любое движение шины по песку выдаст меня звуком, если не вибрацией.

Оставался отвлекающий источник.

Полоса мяса щелкуна.

Я достал её правой рукой. Большой и указательный пальцы сжали свёрток, средний помог удержать. Тёмные сосуды на предплечье набухли. Один поверхностный обход отозвался горячей болью.

Я развернул ткань зубами.

Запах свежего мяса смешался с гнилью канала.

Охранник наклонился ниже.

Я выпустил левый корневой канал.

Повреждённое волокно вышло медленно, почти без чувствительности на конце. Я обвил им кусок мяса и протолкнул под слоем мокрых листьев в сторону заболоченной низины. Длины не хватило, поэтому пришлось отпустить приманку у выхода из канала.

Затем я бросил маленький камень туда же.

Он упал в воду.

Плеск.

В камышах зашевелилось что-то мелкое. Запах мяса быстро привлёк двух белых многоногих падальщиков. Они вцепились в приманку и начали тянуть её в разные стороны.

Высокий выпрямился.

Маска повернулась к движению.

Он не спрыгнул в канал. Поднял устройство на предплечье.

Тёмные дуги раскрылись.

Из центрального канала вылетела тонкая чёрная игла, со-

единённая с оружием почти невидимой нитью.

Она пробила одного падальщика и пришила к корню.

Существо забилось.

Охранник повернул кисть. Нить натянулась, игла вышла обратно вместе с куском тела и втянулась в устройство.

Не арбалет.

Дистанционный гарпун.

Скорость — достаточная, чтобы я не успел уклониться даже со здоровыми ногами.

Второго падальщика охранник не тронул. Он дёрнул мёртвого сородича в воду и исчез.

Высокий ещё несколько секунд смотрел на канал.

Потом вернулся к повозке.

Я медленно выдохнул.

Один из вариантов нападения умер наглядно и без моего участия.

Ремонт колеса закончился. Пленного снова втолкнули в клетку. Он упал на бок и не поднялся.

Передний высокий коснулся кольцами жезла ближайшего столба.

Знак на камне коротко вспыхнул тусклым янтарным светом.

Охранники заняли места.

Повозка двинулась.

Я лежал в грязном песке, пока последнее колесо не прошло над каналом. Только тогда позволил себе коснуться сте-

ны.

Вибрации уходили по дороге.

Колёса.

Копыта.

Шаги.

Среди них слабее остальных — нерегулярные удары клетки, когда тело пленного перекатывалось на поворотах.

Я мог следовать.

Не спас сейчас.

Следовать.

Найти место, куда везут людей. Увидеть охрану, режим, входы. Добыть инструмент. Дать пленнику шанс, который не закончится через десять секунд.

Решение было правильным.

От этого оно не становилось легче.

Я выбрался из канала после того, как повозка скрылась за корнями. На месте стоянки остались продавленные следы, капли чёрной смолы и маленькая металлическая скоба, выпавшая из повреждённой перемычки.

Я поднял её.

Скоба была длиной с два пальца, из тёмного упругого металла. Один конец загибался крючком, второй был сплющен. Не нож, но инструмент. Ею можно поддеть шов, очистить рану, натянуть ремень или попытаться открыть простой фиксатор.

Первый подарок дороги.

Я сунул скобу за пояс.

На краю клетки во время остановки осталась кровь пленного. Несколько капель упали на плиту и в трещину. Я не касался их корнем. Голод сразу поднялся под рёбрами, но человеческая кровь не была ресурсом.

Не должна была стать.

Я собрал одну каплю на кусок чистой внутренней ткани и завернул. Если найду медицинский комплекс или идентификатор, образец может помочь подтвердить личность. Если не найду — останется только кровь человека, которого я не спас.

Дорога поворачивала на северо-восток.

Я двинулся за повозкой, держась в лесу параллельно плитам. Следовать по самой дороге было быстрее, но слишком заметно. По обочине мешали корни, папоротники и провалы. Скорость упала до нескольких метров в минуту.

Повозка уходила.

Контактное чувство позволяло проверять её движение, но каждый раз требовало коснуться плиты. Я останавливался, клал ладонь на камень и пытался выделить знакомый рисунок среди остальных.

Четыре копыта первого зверя.

Четыре второго.

Перекат колёс.

Шесть пар шагов.

Получалось только после того, как я уже видел источник.

Теперь ритм имел смысл. Но стоило повозке уйти дальше, сигналы растягивались, отражались от трещин и смешивались с падением веток.

Один раз я уверенно решил, что колонна свернула налево.

Прополз почти пятьдесят метров по боковой тропе, прежде чем нашёл старые заросшие следы и понял ошибку. Тяжёлый ритм исходил не от повозки, а от воды под плитами: поток периодически бил в пустую камеру под дорогой.

Я потерял время.

Вернулся к основной полосе.

Второй раз ложный сигнал заставил меня спрятаться под корнем. По плите шла частая дрожь, похожая на бег охраны. Источником оказалась стая мелких существ, перебегавших по верхним ветвям и сбрасывавших твёрдые семена.

Сердце колотилось. Ладонь принимала его за отдельную угрозу.

Способность не делала меня внимательнее.

Она добавляла ещё один способ ошибиться.

Я продолжал.

Солнце поднялось выше. Туман ушёл, оставив тяжёлый влажный воздух. Тёмные сосудистые стежки на правом предплечье набухли. Большой палец начал хуже сгибаться. Средний снова перестал помогать.

Пришлось остановиться.

Я выбрал место под раздвоенным корнем, где дорога оставалась видна через листву. Снял повязку с предплечья. По-

верхностный сосуд, разорванный в вагонетке, закрылся толстым сгустком. Ниже кожа была тёплой, но цвет кисти оставался плохим.

Указательный палец чувствовал давление.

Большой — боль.

Средний — только жар.

Два чёрных пальца не чувствовали ничего.

Я сделал один маленький глоток из фляги.

Контур под рёбрами сжался, пропустил часть воды и удержал её. Металлический вкус появился почти сразу.

Второго глотка не сделал.

Вместо этого отрезал каменной скобой маленький кусок мышцы слухача. Металл был тупым, пришлось рвать ткань руками и зубами. Я позволил левому корню втянуть немного обычной мышечной ткани. На этот раз тело отреагировало только знакомым теплом питания: сначала стало чуть легче от жажды, затем ослаб голод, а приступ перестройки так и не начался.

Правой кисти стало ненамного лучше, но пульсация в обходных сосудах выровнялась.

Я промыл скобу каплей стерильной жидкости и завернул остаток ткани обратно. Стерильной воды осталось так мало, что каждый миллилитр казался важнее крови.

По дороге прошла вибрация.

Я коснулся плиты у корня.

Не повозка.

Один тяжёлый удар.

Пауза.

Ещё один.

Далеко позади.

Слухач мог выйти из тоннеля и найти дорогу. Или это было другое существо. На открытой поверхности сигнал распадался, и я не мог определить направление.

Я убрал руку.

Сейчас важнее колонна впереди.

Через некоторое время я нашёл место, где повозка снова останавливалась. На плитах лежали свежие комья грязи, один след копыта ушёл в сторону, а на столбе сохранился тонкий зелёный отблеск.

Рядом с дорогой стояла небольшая площадка из шести плит.

В центре — низкая каменная чаша, заполненная прозрачной водой.

Я замер.

Вода могла быть частью дорожной системы. Могла быть такой же токсичной, как поток водореза. Фляга была меньше чем наполовину полной. Стерильная жидкость не предназначалась для питья.

Я проверил поверхность скобой.

Металл не изменился.

Каплю на коже — никакой мгновенной реакции.

Левый корень коснулся воды. Контур в животе отозвал-

ся голодным сокращением, но наниты отметили знакомый набор растворённых соединений и высокую биологическую нагрузку.

Пить её свободно я бы не рискнул, но по первым признакам она могла оказаться не хуже того, что уже плескалось во фляге.

Я набрал немного в углубление каменной пластины слухача, использованной в шине, и подождал. На поверхности появились тонкие белые нити. Они тянулись к теплу ноги.

Живые микроорганизмы или личинки.

Вода в чаше была не источником для путников.

Это могло быть место, где поили тягловых животных, устойчивых к местной биологии.

Я не стал наполнять флягу сразу.

Снял с края чаши плотную серую плёнку, пропустил через неё несколько капель и попробовал одну губами.

Язык онемел слабее, чем от воды водореза. Вкус был горьким, древесным.

Контур удержал каплю.

Вторую.

На третьей живот сжался.

Я выплюнул остаток.

Вода пригодна только как аварийный запас и только малыми порциями.

Я заполнил флягу примерно до двух третей, оставив ткань на горлышке как грубый фильтр. Это не делало воду чистой.

Только не позволяло белым нитям попасть внутрь целиком.

Когда я закручивал крышку, правый корневой рубец дёрнулся.

Не от воды.

От вибрации.

Ладонь лежала на краю чаши, соединённой с площадкой.

По дороге шли шаги.

Назад.

Я скатился за чашу и прижал сломанную ногу к основанию.

Из-за поворота показался один высокий охранник.

Без повозки.

Он возвращался по следу.

В руке держал гарпунное устройство. Маска поворачивалась от дороги к лесу. Возможно, искал выпавшую скобу. Возможно, заметил кровь в канале. Возможно, колонна просто послала разведчика проверить дорогу.

Я не мог уйти быстро.

Площадка была открытой. За чашей скрывался корпус, но шина выступала сбоку. Между мной и лесом лежали четыре метра чистой плиты.

Высокий остановился у столба.

Коснулся его ладонью.

Зелёный свет под знаком усилился.

Он произнёс короткую фразу.

Столб ответил низким гулом.

Не голосом. Механическим или энергетическим откликом.

Охранник повернулся к чаше.

Я держал скобу в левой руке.

Один крючок против гарпуна.

На этот раз даже сарказм не помогал.

Высокий подошёл ближе. Его шаги передавались через плиту в мою спину. Контактное чувство включилось без ладони: плотная кожа плеча и локоть касались основания чаши, серебристые линии на запястье отзывались на каждый толчок.

Он остановился в двух метрах.

Гарпунное устройство поднялось.

Не на меня.

На белую нить, выползшую из воды и тянувшуюся к теплу моей шины.

Игла вылетела.

Пробила нить.

Высокий втянул её, осмотрел кусок и бросил на плиту.

Затем наклонился к воде.

Я мог ударить снизу в колено.

Прыгнуть не мог.

Левая рука не поднималась.

Даже если удастся зацепить сухожилие скобой, второй выстрел гарпуна прошьёт меня к чаше.

Я лежал неподвижно.

Из леса справа донёсся резкий треск.

Охранник развернулся.

По корням пробежало существо размером с собаку, покрытое красными пластинами. Оно не приближалось к дороге, но шумело достаточно.

Высокий выстрелил гарпуном.

Красное существо ушло в траву.

Охранник шагнул за ним, остановился на границе плит и не стал преследовать в мягкой почве. Вернулся к столбу.

Снял с пояса маленькую пластину, вставил в щель под знаком и повернул.

По дороге прошёл глубокий толчок.

Где-то впереди ответил другой столб.

Охранник забрал пластину и пошёл обратно к колонне.

Я ждал, пока вибрации его шагов не исчезнут.

Только потом выдохнул.

Он не искал меня.

Он проверял дорожный узел.

Но система позволяла передавать сигналы от столба к столбу.

Значит, повозка могла вызвать помощь, сообщить о препятствии или предупредить следующие посты.

Я выбрался из-за чаши и осмотрел столб.

Под знаком находилась щель той же формы, что пластина охранника. Вокруг неё шли три тонкие канавки. На камне не было понятных символов, только разные сочетания ко-

ротких линий.

Я коснулся щели скобой.

Ничего.

Ладонью — слабая внутренняя вибрация, будто под плитами работал далёкий механизм.

Дорожная сеть была жива.

И высокие имели к ней доступ.

Я снова пошёл за повозкой.

Теперь держался дальше от столбов.

Следы привели к развилке.

Основная дорога продолжала идти на северо-восток. Вторая, уже и хуже сохранившаяся, уходила на восток между стволами. Колёсные борозды разделялись: старые следы были на обеих ветках, свежие поворачивали направо.

Повозка ушла с прямого пути к кораблю.

Я остановился.

Корабль находился северо-восточнее, если запись Власова и инклинометр не обманывали. Пленный ехал на восток.

Две цели разошлись.

Найти основной корпус — шанс получить помощь, людей, медицинское оборудование и связь.

Следовать за пленным — шанс узнать, куда высокие увозят выживших. И возможность потерять корабль, время и собственную ногу.

Я коснулся центральной плиты на развилке.

Сигналы были слабыми. Свежий ритм повозки уходил по

восточной ветке. На северо-восточной дороге двигалось что-то тяжёлое, но далеко. Возможно, другая колонна. Возможно, местный транспорт. Возможно, ложный удар подземной воды.

Пленный был реальным.

Его кровь лежала у меня под комбинезоном.

Я повернул на восток.

Не потому, что отказался от корабля.

Потому что дорога к людям оказалась не одной линией. Кто-то уже собирал выживших раньше меня. Если я пройду мимо, основной корпус может оказаться пустым лагерем, к которому ведут следы носилок.

Восточная ветка быстро стала хуже. Плиты просели, трава закрыла середину, столбы стояли реже. Следовать по обочине стало проще.

Солнце начало клониться.

Лихорадка усилилась. Кожа то покрывалась холодным потом, то горела. Вибрационное чувство в ладонях стало реагировать на собственную дрожь постоянно. Несколько раз я останавливался, уверенный, что впереди шаги. Потом понимал: сигнал шёл от зубов, стучавших друг о друга.

Повозка оставляла явный след.

На одном повороте я нашёл кусок человеческой ткани, зацепившийся за решётку и упавший на корень. Серый материал с синей полосой инженерного сектора.

На ткани была кровь.

Человек в клетке жил ещё недавно.

Я спрятал лоскут вместе с образцом.

Дальше дорога прошла через каменный мост над глубокой расщелиной. Внизу текла тёмная вода. Мост сохранился лучше остальной дороги, но боковые плиты обрушились.

Колонна прошла.

Мне пришлось ползти по центру.

Каждое движение отзывалось в непрерывном камне. Вибрационное чувство перегрузилось. Вода под мостом била в опоры, создавая огромные медленные толчки. Где-то по другой стороне шли копыта. Сердце добавляло частую дробь.

Я потерял ориентацию.

Остановился посреди пролёта.

Через ладони и колено приходили удары со всех сторон. Казалось, мост заполнен движущимися существами. Я поднял голову.

Дорога была пустой.

Только ветер двигал высокую траву на дальнем конце.

Я закрыл глаза.

Не помогло.

Чувство не зависело от зрения.

Пришлось убрать все точки контакта, кроме одной. Я лёг на бок, поднял правую ступню и оторвал шину от камня, оставив на плите только левую ладонь.

Сигналов стало меньше.

Вода.

Мой пульс.

Далёкое колесо впереди.

И ещё один чёткий повторяющийся ритм позади.

Шаги.

Кто-то вошёл на мост.

Я открыл глаза.

На дальнем северо-западном конце показалась высокая фигура. Не тот одиночный охранник: эта несла длинное копьё и шла быстрее.

Меня обнаружили или просто догоняли.

Спрятаться на мосту негде.

Прыгать вниз — смерть.

До восточного конца оставалось около двадцати метров.

Я подтянул ногу.

Шина заскребла.

Фигура ускорилась.

Я двигался, не пытаясь быть тихим. Левой рукой, правой пяткой, ремнями. Плечо почти не работало. Правое предплечье пульсировало. Каждый метр занимал вечность.

Охранник вошёл на центральный пролёт.

Он увидел меня.

Маска повернулась прямо.

Копьё опустилось.

На древке раскрылся крючок.

Я достал магазин.

Патроны без оружия оставались бесполезным металлом,

пока по ним не ударяли достаточно сильно. В тоннеле один сработал под маской слухача. На открытом мосту взрыв не остановит высокого, но мог повредить плиту или заставить его изменить движение.

Я вынул патрон большим и указательным пальцами.

Кисть дрожала.

Положил патрон капсюлем вверх в трещину между плитами.

Сверху поставил металлическую скобу.

Высокий приближался.

Я отполз на два метра, натянул левый корневой канал и зацепил им плоский камень.

Кончик почти ничего не чувствовал. Длину пришлось оценивать глазами.

Охранник наступил рядом с патроном.

Я дёрнул корень.

Камень ударил по скобе.

Капсюль сработал.

Хлопок был слабее полноценного выстрела, но в замкнутой трещине давление выбросило каменную крошку вверх. Высокий дёрнулся. Осколки ударили по маске и ноге.

Он не упал.

Копьё метнулось вперёд.

Крючок зацепил ременную петлю шины.

Древко натянулось.

Сломанную ногу рвануло назад.

Я закричал.

Высокий потянул меня к себе, не приближаясь. Разумно. Он видел кровь, изменения тела и не собирался входить в захват.

Я обвил левым корнем древко.

Обычный захват не болел, но волокно было слишком повреждено. Оно не могло перетянуть противника. Только удержать копьё на одном угле.

Правой рукой я вытащил острый камень.

Высокий снова потянул.

Ремень на шине начал рваться.

Я ударил камнем не по древку.

По ремню.

Первый удар не перерезал.

Второй рассёк ткань наполовину.

Третий освободил петлю.

Копьё ушло назад вместе с ремнём.

Нога упала на плиту.

Боль лишила меня воздуха.

Высокий перестроился сразу. Крючок сложился, наконечник выдвинулся.

Он пошёл ближе.

Я отполз к разрушенному краю моста.

Под боковой плитой проходила старая дренажная труба, открытая обвалом. Диаметр меньше полуметра. Для здорового человека тесно. Для меня со шиной почти невозможно.

Другого выхода не было.

Я протолкнул правую руку и голову внутрь. Левое плечо застряло. Пришлось повернуться на спину и двигаться ногами вперёд.

Высокий бросился.

Копьё ударило в плиту у бедра.

Я выпустил правый корневой канал.

Два сантиметра белёсого волокна вышли из ладони. Слабые, почти бесполезные. Я вжал их в шероховатую внутреннюю стенку трубы, получая дополнительную точку опоры, и подтянул плечо.

Тёмный сосуд на предплечье лопнул.

Кровь пошла под кожей и наружу у старого разрыва.

Я оказался внутри до пояса.

Копьё вошло в трубу следом.

Наконечник прошёл по правой икре, вскрыл старую рану и упёрся в шину. Высокий повернул древко, пытаясь зацепить конструкцию.

Я ударил острым камнем по наконечнику.

Раз.

Два.

Камень раскололся.

Наконечник не сломался, но соскользнул между пластиной слухача и дугой вагонетки.

Высокий потянул.

Шина застряла поперёк трубы.

Я не двигался ни вперёд, ни назад.

Вода внизу била по опорам.

Мост передавал каждое движение.

Я положил левую ладонь на стенку трубы.

Вибрации захлестнули: противник тянет копьё; под ним трескается край плиты; вода бьёт снизу; моя ступня дрожит; далеко впереди удаляется повозка.

Трещина под охранником была настоящей.

Взрыв патрона расширил её.

Я не мог ударить по плите. Но копьё соединяло его со мной и шиной.

Я отпустил попытку вытащить ногу.

Наоборот, подтянул ремни так, чтобы шина сильнее зажала наконечник.

Высокий потянул снова.

Я резко дёрнул левым корнем древко вниз.

Не чтобы победить его силой.

Чтобы передать рывок в треснувший край.

Плита под ногами охранника сместилась.

Он отступил.

Край провалился на несколько сантиметров.

Высокий оказался на колене, но не выпустил копьё.

Я дёрнул ещё раз.

Повреждённый корень разошёлся по старому надрезу. Боль прошла через ладонь до плеча. Волокно истончилось, но удержало.

Плита накренилась.

Охранник отпустил древко и прыгнул на целый участок.

Копьё осталось зажато в шине.

Я вытянул его внутрь трубы.

Получил оружие.

И потерял возможность быстро двигаться: шина была перекошена, один ремень перерезан, копьё застряло между опорами.

Высокий вытащил гарпунное устройство с пояса.

Он оказался вооружён вторым способом.

Дуги раскрылись.

Я втянул голову.

Игла ударила в трубу, прошла рядом с ухом и раскрыла обратные крючья в каменной трещине. Нить натянулась.

Охранник начал вытягивать меня гарпуном, используя трубу как направляющую. Крючья скребли камень, приближаясь к плечу.

Я развернул захваченное копьё внутри тесного пространства. Древко не помещалось. Пришлось упереть наконечник в стену и давить, используя его как рычаг против шины.

Пластина слухача треснула.

Дуга вагонетки сдвинулась.

Сломанная голень осталась почти без фиксации.

Зато копьё освободилось.

Я протолкнул его поперёк трубы и поймал гарпунную нить между наконечником и стеной.

Надавил.

Нить не перерезалась, но зажалась.

Высокий потянул.

Гарпун остановился.

Я использовал момент, чтобы протолкнуть тело дальше. Левая голень без нормальной шины волочилась по трубе. Каждый выступ давил прямо на перелом.

Я не кричал.

Не потому, что мог терпеть.

Воздуха не хватало.

Труба наклонялась вниз и выходила на восточной стороне моста, над заросшей осыпью. Я выпал наружу плечом, скатился по мокрым камням и остановился у корня.

Копьё вылетело следом.

Я схватил его левой рукой.

Охранник не мог пройти через трубу в своей броне. Он побежал обратно к краю моста, чтобы обойти.

У меня было меньше минуты.

Шина разрушена. Одна пластина треснула. Ремень остался у высокого. Голень свободно двигалась внутри разорванной ткани.

Я положил копьё вдоль ноги.

Древко было прямым, лёгким и длинным. Лучше любой детали вагонетки.

Вторую опору дала уцелевшая металлическая дуга. Пластину слухача я оставил с внутренней стороны. Связать всё

было почти нечем.

Я снял ремень с магазина, разрезал зубами и скобой полосу комбинезона на животе, добавил ткань, которой были примотаны чёрные пальцы.

Мизинец и безымянный остались без повязки.

Я затянул новую шину вокруг голени.

Копьё стало частью фиксации.

Наконечник выступал ниже ступни, древко — выше колена.

Оружием воспользоваться теперь нельзя.

Охранник показался на склоне.

Я пополз в лес.

Мягкая почва скрывала часть вибраций. Высокий двигался быстрее, но корни мешали длине копья и гарпунной нити. Он не стрелял сразу, выбирая прямую линию.

Я уходил не от него.

Я шёл к месту, где по вибрациям проходила повозка.

Впереди лес становился гуще. Между корнями лежали разрозненные дорожные плиты. Я касался их на секунду, проверяя тяжёлый ритм.

Колонна была близко.

Слишком близко.

Если привести охранника прямо к повозке, он поднимет тревогу, и вся группа начнёт искать меня. Но если оторваться сейчас, я потеряю след пленного.

Нужен был способ задержать преследователя без боя.

На склоне росли высокие растения с подвешенными прозрачными мешками. Я видел похожие у воды: при касании они выбрасывали облако липких семян.

Не опасность уровня кроволиста.

Но зрение высокого проходило через маску неизвестным способом. Липкая масса могла закрыть сенсорную полосу.

Я направился к растениям.

Высокий понял манёвр или просто увидел открытое место.

Гарпун вылетел.

Игла вошла в плотную кожу левого плеча, не пробила полностью, но зацепилась за ромбические складки.

Нить натянулась.

Меня развернуло.

Плечо ударилось о землю. Ткани под плотной кожей, уже раздавленные и надорванные, вспыхнули болью.

Высокий тянул меня к себе.

Я не мог поднять левую руку к игле.

Правые пальцы не удерживали скобу достаточно сильно.

Оставался кислотный канал.

Кислотный канал давно оставался почти пустым: вода и запасы организма уходили на более насущные повреждения. И всё же у основания левого указательного пальца сохранялось слабое давление — едва ли достаточно для нормальной капли, но, возможно, хватит хотя бы смочить нить.

Я прижал палец к гарпунной нити возле плеча.

Напряг канал.

Первый импульс не дал ничего.

Второй вызвал жжение под ногтем.

На коже выступила крошечная мутная точка.

Нить зашипела.

Не растворилась.

Только размягчилась с одной стороны.

Я зажал её скобой, используя большой и указательный пальцы правой руки, и потянул.

Обходной сосуд на предплечье набух.

Нить лопнула.

Гарпунная игла осталась в плотной коже.

Я откатился к растениям и ударил пяткой по корню.

Прозрачные мешки раскрылись.

Облако липких серых семян накрыло склон.

Высокий поднял руку, но поздно. Маска и накидка покрылись мокрой пылью. Сенсорная полоса потемнела. Он выстрелил вторым гарпуном вслепую. Игла ушла в ствол.

Я полз дальше.

Высокий не кричал. Сорвал часть накидки, протёр маску и продолжил преследование, но медленнее.

Я выиграл минуты.

Не победу.

Дальше дорога спускалась в широкую низину. Повозка прошла по ней недавно. Свежие борозды уходили к широкой каменной площадке, окружённой шестью высокими столба-

ми.

Я увидел колонну.

Она остановилась у узла.

Охранники стояли кругом. Тягловые звери опустили головы. Передний высокий касался жезлом центрального столба.

Пленный лежал в клетке.

Я не мог приблизиться.

Преследователь находился позади.

Я свернул к корням и нашёл узкую расщелину между плитой и землёй. Протолкнул туда тело и сломанную ногу. Копьё-шина застряло, но после нескольких движений прошло.

Высокий вышел на край низины.

Колонна заметила его.

Один из охранников поднял гарпун.

Преследователь произнёс несколько коротких фраз и указал назад, на мост.

Передний повернул маску к лесу.

Не ко мне точно.

Но направление было достаточно близким.

Четверо охранников разошлись.

Повозка осталась у узла с двумя фигурами и тягловыми зверями.

Мой шанс спасти пленного стал хуже.

Одновременно появилась возможность наблюдать площадку и действия охраны.

Я прижал ладонь к каменной плите над собой.

Сигналы пришли слишком сильные: копыта, шаги, колёса, работа столбов, сердце, шина. Серебристые линии на запястье заболели.

Среди хаоса возник новый ритм.

Короткий.

Точный.

Он шёл не из дороги.

Из моего левого плеча.

Я замер и снова прижал ладонь к камню. Ритм повторился. Что-то твёрдое под плотной тёмной кожей едва заметно дёрнулось, будто внутри раны раскрылась маленькая пружина.

Гарпунная игла.

Я оборвал нить, но наконечник остался в плече.

Центральный столб повернул верхнюю секцию.

Знак на нём вспыхнул тусклым зелёным светом.

Потом красным.

Игла под кожей ответила слабым толчком.

Я не знал, что связывало кусок металла в моей ране с этими камнями. Не знал, слышали ли столбы его дрожь, чувствовали нагрев или реагировали на что-то, чему у меня пока не было названия.

Но передний высокий резко поднял голову.

Все шесть столбов ответили один за другим.

По дороге в обе стороны ушла серия глубоких ударов.

Охранники перестали искать следы у моста.

Маски повернулись к плите, под которой я лежал.

Передний высокий поднял жезл. Три кольца на вершине начали вращаться.

Наконечник в плече снова дёрнулся.

Гарпун был не только оружием.

Он оставлял на добыче метку.

И сейчас эта метка отвечала дороге.

Глава 11 — Метка

Камень ответил на толчок в моём плече.

Шесть столбов вспыхнули по кругу, один за другим. Каждый раз кусок металла под плотной кожей дёргался, будто его тянула невидимая нить.

Высокие повернулись ко мне.

Не точно к щели под плитой. Пока ещё нет. Но сразу все, без споров и поисков следов.

Этого хватало.

Я отнял ладонь от камня. Мир лишился вибраций, зато вернулись звуки: дыхание дугоспинов, скрежет колёс, короткие команды на чужом языке. Один охранник ударил древком по плите. Второй пошёл вдоль края площадки.

Подо мной оставалось меньше полуметра пространства. Справа щель была забита землёй. Слева уходил старый водосток между нижними плитами, заполненный корнями и песком.

Я мог попробовать вырезать наконечник сейчас — одной почти мёртвой рукой, без ножа, лежа на повреждённом плече, пока шестеро разумных противников окружали плиту.

План был настолько хорош, что даже комментировать не хотелось.

Я пополз к водостоку.

Копьё, встроенное в шину, зацепилось за камень. Го-

лень сдвинулась внутри размокшей ткани. Боль поднялась от ступни к тазу и на секунду погасила всё остальное.

Сверху снова ударили.

Металл в плече ответил слабым теплом. Под кожей что-то раскрывалось при каждом отклике столбов.

Гарпун продолжал работать после обрыва нити.

В щель вошла новая игла. Она прошла над животом, ударила в песок и раскрыла крючья. Охранник потянул оружие назад, прочёсывая пространство под плитой.

Я прижался к земле.

Игла прошла по спине и вскрыла старую рану. Кровь стала густой ещё до того, как успела стечь к боку.

Высокий остановил движение.

Запах.

Он понял, что попал.

Второй удар пришёлся в подошву правого сапога. Крючья вошли в материал, нить натянулась, и меня потащило обратно.

Я нашёл металлическую скобу, просунул её под нить и прижал к острому краю плиты. Тёмный материал не резался. Тогда я использовал собственную ногу как рычаг.

Подошва оторвалась раньше нити.

Сапог ушёл к охраннику. Правая ступня ударилась о камень босой пяткой.

Я протащил тело дальше.

Один высокий полез следом. Маска показалась в щели,

тёмная полоса на лице отразила красный свет столбов. Его плечи складывались внутрь, а длинные руки вытягивались вперёд почти без изменения ширины корпуса.

Впереди водосток перекрывали корни.

Пришлось освободить копьё из шины.

Я разорвал зубами полосу комбинезона, поддел ремень металлической скобой и вытащил древко. Голень осталась на треснувшей пластине без продольной опоры.

Первый удар копья вошёл между корнями.

Второй перерубил тонкое волокно.

Высокий схватил меня за правую лодыжку.

Три длинных пальца и два коротких боковых сомкнулись вокруг ноги. Он потянул.

Я ударил назад вслепую. Наконечник скользнул по наручу. Второй удар попал в кисть. Один боковой палец отогнулся наружу.

Чужой голос впервые прозвучал не командой.

Высокий закричал.

Коротко и хрипло. Почти по-человечески.

Хватка ослабла.

Я перерубил последний корень и вывалился в промоину по другую сторону площадки. Упал на левый бок.

Наконечник в плече вошёл глубже.

Плотная кожа удержала металл, но мышцы под ней сдавило так, что пропал воздух. Я перекатился на живот и ударил копьём в маску преследователя, когда тот показался из

водостока.

Материал не пробился, но на тёмной полосе осталась глубокая царапина.

Я пополз вниз.

Столбы остались наверху. Метка в плече толкалась реже, но не молчала.

Промоина вывела к старому руслу. Между плитами росли толстые полые стебли, из одного тяжёлыми каплями текла вода. Под нависающим корнем лежали кости и сухие панцири мелких падальщиков.

Я спрятался там и впервые рассмотрел рану.

Чёрная игла выступала из тёмной кожи на толщину пальца. В четырёх канавках основания сокращалась бледная ткань.

Живое внутри металла.

Вот почему наконечник отвечал после обрыва нити.

Я проверил время на повреждённом интерфейсе.

С момента аварийного пробуждения прошло восемьдесят два часа.

Четвёртые сутки.

Тело прожило их так, будто каждые были отдельной войной.

Преследователь ломал корни у выхода из водостока. У меня оставались минуты.

Металлическая скоба вошла в канавку наконечника. Я потянул.

Он сдвинулся на миллиметр.

Под кожей раскрылись четыре обратных зубца.

Просто выдернуть не получится.

Нож и мультитул были потеряны. Единственной острой вещью оставался наконечник копья. Чтобы использовать его, пришлось окончательно разобрать шину.

Я прижал край металла к коже и повёл вниз.

Плотная ткань сопротивлялась. Первый разрез оказался неглубоким. Второй дошёл до мышцы. Кровь выступила тёмной линией и сразу начала схватываться, стягивая края раньше, чем я успевал расширить рану.

Ускоренное свёртывание спасало от кровопотери и мешало добраться до метки.

Я вставил скобу в разрез и раздвинул кожу.

Боль стала чистой.

Без жара и пульсации. Я резал собственное плечо, чувствуя каждый слой.

Высокий вошёл в русло.

Наконечник толкнулся. Маска повернулась точно к корню, под которым я лежал.

Я нашёл скобой первый зубец. Потом второй. Третий.

Четвёртый сидел глубже остальных.

Шаги приближались.

Я обвил основание гарпуна левым корневым каналом и потянул.

Зубец вырвал кусок мышцы.

Наконечник вышел вместе с густым сгустком и полосой плотной кожи.

Я упал лицом в землю. Рана начала закрываться грязной пробкой, запирая внутри обломки ткани.

Высокий увидел меня и поднял оружие.

Я бросил метку в кучу панцирей.

Промахнулся.

Она ударилась о камень и упала рядом с небольшим шестиногим падальщиком. Существо схватило блестящий предмет боковой пастью и побежало вдоль русла.

Высокий резко повернул голову за ним.

Метка толкнулась уже в челюстях зверька.

Охранник выстрелил. Игла прошла над падальщиком и ударила в землю. Тот свернул между стеблями и унёс наконечник дальше.

Высокий сделал несколько шагов следом.

Потом остановился.

Маска повернулась обратно.

Кровь. След от водостока. Открытая рана.

Метка отвлекала, но не стирала меня из мира.

Он произнёс короткое слово и пошёл ко мне.

Я поднял копьё.

Вокруг не было пресса, вагонетки или падающей плиты. Только русло, корни, полые стебли и двое существ, каждое из которых хотело пережить следующие минуты.

Гарпун выстрелил.

Я пригнулся раньше, чем увидел иглу. Левая ладонь касалась корня и уловила напряжение от шага противника. Игла прошла над головой и пробила полый стебель.

Из отверстия вырвалась прозрачная вода.

Высокий потянул нить, вернул иглу и сместился вправо, отрезая мне выход. Пальцы перезарядили оружие одним быстрым движением, слишком точным для тяжёлой пластинчатой перчатки.

Я запомнил это.

Русло сужалось возле пробитого стебля. Слева корень, справа каменная стенка. Там его рост становился помехой.

Я пополз в сужение.

Высокий не вошёл сразу.

Умный.

Второй гарпун ударил в древко копья. Крючья раскрылись вокруг металла. Охранник рванул оружие к себе, выдернув копьё из моих рук вместе с остатками шины.

Я остался без оружия и фиксации перелома.

Высокий вошёл в проход с коротким изогнутым клинком.

Первый удар я закрыл левой рукой. Плотная кожа плеча выдержала скользящий край, но клинок рассёк предплечье до старых швов. Кровь брызнула на маску и легла на тёмную полосу густой плёнкой.

Я ударил металлической скобой по царапине, оставленной копьём.

Маска треснула.

Высокий схватил меня за горло и поднял верхнюю часть тела. Пальцы сомкнулись, перед глазами появились серые пятна.

Я выпустил правый корневой канал. Два сантиметра волокна вошли в трещину маски, зацепились за внутренний край. Я дёрнул его голову к себе и ударил лбом.

Материал раскололся. Осколок рассёк мне бровь.

Под маской оказалось узкое серое лицо. Два больших тёмных глаза закрывались прозрачными внутренними плёнками. Вместо носа — четыре вертикальные щели. Рот широкий, с короткими плоскими зубами. По вискам шли светлые жилы.

Он смотрел на меня с болью и ненавистью.

Не зверь.

Разумный.

Хватка усилилась.

Я ударил правым коленом в его броню. Высокий сместился на полшага и попал пяткой под струю из пробитого стебля.

Плита стала скользкой.

Мы упали вместе.

Моя сломанная голень оказалась под его бедром. Кость сдвинулась, и я закричал ему в лицо.

Он поднял нож.

Левая рука не работала, правая кисть не удерживала его запястье. Я обвил повреждённым корнем полый стебель и рванул.

Стебель треснул.

Вода ударила высокому в открытые глаза. Защитные плёнки сомкнулись.

Я схватил его гарпунный наруч и повернул канал к собственной шее противника.

Высокий понял и дёрнул руку.

Игла вылетела.

С такого расстояния промахнуться было невозможно.

Она вошла под нижнюю челюсть и вышла возле светлой жилы на виске. Крючья раскрылись внутри.

Чёрная кровь хлынула ему в рот.

Он не умер сразу. Ударил ножом в мой бок. Клинок вошёл неглубоко, упёрся в ребро. Второй удар рассёк бедро.

Я удерживал его предплечье всем телом. Механизм пытался втянуть гарпун, но крючья застряли в черепе и рвали ткани изнутри.

Высокий издал низкий влажный звук.

Я ударил металлической скобой в разбитую маску.

Раз.

Два.

На третьем ударе крючок вошёл в тёмный глаз.

Тело дёрнулось. Нож выпал.

Несколько секунд высокий бил ногами по камню. Каждый удар проходил через русло в мои ладони, слишком сильный и живой.

Потом ритм оборвался.

Я лежал под ним, прижатый чужим весом. Тёплая чёрная кровь текла по шее. Пахла металлом, горелой травой и чем-то сладким.

Пришлось столкнуть тело правой ногой.

Открытый глаз смотрел в небо. Второй был разрушен скобой.

На поясе висела пластина с вырезанными знаками. На внутренней стороне наруча — три маленьких костяных кольца: одно красное, два белых.

Украшение. Знак положения. Память.

Что угодно, созданное не природой.

Желудок сжался.

Корневые рубцы раскрылись.

Голоду было всё равно, умел ли мёртвый говорить.

Я втянул корни.

— Нет, — сказал я.

Голос почти не вышел из повреждённого горла.

По дороге прошла серия ударов.

Остальные возвращались.

Метка увела их ненадолго. У меня не было времени лежать рядом с красивыми принципами и умирать.

Я снял с высокого изогнутый нож. Большой и указательный пальцы могли прижать рукоять, но удержать её при сильном движении не получалось.

Гарпунный наруч снять было нельзя. Крепления уходили под кожу предплечья.

Я разрезал ремни брони и открыл его правую руку.

Под серой кожей от запястья до локтя шли десятки светлых сухожильных лент. Они переплетались вокруг костей, проходили через маленькие хрящевые кольца и соединялись с каждым пальцем отдельно.

Вот почему он так быстро перезаряжал гарпун.

Не только сила.

Точное распределение натяжения.

Я мог взять обычное мясо и воду. Мог уйти.

Правая кисть медленно умирала. Безымянный и мизинец почернели. Большой и указательный двигались, но инструменты выскальзывали. Впереди находился пленный человек, цепи, охрана и дорога к кораблю.

Мне требовалась рабочая рука.

Цена лежала передо мной и смотрела одним мёртвым глазом.

Я разрезал кожу на его предплечье.

Чёрная кровь вышла волной и затянулась тонкой плёнкой. Я отделил небольшой участок сухожильной сети вместе с двумя хрящевыми кольцами.

Не мозг.

Не сердце.

Не лицо.

Уступка самому себе, будто место разреза меняло суть.

Правый корневой канал вышел всего на два сантиметра. Я прижал ладонь к открытой ткани.

Белёсые волокна вошли в сухожильную сеть.

Для организма разрезанное предплечье перестало быть врагом в тот момент, когда корень вошёл в ткань. В ладонь потянуло плотную сухожильную сеть, и вместе с ней тело подхватило саму механику точного натяжения — десятки слабых волокон, работающих как одно движение.

Я попытался отдёрнуть руку после первого импульса.

Поздно.

Холод прошёл от ладони к локтю. Предплечье согнулось судорогой.

Внутри росли новые тяжи. Они обвивали кости, проходили между тёмными обходными сосудами и искали место в повреждённой кисти.

Боль была не рвущей.

Стягивающей.

Большой палец прижимало к ладони. Указательный выворачивало наружу. Средний свело крючком. Безымянный и мизинец не чувствовали боли, но медленно складывались под действием новых нитей.

Тёмные сосуды на предплечье набухли. Один оказался пережат новым жгутом. Кисть стала холоднее.

Я вставил изогнутый нож между ладонью и пальцами, не позволяя им сжаться полностью. Под кожей запястья проступили тонкие светлые кольца. От локтя к основанию большого пальца появились три тёмных шнура, слишком прямых для сосудов.

Интерфейс мигнул.

[СИСТЕМА] Структурная адаптация: локальная.

[СИСТЕМА] Совместимость: нестабильная.

[СИСТЕМА] Сосудистое сдавление: нарастает.

Очень своевременно.

Большой палец неожиданно сжал металлическую скобу сильнее.

Не просто сильнее.

Точнее.

Указательный удержал другой край. Средний лёг рядом и не сорвался.

Три пальца впервые за несколько суток образовали настоящий захват.

Цена проявилась сразу.

Разжать кисть не получилось. Новые тяжи держали пальцы согнутыми. Рука дрожала, пока я заставлял большой палец отпустить инструмент.

Безымянный и мизинец остались прижаты к ладони.

Они больше не мешали движению.

Потому что почти перестали быть частью работающей руки.

Я вырезал из одежды высокого полосу, обернул предплечье и закрепил кисть полуразжатой. Нож теперь удерживался большим, указательным и средним пальцами, но любой сильный рывок снова сводил их.

Левое плечо закрылось грязным сгустком. Под ним оста-

лись разорванные мышцы. Голень лежала без шины.

Я снова приложил копьё к ноге. Дуга вагонетки треснула, пластина слухача распалась. Пришлось использовать древко как единственную опору, а ремни с брони убитого — как новые петли.

Затягивать их правой рукой стало легче.

Ремни на новой шине я затянул правой рукой заметно увереннее, и именно это пугало сильнее любой системной строки: взятая у разумного противника ткань уже приносила практическую пользу. Я забрал изогнутый нож, запасную гарпунную иглу и пластину с вырезанными знаками. Не потому, что понимал назначение. Потому что похожие пластины местные использовали возле дорожных столбов.

Магазин уцелел на поясе. Я пересчитал боезапас: четыре патрона. Ни одного оружия, способного выстрелить ими.

Костяные кольца не тронул.

На камне возле руки погибшего появились три линии и круг. Он нацарапал их во время последних судорог.

Сообщение? Имя? Знак для своих?

Я не знал.

Он был разумным.

Я убил его.

Потом взял часть тела, чтобы моя рука работала лучше.

Как бы интерфейс ни называл произошедшее, смысл от этого мягче не становился.

Сверху приближались шаги. Минимум двое шли по руслу.

Я пополз прочь.

Через несколько метров преследователи нашли тело.

Раздался короткий крик, затем более низкий и протяжный. Потом наступила тишина.

Один высокий произнёс фразу. Другой ответил.

В голосах было то, что я понимал без языка.

Они знали погибшего.

Русло ушло под корни и вывело к восточной ветке дороги ниже площадки. Здесь не было столбов. Только отдельные плиты, мох и свежие следы повозки.

Колёса прошли недавно.

Пленный всё ещё двигался на восток.

Я коснулся плиты левой ладонью.

Далеко впереди шло знакомое перекатывание, копыта и нерегулярный стук клетки.

Позади приближались быстрые шаги.

Метка больше не сидела в плече. Я не знал, продолжал ли падальщик нести её или бросил в траве. Не понимал, почему столбы отвечали наконечнику.

Но охранники теперь имели кровь, следы и тело товарища.

Они будут искать без всякой метки.

Я сошёл с дороги и пополз между корнями параллельно бороздам колёс.

Новая сухожильная сеть в правом предплечье продолжала стягиваться. Большой и указательный пальцы держали изо-

гнутый нож. Средний помогал. Безымянный и мизинец лежали в ладони двумя холодными кусками плоти.

Я получил руку, способную удержать оружие.

Не ту руку.

Не бесплатно.

На четвёртые сутки после падения я впервые убил того, кто мог назвать себя.

И впервые унёс часть разумного противника внутри собственного тела.

Гарпунную метку я оставил позади.

Другую снять уже было нельзя.

Глава 12 — Цена

Шаги за спиной не ускорялись.

Это пугало сильнее погони.

Высокие знали, что я далеко не уйду. Сломанная нога, кровь на камнях, босая правая ступня. Им не требовалось бросаться следом. Достаточно было держать дорогу и ждать, пока тело само остановит меня.

Я полз между корнями параллельно восточной ветке. Повозка оставалась впереди. Время от времени я касался ладонью обнажённого камня и ловил знакомое тяжёлое перекатывание. Колёса шли медленно. Копыта били неровно, будто одно из тягловых животных устало или прихрамывает. Металлический стук клетки повторялся через каждые несколько оборотов.

Пленный был там.

Позади по дороге двигались как минимум двое. В лесу, левее меня, иногда ломались ветви. Третий обходил со стороны зарослей.

Они учились.

Я подтянул сломанную ногу за ременную петлю. Новая шина из копья и ремней держала хуже прежней. Древко было слишком длинным и цеплялось за корни. Каждый раз, когда приходилось поворачивать его, обломки кости тёрлись друг о друга.

Правая рука держала изогнутый нож.

Слишком хорошо.

Большой, указательный и средний пальцы сомкнулись вокруг рукояти и не хотели разжиматься. Новые тёмные тяжи под кожей натягивались при каждом движении предплечья. Безымянный и мизинец лежали внутри кулака, холодные, распухшие и почти чёрные. Ногти впивались в ладонь.

Я попытался расслабить кисть.

Большой палец дрогнул. Указательный отпустил рукоять на толщину волоса. Потом все три пальца снова сжались.

Нож стал частью руки.

Удобно, пока не потребуется его бросить.

Из раны на левом плече тянуло жаром. Грязный сгусток, закрывший разрез после метки, пульсировал при каждом толчке сердца. Внутри оставались земля, куски кожи и, возможно, часть живой ткани гарпуна.

Запах чёрной крови убитого высокого всё ещё стоял во рту.

Я не пил её. Не касался лица, мозга или сердца. Взял только небольшой участок предплечья.

Тело отреагировало на взятую ткань так же спокойно, как на любую другую добычу: приняло материал и перестроило сухожилия. А я всё ещё помнил, как его хозяин кричал от боли, пытался выжить и царапал знак на камне перед смертью.

Новые тяжи в руке сжались ещё сильнее.

Цена напомнила о себе без философии.

Я свернул от дороги вниз, туда, где между корнями лежал туман. Земля стала влажнее. Под босой ступнёй хрустели тонкие раковины. Через несколько метров лес разошёлся, открывая неглубокую впадину, заросшую красными стеблями.

В центре лежала огромная каменная чаша. Её край раскололо корень. Из трещины тонкой струёй стекала вода, собиралась в тёмном желобе и уходила под землю. Над чашей на изогнутой деревянной раме висели плоские костяные пластины. Ветер поворачивал их, и они тихо стукались друг о друга.

Не машина.

Скорее старое дорожное святилище или место, где поили животных. Может быть, и то и другое. Я не знал.

Главное — вокруг было много разрозненного камня. Вибрации дороги сюда доходили слабо. Красные стебли скрывали тело. Вода давала шанс промыть раны.

И место пахло падалью.

У дальней стены чаши лежали кости. Свежие. На одной ещё держалась серая кожа.

Я остановился.

Погони не слышно. Пока.

Я прополз под расколотый край чаши. Пространства хватало, чтобы лечь на бок и спрятать шину. Вода капала в нескольких сантиметрах от лица. Она была прозрачнее до-

рожной, но по дну желоба ползали белые нити.

Пить без проверки нельзя.

Резать руку — придётся.

Я положил нож на камень.

Точнее, попытался положить.

Пальцы не раскрылись.

Я прижал предплечье коленом, другой рукой взялся за большой палец и потянул. Сустав хрустнул. Новый тёмный тяж на внутренней стороне руки вздулся, как натянутая струна.

Нож выпал.

В тот же момент безымянный и мизинец сильнее вдавились в ладонь. Чёрная кожа мизинца лопнула у основания. Из разрыва вышла не кровь, а густая бурая жидкость с приторным запахом.

Гниль.

Я поднёс руку к лицу и увидел, что мизинец держался живым только с одной стороны. Остальное уже умерло. Новый сухожильный рисунок использовал его как неподвижный упор и тянул остальные пальцы внутрь.

Если оставить так, чёрная ткань продолжит гнить. Наниты будут тратить ресурсы на границу между живым и мёртвым. Новые тяжи окончательно закроют ладонь.

Если отрезать — кровь, боль и ещё одна часть тела, оставленная на этой планете.

За красными стеблями щёлкнула ветка.

Я замер.

Не шаг высокого.

Звук был ниже, ближе к земле. Потом справа ответил второй. Сухой щелчок, будто две костяные пластинки ударились друг о друга.

Свежая падаль у чаши появилась не случайно.

У меня оставались минуты. Возможно, меньше.

Я достал остаток стерильной жидкости и смочил ею ладонь. Последние чистые капли смыли бурую слизь. Кожа под мизинцем была серой. Граница некроза поднималась почти до сустава.

Изогнутый нож оказался острым с внутренней стороны. Высокие резали им ремни, кожу и мясо коротким движением к себе.

Я зажал мизинец металлической скобой.

Правая рука снова попыталась схватить инструмент. Три живых пальца свело. Пришлось прижать кисть к камню и удерживать её коленом.

Первый надрез прошёл через мёртвую кожу без боли.

На втором я дошёл до живой ткани.

Мир сузился до белого жара.

Кость была раздроблена раньше. Нож упёрся в неровный край. Я раскачивал лезвие, пока остаток сустава не треснул. Сгусток закрыл сосуды почти сразу, но боль продолжала идти вверх по предплечью.

Мизинец остался в скобе.

Чёрный, кривой, чужой.

Корневой рубец в ладони раскрылся от запаха свежей ткани.

Моей ткани.

Голодная реакция прошла по животу.

Я отшвырнул палец в желоб. Белые нити мгновенно обвили его и потащили под камень.

— Приятного аппетита, — прошептал я.

Голос дрожал.

Безымянный выглядел чуть лучше. Чёрный до середины первой фаланги, но у основания кожа оставалась тёплой. Я срезал мёртвый кончик вместе с ногтем. Кровь вышла коротким толчком и стала густой пробкой.

Пальцев осталось три с половиной.

Для оптимиста — почти полный комплект.

Щелчок повторился совсем рядом.

Я перевязал ладонь полосой ткани, но новая сухожильная сеть продолжала тянуть её в кулак. Один прямой тяж шёл от локтя к основанию большого пальца. Второй уходил к указательному. Третий разделялся перед средним и остатком безымянного.

Слишком много натяжения.

Тело не скопировало руку высокого. Оно попыталось наложить чужую схему поверх тромба, мёртвых пальцев, человеческих костей и уже выращенных сосудов.

Получился узел из мяса.

Я поддел ножом самый тонкий поперечный тяж у запястья.

Интерфейс мигнул.

[СИСТЕМА] Перестройка не завершена.

[СИСТЕМА] Нарушение структуры повысит риск потери функции.

— Функция уже держит меня за горло.

Я перерезал тяж.

Он лопнул с сухим щелчком.

Большой палец мгновенно разжался. Указательный дёрнулся в сторону. Средний остался согнутым. По предплечью прошла судорога, и один тёмный сосуд под кожей провалился, словно его пережали изнутри.

Кисть стала холоднее.

Но нож можно было выпустить.

Я успел закончить перевязку, прежде чем первый зверь показался между стеблями.

Он был размером с крупную собаку, но двигался ниже. Шесть ног расходились в стороны, удерживая длинное узкое тело почти у земли. Кожа висела складками, под которыми дрожали красные бахромчатые полосы. Голова состояла из двух костяных половин. Они раскрывались в стороны и сходились с резким щелчком.

Глаз я не увидел.

Зверь замер у отрезанного мизинца, который белые нити не успели утащить полностью. Красная бахрома под рёбрами

расправилась. Существо повернулось ко мне.

Оно не смотрело.

Оно пробовало воздух моей кровью.

Второй зверь вышел слева. Третий обошёл чашу. Щелчки раздались дальше среди стеблей.

Стая.

Первый бросился без предупреждения.

Я встретил его ножом. Новые пальцы удержали рукоять, но средний палец свело в момент удара. Лезвие прошло по верхней половине костяной пасти, только срезав край.

Челюсти сомкнулись на моём предплечье.

Плотная кожа спасла кость, но костяные края вошли с двух сторон и стянули ткань, как ножницы. Я ударил металлической скобой между половинами пасти. Зверь дёрнул головой.

Кусок кожи оторвался.

Я закричал и вогнал нож под красную бахрому у рёбер. Лезвие вошло легко. Существо выпустило руку, забилось и ударило шестью ногами по камню.

Остальные атаковали на звук.

Один прыгнул на спину. Передние лапы обхватили плечи, пасть щёлкнула возле уха. Я прижался затылком к его нижней челюсти, не давая половинам сойтись, и перекатился.

Левое плечо оказалось под телом.

Рана после метки раскрылась.

Тёплая кровь пошла по боку.

Третий зверь схватил ремни шины и потянул сломанную ногу из-под чаши. Древко копья повернулось. Обломки в голени снова разошлись.

Я ударил ножом назад, но кисть не разжалась после первого движения. Средний палец зафиксировался. Лезвие застряло в складках зверя на спине.

Отпустить его я не мог.

Достать другого — тоже.

Неудачная мутация выбрала момент показать характер.

Я выпустил левый корневой канал. Надорванное волокно обвилось вокруг красного стебля. Я дёрнул себя в сторону.

Зверь на ноге потянул обратно.

Ремень лопнул.

Шина раскрылась.

Я выскользнул из-под чаши, оставив копьё между челюстями твари. Зверь на спине потерял опору и свалился рядом. Нож вышел из его складок вместе с полосой мяса.

Я ударил ещё раз.

Средний палец не дал изменить угол. Лезвие вошло в камень и высекло искру.

Костяная пасть сомкнулась на остатке безымянного пальца.

Хруст.

Я дёрнул руку на себя. Зверь унёс чёрную фалангу.

Боли почти не было.

Это оказалось хуже.

Я пнул его босой правой ступнёй в красную бахрому. Под кожей что-то лопнуло. Существо перевернулось, скребя ногами воздух.

Вокруг чаши двигались ещё четыре.

Не три.

Не пять.

Четыре новых силуэта плюс два раненых и один, захлебнувшийся у камня.

Семь.

Стая не нападала одновременно. Двое держали меня спереди, остальные щёлкали пастями в стеблях, заставляя поворачиваться. Как только я переносил вес, удар приходил с другой стороны.

Они резали добычу по частям.

Секатели.

Другого имени им пока не требовалось.

Я отступил к чаше. Босая ступня скользнула в крови. Левая нога лежала бесполезным грузом.

Позади раздался чужой крик.

Высокие вошли во впадину.

Их было трое.

Первый нёс копьё с крюком. Второй держал гарпунный наруч перед собой. Третий — тот самый жезл с тремя кольцами. Маски повернулись к тварям, потом ко мне.

Стая почувствовала новую кровь.

Один зверь прыгнул на копейщика. Высокий развернул

древко и поймал его под тело. Крюк вспорол складчатый живот. Чёрная и красная кровь смешались на камне.

Другой выстрелил гарпуном. Игла пробила зверя насквозь, нить натянулась, подтаскивая его под удар короткого клинка.

Они умели убивать этих тварей.

Но стая тоже знала их.

Два зверя одновременно зашли копейщику за спину. Один сомкнул челюсти на плаще, второй — на сухожилии под коленом. Высокий пошатнулся.

Я не стал помогать ни одной стороне.

Попытался уйти вдоль желоба.

Жезл ударил концом в землю.

Кольца на вершине повернулись сами — не быстро, без света и металлического гула. Между ними прошёл тусклый багровый огонь, похожий на уголь под золой.

Воздух стал тяжёлым.

Красные стебли пригнулись к земле.

В груди меня придавило так, будто сверху положили плиту. Стая тоже замедлилась. Один зверь упал на брюхо, перебирая ногами.

Не техника.

Что-то другое.

Я не понимал и не собирался ждать объяснения.

Высокий с жезлом указал на меня.

Копейщик рванулся из стаи, оставляя на дороге полосу

чёрной крови. Крючковатое острие пошло мне в грудь.

Я подставил нож.

Новая сеть в руке сжалась и удержала удар. На мгновение. Потом перерезанный тяж отозвался болью, большой палец разогнулся, и нож вылетел.

Копьё скользнуло по рёбрам и вошло в бок рядом со старой раной.

Высокий потянул крюк к себе.

Плоть раскрылась.

Я схватил древко тремя пальцами. Средний палец снова свело. Удержать не получилось.

Тогда я прижал копьё к себе правым локтем и выпустил короткий корень прямо на чёрную кровь высокого, стекавшую по дереву.

Корень коснулся открытой раны под коленом.

Тело мгновенно потянулось к свежей ткани.

Высокий дёрнулся, не ожидая этого. Копьё вышло из моего бока. Я упал под чашу, а зверь с костяной пастью прыгнул ему на спину.

Челюсти сомкнулись у основания шеи.

Маска ударилась о край чаши.

Гарпунщик выстрелил в зверя, но попал в своего. Игла вошла копейщику под лопатку.

Высокий закричал.

Жезл снова ударил в землю.

Тяжесть усилилась.

Кровь из моих ран потекла медленнее, будто воздух давил даже на неё. Сердце пропустило удар. В ушах стало тихо.

Стая прижалась к земле.

Но красные бахромы под их рёбрами продолжали дрожать.

Они охотились не глазами и не движением. Им было всё равно, насколько тяжёлым стал воздух. Кровь оставалась кровью.

Один зверь медленно пополз к владельцу жезла.

Тот не заметил.

Я заметил.

И снова не предупредил.

Челюсти сомкнулись на его голени. Багровое давление исчезло.

Впадина взорвалась движением.

Я схватил изогнутый нож левой рукой. Пальцы почти не слушались, но рукоять можно было прижать к ладони ремнём. Пока я затягивал его зубами, два зверя добрались до упавшего копейщика.

Один резал живот. Второй тянул за руку.

Гарпунщик отступал к стеблям, возвращая иглу. Его маска была забрызгана чёрной кровью. Он выстрелил в меня.

Я увидел движение плеча и упал раньше щелчка.

Игла прошла над головой.

Нить легла поперёк желоба.

Я рубанул по ней ножом. Лезвие не перерезало живой ма-

териал, но прижало его к камню.

Ближайший зверь наступил на натянутую нить.

Гарпун дёрнуло в сторону. Охранник потерял равновесие. Стая повернулась к нему сразу несколькими головами.

Высокий понял ошибку и отпустил оружие.

Поздно.

Три твари бросились одновременно.

Он убил первую клинком в пасть. Второй рассёк половину головы ударом локтя, усиленного пластиной наруча. Третья сомкнула челюсти на бедре.

Высокий ударил её снова.

Четвёртая пришла сзади.

Я полз к выходу из впадины, волоча открытую голень. Каждый метр оставлял кровь. Красные бахромы зверей поворачивались вслед.

Стая могла закончить с высокими и вернуться ко мне.

Нужно было либо уйти сейчас, либо сделать так, чтобы оставшаяся кровь пахла сильнее моей.

У края чаши бился первый раненый зверь. Нож торчал под его рёбрами.

Мой нож.

Я вернулся.

Решение было плохим. Остальные варианты — хуже.

Зверь щёлкнул пастью. Я подставил металлическую скобу, позволил челюстям сомкнуться на ней и повернул. Костяные половины разошлись. Левой рукой я глубже протолкнул нож

под красную бахрому.

Тварь содрогнулась.

Я выпустил правый корневой канал в рану.

Мне не нужна была ещё одна перестройка. Я хотел только выжать из туши достаточно обычного материала и жидкости, чтобы не упасть в следующих ста метрах.

Корень втянул горячую жидкость.

Красная бахрома коснулась ладони изнутри.

По телу прошёл незнакомый импульс.

Я попытался остановиться.

Организм уже выбрал.

Боль ударила под челюстью.

Будто кто-то протянул раскалённую проволоку от языка к ушам. Шея свелась. Я оторвался от туши, но красные полосы под кожей зверя уже побледнели.

В собственной шее что-то раскрылось.

Запахи исчезли.

На один вдох.

Потом вернулись в тысячу раз сильнее.

Кровь высокого пахла горячим металлом и сладкой травой. Кровь зверей — кислым жиром. Моя — солью, грязью и гниющими сгустками. Даже отрезанный мизинец под чашей оставлял отдельную приторную полосу.

Я почувствовал всех.

Раненого копейщика.

Гарпунщика под тремя зверями.

Владельца жезла, который пытался отползти с разорванной голенью.

И человеческую кровь в свёрнутом лоскуте у моего пояса.

Она ударила сильнее всего.

Голод поднялся из живота до горла.

Я вцепился зубами в собственный рукав.

Нет.

Это был образец пленника. След человека, которого я собирался спасти.

Не еда.

Красные линии проступили по обе стороны моей шеи. Под нижней челюстью открылись несколько болезненных точек. Воздух проходил через них холодом.

Интерфейс мигнул.

[СИСТЕМА] Сенсорная перестройка: нестабильная.

[СИСТЕМА] Перегрузка химическими следами.

[СИСТЕМА] Риск пищевого импульса.

Пищевого.

Удобное слово, чтобы не называть это желанием съесть всё, что кровоточит.

Впадина стала невыносимой. Каждый разорванный сосуд кричал направлением. Я не видел картину, но запахи тянули меня нитями.

Стая закончила с копейщиком.

Двое зверей повернулись ко мне.

Я схватил жезл высокого, лежавший возле желоба.

Дерево было тёплым. Три кольца наверху перестали вращаться. На них виднелись вырезанные линии, забитые тёмной пылью. Я не понимал их и не пытался.

Просто ударил тяжёлым концом по каменной чаше.

Гул прошёл по впадине.

Звери вздрогнули.

Я ударил снова, уже по костяным пластинам над чашей. Они загрохотали одна о другую.

Стая не боялась звука. Но резкие удары заставили их на мгновение изменить строй.

Этого хватило.

Я бросил жезл в кровь убитого копейщика и пополз в противоположную сторону. Один зверь прыгнул за мной. Правая рука поймала его переднюю лапу тремя пальцами.

Новая сеть удержала.

Потом кисть свело.

Я не смог отпустить лапу, когда тварь перевернулась. Она потащила меня по камню. Костяная пасть раскрылась над лицом.

Левой рукой я подставил запасную гарпунную иглу.

Челюсти сомкнулись.

Игла вошла в мягкую ткань между костяными половинами. Крючья раскрылись внутри пасти.

Зверь рванул голову назад и сам разорвал себе горло.

Горячая кровь хлынула на меня.

Новые точки под челюстью вспыхнули болью. Запах пре-

вратился во вкус. Желудок сократился.

Я едва не прижал корень к ране.

Вместо этого ударил собственную правую кисть о камень. Пальцы разжались. Я оставил зверя и пополз дальше.

Сзади раздался протяжный крик высокого.

Я не обернулся.

Красные стебли закончились у каменного склона. Между двумя плитами оставалась узкая трещина. Я втиснулся туда боком. Шина не проходила.

Пришлось снова снять её.

Копьё и ремни остались снаружи.

Я протащил сломанную ногу руками. Внутри голени что-то сдвинулось и больше не вернулось на место. Боль стала далёкой, почти спокойной.

Это означало не улучшение.

Я начал терять сознание.

Трещина вывела в сухую полость между корнями. Здесь пахло пылью и старой древесиной. Кровь во впадине всё ещё била в новые чувствительные точки, но слабее.

Я заполз глубже и прижал к шее грязную ткань.

Закрыть запах не получилось.

Он приходил не через нос.

Под челюстью проступили шесть тёмно-красных ямок, по три с каждой стороны. Они пульсировали вместе с сердцем. Я чувствовал движение воздуха кожей.

От новых ямок под челюстью я не стал опаснее для стаи.

Зато запах крови едва не развернул меня обратно к трупам.

Я достал лоскут с кровью пленника. Даже высохшая капля обжигала восприятие. Пришлось завернуть его в остаток серой плёнки от фильтра и спрятать внутрь фляжной сумки.

Стало чуть тише.

Правая кисть снова начала сжиматься. После разреза один тяж больше не удерживал большой палец, зато остальные натянулись сильнее. Средний согнулся до ладони. Указательный дрожал. Место ампутации мизинца не кровило, но почернело по краю. От безымянного осталась короткая живая культя и половина тёмной фаланги.

Я потратил почти весь антимикробный герметик на плечо и ладонь. Остаток размазал по краю культи.

Стерильной жидкости больше не было.

Воды оставалось около половины фляги. Я выпил два маленьких глотка. Желудок принял их, но новые ямки на шее почувствовали кровь во рту от прикушенного языка.

Голод снова поднялся.

Я зажал зубами кусок обычной мышцы слухача и заставил себя жевать. Мясо было холодным, жёстким и отвратительным. Оно не разговаривало, не носило кольца и не оставляло знаков на камне.

Сегодня этого было достаточно.

Снаружи долго щёлкали костяные пасти.

Потом раздались голоса высоких.

Не троих.

Других.

Они пришли к впадине и нашли своих.

Несколько раз кто-то ударил по камню. Костяные пластины над чашей ответили глухим стуком. Затем голоса разошлись в стороны.

Поиск продолжался.

Я пролежал в полости, пока дрожь в руке не стала реже. Сон приходил рывками. Каждый раз я видел серое лицо без маски и собственный корень в его предплечье.

Проснулся от далёкого скрипа.

Повозка.

Я приложил ладонь к корню. Через дерево шли слабые, искажённые толчки. Колёса снова двигались. Не на восток.

Дорога впереди поворачивала к югу, в широкую низину.

Я выбрался с другой стороны полости, когда свет стал красным. Солнце опускалось за гигантские стволы. Впадина осталась позади. Я не вернулся за копьём и ремнями.

Новая шина была потеряна.

Левую ногу пришлось привязать к прямому корню, найденному в сухой полости. Он был легче копья, но гнулся и плохо удерживал перелом. Для ремней я разрезал плащ погибшего высокого, который всё ещё висел у меня на поясе клочьями.

Правой рукой завязать узлы не получилось. Пальцы схватывали ткань, но не отпускали. Пришлось использовать зубы и левый короткий корень.

Я вышел к краю склона.

Внизу лежала долина.

Не город и не крепость. Пока только широкая тёмная земля, разделённая стенами из чёрного камня. Между ними двигались огни. Дорога спускалась туда длинными поворотами. Повозка была маленькой тенью далеко впереди.

За ней шли ещё две.

Я различил клетки.

В одной кто-то двигался.

Людей собирали не в одном месте и не одной группой.

На противоположном склоне поднималось сооружение, похожее на огромный каменный рог, вросший в гору. На его вершине горел ровный багровый огонь. Не лампа. Не прожектор. Пламя не колебалось от ветра и окрашивало облака снизу.

Дорога к кораблю оставалась северо-восточнее.

Путь пленников уходил в долину.

Позади в лесу ответили три чужих крика.

Я опустился на землю, потому что стоять больше не мог.

Правая кисть удерживала нож, но могла не отпустить его в нужный момент. Левой руки почти не было. Вместо двух пальцев оставались культи. Новые ямки на шее чувствовали кровь любого живого существа слишком близко и превращали её в голод.

За каждое изменение тело расплачивалось по-своему: одно давало преимущество сразу, другое сначала калечило,

третье оставляло после себя мёртвую ткань. Разница всё чаще сводилась лишь к тому, когда приходил счёт.

Я перевязал нож к ладони, подтянул сломанную ногу и начал спускаться параллельно дороге.

Пленный был впереди.

Корабль — за спиной у этой новой цели и дальше на северо-востоке.

А между ними лежала долина, пахнущая кровью так сильно, что я чувствовал её даже отсюда.

Шесть новых ямок под челюстью раскрылись навстречу ветру.

Мне пришлось закрыть рот, чтобы не застонать от голода.

Глава 13 — Рывкач

Долина пахла человеческой кровью.

Не сильно. Не так, как открытая рана рядом с лицом. Запах шёл снизу тонкими тёплыми нитями, терялся среди дыма, мокрого камня, навоза тягловых животных и горьких испарений от неподвижного багрового огня. Обычным носом я бы не заметил ничего.

Шесть ямок под челюстью заметили.

Они раскрылись одна за другой, и голод ударил в живот так резко, что я прикусил язык. Перед глазами на мгновение пропал склон. Осталась только кровь: моя — густая, запертая в десятках грязных ран; чёрная — далеко позади, там, где секатели рвали высоких; человеческая — впереди, в клетках.

Я прижал к шее полосу плаща и затянул её до боли.

Не помогло.

Ямки чувствовали не носом. Ткань лишь удерживала тепло и делала собственное дыхание ещё влажнее. Каждый вдох проходил по новым красным линиям на шее и приносил чужое присутствие.

Три повозки спускались в долину разными дорогами. Первая уже приближалась к чёрной стене. Вторая шла по дальнему склону. Третья — та, которую я преследовал, — двигалась ниже меня, скрываясь то за каменными ребрами, то

за зарослями серого тростника.

В клетке качнулся человек.

Я не видел лица, только руку в разорванном сером рукаве. Пальцы сжались на пруте и снова разжались.

Жив.

Этого было достаточно, чтобы заставить меня двигаться.

Недостаточно, чтобы тело согласилось.

Я подтянул левую ногу за ремень. Сухой корень, заменявший шину, впился в отёкшую голень. При каждом движении обломки кости скребли друг о друга. Правая босая ступня распухла, кожа на пятке висела лоскутами. Кисть держала изогнутый нож тремя пальцами и дрожала от попытки его не выпустить.

Позади, на верхнем склоне, хрустнул камень.

Высокие не отказались от погони.

Я лёг животом на землю и приложил левую ладонь к выступающей плите. Камень был разорван трещинами, поэтому вибрации приходили кусками. Справа — тяжёлые удары копыт. Внизу — перекатывание колёс. Сзади — два ритма, разделённые несколькими десятками шагов.

Третий преследователь по камню не шёл.

Он обходил по мягкому грунту.

Умнее становились не только мои органы.

Передо мной склон обрывался в узкую расселину. Через неё тянулся старый мост — не широкий, как дорога, а тонкий переход между двумя каменными водосбросами. По его

краям висели костяные пластины, связанные тёмными шнурами. Ветер раскачивал их, и над пропастью шёл тихий сухой перезвон.

Ниже мутная вода падала ступенями и исчезала под стеной долины.

Если я перейду здесь, окажусь на гребне над дорогой и смогу продолжить за повозкой, не спускаясь к охране.

Если задержусь, высокие зажмут меня между склоном и пропастью.

Я пополз к мосту.

На середине пути кровяные ямки под челюстью внезапно стянулись.

Не человеческая кровь.

Что-то другое.

Свежее, горячее и совсем рядом.

Я замер.

Ветер качал костяные пластины. Вода гремела внизу. Серый тростник шевелился на противоположной стороне моста.

Ничего.

Потом одна из длинных теней отделилась от камня.

Существо стояло у дальней опоры и смотрело на меня.

Сначала я решил, что оно худое. Потом понял: передняя половина действительно была узкой, почти тощей, зато задняя поднималась тяжёлым горбом из мышц. Четыре ноги касались камня. Передняя пара была короткой и широко рас-

ставленной, задняя — длинной, с двумя дополнительными суставами. По бокам таза лежали белые костяные скобы, будто рёбра выросли наружу и обхватили мышцы.

Голова была плоской, без ушей. Два чёрных глаза прятались под костяными навесами. Рот открывался не вниз, а назад, почти до шеи.

На боку тянулась свежая рана. Неглубокая, но горячая.

Вот что почувствовали ямки.

Тварь не рычала. Не приближалась. Только медленно подогнула задние ноги.

Белые скобы на её боках сошлись.

Внутри горба что-то натянулось.

Я увидел движение и всё равно не успел.

Камень под зверем треснул.

Тень исчезла.

Удар пришёл в грудь.

Меня вырвало с края склона и бросило на мост. Воздух вышел из лёгких вместе с кровью. Я проскользил по плитам, ударился плечом о низкий бортик и едва не перевалился в расселину.

Тварь уже стояла на моей стороне.

Не рядом.

В десяти шагах за спиной.

Она не пробежала расстояние. Она выстрелила собой через него.

На груди остались четыре глубокие борозды. Плотная ко-

жа удержала когти у ключицы, но ниже они вошли в обычную ткань. Кровь сразу превратилась в густые комки.

Я попытался поднять нож.

Кисть не раскрылась после прошлого усилия. Средний палец заклинило. Рукоять повернулась внутри ладони остриём к предплечью.

Зверь снова подогнул ноги.

Я упал на живот.

Второй рывок прошёл над головой. Воздух ударил по волосам. Коготь рассёк спину, но тварь не смогла остановиться сразу и врезалась в подвешенные костяные пластины.

Перезвон превратился в треск.

Шнуры лопнули. Белые дощечки посыпались в воду.

Зверь развернулся.

Не сразу.

Передние ноги скользили, задние тяжело переступали. После рывка ему требовалось несколько мгновений, чтобы снова собрать тело.

Я пополз к середине моста. После броска зверю требовалось несколько мгновений, чтобы погасить скорость, развернуться и заново собрать задние ноги. На такой короткой паузе ещё можно было что-то построить.

Рывкач.

Название было примитивным, зато другого тварь пока не заслужила. И торопиться оно не собиралось — просто выравнивалось по мосту и ждало, пока я окажусь на линии сле-

дующего броска.

Тварь сделала короткий шаг влево и замерла, выравниваясь точно по мосту.

Сзади раздался щелчок.

На склон вышел высокий с копьём. Маску пересекала красная царапина, на плаще темнели пятна после схватки с секателями. За ним появился второй — с гарпунным наручем.

Они увидели зверя.

Копейщик остановился.

Гарпунщик поднял руку.

Тварь повернула голову к ним, но не сменила стойку. Я лежал ближе. Моя кровь текла по мосту.

Самая привлекательная часть пейзажа.

— Справедливо, — прохрипел я.

Зверь рванулся.

Я дёрнул левый корневой канал и обвил им уцелевший шнур от костяных пластин. Волокно едва чувствовало кончиком, но удержало. Я подтянул тело к краю.

Тварь пронеслась мимо.

Один коготь зацепил сухой корень на моей голени.

Шина разлетелась.

Левую ногу вывернуло наружу. Боль поднялась белой стеной. Я закричал, а зверь ударился о склон возле высоких.

Гарпун выстрелил почти в упор.

Игла вошла твари в бок, раскрылась между внешними ко-

стяными скобами. Высокий натянул нить.

Зверь дёрнулся.

Я ожидал, что его удержат.

Ошибка.

Белые скобы разошлись. Раненый бок провалился внутрь, освобождая крючья. Тварь сделала короткий рывок не вперёд, а в сторону, ударила гарпунщика плечом и сбила с ног.

Она умела менять направление.

Только не во время одного броска.

Копейщик ударил снизу. Крючок вошёл под переднюю лапу. Чёрная кровь высокого и густая тёмно-красная кровь зверя смешались на камне.

Ямки под моей челюстью раскрылись полностью.

Мир исчез.

Два горячих источника пульсировали так близко, что я чувствовал каждый выброс крови. Во рту стало сладко. Корневые рубцы в ладонях разошлись. Желудок сжался, толкая тело вперёд.

К еде.

Не к врагам.

Не к возможности сбежать.

К открытой плоти.

Я вонзил нож себе в бедро.

Боль вернула склон.

Лезвие вошло неглубоко, но достаточно. Собственная кровь ударила в новые ямки и перегрузила их. Меня затош-

нило. Я выдернул нож и пополз по мосту, пока высокий и зверь рвали друг друга у опоры.

Гарпунщик поднялся первым. Наруч был погнут, одна короткая боковая кисть висела. Он не смотрел на меня. Его игла оставалась в боку зверя, а живая нить сокращалась сама, пытаясь вернуться к владельцу.

Копейщик отступил на мост.

Тварь выпрямилась.

Теперь я видел, как она готовит бросок. Задние мышцы собирались не сразу. Костяные скобы сходились по бокам. Между ними натягивались толстые белые тяжи, спрятанные под полупрозрачной кожей. Передние лапы выбирали линию. Хвоста не было — равновесие держалось всей спиной.

Она рванула к копейщику.

Высокий ушёл в сторону.

Я приготовился увидеть зверя в пропасти.

В последний момент тварь ударила короткой передней лапой по бортику. Тело повернулось в воздухе, оттолкнулось от камня и пошло вторым броском под углом.

Когти вошли высокому в живот.

Пластины брони разошлись. Чёрная кровь плеснула на мост.

Зверь протащил противника несколько шагов и ударил о край. Копьё выпало.

Гарпунщик выстрелил снова.

Игла пробила заднюю ногу твари. На этот раз попала меж-

ду суставами. Нить натянулась.

Зверь не смог собрать полноценный рывок. Он дёрнулся, упал на бок и начал рубить воздух передними когтями.

Высокий с разорванным животом ещё жил. Он пытался подняться, прижимая ладонь к внутренностям.

Мои кровяные ямки тянули меня к нему сильнее, чем к зверю.

Я не пошёл.

Подполз к выпавшему копью и зажал древко между локтем и рёбрами. Правая кисть всё ещё держала нож. Чтобы взять копьё, пришлось разжимать пальцы левой рукой.

Средний не слушался.

Я прижал рукоять ножа к камню и выдернул ладонь.

Кожа на большом пальце лопнула. Нож остался лежать.

Копьё оказалось тяжелее прежнего. На конце раскрывался один длинный крюк. Для нормального удара требовались две руки.

У меня была одна с половиной.

Зверь перегрыз живую нить гарпуна вместе с куском собственной ноги.

Гарпунщик отступил.

Тварь поднялась на трёх конечностях и посмотрела сначала на него, потом на меня.

Раненая задняя нога дрожала.

Белые тяжи всё равно начали натягиваться.

Я понял, что оно выберет.

Гарпунщик стоял дальше и был почти цел.

Я — ближе, лежал на мосту и пах как разделанная туша.

Разумное решение требовало бросить копьё, перевалиться через край и повиснуть на корне.

Я слишком хорошо помнил, чем закончилась последняя попытка висеть над пропастью с повреждённым плечом.

Поэтому выбрал плохое решение, которое оставляло шанс победить.

Я выставил крюк перед собой и упёр древко в трещину между плитами.

Тварь сжалась.

На этот раз я не смотрел на голову. Следил за короткими передними лапами.

Камень треснул под её когтями.

Рывок.

Я не успел отскочить. Только повернул крюк.

Удар сложил меня вокруг древка.

Копьё вошло зверю под грудь, скользнуло вдоль кости и вышло из бока. Крюк раскрыл рану, но масса твари вырвала оружие из трещины и потащила меня по мосту.

Рёбра хрустнули.

Перед глазами почернело.

Мы остановились у противоположного бортика.

Тварь лежала на мне. Её пасть раскрылась назад, обнажив два ряда коротких зубов. Горячая слюна текла по шее. Передние лапы царапали камень возле головы.

Копьё застряло поперёк тела и не давало ей повернуться полностью.

Я нашёл металлическую скобу.

Правая кисть сомкнулась на ней сама.

Ударил в чёрный глаз.

Скоба скользнула по костяному навесу.

Тварь дёрнула головой и зубами захватила край моего плеча.

Плотная кожа выдержала первый укус.

Второй прошёл в разрез, оставшийся после метки.

Зубы вошли в открытую мышцу.

Я закричал и снова ударил.

Скоба вошла под костяной навес. Глаз лопнул мягко, почти без сопротивления. Тварь мотнула головой, вырвала кусок плеча и отбросила меня к краю.

Копьё выскользнуло из её тела.

Она поднялась.

Один глаз заливала кровь. Задняя нога была перегрызена до кости. Из бока торчали обрывки белых тяжей.

И всё равно скобы начали сходиться.

Гарпунщик стоял у входа на мост. Он сменил повреждённую иглу и целился.

Не в зверя.

В меня.

Владелец жезла, должно быть, остался у впадины с секателями. Здесь командовать было некому. Этот высокий ре-

шил, что проще дать хищнику ослабить добычу, а потом добить обоих.

Учились.

Я тоже.

На мосту ещё висели два целых шнура с костяными пластинами. Один тянулся от бортика к согнутой деревянной раме над водосбросом. Ветер раскачивал его поперёк дороги.

Я схватил шнур коротким правым корнем.

Два сантиметра живого волокна едва обвили материал.

Тварь приготовилась к броску.

Гарпунщик выстрелил.

Я дёрнул шнур вниз.

Костяные пластины рухнули между нами. Игла ударила в одну из них и раскрылась. Живая нить мгновенно натянула весь подвес.

Деревянная рама над мостом согнулась.

Зверь рванулся.

Он прошёл через падающие пластины, но одна тёмная петля легла на шею. Вторая обвила переднюю лапу. Тварь потащила за собой раму и гарпунную нить.

Высокого сорвало с места.

Он ударился о бортик и выпустил оружие.

Рама треснула, но не сразу. Несколько мгновений зверь, высокий и подвес тянули друг друга в разные стороны.

Мне хватило.

Я схватил копьё за середину и пополз к твари. Правая нога толкала тело. Левая волочилась бесчувственным грузом. Кровяные ямки вопили от близкой крови.

Зверь увидел меня единственным глазом.

Пасть раскрылась.

Я вогнал крюк в повреждённую заднюю ногу и повернул.

Белые тяжи вышли наружу толстым пучком.

Тварь дёрнулась. Подвес лопнул. Освободившаяся лапа ударила меня в лицо.

Я потерял копьё и несколько зубов.

Но главный задний тяж остался намотан на крюк.

Зверь попытался собрать рывок.

Одна сторона таза сжалась.

Вторая не ответила.

Тело перекосило. Вместо прямого броска тварь закрутилась, врезалась в бортик и проломила его.

Камень ушёл вниз.

Зверь повис над расселиной, удерживаясь передними лапами. Раненая задняя конечность осталась на мосту под странным углом. Белые тяжи натянулись между телом и копьём.

Гарпунщик поднялся на колени.

Я увидел, как его пальцы тянутся к запасной игле.

До него было слишком далеко.

До зверя — один шаг.

Я прижал босую правую ступню к древку копья и толкнул.

Крюк перерезал натянутые тяжи.

Тварь сорвалась.

Она ударилась о нижний уступ, отскочила и исчезла в мутной воде. Грохот долго шёл по каменным стенам.

Я не ждал тишины.

Гарпунщик бросился ко мне без оружия. Из наруча торчала оборванная живая нить. Он вытащил короткий нож.

Я встретил его металлической скобой.

Первый удар прошёл мимо. Второй рассёк мне щёку. Высокий двигался осторожнее погибшего товарища и не подставлял маску. Он бил по правой кисти, понимая, что она работает плохо.

Третий удар попал по указательному пальцу.

Кость не сломалась, но рука раскрылась от боли. Скоба упала.

Высокий схватил меня за ворот и потащил к целому краю моста.

Не хотел убивать здесь.

Хотел взять живым.

Я упёрся ногой. Босая ступня заскользила по крови. Левая не отвечала.

Нож высокого оказался возле моего горла.

Кровяные ямки чувствовали чёрную кровь из порезов на его животе. Голод давил сильнее страха.

Я выпустил левый корневой канал.

Надорванное волокно вытянулось на ладонь и обвило его

раненое запястье. Высокий дёрнулся, ожидая захвата.

Я не стал удерживать его запястье. Корень вошёл прямо в открытую рану, и горячая ткань мгновенно отозвалась в ладони. Мне хватило самого контакта: высокий закричал и отдёрнул руку. Вместе с корнем вырвался кусок серой кожи. Я ударил головой в его маску, потом вонзил большой палец в царапину на тёмной полосе.

Материал треснул.

Высокий отпустил ворот.

Я схватил его нож тремя пальцами.

Кисть заклинило вокруг рукояти.

Клинок вошёл противнику под рёбра, туда, где секатель уже разорвал плащ. Чёрная кровь хлынула на мою руку.

Ямки под челюстью сжались.

Корни раскрылись.

Тело предложило простое решение: прижаться ладонью, взять силу, влагу, сухожилия, всё, что осталось.

Я выдернул нож.

Высокий отступил, зажимая бок. Он ещё мог драться. Я — почти нет.

Снизу раздался тяжёлый удар.

Тварь не утонула.

По стене расселины прошёл скрежет. Потом ещё один.

Рывкач карабкался по уступам.

Высокий услышал.

Мы оба посмотрели вниз.

Окровавленная голова появилась возле нижней арки водосброса. Один глаз уничтожен. Задняя нога висела. Передними лапами зверь подтягивал тело, а целая задняя конечность короткими ударами выбрасывала его вверх.

Он не собирался умирать по удобному сценарию.

Высокий повернулся к выходу.

Я ударил ножом в его повреждённую ногу.

Не глубоко. Достаточно, чтобы он упал на одно колено.

Рывкач увидел движение.

Белая скоба на уцелевшем боку сошлась.

— Теперь твоя очередь, — сказал я.

Зверь выстрелил с нижнего уступа.

Он перелетел край моста снизу вверх. Когти врезались высокому в спину. Маска ударилась о камень и раскололась. Оба покатились к середине перехода.

Высокий успел вонзить нож твари в шею.

Рывкач перекусил ему горло.

Чёрная кровь затопила плиты.

Новые ямки под моей челюстью перестали быть чувством. Стали приказом.

Я пополз к ним.

Не потому, что решил.

Потому что тело потянулось к горячей крови.

Правая ладонь легла в чёрную лужу. Корневой рубец раскрылся. Первые капли вошли в меня прежде, чем я понял, что делаю.

Сила прошла по предплечью.

Голод усилился.

Я отдёрнул руку и ударил её о камень, пока корень не втянулся.

Рывкач стоял над мёртвым высоким. Рана в шее пульсировала. Один бок больше не мог собрать мышцы. Он повернулся ко мне.

Мы оба уже не могли нормально двигаться.

Это не сделало бой равным.

Тварь подогнула единственную рабочую заднюю ногу.

Я лежал в пяти шагах. Уклониться было невозможно.

Копьё осталось у пролома. Скоба — возле края. В руке был только нож высокого, намертво зажатый тремя пальцами.

Я выставил его перед собой.

Рывок получился коротким и кривым.

Зверь ударил меня в живот. Клинок вошёл ему в грудь до рукояти. Когти разорвали бок и отбросили к бортику.

Тварь не остановилась. Её вынесло на разрушенный край. Передние лапы заскребли по камню.

Я схватил наружную костяную скобу на её боку.

Гладкая поверхность выскальзывала из крови. Правая кисть не могла отпустить нож. Левой рукой я держал зверя, который тянул меня за собой в пропасть.

Под белой скобой пульсировали обнажённые тяжи.

Я прижал к обнажённым тяжам правый корневой канал.

Два сантиметра волокна коснулись свежей ткани и тут же впились в неё; тварь забилась. Я искал только опору, хоть одну живую нить, за которую можно удержаться, но корень уже втягивал горячую ткань. Правое бедро почти сразу свело: мышцы подхватили тот же грубый принцип, который был виден в самом рывкаче, — накопить натяжение, запереть суставы и разом отпустить усилие.

Мышцы правого бедра ответили судорогой.

Нога выпрямилась сама.

Тело дёрнулось вперёд.

Мы с рывкачом ударились о бортик. Костяная скоба треснула в моей руке. Зверь снова оказался на мосту, а я — под ним.

Корень продолжал пить.

Я чувствовал, как новые тугие волокна пытаются расти от таза вниз. В правой ноге они находили мышцы. В левой упирались в отёк, сломанные кости и грязную шину, которой уже не было.

Боль разорвала живот и пах.

Я отпустил зверя.

Поздно.

Перестройка началась.

Правое бедро свело так сильно, что колено ударило твари в грудь. Левую ногу выгнуло вокруг перелома. Кость снова сместилась, разрывая ткань изнутри.

Рывкач поднял голову.

Я вцепился левой рукой в рукоять ножа, торчавшего из его груди, и повернул.

Клинок прошёл между рёбрами.

Тварь укусила меня за предплечье.

Зубы вошли до кости.

Я повернул нож ещё раз.

Сердце или то, что работало вместо него, дёрнулось под лезвием.

Рывкач замер.

Пасть осталась сомкнутой на руке. Пришлось разжимать её металлическим обломком костяной скобы, зуб за зубом.

Когда я освободился, тварь уже не дышала.

Я лежал рядом, слушая воду и собственный крик, который продолжался даже после того, как закончился воздух.

Новые тяжи росли в ногах.

Справа под кожей проступили три тёмные полосы от таза к колену и ещё две вдоль икры. Слева волокна собрались вокруг перелома и начали сжимать его, будто пытались превратить раздробленную голень в единый рычаг.

Перелому от этого становилось только хуже: новые волокна стягивали концы обломков друг к другу под неправильным углом.

Я схватил левое бедро обеими руками и попытался расслабить мышцы.

Они не слушались.

Интерфейс мигнул в поле зрения.

[СИСТЕМА] Неконтролируемая двигательная перестройка.

[СИСТЕМА] Левая конечность: несовместимая нагрузка.

[СИСТЕМА] Риск внутреннего разрыва.

— Поздновато, — выдохнул я.

Правую ногу отпустило первой.

Я попытался согнуть колено.

Пятка упёрлась в камень. Тёмные тяжи натянулись. Внутри таза что-то щёлкнуло.

Тело выбросило меня вперёд.

Не на пять шагов.

На все десять.

Я пролетел по мосту, ударился плечом о склон и упал лицом в серый тростник. Правая мышца бедра разошлась горячей полосой. Колено онемело.

Первый рывок спас меня от лежания рядом с трупами.

И почти оторвал рабочую ногу.

Левая осталась на мосту на мгновение дольше, чем остальное тело. Перелом протащило по камню. Внутри что-то хрустнуло ещё раз.

Я не мог пошевелиться.

Сзади доносились голоса.

Остальные высокие приближались по верхнему склону.

Мне требовалось уйти немедленно.

Правая нога уже знала, как сорвать тело с места, но первый же такой бросок оставил после себя разорванное бедро

и потемневшее колено.

Я попробовал подняться обычным способом.

Правая рука держала нож и не отпускала. Левая почти не поднималась. Правая нога дрожала. Левая была куском боли.

Обычного способа больше не существовало.

Я перевернулся на живот и пополз через тростник. За каждым движением следил, чтобы пятка не упиралась слишком сильно. Тёмные тяжи отвечали даже на страх: стоило услышать шаг, как правая нога начинала собираться для броска.

Она хотела спасти меня раньше, чем я выбирал направление.

За спиной высокий крикнул.

Другой ответил из долины.

Я оказался на узкой полке над дорогой. Внизу проходила последняя повозка. Охрана ускоряла тягловых животных. На клетке темнели следы ударов и засохшая кровь.

Человек в сером рукаве снова держался за прут.

На этот раз он поднял голову.

Расстояние было слишком большим для лица. Но он увидел движение в тростнике.

Увидел меня.

Рука на пруте сжалась дважды. Пауза. Ещё два раза.

Старый сигнал экспедиционного корпуса.

«Свой».

Я ответил, ударив ножом по камню: два коротких, пауза,

два.

Звук утонул в колёсах.

Не знаю, услышал ли он.

Один из охранников повернул маску к склону.

Кровяные ямки под челюстью чувствовали пленника. Горячую кровь под кожей. Слабую, человеческую.

Новая правая нога начала сжиматься.

Тело выбрало цель само.

Не путь к спасению.

Кровь.

Я вонзил нож в землю перед собой и удержал рукоять обеими руками. Тёмные тяжи натянулись. Пятка содрала грунт. Меня дёрнуло на полшага к краю.

Я закричал и повернул таз в сторону.

Рывок сорвался.

Правую икру разорвало изнутри. Я упал, но не полетел на дорогу и не бросился к клетке как голодный зверь.

Охранник несколько секунд смотрел на склон.

Потом повозка ушла за чёрную стену.

Ворота закрылись не створками. Две тяжёлые каменные решётки опустились сверху на цепях. Над ними горели чаши с обычным жёлтым огнём. Багровое пламя на каменном роге оставалось неподвижным, хотя ветер гнул тростник.

Первая повозка уже двигалась внутри долины к ряду низких строений. Вторая стояла у круглой площадки, где высокие снимали клетки с колёс и ставили на деревянные поло-

зья. Третья присоединилась к ним.

Людей не везли сразу в рог.

Их собирали у стены.

Считали, сортировали или ждали процессии — я не знал.

Но теперь видел место.

Цель стала ближе.

Тело — хуже.

Я отполз от края и нашёл углубление между двумя корнями. Там можно было спрятаться до темноты. Я отрезал полосы от плаща высокого, оставшиеся на поясе, и попытался собрать новую шину.

Длинного прямого предмета не было.

Пришлось вернуться взглядом к мосту.

У тела рывкача наружные костяные скобы лежали вдоль боков. Одна треснула, вторая оставалась целой. По длине она подходила для голени.

Между мной и трупом были открытый мост, кровь и приближающиеся высокие.

Я мог оставить кость и сохранить жизнь.

Мог оставить жизнь через час, когда перелом окончательно прорвёт кожу.

Выбор снова оказался щедрым.

Я дождался, пока первые двое преследователей войдут на мост. Они нашли мёртвого товарища и зверя. Один опустился рядом с высоким. Второй осматривал кровь и след моего рывка.

Третий остался у входа.

Я кровяными ямками чувствовал свежую рану на его ноге. Видимо, секатель достал и его.

Правое бедро сжалось при одном запахе.

Я позволил новым тяжам натянуться, но не до конца. Повернул корпус к зарослям слева, выбрал место между камнями и оттолкнулся руками.

Рывок пришёл раньше команды.

Мир ударил в лицо ветром.

Я пролетел через открытый участок и врезался в ствол. Плечо снова раскрылось. Правое колено подогнулось, но расстояние я преодолел.

Высокие услышали.

Гарпун ударил в кору рядом.

Я не пошёл за костяной скобой.

Вместо неё выломал из молодого дерева раздвоенную ветвь. Она была короче голени и гнулась, зато не требовала возвращаться к трупам.

Я примотал её с двух сторон перелома. Левую ногу продолжали стягивать чужие тяжи. Ветвь выгнулась вместе с ними, удерживая кость хотя бы от нового поворота.

Правую ногу после второго рывка трясло. Под кожей бедра наливалась кровь. Колено не разгибалось полностью.

Рывок получался — это уже нельзя было списать на случайную судорогу. Только управлять им в моём состоянии почти не удавалось.

Из долины донёсся протяжный звук.

Не сирена.

Глубокий удар, будто огромная костяная труба выдохнула один низкий тон. Багровое пламя на роге вытянулось вверх.

У стен задвигались фигуры. Цепи зазвенели. Клетки на деревянных полозьях потащили к внутренней дороге.

Начиналась процессия.

Я лежал в корнях, прижимая ладонь к разорванному бедру. Кровяные ямки чувствовали десятки людей внизу. Слабые источники, разделённые камнем, дымом и чужой кровью.

Голод считал их добычей.

Я заставлял себя считать их людьми.

На мосту высокие начали подниматься по моему следу.

В правой ноге снова натянулись тёмные тяжи.

Чтобы добраться до пленных, мне требовалось научиться управлять броском.

Чтобы не броситься на пленных, требовалось научиться управлять собой.

Я повернулся к лесу над долиной и приготовился падать.

Глава 14 — Учиться падать

Я понял главное правило рывка, когда в третий раз ударился лицом о землю.

Не нужно было учиться разгоняться.

Нужно было учиться падать.

Первый бросок после моста вынес меня из зарослей прямо на склон. Я собирался переместиться на три шага, а пролетел почти вдвое дальше. Правая пятка сорвалась с мокрого камня. Новые тяжи в бедре натянулись раньше, чем я успел повернуть корпус.

Земля ударила в скулу.

Во рту хрустнул ещё один зуб. Нож вылетел из трёхпалой руки, но кисть продолжала сжиматься, будто рукоять всё ещё находилась внутри. Левая нога приехала следом и стукнулась о корень. Шина выдержала. Кость под ней — не уверен.

Я лежал в холодном мху и слушал, как над долиной тянется низкий звук костяной трубы.

Процессия двигалась.

Клетки скрипели внизу. Их уже сняли с колёс и поставили на широкие деревянные полозья. Высокие тянули их между чёрными стенами медленно, без суеты. Впереди несли чаши с багровым огнём. Пламя не колебалось от ветра. Оно вытягивалось в сторону каменного рога на противоположном склоне, словно показывало дорогу.

Я не понимал, что это значит.

Мне хватало того, что люди уходили всё дальше.

За спиной, выше по склону, ломались ветки. Преследователи не бросили поиск после моста. По отдельным камням вибрации приходили плохо, но звук выдавал минимум двоих. Один шёл прямо по моему следу. Второй держался левее, отрезая путь обратно к дороге.

Я поднялся на локтях.

Правая нога дрожала. Внутри бедра новые волокна продолжали медленно стягиваться, накапливая напряжение без моей команды. Запах человеческой крови поднимался из долины и входил в шесть ямок под челюстью тонкими горячими иглами.

Каждый вдох говорил телу одно:

Туда.

Я затянул вокруг шеи полосу плаща высокого. Под тканью стало жарко и влажно. Ямки не закрылись, но собственный пот и кровь смешали запахи. Голод немного потерял направление.

Немного.

Я нашёл нож, зажал его большим, указательным и средним пальцами. Указательный дрожал. Средний снова не хотел разгибаться. Культя безымянного пульсировала под грязной повязкой.

Внизу между мной и процессией лежали три каменные террасы. Первая заросла мягким серым мхом. На второй тор-

чали остатки стены. Третья уходила к старым аркам над водосбросом.

Обычным способом я спускался бы слишком долго.

Рывком мог добраться быстро.

И превратить правую ногу в мясо ещё до середины.

Я выбрал ближайшее пятно мха, поставил босую пятку в землю и начал натягивать тяжи медленно.

Слово «медленно» им не понравилось.

Бедро сжалось сразу.

Я не стал бороться с движением. Повернул правое плечо вперёд, согнул колено и позволил телу сорваться.

Бросок получился короче прежних. Я пролетел три шага, ударился боком о мох и перекатился через спину. Рёбра вспыхнули болью. Разрез на плече снова открылся под коркой герметика.

Но голова осталась цела.

Уже прогресс.

Я лежал несколько секунд, пока дрожь в ноге не ослабла. Потом подтянул сломанную голень за ремень и пополз к следующему участку.

Второй бросок начался от звука.

Сверху щёлкнул гарпун.

Тёмная игла ударила в землю там, где только что находилась моя рука. Запах крови, страх и резкое движение сплелись вместе. Тяжи сработали без разрешения.

Меня выбросило к обломку стены.

Я успел выставить правое предплечье. Камень содрал кожу до старой прокушенной раны. Плечо ударилось следом. В глазах потемнело, но я не отлетел обратно на склон — согнул корпус и упал вдоль стены, гася движение трением.

Гарпунная нить прошла над головой.

Высокий показался на верхней террасе. Маска была гладкой, без трещин. На плече висел короткий плащ, а на наруче уже открывалась новая игла.

Второй преследователь вышел левее с крючковым копьём.

Они не спешили.

Первый выстрел был проверкой.

Я пополз за стену. Внутри руины обнаружился узкий проход, перекрытый провалившимся камнем. Щель оставалась только снизу. Человек со здоровой ногой протиснулся бы. Я — тоже, если снять шину и оставить половину кожи на спине.

Выбора не было.

Копейщик начал спускаться.

Я поддел ремень ножом, ослабил верхнюю петлю и повернул ветви шины вокруг голени. Перелом сдвинулся. Белая боль прошла до паха.

Гарпун ударил в край стены и раскрыл крючья. Высокий потянул нить, выламывая кусок камня.

Я просунул голову в щель, выдохнул и потащил тело.

Плечи прошли. Грудь застряла. Плотная кожа на левом боку цеплялась за острый выступ. Я выпустил короткий пра-

вый корень и зацепился им за трещину впереди.

Два сантиметра волокна не тянули тело.

Они дали точку, от которой можно было рвануться самому.

Копьё вошло в щель сзади. Крючок зацепил ветвь шины.

Высокий потянул.

Левая нога осталась снаружи, туловище — внутри. Кость в голени развернуло.

Я закричал в камень.

Новые тяжи в обеих ногах натянулись от боли. Левую сторону сдавило вокруг перелома, пытаясь превратить сломанную конечность в рычаг. Если рывок запустится сейчас, ногу разорвёт окончательно.

Я вонзил нож в ветвь шины и перерезал ремень.

Копейщик выдернул половину конструкции наружу. Я оттолкнулся правым коленом, протиснул таз и упал в темноту по другую сторону стены.

Высокие не полезли следом сразу.

Один произнёс короткую фразу. Второй ответил щёлкающим звуком.

Они знали, что проход куда-то ведёт.

Я тоже узнал через несколько метров.

Старая лестница уходила вниз между каменными рёбрами. Большая часть ступеней обвалилась. По стене тянулась цепь из тёмного металла, а под ней висели широкие чаши из кости и дерева. Сверху капала вода. Каждая капля попадала

в первую чашу, переполняла её, переворачивала, и вода стекала в следующую.

Простой механизм.

Медленный, старый и всё ещё живой.

Внизу слышалось журчание.

Вода.

Я спустился по ступеням, опираясь правой рукой и волоча левую ногу. Без шины перелом двигался при каждом толчке. Новые тёмные тяжи вокруг него сокращались, удерживая обломки слишком плотно и не в том положении.

Гарпунная игла звякнула о камень наверху.

Высокие нашли другой вход или решили идти следом.

Лестница вывела на скрытую террасу внутри склона. Над ней сходились четыре каменные арки, похожие на рёбра огромного зверя. Под арками стояла круглая чаша, наполненная прозрачной водой. Из середины поднимался чёрный каменный столб. На нём были вырезаны фигуры длиннооруких существ, державших сосуды над головами.

На столбе ничего не светилось и не отзывалось на моё присутствие. Здесь были только вода, цепи и размеренный звук падающих капель.

Я коснулся края чаши языком.

Горечь. Минералы. Слабый запах гнили, но белых нитей на поверхности не было.

Организм не выдал немедленной тревоги.

Я наполнил флягу до краёв и сделал два маленьких глотка.

Живот сжался, однако вода осталась внутри.

Почти чистая.

Лучшее, что случилось со мной за последние часы.

Под аркой что-то шевельнулось.

Я увидел тонкую прозрачную полоску на камне. Решил, что это мокрый лист.

Полоска раскрылась.

По краям появились четыре короткие лапы. В центре проступило бледное кольцо рта. Существо отделилось от стены без звука и прыгнуло мне на грудь.

Я успел подставить предплечье.

Тварь обернулась вокруг руки, как мокрая ткань. Лапы вошли в кожу. Из нижней стороны выступила тёплая слизь.

Через секунду она стала липкой.

Я дёрнул руку.

Прозрачная плёнка растянулась, но не оторвалась. Наоборот, стянула края старой раны и приклеила кисть к груди.

На арках раскрылись ещё десятки мокрых листьев.

Не листья.

Они ждали, пока кто-нибудь придёт к воде.

Первый спрыгнул мне на спину. Второй накрыл бок шеи. Третий сел на голень, прямо поверх открытого перелома.

Я ударил ножом по существу на груди.

Лезвие прошло через прозрачное тело. Из разреза вышла густая янтарная жидкость. Она растеклась по коже и мгновенно затвердела по краям.

Кисть приклеило сильнее.

Твари не кусали мясо кусками. Они закрывали добычу слоями, обездвиживали и оставляли живой под плёнкой.

Плёночники.

Название пришло раньше, чем хотелось.

Один накрыл рот.

Тёплая слизь заполнила губы. Я успел втянуть воздух через нос, прежде чем прозрачная ткань натянулась на лицо.

Нож оставался зажат в правой руке, приклеенной к груди. Левой рукой я почти не управлял. Корни были слишком короткими и повреждёнными.

Рывок мог разорвать плёнки.

Заодно мышцы, перелом и, возможно, шею.

На лестнице сверху застучали шаги.

Очень удачный момент для осторожности закончился.

Я упёр правую пятку в камень.

Тяжи в бедре сразу натянулись. Плёночники почувствовали движение и стянулись вместе. Существо на голени сжало перелом, будто тугой ремень. Боль ударила в таз.

Рывок запустился.

Я полетел не вперёд, а боком.

Прозрачные тела растянулись между мной, стеной и чашей. Несколько оторвались от камня. Те, что сидели на теле, выдержали. Я ударился плечом о край чаши и свалился в воду.

Холод накрыл голову.

Плёнка на лице стала мягче. Я рванул её зубами и вдохнул воду. Закашлялся, поднялся на колени.

Ошибка открылась сразу.

В воде слизь не растворялась.

Она разбухала.

Существо на груди увеличилось вдвое и обхватило плечо. Плёнка на ноге стала толще, сдавила голень так, что ступня онемела. Ещё три твари скользнули в чашу и поплыли ко мне, изгибая тела как прозрачные ленты.

Я выбрался на край, но правая кисть всё ещё была приклеена к груди. Средний палец судорожно держал нож под плёнкой. Лезвие резало кожу при каждом движении.

Сверху показался первый высокий.

Он остановился на лестнице, увидел арки и резко поднял руку. Гарпун не выстрелил. Вместо этого он сорвал с пояса маленькую костяную коробку, раскрыл и бросил вниз горсть серого порошка.

Порошок коснулся плёночника на ступени.

Прозрачное тело сморщилось, свернулось трубкой и упало.

Сухая зола.

Высокие знали этих тварей.

Второй появился с копьём. Он ударил древком по цепи. Костяные чаши над лестницей перевернулись разом, выплеснув воду и смывая нескольких существ вниз.

Плёночники бросились не только на меня.

Два упали на гарпунщика. Один обернулся вокруг маски. Второй приклеил руку с костяной коробкой к груди. Высокий отшатнулся и ударился о стену.

Копейщик посыпал его серым порошком.

Я запомнил.

Рядом с центральным столбом стояла низкая каменная жаровня. Огня давно не было, но на дне лежал толстый слой сухого белого пепла, защищённого от воды нависающей плитой.

До неё оставалось четыре шага.

Обычных шагов у меня не было.

Я прижал босую пятку к бортику чаши и попробовал натянуть только наружную часть правого бедра. Не весь рывок. Часть.

Мышца задрожала.

Тело двинулось на полшага и остановилось. Боль прошла по икре, но разрыва я не почувствовал.

Ещё раз.

Теперь шаг получился длиннее. Я заранее опустил правое плечо и позволил себе упасть на бок возле жаровни.

Не ловить равновесие.

Не выпрямляться.

Падать туда, куда выбрал.

Я врезался в камень рёбрами. Воздух вышел. Плёночник на спине лопнул, залив рану янтарной слизью.

Но рука дотянулась до пепла.

Я зачерпнул его культёй ладони и прижал к существу на лице.

Плёнка затрещала. Тёплая ткань сжалась, оторвалась от губ вместе с кожей. Воздух вошёл в лёгкие.

Я бросил пепел на грудь и руку. Прозрачный слой стянулся, стал мутным. Нож освободился.

Первый удар рассёк плёночника на голени. Второй снял существо с плеча. Каждая рана плескала липкой жидкостью, и пепла требовалось всё больше.

Высокие спускались.

Гарпунщик очистил маску, но правая рука оставалась приклеенной к груди. Копейщик держал перед собой древко и сбивал тварей со ступеней.

Они не собирались ждать, пока я закончу.

Гарпун выстрелил левой рукой.

Игла прошла над чашей и вошла мне в бок. Крючья раскрылись неглубоко — плотный слой плёнки на ране задержал их.

Высокий потянул.

Меня сорвало от жаровни.

Я ударился спиной о центральный столб. Плёночники на арках одновременно раскрылись от вибрации и посыпались вниз.

Копейщик закричал предупреждение.

Поздно.

Прозрачные тела накрыли его плечи, голову и ноги. Он

начал рубить их крюком, но каждая рассечённая тварь оставляла новую липкую лужу.

Гарпунщик продолжал тянуть меня к лестнице.

Я не сопротивлялся.

Пополз по натянутой нити навстречу, сокращая расстояние. Высокий ожидал, что добыча будет рваться назад. Когда я приблизился, он попытался отпустить нить и перезарядить наруч одной рукой.

Правая кисть была приклеена.

Левая занята механизмом.

Я ударил ножом по живому шнуру гарпуна.

Лезвие не перерезало его, но вскрыло верхний слой. Из нити выступила светлая жидкость. Плёночники почувствовали влагу или тепло и облепили шнур.

Высокий дёрнул.

Десяток прозрачных тел полетел к нему по натянутой нити.

Он успел закрыть лицо плечом. Плёнки накрыли гарпунный наруч, локоть и бок маски.

Я схватил нить тремя пальцами и намотал на выступ центрального столба.

Высокий рванул назад.

Живой шнур натянулся между ним и камнем. Наруч повернуло. Что-то под серой кожей его предплечья лопнуло. Чёрная кровь вышла из-под креплений.

Кровяные ямки под моей челюстью раскрылись.

Голод ударил сильнее боли.

Чёрная кровь была ближе человеческой. Горячая. Обильная.

Я сделал короткий рывок к высокому.

Не хотел.

Тело решило раньше.

Плёнка на правом бедре натянулась и не дала ноге полностью раскрыться. Бросок получился кривым. Я врезался в копейщика, который как раз сорвал с лица одну из тварей.

Мы упали вместе.

Его крюк вошёл мне под рёбра.

Мой нож скользнул по пластине брони.

Копейщик ударил головой. Маска рассекла бровь. Потом он прижал коленом мою правую руку и начал вытягивать крюк, расширяя рану.

Кровь пошла густо.

Плёночники спустились на запах и движение.

Один накрыл открытую рану высокого на бедре. Второй сел на мой бок. Третий обернулся вокруг наших сцепленных рук.

Высокий увидел, что происходит, и попытался оттолкнуть меня.

Я обнял его.

Не из дружбы.

Прижал корпус к его броне и не дал разорвать контакт. Плёночники укладывались поверх нас слоями, склеивая че-

ловека и местного в одно дёргающееся тело.

Копейщик бил меня локтем по затылку. Гарпунщик тянул повреждённый наруч, пытаясь освободиться от нити и существ.

Я искал пяткой камень.

Рывок нельзя было направить точно.

Зато можно было выбрать, куда упасть.

Справа находилась лестница. Слева — круглая чаша. За спиной копейщика — открытый край нижней террасы, откуда вода уходила в узкий желоб.

Я повернул таз к желобу и позволил запаху крови натянуть тяжи.

Бросок начался сразу.

Мы с высоким пролетели через край вместе.

Копейщик оказался снизу.

Он ударился спиной о каменный желоб. Маска раскололась. Я упал на его грудь, потом нас протащило водой под низкую арку.

Крюк вырвался из моего бока, оставив рваную дыру.

Плёночники разбухли в потоке и стянули наши тела ещё сильнее.

Высокий был жив. Под разбитой маской мелькнул серый рот. Он пытался вдохнуть, но прозрачная ткань закрыла дыхательные щели.

Я мог перерезать плёнку.

Вместо этого оттолкнулся от него.

Высокий ушёл глубже под арку. Его пальцы скребли камень. Чёрная кровь расплывалась в воде, вызывая в горле хищную судорогу.

Я отвернулся.

Не поглощать.

Не сейчас.

Гарпунщик спустился к краю желоба. Его правая рука висела под неправильным углом. Половина наруча была покрыта мутной плёнкой. В левой руке он держал короткий нож.

Я выполз из воды на камень.

Между нами оставалось пять шагов.

Он посмотрел на желоб, где исчез копейщик. Потом на меня.

В голосе прозвучало одно короткое слово.

Не приказ.

Имя.

Возможно, имя того, кого унесло водой.

Я не знал.

Но он произнёс его ещё раз и пошёл ко мне.

Правая нога почти не чувствовала землю. Левая оставалась без нормальной шины. Плёнка на плечах, груди и боку затвердела после пепла и воздуха, превратившись в мутные жёсткие полосы. Они удерживали края ран, но не позволяли глубоко вдохнуть.

Гарпунщик ударил ножом сверху.

Я ушёл не рывком — упал на колено.

Лезвие прошло над головой. Я подсек его повреждённое предплечье металлической скобой. Высокий отдёрнул руку, но плёнка на наруче приклеилась к краю моей защиты.

Мы снова оказались связаны.

Он ударил ногой в грудь.

Жёсткая плёнка распределила часть удара. Рёбра всё равно хрустнули.

Я отлетел к жаровне.

Высокий приблизился, поднял нож.

Я бросил ему в лицо горсть пепла.

Он отвернулся. На маске появились белые полосы.

Плёночники на арках сморщились от облака и начали падать.

Один упал высокому за ворот. Другой накрыл левую кисть с ножом.

Я сделал короткое напряжение правой ноги.

Не бросок.

Полубросок.

Тело переместилось на два шага. Я сразу согнулся и упал плечом в бедро высокого. Мы рухнули возле цепи с костяными чашами.

Он оказался сильнее. Перевернул меня и прижал предплечьем к горлу. Мой нож выпал, потому что большой палец наконец разжался не вовремя.

Высокий потянулся к оружию.

Я зацепил цепь правым корнем.

Два сантиметра волокна обвили звено.

Я не мог поднять цепь. Только сдвинул её с каменного зубца.

Верхняя чаша перевернулась.

Вода пошла по всей цепочке. Тяжёлые сосуды начали качаться один за другим. Последний ударил высокого по затылку. Маска слетела.

Передо мной оказалось серое лицо с четырьмя дыхательными щелями и чёрными глазами под прозрачными плёнками. По щеке шёл старый белый шрам. Рот был открыт от боли.

Он снова произнёс то же слово.

Я ударил ремонтной скобой в висок.

Первый удар оглушил.

Второй разорвал прозрачную плёнку глаза.

Высокий дёрнулся и вцепился в моё горло.

Третий удар пришёлся по дыхательным щелям. Кость под ними хрустнула.

Хватка ослабла.

Я мог добить его.

Сверху снова протрубил каменный рог.

По долине прокатился ответный гул. Багровый свет прошёл между арками. Пламя в переносных чашах процессии вытянулось к внутренним воротам.

Высокий повернул голову на звук.

Даже сейчас.

Даже с разбитым лицом и плёнкой на руке.

Его долг или страх были сильнее боли.

Я ударил в четвёртый раз.

Скоба вошла в повреждённый глаз.

Тело подо мной выгнулось и затихло.

Кровяные ямки раскрылись до боли.

Чёрная кровь текла по виску высокого, по моей руке, по камню. Корневой рубец в ладони начал раскрываться.

Я отнял руку.

— Ты не еда.

Слова предназначались не ему.

Я нашёл нож, перерезал ремень на его поясе и забрал маленькую костяную коробку с серым пеплом. Внутри оставалось меньше трети.

Убитый носил ещё одну флягу. Жидкость пахла травой и металлом. Я не пил, но забрал.

Его короткий нож был шире моего и лучше держался тремя пальцами. Я оставил свой изогнутый клинок: рукоять треснула у основания.

Из желоба донёсся слабый удар.

Копейщик.

Ещё жив.

Я подошёл к краю. Под низкой аркой мутная плёнка покрывала его лицо и грудь. Одна рука оставалась свободной. Пальцы цеплялись за камень.

Он увидел меня.

Я мог закончить.

Вместо этого бросил горсть серого пепла на плёнку возле дыхательных щелей.

Прозрачная ткань сморщилась, открывая часть лица.

Высокий вдохнул.

Не благодарность. Не перемирие. Он сразу попытался подняться.

Я отступил.

Живой противник задержит остальных лучше мёртвого. Возможно, расскажет, что видел. Возможно, назовёт меня чудовищем.

Спорить было трудно.

Я вернулся к чаше.

Плёночники, попавшие под пепел, лежали мутными комками. Остальные прятались в щелях арок. Несколько продолжали сидеть на моём теле.

Удалить их полностью не получилось.

Слой на груди сросся с краями четырёх борозд. На левом плече янтарная ткань вошла в разорванную мышцу и затвердела внутри. Вокруг правого колена образовалось широкое полупрозрачное кольцо. Оно держало сустав, но не позволяло разогнуть ногу.

На боках плёнка стянула раны так сильно, что кожа собиралась складками.

Я посыпал пеплом только края, чтобы остановить даль-

нейший рост.

Интерфейс появился после долгого молчания.

[СИСТЕМА] Чужеродная герметизирующая ткань.

[СИСТЕМА] Интеграция: частичная.

[СИСТЕМА] Подвижность ограничена.

Часть плёночников уже вросла в края ран и фактически стала живой перевязкой — слишком тугой, чужой и неудобной, но удерживающей кровь внутри.

Я попробовал глубоко вдохнуть.

Грудь остановилась на половине.

Попытался поднять левую руку.

Плёнка на плече удержала её у тела.

Зато кровь почти перестала выходить наружу, а ямки под челюстью перестали захлёбываться собственным запахом. Приходилось выбирать между свободным движением и тем, чтобы не оставлять за собой кровавый след; тело снова решило вопрос по-своему.

Я сорвал с убитого две прямые костяные планки из защиты голени. Связал их ремнём и остатками плаща вокруг левого перелома. Плёнка, снятая с края чаши, легла поверх ремней и затвердела.

Шина получилась крепче прежних.

Через несколько минут ступня начала неметь.

Слишком туго.

Пришлось разрезать плёнку вдоль одной стороны, оставляя место для отёка. Даже после этого конструкция держала

лучше ветвей.

Я наполнил свою флягу водой из чаши, а местную оставил отдельно. Всего теперь было больше литра жидкости, но безопасной считалась только вода из чаши. Остальное требовало проверки.

На верхней лестнице раздались новые шаги.

Не двое.

Много.

Я не мог остаться.

Из скрытой террасы было два выхода. Один — обратно по лестнице. Второй — через водяной желоб, куда унесло копейщика. Третий существовал только для тела, готового рухнуть вниз по внешнему склону.

Я выбрал третий.

За арками начиналась узкая каменная полка. Ниже росли высокие серые стебли. Ещё ниже шёл внутренний путь процессии. Клетки двигались в темноте между огнями.

Расстояние до стеблей — шагов восемь.

Слишком далеко для обычного падения.

Достаточно для рывка.

Я намазал пеплом край плёнки под челюстью. Ямки он не закрыл, но вызвал жжение и на несколько секунд перебил запах крови.

Поставил босую пятку на камень.

Тяжи натянулись.

Я заставил себя перестать целиться в точку приземления

и выбрал другое — место, где готов был принять удар.

Я выбрал плотное переплетение стеблей, повернул правое плечо вниз и запустил движение.

Бросок вынес меня с полки.

На середине тело начало разворачиваться к человеческой крови внизу. Я согнул правое колено раньше, чем тяжи завершили движение. Плёнка вокруг сустава треснула. Рывок потерял часть силы.

Я упал боком в стебли.

Они сломались под весом, погасили движение и ободрали спину. Шина ударилась о корень, но выдержала.

Я не потерял сознание.

Это уже можно было назвать успехом.

Сверху показались маски. Один высокий поднял копьё. Другой указал на тело убитого возле чаши.

Они закричали.

Я пополз вниз сквозь серые стебли. Плёнка на груди мешала дышать. Правое колено не разгибалось. Левая рука была прижата к боку. Зато раны не оставляли за мной прежней кровавой дорожки.

Процессия проходила совсем близко.

Между стеблями я увидел клетки на полозьях. Первую тянули четверо высоких в тёмных накидках. За ней шла вторая, окружённая носителями длинных жезлов с костяными кольцами. Третью сопровождали два массивных зверя с закрытыми металлическими масками.

Людей было больше, чем я думал.

В первой клетке — трое.

Во второй — не меньше пяти.

В третьей я увидел серый рукав инженера. Он сидел у прутьев, поддерживая женщину в разорванной форме. Её голова лежала у него на плече.

Он поднял глаза к склону.

Меня скрывали стебли. Но, возможно, он заметил движение.

Пальцы инженера дважды коснулись груди.

Свой.

Я ответил, прижав два пальца к камню.

Он не мог увидеть жест.

Тогда я дважды ударил костяной рукоятью нового ножа по корню.

Звук утонул в скрипе полозьев.

Инженер всё равно посмотрел прямо на меня.

Может быть, услышал.

Может быть, просто надеялся.

Впереди процессии открылись внутренние ворота. Две каменные створки расходились не сами. По обе стороны десятки высоких тянули цепи, намотанные на огромные деревянные барабаны. Над воротами горело багровое пламя. Под ним висели связки костей и металлических пластин.

За воротами начинался широкий спуск под землю.

Не храм на вершине.

Сначала людей вели вниз.

Клетки одна за другой исчезали в багровом свете.

Я прижал ладонь к земле. Через корни и камень шла тяжёлая дрожь: цепи, полозья, шаги, работа деревянных барабанов. Всё смешивалось, но направление было понятным.

Под стеной.

В гору.

Процессия уходила в тоннели.

Последняя клетка приблизилась к воротам. Инженер больше не смотрел на склон. Он держал женщину, пока полозья тряслись на камнях.

Я попытался подняться.

Правая нога напряглась.

Запах человеческой крови снова потянул рывок к клетке.

Я вонзил костяную рукоять ножа в землю и удержал тело.

Не сейчас.

Открытая атака на десятки охранников не спасёт никого.

Я следил, пока последняя клетка не ушла под стену.

Ворота начали закрываться. Цепи скрипели. Высокие налегали на деревянные барабаны. Багровый огонь над проходом сжался в тонкую вертикальную линию.

Но выше, на правом склоне, оставался другой вход.

Узкая водяная щель. Из неё вытекал тот же поток, который проходил через скрытую чашу и желоб. Решётку закрывали толстые костяные прутья, однако один был сломан, а под ним темнела щель.

Не дорога.

Не ворота.

Вода всегда находила путь внутрь.

Сверху приближались преследователи.

Внизу закрывался проход с пленными.

Я лежал между ними, связанный чужой плёнкой, с ногами, которые умели бросать тело быстрее мысли, и лёгкими, способными вдохнуть только наполовину.

Учиться падать оказалось полезно.

Следующим уроком предстояло научиться лезть под землю.

Глава 15 — Процессия

Водяной выход оказался уже, чем выглядел сверху.

Сломанный костяной прут оставлял щель шириной с плечо. В обычном состоянии я бы протиснулся боком. Сейчас левую руку держала у тела янтарная плёнка, грудь раскрывалась только наполовину, а шина на голени цеплялась за каждый выступ.

Внизу текла вода. Холодная, быстрая и чёрная в свете багрового огня над воротами.

За стеной гремели цепи.

Клетки уходили под землю.

Я лёг на живот, вытянул правую руку вперёд и просунул голову между прутьями. Плёнка на груди сразу натянулась. Воздуха не хватило. Я выдохнул до конца, прижал подбородок к камню и протащил плечи.

Костяной край содрал кожу со спины.

Янтарная ткань на боку треснула, но не разорвалась. Из трещины выступила кровь, тут же смешалась со слизью и затянулась мутной коркой.

Шина не прошла.

Пришлось снять верхний ремень, повернуть костяные планки вдоль голени и протащить ногу отдельно. Перелом сместился. Новые тёмные тяжи в левой ноге сжались, пытаясь удержать кость, и втиснули острый край внутрь мышцы.

Я укусил рукав, чтобы не заорать.

Позади по склону уже спускались высокие. Их шаги приходили через камень короткими тяжёлыми толчками. У меня не было времени аккуратно разбирать собственную ногу.

Я дёрнулся вперёд.

Щель выплюнула меня в поток.

Холод вошёл под плёнку, в раны и культи пальцев. Правая ступня ударилась о дно. Течение развернуло тело и потащило под стену. Я успел обхватить костяной прут трёхпалой рукой, подтянул левую ногу и снова закрепил шину одним ремнём.

Снаружи кто-то коснулся решётки.

Я отпустил прут.

Поток унёс меня в темноту.

Канал был низким. Каменный потолок проходил в ладони над лицом. По стенам тянулись корни, обвитые тонкими медными полосами. Через равные промежутки висели деревянные колёса с лопатками. Вода толкала их, колёса медленно вращались и тянули вверх цепи.

Я не знал, что они поднимали.

Слышал только скрип, тяжёлые удары где-то над головой и протяжный вой животных.

Вода доходила до груди. Плёнка вокруг рёбер разбухала.

Каждый вдох становился меньше предыдущего.

Я достал костяную коробку с пеплом. Крышка намокла и застряла. Правая кисть сжала её слишком сильно. Средний

палец заклинило. Пришлось зажать коробку зубами, поддеть крышку ножом и высыпать немного серой пыли под край плёнки на груди.

Ткань мгновенно сморщилась.

Боль пришла следом.

Плёнка оторвалась от кожи вместе с несколькими участками, которые уже успела прихватить. Под ней открылись свежие красные полосы. Вода обожгла их холодом.

Зато грудь раскрылась шире.

Я сделал полный вдох впервые за несколько часов и чуть не захлебнулся от облегчения.

Пепла осталось меньше половины коробки.

Дальше канал расходился на три рукава. Правый уходил вниз, оттуда тянуло гнилью. Левый был почти сухим, но за решёткой двигались тени. Центральный шёл под процессией.

Я понял это по крови.

Она стекала сверху тонкими ручьями.

Не человеческая. По крайней мере не вся. Горькая кровь зверей, сладкая растительная жидкость, густая чёрная кровь местных и знакомый металлический запах людей смешивались в воде.

Шесть ямок под челюстью раскрылись.

Мир стал тесным.

Каждая капля превратилась в отдельный зов. Организм тянулся к ним раньше мысли. Корневые рубцы раскрылись.

Правый канал вышел на два сантиметра и зашевелился в воде.

Я сжал ладонь.

— Люди, — прошептал я. — Не еда.

Слова не помогли.

Я достал лоскут формы пленника, который сохранил ещё у дороги. На нём засохла человеческая кровь. Поднёс к лицу, заставляя новое чувство запомнить один конкретный запах не как пищу, а как цель.

Инженер.

Женщина.

Остальные.

Я повторял это, пока тошнота не вытеснила голод.

Над головой прошла клетка.

Деревянные полозья скребли по камню. Через щели в потолке просыпалась пыль. Потом загрохотала вторая. Третья.

Я двигался следом, опираясь правой рукой на стену и волоча левую ногу по дну. Поток помогал. Каждый раз, когда плёнка на колене набухала, сустав становился ещё неподвижнее. Шина держала кость, но ремни резали отёк.

Через несколько десятков шагов канал поднялся почти к полу процессии. Между плитами появились широкие щели. Я видел ноги высоких, полозья, цепи и нижние части клеток.

Сначала прошли клетки со зверями.

В одной билась длинная тварь, покрытая серыми перьями вместо шерсти. Шесть лап были связаны парами. Каждый

удар клюва по прутьям оставлял в дереве глубокую выемку.

В другой лежало растение, похожее на клубок человеческих рук. Каждая «ладонь» заканчивалась зелёным ртом. Корни были прибиты к деревянному щиту медными скобами.

Третью клетку закрывали мокрыми шкурами. Изнутри доносилось низкое дыхание. При каждом выдохе пол под ней покрывался инеем.

Храм собирал не отдельный вид.

Он собирал всё живое.

Пленных людей вели после зверей.

Людей держали внутри трёх больших клеток на полозьях, связанных общей цепью. В первой я насчитал троих, во второй пятерых, а в последней сидели инженер и раненая женщина; рядом с ними лежал ещё один человек без движения. Если он дышал, живых оставалось одиннадцать.

Я коснулся ладонью потолка.

Инженер поднял голову.

Не мог почувствовать мой лёгкий удар через весь грохот. И всё же посмотрел вниз, словно ждал.

Я ударил дважды.

Пауза.

Ещё дважды.

Он замер.

Потом медленно провёл двумя пальцами по груди.

Свой.

Я ответил тем же жестом, хотя он не мог видеть меня сквозь пол.

Клетка двигалась дальше.

Я пополз быстрее.

Впереди канал пересекала деревянная решётка. Между прутьями оставалась щель. Я просунул нож и поддел один из ремней. Он был размокшим, но толстым. Лезвие вошло с трудом.

Надо мной остановилась последняя клетка.

Кто-то закричал на чужом языке. Цепи натянулись. Полозья дёрнулись и замерли прямо над решёткой.

Через щель показалось человеческое лицо.

Инженер лежал на полу клетки, прижав щёку к доскам. Седая щетина, рассечённая бровь, запёкшаяся кровь у губ. Я видел его всего полосой шириной в два пальца.

Он увидел мой глаз.

Несколько секунд мы просто смотрели друг на друга.

— Майор? — выдохнул он.

Голос едва прошёл через щель.

— Тихо.

Он закрыл глаза, будто это одно слово потребовало больше сил, чем весь путь.

— Думал, вы погибли.

— Я тоже.

Улыбка у него не получилась.

Женщина за спиной инженера застонала. Он сразу повер-

нул голову к ней.

— Сколько вас?

— Одиннадцать. Было тринадцать. Один умер на дороге. Второго забрали у ворот.

— Куда?

— Не знаю. Вниз. Они сортируют всё.

Сверху ударили по клетке.

Инженер отодвинулся от щели. Я услышал чужую команду. Полозья качнулись, но пока не пошли.

— Замок где? — спросил я.

— Справа снаружи. Две цепи. Кость между звеньями.

Я видел только нижнюю цепь, проходившую под клеткой. Толстую, в палец. Разрезать её ножом невозможно.

Зато рядом находился деревянный клин, удерживавший полоз.

Я просунул ремонтную скобу в щель и поддел его.

Инженер понял.

— Не сейчас, — прошептал он.

— Другого времени может не быть.

— Если клетка сорвётся, нас придавит внизу. Женщина не встанет.

Женщина открыла глаза. Лицо было серым от боли. На груди сохранилась половина нашивки медицинского сектора.

Она увидела меня.

Не испугалась изменённой шеи, плёнки на груди и трёх-

палой руки. Наверное, щель скрывала достаточно.

— Артём, — сказала она.

Я узнал голос не сразу.

Лейтенант Лада Громова. Полевая медицина, второе десантное звено. Перед высадкой она спорила со мной из-за количества аварийных комплектов. Тогда это казалось проблемой.

— Лада.

— Не ломай клетку.

— Очень приятно, что командование здесь всё ещё уважают.

Она закрыла глаза.

— Внизу больше охраны. Здесь хотя бы воздух.

Кто-то снаружи ударил копьём по прутьям. Инженер прикрыл Ладу собой.

Цепи снова натянулись.

Я отпустил клин.

Не потому что согласился.

Потому что за решёткой канала появилась тень.

Крюк вошёл в воду рядом с лицом.

Я отшатнулся. Острие прошло по щеке и зацепило полосу плаща на шее. Высокий сверху рванул древко.

Меня прижало подбородком к решётке.

Вторая фигура опустилась на колени. На лице была не гладкая боевая маска, а костяной щиток, закрывавший глаза и верхнюю часть головы. Нижняя серая челюсть оставалась

открытой. На поясе висели медные сосуды, ножи и несколько коротких крюков.

Сборщик.

Так я назвал его не по внешности.

По тому, как он смотрел на кровь в канале.

Не с отвращением. Не как охранник на грязь.

Как работник на материал.

Он произнёс короткую фразу. Первый высокий отпустил мой ворот, чтобы перехватить древко.

Я вдавил большой палец в ладонь.

Правое бедро начало натягиваться.

Полный рывок в узком канале размазал бы меня о решётку. Я позволил тяжам сократиться только частично и сразу упал в воду.

Полубросок протащил меня на два шага назад.

Крюк рассёк подбородок вместо горла.

Я ударил ножом снизу через решётку. Лезвие вошло сборщику в кисть между тремя длинными пальцами. Чёрная кровь стекла в канал.

Кровяные ямки раскрылись.

Тело рванулось к ране.

Я удержал корень внутри ладони, но внимание пропало на один удар сердца.

Этого хватило второму высокому.

Он опустил в канал петлю из живого тёмного шнура. Петля обхватила моё правое предплечье и затянулась. По по-

верхности шнура раскрылись мелкие крючья.

Меня потащили вверх к решётке.

Я упёрся босой ступнёй в стену. Плёнка на колене натянулась. Янтарное кольцо лопнуло, обнажая кожу.

Кисть заклинило на рукояти ножа.

Отпустить оружие, чтобы выскользнуть из петли, я не мог.

Сборщик достал из медного сосуда серую густую жидкость и вылил на шнур. Тот сжался сильнее.

Шнур сокращался сам, впиваясь крючьями в кожу. Был ли он выращен или приручён местными, сейчас не имело значения: ещё немного, и он вытащит руку из плечевого сустава.

Я прижал коробку с пеплом к решётке и раскрыл её зубами.

Пепел ушёл в воду.

Тёмный шнур дёрнулся. Крючья ослабли, но не отпустили. Плёнка на груди тоже сморщилась. Кожа под ней разошлась, кровь хлынула в поток.

Голод стал ослепляющим.

Моя кровь.

Чёрная кровь сборщика.

Человеческая кровь над головой.

Все источники смешались.

Правое бедро сработало само.

Рывок ударил тело в решётку.

Костяной прут треснул. Моё плечо — тоже или почти. Петля на руке натянулась, потащила высокого вперёд. Он

ударился лицом о край отверстия.

Я ещё раз сократил ногу.

Не рывок.

Короткий толчок.

Решётка вылетела вместе с двумя креплениями.

Я поднялся из канала прямо под клеткой.

Высокий потерял равновесие и упал рядом. Сборщик отскочил, прижимая раненую кисть. Вокруг нас двигалась процессия: клетки, звери, носильщики, чаши с багровым огнём. Крики пошли по колонне волной.

Я оказался внутри стены и сразу на открытом месте: слева стояла клетка людей, справа — клетки с тварями, впереди широкий спуск уходил под каменные арки, а по краям двигались десятки высоких. Прятаться было уже поздно, оставалось только использовать возникший хаос.

Я перерезал живую петлю широким ножом и бросился под полозья человеческой клетки.

Инженер просунул руку между нижними досками.

— Справа! — крикнул он. — Клин!

Я увидел костяной клин у переднего полоза.

До него было пять шагов.

Сборщик ударил коротким крюком. Я ушёл в падение, не пытаясь стоять. Крючок прошёл над спиной. Плёнка на груди лопнула ещё в двух местах.

Я перекатился, подтянул сломанную ногу и сделал полубросок к клину.

Правая икра разорвалась снова.

Я всё же добрался.

Ремонтная скоба вошла под костяную головку. Клин не двигался. Его держал собственный вес клетки.

Нужно было разгрузить полоз.

Инженер понял без слов. Он поднялся, насколько позволяла высота клетки, и навалился плечом на левую стенку. Остальные пленные сделали то же. Клетка качнулась.

Лада не могла встать. Она лежала у противоположного борта и помогала только одной рукой, отталкиваясь от пола.

Клин вышел на половину.

Высокий с копьём бежал ко мне.

Я потянул сильнее.

Клин выскочил.

Передний полоз сдвинулся в сторону. Клетка накренилась.

Цепь, связывавшая её со второй клеткой, натянулась и остановила падение.

Я не освободил людей.

Я превратил их клетку в якорь поперёк прохода.

Следующая платформа врезалась в неё.

Дерево раскололось. Прутья выгнуло. Охранников сбило с ног. Одна из чаш с багровым пламенем упала, но огонь не погас. Он растёкся по камню густой красной полосой и пополз против уклона.

Не ко мне.

К клетке с пернатой шестилапой тварью.

Зверь завизжал. Пламя коснулось деревянных скоб, и те почернели без дыма. Один прут лопнул.

Шесть связанных лап ударили одновременно.

Клетка развалилась.

Пернатая тварь вылетела в процессию, разрубая всё вокруг длинным клювом. Первый удар пробил грудь высокому. Второй отрубил часть руки сборщику. Связанные задние лапы мешали зверю бежать, но делали его ещё опаснее: он падал, вращался и сек клювом во все стороны.

Колонна остановилась.

Высокие бросились к животному с копьями и петлями.

Я снова полез к человеческой клетке.

Один нижний прут треснул после столкновения. Щель стала шире.

Инженер просунул обе руки и начал отгибать дерево.

— Нож, — сказал он.

Я передал широкий клинок рукоятью вперёд.

Кисть не хотела отпускать. Пришлось ударить запястьем о прут. Средний палец разжался через судорогу.

Инженер взял нож.

Он не стал резать цепи.

Разрезал ошейник Лады.

Тёмный обруч был не металлическим. Несколько слоёв сухожилий, кожи и тонких костяных пластин. Когда лезвие вошло, обруч сжался. Лада захрипела.

— Стой, — сказал я.

Инженер замер.

На внешней стороне ошейника пульсировал бледный мешочек.

Метка или просто живая застёжка.

Я не знал.

Слишком знакомо выглядела ткань после гарпунного наконечника.

— Не режь до конца. Снимай пластину.

Он поддел костяной край. Под ним обнаружились три коротких зубца, вошедших в кожу шеи.

Лада стиснула зубы.

Снаружи кто-то закричал. Пернатая тварь опрокинула вторую клетку со зверями.

Из неё вывалились три маленьких существа с круглыми панцирями и длинными суставчатыми ногами. Они разбежались по процессии, кусая всё, что пахло кровью.

У нас появились секунды.

Я просунул ремонтную скобу через прутья, поддел первый зубец ошейника и вытащил его из шеи Лады.

Кровь выступила тонкой линией.

Ямки под челюстью отозвались голодом.

Я продолжил.

Второй зубец.

Третий.

Обруч ослаб.

Инженер снял его и отбросил в угол клетки.

— Теперь замок, — сказал он.

К клетке подбежал высокий с жезлом.

Не тот, что был у чаши. Этот жезл заканчивался одной широкой костяной петлёй. Местный ударил концом в камень.

По полу прошла дрожь.

Багровое пламя, растёкшееся из чаши, поднялось тонкими нитями и обвило ноги освобождённого зверя.

Пернатая тварь рухнула.

Не сгорела.

Её прижало к камню, как невидимой тяжестью.

Остальные высокие навалились с копьями.

Я видел, как животное ещё дышит, когда первый крюк вошёл под крыло.

Процессия возвращала порядок.

Сборщик без части руки показал на меня оставшимся крюком.

Высокие повернулись.

Инженер протянул нож обратно.

— Уходите.

— Замок почти рядом.

— Их слишком много.

— Я это заметил.

— Они заберут нас глубже. Идите следом. Не умирайте здесь.

Лада приподняла голову.

На шее у неё осталось три кровавых отверстия.

— Артём, — сказала она. — Корабль горит.

Я замер.

— Видела?

— С верхней дороги. Северо-восток. Дым и свет. Там люди.

Значит, запись Власова не была последней надеждой.

Корабль существовал.

Люди удерживали его или хотя бы жили рядом.

Я смотрел на одиннадцать пленников и понимал, что не смогу вытащить их из середины процессии. Не сейчас. Не с одной работающей рукой, сломанной ногой и десятками противников.

Оставить их было не решением.

Это была отсрочка.

Я забрал нож.

— Держитесь ближе к задней стенке клетки. Если она упадёт — головы вниз.

Инженер кивнул.

Высокий с жезлом поднял петлю.

Я почувствовал, как правое бедро натягивается от страха.

На этот раз позволил.

Полный рывок бросил меня не вперёд, а вниз, в выбитое отверстие водяного канала.

Я заранее повернул плечо и прижал подбородок.

Падение получилось почти правильным.

Почти.

Костяной край распорол плёнку на груди от ключицы до ребра. Воздух вышел. Я ударился спиной о воду, потерял нож и на секунду увидел только багровый свет над собой.

Жезл ударил по краю отверстия.

Вода вокруг стала тяжёлой.

Меня прижало ко дну.

Камни вдавились в рёбра. Плёнка на груди не давала вдохнуть. Шина скользнула и провернула левую голень.

Я выпустил левый корень.

Надорванное волокно вышло меньше чем на ладонь и обвило деревянную лопатку водяного колеса.

Колесо вращалось медленно.

Этого хватило.

Цепь потянула лопатку вверх, корень — мою руку, рука — тело. Я пополз против тяжести, сдирая спину о дно.

Сверху высокий удерживал жезл.

Красный огонь полз по трещинам камня к воде.

Я достал местную флягу и выплеснул её содержимое в поток.

Жидкость пахла кислой травой и чёрной кровью. Я не знал, что делаю.

Красные нити дрогнули.

Не погасли. Свернули к новому запаху.

Пламя ушло по воде в сторону бокового канала.

Давление ослабло.

Я втянул корень, позволил потоку подхватить тело и ушёл в темноту.

За спиной высокие кричали. Цепи гремели. Пернатая тварь снова ударила клювом, хотя её прижимали к полу. Люди в клетке исчезли из виду.

Я не освободил их, но успел снять ошейник с Лады, нарушить строй процессии и увидеть, куда ведут клетки. А главное — теперь я знал, что на северо-востоке всё ещё горел корабль.

Канал резко пошёл вниз.

Вода ускорилась. Потолок опустился. Я пытался затормозить трёхпалой рукой, но мокрый камень не давал опоры. Кровяные ямки чувствовали кровь впереди — много крови, старой и свежей.

Течение вынесло меня в широкий подземный желоб.

По обе стороны стояли чаны. Над ними висели крюки, цепи и каменные плиты. В канаве лежали кости зверей, корни растений, клочья одежды и человеческий ботинок.

Не храмовый зал.

Разделочная.

Я врезался в решётку.

Она выдержала.

Сверху щёлкнул рычаг.

Решётка подо мной раскрылась.

Я успел увидеть торчащие внизу ржавые зубья.

Потом пол исчез.

Глава 16 — Сборщики

Ржавый зуб вошёл мне в правый бок под нижним ребром.

Удар не был похож на порез. Сначала тело просто остановилось, повиснув на железе всем весом. Потом что-то внутри натянулось и лопнуло, и горячая тяжесть растеклась по животу.

Я вдохнул.

Воздух вошёл коротко. Боль пришла следом — глубокая, тупая, не там, где торчал зуб, а ближе к позвоночнику.

Над головой захлопнулась решётка.

Моё тело качнулось. Ржавая полоса под ребром повернулась вместе со мной и расширила рану. Я попытался ухватиться правой рукой за соседний зуб. Средний палец заклинило на полусгибе, большой скользнул по крови. Левая рука осталась прижатой к груди остатками янтарной плёнки.

Внизу, на расстоянии вытянутой ноги, шла каменная канава.

Если просто сорваться, железо вырвет бок.

Если остаться, кровь сделает это медленнее.

Я нащупал ремонтную скобу на поясе, вытащил её тремя пальцами и завёл короткий конец между зубом и краем раны. Рука дрожала. Кисть не хотела менять хват. Пришлось ударить запястьем о железо, чтобы средний палец немного отпустил.

Сверху по решётке прошли шаги.

Не бег. Ровный тяжёлый стук.

Кто-то знал, куда я упал.

Я упёр правую ступню в каменную стену, подтянул корпус на скобе и приподнялся на несколько сантиметров. Ржавый зуб вышел не сразу. Он держал меня загнутым краем, как рыболовный крюк.

Я потянул сильнее.

В животе что-то сдвинулось.

Тошнота подступила мгновенно. Перед глазами поплыл серый круг. Я почти отпустил скобу, но тогда сверху сквозь решётку опустился длинный крюк.

Он прошёл рядом с лицом и зацепил ремень моей шины.

Сборщик потянул.

Левую голень рвануло вверх. Костяные планки сжали отёк, перелом повернулся. Я закричал и одновременно оттолкнулся правой ногой.

Зуб вышел.

Край железа распорол бок до живота. Я упал в канаву на плечо, ударился щекой о камень и несколько секунд не понимал, где верх.

Крюк всё ещё держал шину.

Сверху потянули снова.

Я перекатился к стене и ударил скобой по ремню. Первый раз промахнулся. Второй раз попал. Костяная пряжка треснула, верхняя петля шины разошлась. Крюк утащил ремень

и одну планку через решётку.

Левая голень осталась с одной опорой.

Кровь из бока текла по животу и собиралась в канаве. Наружная рана уже начинала стягиваться по краям. Слишком быстро. Грязь, ржавчина и всё, что зуб протащил внутрь, оставались там.

Хуже было другое.

Живот медленно наливался тяжестью. Не снаружи. Изнутри.

Интерфейс вспыхнул тускло, будто ему тоже не хватало крови.

[СИСТЕМА] Проникающее повреждение брюшной полости.

[СИСТЕМА] Внутреннее кровотечение: вероятно.

[СИСТЕМА] Потеря сознания при нагрузке: высокий риск.

— А вот это я уже заметил, — прошептал я и прижал ладонь к ране. Под пальцами край живота был твёрдым, дальше — болезненно мягким. Пульс отдавался в глубине. Каждый удар сердца добавлял туда ещё немного тепла.

Над решёткой заговорили двое.

Короткие фразы. Щёлканье. Металл по камню.

Они не спускались.

После процессии Сборщики уже знали, что я умею двигаться быстро, выбивать решётки и превращать клетки в оружие. Одинокого раненого человека разумный противник до-

бивал бы с расстояния.

Ещё один крюк вошёл между зубьями.

Потом второй.

Они начали прочёсывать канаву, не показываясь.

Я отполз под нависающую плиту. Крюк царапнул босую правую ступню и вернулся. Другой ударил в камень у таза. Длинные древки не позволяли подобраться к решётке.

Помещение под ней тянулось дальше, чем я увидел при падении. Канава проходила через весь зал и уходила под три низкие каменные плиты. По обе стороны стояли чаны, высокие, как человеческая грудь. Над ними висела общая цепь с крюками. Цепь шла к деревянному барабану у дальней стены. Рядом находились два ручных пресса: вертикальные каменные плиты, винтовые рычаги из тёмного дерева и связки тяжёлых противовесов.

В первом прессе торчал панцирь зверя.

Во втором между плитами была зажата масса корней, всё ещё медленно шевелившихся.

Третий стоял открытым.

На его нижней плите лежала человеческая куртка.

Без тела.

Запах внизу был таким густым, что ямки под челюстью перестали различать отдельные источники. Старая кровь из канавы смешивалась с моей свежей, с чёрной кровью раненого Сборщика, кислой растительной жижей, жиром и горелой костью. Сквозь всё это пробивалась сладкая, почти при-

ятная нота, от которой желудок болезненно сжался.

Я прикрыл ямки полосой плаща и коснулся правой ладонью пола.

Камень дрожал.

Над залом всё ещё двигались клетки.

Повреждённый полоз человеческой клетки давал особый ритм: два длинных скрежета, потом короткий удар. После моего клина передняя часть шла криво и била в стык плит.

Два скрежета.

Удар.

Пауза.

Снова.

Пленных не остановили. Хаос наверху подавили и теперь везли их глубже.

Я повернул голову по вибрации. Общая цепь над чанами уходила в стену в том же направлении. Не одна и та же цепь, но механизмы работали рядом. В камне справа проходила длинная трещина. Через неё звук клеток был чище.

Маршрут я ещё не потерял.

Пока.

Крюк ударил под плиту и зацепил край плёнки на груди. Сборщик дёрнул. Янтарная ткань натянулась, потянула левую руку и разорвала старую рану на плече.

Я не стал сопротивляться.

Подполз ближе к решётке, позволяя крюку вытянуть меня из укрытия. Второе древко сразу пошло к голове.

Я откинулся назад.

Крюк прошёл над лицом. Я зажал его скобой у самого изгиба и повернул корпус. Трёхпалая кисть сомкнулась слишком сильно, зато удержала.

Сверху потянули.

Я не пытался перетянуть Сборщика. Вместо этого обмотал древко короткой цепью, лежавшей в канаве, и пропустил свободный конец вокруг ржавого зуба.

Сборщик рванул ещё раз.

Древко застряло.

На решётке показалась костяная маска. Местный хотел понять, что произошло, но держал голову далеко от отверстия. Рядом встал второй. Он поднял петлю из живого тёмного ремня.

Не повторяли прежнюю ошибку. Один удерживал, второй готовил захват.

Я выпустил правый корень. Двух сантиметров хватило, чтобы нащупать защёлку на звене цепи. Волокно коснулось холодного металла. Я потянул цепь на себя и освободил её от зуба.

Древко внезапно пошло вверх.

Сборщик отшатнулся, продолжая тянуть. Крюк выскочил из моей скобы и ударил его в грудь собственным концом. Не пробил защиту, но заставил сделать шаг назад.

Я уже двигался.

Не полным рывком. Правое бедро не выдержало бы. Я

сократил только часть тяжей и бросил тело к стене под решёткой. Правое колено подломилось. Я ударился плечом, но скоба вошла между костяными прутьями.

Подтянулся.

Живой ремень хлестнул сверху и обвил предплечье. Крючья вошли в старые отверстия. Сборщик затянул петлю и попытался оторвать меня от стены.

Я оставил ему эту работу.

Поставил правую ступню на выступ, прижал раненый бок к камню и позволил петле поднять верх тела. Когда лицо оказалось у решётки, я просунул скобу между прутьями и ударил снизу.

Сборщик успел отвести голову.

Скоба вошла не в горло, а под костяной щиток, рассекла серую щёку. Чёрная кровь брызнула на решётку.

Ямки под челюстью раскрылись до боли.

Тело дёрнулось к запаху. Корневые каналы начали раскрываться сами из-за общего напряжения мышц, но я сжал ладони и удержал их.

Сборщик отпрыгнул.

Второй ударил древком по моим пальцам. Большой палец сорвался. Кисть разжалась не до конца, средний палец остался зажат на скобе. Я повис на нём всем весом.

Сухожильная сеть в предплечье натянулась.

Палец чуть не вывернуло.

Я ударил правым запястьем о решётку.

Средний палец разжался.

Я рухнул обратно в канаву.

Живот сдавило ударом. Горячая тяжесть внутри перелилась влево. К горлу поднялась кровь. Я повернул голову и выплюнул тёмный сгусток на камень.

Сверху замолчали.

Они услышали.

Один Сборщик произнёс короткую команду.

Деревянный барабан у дальней стены начал вращаться.

Кто-то наверху тянул другой рычаг. Общая цепь над чанами дрогнула. Крюки пошли по кругу. Сначала медленно, потом быстрее. На одном висела половина туши шестиногого зверя. На другом — связка корней. Третий был пуст.

Цепь проходила прямо над канавой.

Они решили не лезть за мной.

Сейчас меня должны были поднять крюком или загнать движущимися тушами под пресс.

Разумно.

Я пополз к первому чану.

Левая нога волочилась. Одна костяная планка болталась вдоль голени и при каждом движении врезалась в перелом. Правое бедро дрожало. Живот становился тяжелее, дыхание — короче.

Крюк на цепи прошёл над головой.

Следом качнулась туша.

Я нырнул под край чана. Туша ударилась о стенку, рас-

плескав густую тёплую жидкость. Она попала на спину и сразу вызвала жжение.

Не кислота. Что-то едкое, предназначенное размягчать ткани.

Второй крюк опустился ниже. На его конце раскрылась живая петля.

Сборщики управляли высотой цепи с верхней галереи.

Я посмотрел на деревянный барабан. Зубчатый край вращался возле пола. Между зубцами оставался зазор шириной с палец.

В кармане у меня лежали четыре человеческих патрона.

Оружия не было.

Зато металл оставался металлом.

Я достал один патрон. Кисть не отпускала его после первого сжатия. Пришлось перекатить цилиндр между большим и указательным пальцами, пока он не лёг вдоль скобы.

До барабана было шесть шагов.

Рывок убил бы ногу.

Ползком я не успевал.

Туша шла обратно, раскачиваясь на цепи. За ней приближался пустой крюк.

Я дождался, пока туша закроет меня от галереи, и сделал полубросок.

Правое бедро сжалось.

В мышце что-то разошлось от паха до колена. Тело пролетело три шага, ударилось боком о мокрый пол и покатилось

дальше. Рана под ребром раскрылась. Кровь хлынула наружу, но большая часть боли оставалась внутри.

Я дотянулся до барабана и вставил патрон между деревянным зубом и металлической собачкой.

Механизм провернул его на четверть оборота.

Гильза сплющилась.

Барабан остановился.

Цепь над залом натянулась. Противовесы у прессов дёрнулись. Один пустой крюк, не успевший пройти направляющую, сорвался с деревянного желоба и полетел в сторону галереи.

Сверху раздался удар.

Крик.

Костяная маска мелькнула за перилами и исчезла. Сборщик упал вниз между чанами. Крюк прошёл ему через плечо, а цепь прижала тело к краю каменного стола.

Второй Сборщик не побежал помогать.

Он перерезал живой ремень, удерживавший цепь на направляющей.

Натяжение ушло.

Упавший местный рухнул на пол вместе с крюком. Цепь сложилась сверху тяжёлыми петлями.

Сборщики жертвовали друг другом так же спокойно, как зверями.

Третий появился у дальнего прохода.

Он был ниже остальных и шире в плечах. Костяной щиток

закрывал не только глаза, но и рот. В каждой руке — по короткому ножу с широкими лезвиями. Он не смотрел на меня прямо. Шёл боком, удерживая между нами каменную плиту пресса.

Первый остался на галерее с длинным крюком.

Упавший под цепью был жив.

Трое.

Я видел только троих.

Этого хватало.

Широкий двинулся первым. Не бросился. Подошёл на расстояние ножа и ударил по моей правой руке, не по телу. Я отвёл скобу. Второй клинок пошёл в раненый бок.

Я упал на колено.

Лезвие прошло над раной и разрезало остатки плёнки. Широкий сразу отступил, не позволив схватить себя. На галерее длинный крюк ударил в пол перед моим лицом и отрезал путь к чану.

Они работали вместе.

Один заставлял двигаться.

Второй резал рабочую руку.

Третий под цепью пытался освободиться и полз к ближайшему рычагу.

Я отступил к открытому прессу.

Широкий заметил.

Он не пошёл за мной между плитами. Вместо этого кинул один нож. Лезвие вращалось плоско и попало в правое

предплечье рукоятью. Удар был слабым, но кисть дёрнулась. Скоба выпала.

Второй нож он оставил.

С галереи опустилась петля.

Я шагнул назад, внутрь пресса.

Именно этого они добивались.

Широкий ударил ладонью по деревянному рычагу сбоку. Верхняя плита дрогнула. Где-то за стеной освободился противовес.

Камень пошёл вниз.

Я ошибся.

Пресс управлялся не только изнутри.

Выход перекрывала фигура широкого. Слева находилась цепь противовеса. Справа — желоб, по которому кровь стекала под нижнюю плиту.

Я бросился вправо.

Правое колено сложилось. Я упал грудью на край плиты. Камень опустился ещё на ладонь и прижал остатки янтарной плёнки на левом плече.

Левая рука оказалась зажата.

Широкий приблизился, держа нож остриём вниз. Он ждал, пока плита раздавит меня или удержит достаточно крепко.

Я выпустил левый корень.

Повреждённое волокно вышло коротко, с острой болью в плече. Канал снова надорвался, но корень дотянулся до кро-

вяного желоба под плитой. Там проходила тонкая цепочка, соединённая с защёлкой противовеса.

Я чувствовал металл через собственное волокно хуже, чем раньше. Плечо дрожало. Корень скользил в крови.

Нож широкого поднялся.

Я зацепил цепочку и потянул.

Защёлка не открылась.

Слишком тяжёлая.

Широкий ударил.

Я повернул голову. Лезвие вошло в камень рядом с ухом и откололо кусок. Он сразу выдернул нож для второго удара.

Я натянул корень до предела.

В плече что-то лопнуло.

Защёлка сдвинулась на толщину ногтя.

Недостаточно.

Тогда я ударил правой пяткой по нижней плите и позволил страху натянуть двигательные тяжи.

Полный рывок в зажатом теле был самоубийством.

Мне нужен был только один толчок.

Правая нога сократилась.

Таз дёрнуло вперёд. Левое плечо осталось под плитой. Янтарная ткань разорвалась вместе с кожей, освобождая руку. Одновременно корень рванул цепочку.

Защёлка вышла.

Противовес рухнул.

Но не тот, который опускал плиту.

Сбоку поднялась вторая каменная створка, скрытая в стене. Видимо, пресс мог раздвигаться для очистки.

Широкий оказался между ней и вертикальной стойкой.

Камень ударил его в бок.

Костяной щиток треснул. Местного отбросило внутрь пресса, прямо на меня.

Мы столкнулись.

Его нож прошёл вдоль моего живота и рассёк кожу ниже старой раны. Я обхватил правой рукой запястье. Кисть сразу заклинило, сжав три пальца вокруг серой руки.

Он ударил лбом в моё лицо.

Я увидел белую вспышку.

Второй удар разбил губу. Третий не успел.

Я подставил локоть под его горло и перекатился вместе с ним под опускающуюся плиту.

Сборщик понял раньше, чем я рассчитывал. Уперся коленом мне в грудь, вывернул руку и почти освободился.

С галереи крюк вошёл мне в спину.

Острие прошло неглубоко, зацепило плотный участок кожи и потянуло назад.

Широкий выскользнул из-под меня.

Плита опускалась.

Я оказался под ней один.

Крюк наверху продолжал тянуть. Сборщик хотел удержать меня в прессе.

Я схватил цепь крюка правой рукой.

Кисть сомкнулась намертво.

Вместо того чтобы вырываться, я намотал цепь на деревянный винт пресса и сделал короткий полубросок в сторону.

Правое бедро разорвалось ещё глубже.

Зато цепь натянулась поперёк прохода.

Широкий уже шёл добивать. Он не увидел тёмное звено на фоне крови.

Нога зацепилась.

Он упал внутрь пресса рядом со мной.

Я перекатился через его спину к краю.

Крюк в моей коже вырвался, оставив рваную полосу.

Сборщик схватил меня за голень.

Не за здоровую.

За сломанную.

Пальцы сжались поверх единственной костяной планки. Он потянул меня обратно.

Верхняя плита была в двух ладонях от его головы.

Я ударил пяткой по разбитому щитку.

Он не отпустил.

Ещё раз.

Серая кожа под костью лопнула. Чёрная кровь закрыла ему лицо.

Я ударил третий раз и услышал, как левая голень хрустнула от встречного движения.

Хватка ослабла.

Я вытащил ногу.

Плита опустилась.

Сначала раздавила плечо Сборщика.

Потом грудь.

Крик оборвался вместе с хрустом.

Камень остановился, не дойдя до нижней плиты из-за его тела.

Я лежал рядом, прижав ладонь к животу.

Местный под прессом ещё двигал одной рукой.

Чёрная кровь стекала в желоб.

Кровяные ямки открылись так широко, что запах вытеснил комнату. Я чувствовал его кровь отдельно от всего остального: горячую, насыщенную солями, с кислой примесью из глубоких тканей. Голод пришёл не как желание есть.

Как приказ выжить.

Я отвернулся.

Над головой снова прошёл звук человеческой клетки.

Два скрежета.

Удар.

Тише.

Они удалялись.

Сборщик на галерее потянул цепь назад. Упавший под крюками наконец освободил руку и пополз к барабану. Скоро механизм снова заработает.

У меня не было времени лежать рядом с убитым и доказывать себе, что я всё ещё человек.

Я просунул правый корень в раздавленную рану под его рёбрами.

Контакт был тёплым.

Тело Сборщика имело не один желудок. Под нижними рёбрами лежали два плотных мешка, соединённые толстыми мышечными кольцами с кишечником и крупными сосудами. Один пах едкой горечью. Второй — водой, солью и кровью. Между ними проходила сеть тёмных клапанов.

Корень не принёс мне никакого понимания того, зачем Сборщику были нужны эти структуры. Я чувствовал лишь саму ткань и её устройство — достаточно, чтобы организм ухватился за форму и попытался приспособить её к себе. Отвращение пришло позднее голода.

Я втянул небольшую часть мягкой ткани и сразу выдернул корень.

Во рту появился вкус чужой крови, хотя я не касался её губами.

Сборщик перестал дёргаться.

Я смотрел на серую руку, зажатую под плитой, и вспоминал слово, которое гарпунщик произнёс над товарищем в водяном желобе.

У этих существ были имена.

Страх.

Работа.

Может быть, семьи.

И я только что убил одного, вскрыл его тело и взял нуж-

ную часть.

— Не еда, — сказал я.

Голос прозвучал хрипло.

Ложь получилась слабой.

Перестройка началась до того, как я успел отползти от пресса.

Сначала живот сжался вокруг раны.

Не снаружи. В глубине.

Два болезненных узла возникли под рёбрами, будто кто-то просунул внутрь пальцы и начал завязывать кишки. Я выгнулся. Из горла вышел воздух, потом желчь.

Меня вырвало в кровяной желоб.

В рвоте была кровь.

Новые волокна росли вокруг желудка и верхней части кишечника. Они не знали, куда идти. Один тяж потянулся к правому боку и сдавил место, повреждённое зубом. Другой обвил сосуд слишком туго.

Правая половина живота стала каменной.

Боль прошла в спину.

Я попытался вдохнуть и не смог.

Перед глазами исчез свет.

Тело билось короткими судорогами. Я прижал лоб к холодному камню и ждал, пока следующая волна разорвёт что-нибудь окончательно.

Интерфейс появился обрывками.

[СИСТЕМА] Чужеродный пищеварительный шаблон: ча-

стичное усвоение.

[СИСТЕМА] Формирование разделяющих камер: нестабильно.

[СИСТЕМА] Внутреннее кровотечение продолжается.

Рана при этом не закрывалась. Новая ткань росла рядом, занимала место и давила на повреждённые органы, а горячая тяжесть внутри становилась плотнее. Возможно, кровь собиралась в одном участке; возможно, мне просто так казалось.

Вместе с перестройкой пришёл ненормальный голод. Тело требовало восполнить всё, что сейчас уходило на кровь и новые ткани, и потому кровяная канава начинала пахнуть пищей, чан с размягчающей жидкостью — водой, а даже мокрые корни в прессе вызывали слюну.

Я впился зубами в рукав.

На галерее Сборщик снова запустил барабан.

Сплющенный патрон выпал из зубьев и звякнул в канаве.

Цепь дёрнулась.

Упавший местный поднялся на колени. Крюк всё ещё торчал в его плече. Он перерезал ремень, освобождая себя, и посмотрел на раздавленного товарища.

Потом на меня.

Он не закричал.

Поднял короткий нож и пошёл вперёд.

Сверху длинный крюк ударил рядом с моей головой.

Они дали мне пережить перестройку только потому, что ждали, когда я стану слабее.

Правильно рассчитали.

Я попытался подняться. Левая нога не держала. Правая дрожала после полубросков. Живот был тугим и тяжёлым. Левая рука освободилась от части плёнки, но плечо не поднимало её выше пояса.

Под прессом оставался нож убитого.

Плоский, широкий, с костяной рукоятью.

Я дотянулся правой рукой.

Пальцы сомкнулись.

Средний сразу заклинило.

Теперь я не мог выпустить оружие, даже если бы захотел.

Раненый Сборщик подошёл осторожно. Он держал нож перед собой, а свободной рукой тянул за цепь крюка в плече. Каждый шаг причинял ему боль, но лицо под щитком оставалось неподвижным.

Длинный крюк сверху заставлял меня держаться ближе к прессу.

Я отступил к чану с тёплой едкой жидкостью.

Сборщик остановился.

Он понял, что я хочу использовать чан.

Поэтому не подошёл.

Вместо этого достал с пояса медный сосуд и плеснул жидкость на пол передо мной.

Она оказалась густой и почти чёрной. Коснувшись крови, жидкость вспенилась. Из пены поднялся резкий запах, который ударил в ямки под челюстью.

Мои ноги натянулись.

Сборщик использовал запах, чтобы вызвать рывок.

Они наблюдали за мной наверху.

Учились.

Правое бедро сжалось без команды.

Я направил движение не на противника, а в сторону чана. Полубросок всё равно получился сильнее, чем нужно. Я ударился плечом о каменную стенку. Чан качнулся, но не опрокинулся.

Сборщик вошёл сбоку, туда, где я должен был упасть.

Нож пошёл в шею.

Я закрылся левой рукой. Лезвие разрезало предплечье до плотной ткани. Рука онемела.

Мой нож ударил ему в живот.

Костяная защита отвела лезвие. Сборщик отступил, выдернув из моего предплечья свой клинок. Длинный крюк сверху снова пошёл вниз.

Я нырнул под него и врезался головой в грудь местного.

Мы ударились о чан.

Тот качнулся ещё раз.

Сборщик обхватил меня живой петлёй, висевшей на поясе. Ремень сжался вокруг груди и раненого бока. Крючья вошли в кожу. Новые камеры под рёбрами сдавило.

Меня вырвало прямо ему на щиток.

Он отшатнулся.

Я зацепил ножом нижний край петли и потянул. Кисть не

разжималась, поэтому пришлось резать ремень короткими движениями у собственного живота.

Сборщик ударил локтем.

В глазах потемнело.

Сверху длинный крюк зацепил живую петлю и потянул меня от чана. Они снова пытались работать вдвоём: один удерживает, второй разделывает.

Я перестал резать.

Ухватил петлю вместе с крюком и сделал шаг к чану.

Раненый местный решил, что я теряю равновесие. Он подошёл, чтобы закончить.

Я ударил босой правой ступнёй по деревянной распорке под чаном.

Первый удар не сдвинул её.

Второй отозвался в колене и бедре.

Третий выбил распорку.

Чан наклонился.

Сборщик увидел движение и отпрыгнул.

Длинный крюк сверху натянул петлю на моей груди, удерживая меня на месте.

Едкая жидкость пошла через край.

Она попала не на Сборщика.

На меня.

Тёплая масса обожгла спину, бок и бедро. Я закричал. Живой ремень на груди задёргался и начал размягчаться. Крючья выходили вместе с кожей.

Жидкость растеклась дальше.

Сборщик отступал, но под ногами лежала свернувшаяся цепь. Он споткнулся. Волна дошла до его голеней.

Серая кожа покрылась пузырями.

Он упал на одно колено.

Я рванул живую петлю на себя.

Длинный крюк на галерее потянул в ответ.

Между нами натянулся ремень.

Я намотал его на край наклонившегося чана и отпустил тело вниз.

Собственный вес повернул чан ещё сильнее.

Вся масса опрокинулась.

Каменный сосуд ударил по полу и раскололся. Едкая жидкость хлынула под ноги Сборщику, по цепям и в кровяные канавы. Пар поднялся белыми клубами.

Раненый местный попытался встать.

Я дошёл до него, волоча левую ногу.

Он ударил ножом снизу. Лезвие вошло в плотную кожу бедра и застряло.

Я не остановился.

Кисть всё ещё держала широкий нож убитого.

Я ударил под нижний край костяного щитка.

Первый раз лезвие скользнуло по челюсти.

Второй вошёл глубже, в мягкую щель под ртом.

Сборщик схватил меня за запястье.

Пальцы у него были сильнее моих. Он начал выворачивать

нож.

Я сделал то, чего он не ожидал.

Не удерживал руку.

Повернулся всем корпусом вместе с движением.

Рана в животе раскрылась. Внутри снова перелилось горячее. Зато лезвие прошло вдоль горла местного и вышло сбоку.

Чёрная кровь ударила на грудь.

Сборщик дёрнулся, оттолкнул меня и упал в едкую лужу.

Он ещё пытался закрыть горло ладонью.

Я отступил.

Короткий нож всё ещё торчал в правом бедре. Я выдернул его и отбросил в едкую лужу. Кровь пошла по ноге, но плотная кожа приняла большую часть удара.

Корни в ладонях раскрылись от запаха.

Я сжал кулаки до боли и не прикоснулся к нему.

На галерее остался последний.

Он не бросился вниз.

Длинный крюк исчез за перилами. Потом загремел деревянный рычаг.

Каменные плиты в полу начали сдвигаться.

Сборщик закрывал помещение.

Не пытался отомстить.

Отрезал меня от маршрута и вызывал остальных.

В правой стене медленно опускалась костяная решётка. За ней проходил узкий служебный коридор. Через трещину

в камне оттуда приходил знакомый ритм.

Два скрежета.

Удар.

Человеческая клетка.

Она двигалась за этой стеной и уходила вниз.

Я бросился к решётке.

Бросился — слишком громкое слово.

Сделал шаг, упал на правое колено, подтянул левую ногу и снова поднялся. Живот тянул вниз. Новые камеры сжимались при каждом движении, будто в меня вставили два чужих кулака.

Решётка опускалась.

До неё оставалось восемь шагов.

С галереи полетел короткий крюк. Он зацепил ремень на моей спине, там, где висела фляга.

Сборщик потянул.

Ремень лопнул.

Фляга ударилась о пол, покатилась к кровяной канаве и остановилась у края. Пробка вылетела. Вода пошла наружу.

Я упал рядом и схватил флягу.

Внутри осталось меньше трети.

Остальная вода смешалась с кровью и едкой жидкостью на полу.

Жажда ударила сильнее голода.

Новые камеры под рёбрами судорожно сжались, реагируя на запах воды. Я поднёс флягу к губам, сделал один глоток

и сразу почувствовал, как жидкость остановилась в животе.

Не прошла дальше.

Внутри что-то перехватило её, разделило на два болезненных толчка. Часть воды осталась холодной тяжестью под левыми рёбрами. Другая пошла вниз вместе с тошнотой.

Меня снова вырвало.

На этот раз почти одной водой с розовой кровью.

Новый контур действительно удержал часть жидкости отдельно от остального содержимого желудка. Только воспользоваться этим нормально я пока не мог: каждый глоток запускал судорогу, а один из сформировавшихся мешков раздувался и давил прямо на повреждённый бок.

Я закрыл флягу, привязал её остатком ремня к поясу и посмотрел на решётку.

Она оставила щель высотой в две ладони.

Обычный человек не пролез бы.

Я тоже не должен был.

Сборщик на галерее снова потянул рычаг.

Костяные прутья пошли ниже.

Я сунул под решётку широкий нож. Лезвие легло поперёк, задержав её на мгновение. Кисть не отпускала рукоять.

Пришлось лечь на живот и протискиваться вместе с рукой.

Левая рука прошла первой. Плечо почти не работало, но остатки плёнки больше не держали его намертво. Голова. Грудь.

На животе решётка остановилась.

Костяной прут лёг прямо над новой раной.

Сборщик давил рычаг сверху.

Нож начал гнуться.

Я выпустил правый корень и обвил ближайший прут. Два сантиметра не могли поднять решётку. Они только удерживали руку возле лезвия.

Тогда я подтянул правую ногу и натянул тяжи.

Не полный рывок.

Не бросок.

Одно сокращение, чтобы протащить таз.

Бедро сработало.

Живот прошёл под костью.

Край решётки содрал с раны свежий сгусток. Кровь хлынула по боку. Новые камеры сжались так сильно, что я потерял звук.

Левая голень застряла.

Одна костяная планка повернулась поперёк.

Я попытался отодвинуть её ногой. Не получилось.

Сверху последний Сборщик спускался с галереи. Я видел его ноги между прутьями. В руках он держал короткий топор и новую живую петлю.

Я достал ремонтную скобу.

Пальцы правой руки всё ещё были заперты на рукояти ножа под решёткой.

Пришлось взять скобу левой.

Левая кисть слушалась плохо. Плечо не поднималось. Я подцепил ремень шины снизу и тянул, пока пряжка не лопнула.

Последняя костяная планка осталась по ту сторону.

Нога освободилась.

Я втянул её под решётку.

Нож сломался.

Костяные прутья ударили по полу.

Сборщик остановился с другой стороны.

Мы видели друг друга через узкие промежутки.

Его щиток был испачкан моей кровью ещё с верхней разделочной или кровью товарищей. Я не знал, тот ли это, кого ранил в кисть у клетки. Возможно.

Он поднял топор.

Я поднял ремонтную скобу левой рукой.

Между нами была решётка.

Он мог открыть её другим рычагом. Я мог попытаться пролезть обратно и умереть красиво.

Никто не сделал первого движения.

Потом над коридором прошёл глухой удар.

Два длинных скрежета.

Короткий удар.

Пленные удалялись.

Сборщик тоже услышал.

Он повернул голову к звуку.

Не ко мне.

К работе, которую нужно было продолжить.

Я пополз в темноту.

Коридор оказался не проходом для людей. Низкий каменный желоб тянулся вдоль стены, собирая кровь и воду из разделочной. По потолку шли цепи. Через каждые несколько шагов висели деревянные заслонки, обитые костью. За ними открывались вертикальные щели в большие помещения.

В первой я увидел нижние части клеток со зверями.

Во второй — каменные столы и связанные ноги.

В третьей прошла человеческая клетка.

Только край полоза.

Тот самый повреждённый передний угол бил по стыкам.

Я прижал ладонь к камню.

Одиннадцать человек оставались впереди. Лада не могла встать. Инженер держал её. Отдельно забранный пленник находился где-то ниже, если ещё был жив.

Цепь клеток приближалась к развилке.

Я понял это по звукам. Впереди работали два деревянных барабана. Один тянул вправо, другой вниз. Между ними щёлкали костяные защёлки. Платформы собирались разделять.

Если человеческие клетки уйдут не вместе, найти всех станет почти невозможно.

Позади Сборщик ударил топором по решётке.

Первый прут треснул.

Я пополз быстрее.

Левая голень без шины двигалась при каждом толчке, правое бедро не позволяло подняться, живот распирало кровью и новой тканью. Из вещей ещё держались фляга с остатком воды, три патрона, жетон Власова, пластина со знаками, окровавленный человеческий лоскут и почти пустая коробка с пеплом.

Под ладонью камень дрожал.

Два скрежета.

Удар.

Пауза стала длиннее.

Развилка была близко.

Передо мной желоб сужался до чёрного отверстия, похожего на раскрытый рот. По краям росла бледная живая ткань. Она сокращалась медленно, проталкивая кровь и отходы вниз. За ней слышались барабаны, цепи и человеческий кашель.

Путь вёл прямо внутрь каменного брюха храма.

Я остановился только на один вдох.

Рана в боку продолжала кровить внутрь. Новый контур мог удержать немного воды и части токсинов, но каждое сокращение давило на повреждённые органы. Сборщики ломали решётку позади. Клетки впереди собирались разделить.

Цель стала простой.

Добраться до развилки раньше них.

Я сунул скобу за пояс, прижал окровавленный лоскут к лицу, чтобы среди всех запахов помнить нужный, и полез в

живое горло.

Глава 17 — Каменное брюхо

Живой проход не позволял ползти медленно.

Стены сходились за спиной мягкими каменными складками. Они не двигались на глазах, но каждый раз, когда я вытягивал правую руку и подтягивал тело, места для следующего вдоха становилось меньше. Тёплая слизь под грудью несла кровь, жир и серые клочья ткани. Поток тянул меня вперёд, туда же, куда через камень уходил знакомый ритм повреждённого полоза.

Два долгих скрежета.

Короткий удар.

Пауза.

Пленные ещё не дошли до развилки.

Сразу после знакомого удара через камень прошёл тяжёлый поворот барабана. Цепь натянулась и затихла. Полоз больше не скользил. Клетки остановили перед сортировкой: впереди переставляли цепи или переводили путь на другую линию. Я не знал, сколько продлится задержка, но именно она пока не давала людям исчезнуть в глубине храма.

Я упёр ремонтную скобу в шов между плитами и протащил левую ногу. Обломки голени сдвинулись. Внутри хрустнуло не громко — почти деликатно, будто тело извинялось за очередное разрушение. Боль поднялась до паха, живот ответил тяжёлой пульсацией. Под правым ребром стало теснее.

Каждое сокращение сердца наливало брюшную полость новым горячим весом.

Я остановился только затем, чтобы не потерять сознание.

Щекой лежал в жиже. Она пахла медью, горьким жиром и размятыми листьями. Кровяные ямки под челюстью захлёбывались десятками запахов, но человеческую кровь я всё ещё различал. Она уходила впереди тонкой нитью.

Лада.

Инженер.

Ещё девять человек.

— Не вздумайте свернуть без меня, — прошептал я в камень.

Голос прозвучал так, будто говорил кто-то другой. Сухой, слабый, с влажным хрипом внутри.

Проход сжал рёбра.

Я втянул воздух, прижал левую руку к груди и толкнулся правой ногой. Пальцы правой кисти сомкнулись на скобе. Средний снова заклинило. Короткий корень показался из рубца в ладони, коснулся камня и втянулся, не найдя, за что удержаться.

Сзади донёсся глухой удар.

Не шаг.

Что-то тяжёлое вошло в проход вслед за мной.

Я приложил ладонь к полу. Сквозь непрерывную дрожь воды и механизмов проступил отдельный ритм: толчок, скольжение, пауза. Потом ещё раз. Кто-то или что-то про-

талкивали по каналу, очищая его.

Проход был не дорогой.

Я полз по кишке, которую собирались промыть.

Впереди показалось слабое красное свечение. Оно шло не от огня, а от тонких прожилок в стенах. Прожилки наливались по очереди: сначала под ладонью, затем дальше, к изгибу. Вместе с ними стенка вокруг меня напряглась.

Поток ускорился.

Слизь поднялась до подбородка. В ней появились новые куски: раздробленная скорлупа, шерсть, белые растительные нити, половина маленькой лапы. Всё это шло вперёд, ударялось о моё тело и застревало между локтем и стеной.

Сзади снова толкнуло.

На этот раз я услышал скрежет.

Костяная заслонка ползла по проходу, собирая содержимое перед собой.

До изгиба оставалось не больше пяти метров.

Я сунул скобу в поперечную трещину и подтянулся. Правое предплечье свело. Крючковые раны раскрылись, кровь сразу смешалась с потоком. Стенка под левым плечом сжалась сильнее и вдавила повреждённый сустав внутрь.

Мир побелел.

Я всё равно протащил корпус на длину ладони.

Заслонка шла быстрее.

Её передний край появился в красном свете: несколько изогнутых костяных пластин, соединённых живыми чёрны-

ми ремнями. Между пластинами торчали короткие зубья. Они не резали поток. Они сгребали его.

Меня тоже собирались сгрести.

Я вытянул правую руку к изгибу. Скоба скользнула по слизи и ударилась во что-то металлическое. Кольцо. В стену было вмуровано тёмное кольцо толщиной в палец. От него под слизью уходил чёрный ремень — вдоль красных прожилок, к поперечному шву в полу.

Кольцо не было поручнем. Оно являлось частью сброса. Заслонка должна была дойти до него, надавить на выступ и открыть дно, чтобы весь собранный поток ушёл вниз.

Я зацепил кольцо коротким концом скобы и рванулся, пытаясь запустить сброс раньше, чем зубья доберутся до спины.

Правое бедро сократилось без полного рывка, но даже этого хватило, чтобы распороть икру изнутри. Тело пролетело вперёд на полметра. Живот ударился о выступ. Изо рта вышел тёплый сгусток.

Заслонка ударила по босой ступне.

Один зуб вошёл в пятку. Другой скользнул по икре.

Я закричал и потянул скобу обеими руками. Левая почти не поднялась, но пальцы всё-таки сомкнулись на металле. Плечо загорелось. Кольцо повернулось до упора. Чёрный ремень натянулся, красные прожилки вдоль шва одновременно погасли.

Под грудью щёлкнули две защёлки.

Пол не обвалился — две гладкие створки разошлись в сто-

роны, открывая штатный сброс содержимого канала.

Я успел увидеть под собой чёрный круг и красные нити, уходившие вниз.

Потом скоба выскочила из пальцев.

Заслонка ударила в ноги.

Я провалился.

Падение длилось меньше секунды, но я успел повернуться боком. Это было ошибкой. Правое ребро встретилось с краем шахты, рана в животе раскрылась, и только потом я вошёл в жидкость.

Она не была водой.

Поверхность приняла меня густо, почти мягко, а затем сомкнулась над головой. Тело погрузилось не сразу. Я застрял в тёплой массе по грудь, продолжая медленно уходить вниз.

Запах исчез.

Остался вкус.

Соль. Кровь. Горечь. Сладкий жир. Что-то едкое, от чего онемели губы. Что-то растительное, зелёное и терпкое. Размолотая кость царапнула зубы.

Я попытался вдохнуть и втянул густую массу в рот.

Горло сжалось.

Я закашлялся под поверхностью, но кашель только загнал содержимое глубже. Руками упереться было не во что. Пальцы проходили сквозь тёплые волокна, скользили по мягким кускам и пустоте между ними.

Я проваливался медленно.

Это было хуже быстрого утопления. Жидкость держала меня, позволяя чувствовать каждую секунду.

Правый корневой рубец раскрылся сам от давления. Короткое белое волокно вышло в массу.

Мир внутри ладони вспыхнул.

Не светом.

Пищей.

Организм отреагировал на густую массу раньше, чем я понял, что происходит: в ней было достаточно влаги и мягкой органики, чтобы голод мгновенно взял верх. Корень присосался к чему-то мягкому, по предплечью прошёл горячий толчок, а желудок сжался так резко, что я согнулся под поверхностью.

Второй, надорванный корень вышел из левой ладони. Он был длиннее и сразу запутался в волокнах. Боль от плеча смешалась с голодом.

Я попытался втянуть корни.

Не смог.

Они были моими мышцами, моими нервами, моими руками — и сейчас все мышцы одновременно требовали одного.

Ещё.

Нестабильные камеры вокруг желудка сжались.

Первая судорога вывернула меня под поверхностью. Изо рта вышла кровь, но рвота не поднялась вверх. Густая масса вошла обратно. Вторая камера дёрнулась отдельно, как стиснутый кулак, и где-то внутри меня открылся новый путь.

Я почувствовал, как поглощённое внутри расходится двумя разными путями: одна часть уходила дальше горячей солёной волной, другая оседала в животе тяжёлой отравляющей массой.

Интерфейс вспыхнул сквозь темноту.

[СИСТЕМА] Поступление органической массы: чрезмерное.

[СИСТЕМА] Фильтрация: нестабильна.

[СИСТЕМА] Токсическая нагрузка: критическая.

— Значит, всё-таки не суп, — успел подумать я.

Я дёрнул правой рукой, пытаясь найти край камеры. Пальцы коснулись гладкого камня, покрытого мягкими наростами. Стена уходила вверх почти отвесно. На ней не было швов.

Нога зацепилась за что-то твёрдое.

Я оттолкнулся.

Левая голень сложилась в месте перелома. Обломок кости вошёл в мышцу. Боль прорезала голод, но ненадолго. Корни продолжали тянуть массу. По рукам шёл жар.

Я поднялся ближе к поверхности и ударился головой о плавающую корку. Она была сплетена из жира, корней и шерсти. Я пробил её лбом, высунул рот и вдохнул.

Воздух в камере оказался горячим и влажным. Он пах так, будто весь храм выдохнул сюда содержимое желудка.

Я вцепился в корку обеими руками. Правая кисть сразу заклинила. Левая держала слабо, но держала.

Подо мной что-то двигалось.

Не отдельное существо. Вся масса медленно вращалась вокруг центра камеры. В стенах открывались широкие глотки. Из одного падал красный поток, из другого — светлая растительная каша, из третьего сыпалась дроблёная кость. Сверху через решётки стекал жир.

Это не было свалкой.

Храм собирал здесь то, что ещё можно использовать.

Я висел в его кормовой чаше.

Корни тянули.

С каждым толчком становилось легче дышать и тяжелее думать. Горячая волна шла из ладоней к груди, затем вниз, к животу. Наниты, молчавшие от истощения, ожили колючим зудом под кожей.

Сначала изменилось кровотечение.

Глубокая пульсация под правым ребром сбилась. Я почувствовал, как вокруг повреждённого сосуда что-то сжимается. Не гладко. Ткань собралась грубым кольцом, пережала место разрыва вместе с соседними волокнами.

Боль стала острее.

Но горячая тяжесть перестала прибывать.

Я замер, не веря собственному телу.

Следующий толчок пошёл к наружной ране. Края живота, до этого склеенные грязной коркой, разошлись. Свернувшаяся кровь лопнула. Из раны вышла тёмная жидкость с частицами ржавчины и чёрной грязи.

Я заорал.

Масса вокруг вошла в открытый бок.

Кожа обожглась. Мышцы живота свело. Я попытался прижать рану локтем, но корень в правой ладони натянулся и не дал согнуть руку.

Интерфейс вспыхнул снова.

[СИСТЕМА] Обнаружено загрязнение повреждённых тканей.

[СИСТЕМА] Аварийная очистка.

[СИСТЕМА] Потеря жидкости: высокая.

Из раны вытолкнуло ещё один сгусток. Потом что-то длинное и тёмное — клочок ткани, уже начавший гнить. Запах ударил даже сквозь общую вонь камеры.

Меня вырвало на корку.

Тело не остановилось.

Под кожей живота побежали тонкие движения. Они шли от двух новых камер к сосудистой сети, будто кто-то протягивал внутри меня мокрые нити. Никаких чужих рук не было. Только собственные мышцы, наниты и растительная ткань, которым наконец дали достаточно материала.

И слишком мало времени.

Жар поднялся до груди. Сердце забилось чаще. Кровь пошла по сосудам густо, тяжело. Я увидел, как тёмные линии на предплечьях расширяются. Кожа над ними натянулась.

Стенка одной из разделяющих камер лопнула.

Внутрь организма хлынуло всё сразу.

Я потерял воздух.

Токсин ударил по печени, по голове, по зрению. Красные прожилки в стенах размазались. Пальцы отпустили корку. Я снова ушёл под поверхность.

На этот раз тело тонуло быстрее.

Судорога свела спину дугой. Правая нога выпрямилась. Левая дёрнулась следом, и сломанная голень согнулась под неправильным углом.

Я не мог кричать.

Жидкость вошла в нос. Мир стал густым и тёплым.

Интерфейс появился обрывками.

[СИСТЕМА] Разрыв фильтрующей структуры.

[СИСТЕМА] Системная интоксикация.

[СИСТЕМА] Аварийная адаптация невозможна: недостаточная совместимость.

Последняя строка погасла.

Потом появилась снова.

[СИСТЕМА] Доступен внешний строительный материал.

[СИСТЕМА] Повторная оценка.

Я не принимал решение.

Решение уже приняло всё, чем я стал за последние четыре дня.

Правый корень раскрылся вдоль. Белое волокно разделилось на несколько тонких нитей, каждая впилась в массу. Левый корень рванулся глубже и закрепился в плавающем куске растительной ткани.

Поглощение перестало идти двумя узкими струями.

Оно хлынуло.

Меня распёрло изнутри. Живот вздулся. Сосуды на руках стали почти чёрными. Под кожей груди протянулись новые жилы — от ладоней к грудине, оттуда вниз, вокруг двух камер и дальше к печени, почкам, костям.

Впервые все повреждения отозвались одновременно, будто организм наконец получил возможность заняться не одной дырой за другой, а всем телом сразу. В жиже не было готового чуда: корни уже умели втягивать ткань, новые камеры — отсекать часть яда, наниты всё это время пытались латать меня, сосудистые швы и сухожильные тяжи держали то, что иначе давно развалилось бы. Раньше каждая система работала на голодном пайке. Теперь материала оказалось столько, что они начали связываться в один непрерывный процесс.

Сильнее всего тянуло к животу, сломанной голени, разбитому плечу и кистям. Даже ожоги требовали своей доли влаги и ткани. Кислотный канал отозвался последним — тело само расставило приоритеты, и сейчас они меня полностью устраивали: сначала не умереть, потом вспоминать об оружии.

Я попытался направить поток к животу. Не командой интерфейсу. Просто напряг мышцы вокруг раны, прижал локоть и представил не чудо, а работу: остановить кровь, убрать грязь, закрыть разрыв.

Ответ пришёл мгновенно.

Масса из корней ударила в сосуды. Сердце пропустило удар. Потом забилось так быстро, что грудь затряслась.

Внутренняя рана сжалась.

Повреждённые ткани не исчезли. Они двигались. Я чувствовал, как края мышцы подтягиваются друг к другу, как между ними образуется влажная сетка, как сетка наполняется плотью.

Вместо привычного медленного заживления края повреждения затягивались грубой влажной сеткой прямо внутри живота. Получавшаяся заплата давила на соседний орган и мешала вдохнуть. Я изменил направление, ослабил мышцы живота и потянулся правой рукой к стене, заставляя корпус растянуться.

Заплата немного сместилась и перестала так сильно давить. Значит, положение тела влияло на то, как новая ткань закрепляла повреждение: если дать ей работать, скрючившись, она так меня и зафиксирует. Выдающееся открытие для человека, который всё ещё тонул в мясном супе.

Я снова пробил корку головой и вдохнул.

На этот раз поднялся выше. Правая рука работала. Кисть всё ещё держала слишком сильно, но пальцы слушались. Я вцепился в плавающий корень и подтянул грудь на поверхность.

Живот продолжал стягиваться.

Внутри что-то щёлкнуло. Пульсация прекратилась окончательно. Наружная рана уменьшилась до длинной красной

щели, из которой выходила прозрачная жидкость и остатки грязи.

Я провёл пальцами по краю.

Кожа была горячей, рыхлой и новой — тонкой по сравнению с плотным покровом на плече, зато брюшная полость больше не оставалась открытой.

Поток материала пошёл в левую ногу.

Я попытался остановить его.

Не потому, что не хотел лечиться. Потому что кость стояла неправильно.

Голень была согнута наружу, обломки заходили один на другой. Если организм скрепит их сейчас, я получу крепкую кривую ногу.

Я нащупал перелом обеими руками.

Правой — сверху. Левой — ниже. Плечо не позволяло нормально дотянуться, поэтому пришлось подтянуть колено к груди.

Первое движение кости едва не лишило меня сознания.

Я выдохнул, сжал зубы и потянул нижнюю часть голени.

Обломки разошлись.

Острый край вышел из мышцы. В воду ударила новая кровь. Голод взвыл под челюстью, хотя кровь была моей.

Я повернул стопу.

Кость скользнула на место не сразу. Между концами что-то мешало — сгусток, обрывок мышцы или прежняя неправильная ткань. Пришлось снова разъединить и повести чуть

в сторону.

Хруст.

Пятка встала ближе к линии колена.

— Достаточно, — сказал я себе. — Идеальную походку оставим врачам.

Перед глазами возникло лицо Лады за прутьями.

Она бы нашла десяток причин, почему я всё сделал неправильно.

Пусть сначала выберется из клетки.

Я удерживал голень руками, пока под кожей начиналась работа. Тёмные волокна, которые раньше только сжимали перелом, теперь разошлись сетью вдоль кости. Между обломками появилось давление. Сначала мягкое, затем твёрдое.

Кость не срослась мгновенно.

Она получила перемычки.

Новые волокна обхватили голень снаружи, как внутренняя шина. Мышца вокруг закрыла свежий разрыв. Боль осталась, но нога перестала складываться от собственного веса.

Материала требовалось всё больше.

Корни тянули концентрат, а я худел.

Это происходило одновременно. Живот заполнялся горячей силой, но кожа на рёбрах западала. Организм брал жир с боков быстрее, чем успевал отделять его из массы. Щёки стянуло. Язык прилип к нёбу.

Вода уходила первой.

Камера вокруг меня была наполнена жидкостью, но большая её часть оставалась ядом. Разделяющий контур пропускал полезное порциями, остальное выбрасывал обратно через кишечник и кожу.

Меня трясло.

С каждой судорогой из пор выходил едкий пот. Он смешивался с массой и обжигал новую кожу.

Я заставил себя отпустить голень и добраться до стены.

На ощупь нашёл один из мягких наростов. Он пульсировал вместе с красными прожилками. Я вонзил в него ремонтную скобу и потянул.

Нарост лопнул.

Из стены пошла светлая струя.

Она пахла слабее остального. Солёная, с растительной горечью, но без гнили. Я подставил рот. Первый глоток вызвал спазм. Второй остался внутри.

Разделяющие камеры сжались по очереди.

Одна удержала жидкость.

Другая вытолкнула горькую пену обратно в горло.

Я выплюнул её и продолжил пить.

Вода не дала силы. Она позволила телу не высохнуть во время работы.

Следующим оно взялось за плечо.

Я понял это по ощущению, будто под лопатку вставили горячий клин. Левую руку дёрнуло назад. Остатки янтарной плёнки на груди и боку натянулись, мешая суставу встать на

место.

Пришлось содрать их.

Я поддел край скобой и потянул. Плёнка отходила вместе с кожей. На груди открылись длинные кровавые полосы. Левая рука освободилась, но плечо повисло ниже правого.

Я упёр локоть в корку, взял запястье правой рукой и медленно отвёл в сторону.

Сустав тёрся.

Повреждённые связки не держали головку кости. При каждом движении она уходила вперёд.

Я прижал плечо к стене и толкнул корпусом.

Кость вошла с глухим ударом.

На несколько секунд я ослеп.

Потом под кожей зашевелилась сеть. Поглощённый материал пошёл к связкам. Они не становились прежними. Вокруг сустава нарастали дополнительные тёмные тяжи, соединяя ключицу, лопатку и верх руки.

Плечо стало тяжелее.

Зато перестало выпадать.

Я поднял левую руку.

До уровня груди.

Выше боль остановила.

Этого было достаточно, чтобы пользоваться ладонью и длинным корнем.

Слово «достаточно» начинало нравиться мне всё больше.

Вверху камеры снова загремела заслонка.

Это был уже не первый сброс. Пока меня перестраивало, сверху дважды сыпались мелкие кости, растительные обрезки и размолотый панцирь. Камера наполнялась циклами, как нижний приёмник всей разделочной.

На третий раз через отверстие сначала посыпались мелкие кости, потом упала половина панциря, а следом — тёмное тело существа без головы.

Оно ударилось о корку рядом и медленно погрузилось.

Свежая кровь раскрыла ямки под челюстью.

Голод перестал быть ощущением.

Он стал движением.

Я повернулся к телу раньше, чем решил. Правый корень сорвался с растительной массы и впился в открытый срез шеи. Левый нашёл разорванный бок.

Тёплая кровь пошла в меня быстро.

Слишком быстро.

Перед глазами вспыхнуло красное. Кисти сжались. Зубы сами сомкнулись на краю корки.

Я видел не существо.

Запас.

Вода. Белок. Жир. Соли.

Внутри тела открылось свободное место, и каждая клетка требовала заполнить его.

Я потянул сильнее.

Труп дёрнулся в воде.

Не ожил. Просто перевернулся от сокращения моих кор-

ней.

Под его панцирем показалась длинная передняя конечность. Суставы были устроены иначе, чем у Сборщиков. Можно было взять ткани. Узнать новую структуру.

Нет.

Не сейчас.

Я заставил корни ослабнуть.

Это потребовало больше воли, чем разжать руку на краю пропасти. Организм не хотел отпускать источник, пока внутри оставались повреждения.

— Сначала мои, — сказал я вслух. — Потом чужие.

Слова снова ничего не объяснили телу.

Но я отвёл ладони.

Корни вышли из мяса с влажным звуком. В них остались тёмные полосы крови. Я втянул волокна под кожу и сжал кулаки, пока голод не перестал толкать меня обратно.

Ресурс уже шёл по сосудам.

Правое бедро налилось жаром. Разорванные тяжи сокращались короткими волнами, стягивая мышцу. Икра перестала дрожать. Колено покрылось тонким слоем плотной ткани там, где исчезла плёнка.

Правая ступня горела. Рана от крюка и зуба заслонки закрывалась медленнее: в пятке не хватало ткани, края приходилось строить заново. Под кожей возникла жёсткая зернистая прокладка.

Левое предплечье стянулось вокруг глубокого пореза.

Правое — вокруг отверстий от крючьев.

Средний палец дёрнулся и впервые разогнулся полностью.

Я смотрел на него несколько секунд.

Потом согнул.

Разогнул снова.

Кисть слушалась.

Не идеально. При сильном хвате сухожильная сеть всё ещё могла заклинить, но теперь я мог отпустить скобу по собственной воле.

Я рассмеялся.

Смех вышел коротким и злым. В этой чаше не было ничего смешного. Просто за четыре дня я слишком привык получать новую способность вместе с новой невозможностью двигаться. Организм наконец сделал что-то полезное без уточнения, какую часть тела придётся отдать взамен.

Цена пришла сразу.

Живот провалился.

Не снаружи. Внутри.

Разделяющие камеры сжались пустыми. По сосудам прошёл обратный холод. Мышцы живота, только что восстановленные, начали тянуть энергию из спины и бёдер. Под кожей запульсировал голодный жар.

Интерфейс вспыхнул.

[СИСТЕМА] Аварийная регенеративная сеть сформирована.

[СИСТЕМА] Внешний ресурс: истощается.

[СИСТЕМА] Внутренний катаболизм: активен.

Я слишком хорошо знал последнее слово.

Тело начало есть себя.

Сначала ушла мягкость жировых запасов — странное ощущение пустоты под кожей. Затем заболели мышцы спины. Не раны. Целые мышцы, которые организм назначил строительным материалом.

Я снова вонзил корни в обезглавленное существо.

Теперь контролировал поток хуже. Голод делал движения быстрыми и грубыми. Я удерживал ладони на двух участках и чувствовал, как труп становится легче, мягче, холоднее.

От туши приходили только телесные ощущения распадающейся ткани и реакция собственного организма, который отделял пригодное от опасного. Всё остальное умерло вместе с существом.

Панцирь почти не усваивался. Мягкие ткани уходили быстро. Один внутренний мешок оказался ядовитым: разделяющая камера сжалась и вытолкнула содержимое обратно через корень. Белое волокно почернело на кончике.

Я отрезал повреждённый миллиметр скобой.

Корень дёрнулся от боли и втянулся.

Пока корень работал целым, я почти не замечал его движения. Стоило срезать почерневший кончик, как боль мгновенно прострелила ладонь — хотя бы здесь тело оставалось предсказуемым.

Когда тело существа осело в воде, я почувствовал запас.

Не цифрой. Тяжестью и теплом под грудиной. Его хватало, чтобы закончить восстановление или сделать что-то ещё. Я попробовал направить часть в кислотный канал.

Указательный палец правой руки запульсировал. Под ногтем появилась знакомая жгучая тяжесть. На подушечке выступила прозрачная капля.

Маленькая.

Но настоящая.

Я стёр её о панцирь. Поверхность зашипела.

Регенеративная сеть могла не только чинить раны.

Она обслуживала то, чем я уже стал.

От этой мысли должно было стать легче.

Стало страшнее.

Я выбрался на плавающую корку и лёг на спину. Она прогнулась, но выдержала. Красные прожилки в стенах наливались и гасли. Потоки продолжали падать в чашу. Храм кормил сам себя, а я лежал в его желудке, забирая часть пищи.

Я провёл ладонью по животу.

Под кожей тянулся плотный горячий рубец. Внутри оставалась болезненная тяжесть, но не нарастающая. Дышать можно было полной грудью. Головокружение уменьшилось.

Левую ногу я осторожно выпрямил.

Она держала форму.

Я надавил пяткой на корку. Внутренняя шина напряглась вокруг перелома. Боль была сильной, но кость не сдвинулась.

Потом согнул колено.

Плечо поднял выше груди.

Правой кистью открыл и закрыл пальцы.

Я был не цел.

До целого мне оставалось столько же, сколько этому храму до больницы.

Но я снова принадлежал себе.

Сверху донёсся отдалённый скрежет.

Два длинных.

Короткий удар.

Я сел.

Звук прошёл через стену камеры слабее, но направление изменилось. Клетки достигли развилки. Один барабан уже тянул часть платформ влево. Второй отвечал более редкими ударами справа.

Если человеческие клетки разделят, я потеряю часть людей.

Я подтянул к себе ремонтную скобу, проверил три патрона в кармане и нашёл костяную коробку. Пепла осталось мало, но он сохранился. Жетон Власова, пластина с неизвестным знаком и кровавый лоскут формы были на месте.

Фляга висела на ремне.

Меньше трети воды.

Теперь это выглядело почти роскошью.

Оставалось выбраться из камеры.

Стены были гладкими. До верхней решётки — не меньше

шести метров. Красные прожилки проходили по камню вертикально, но пальцам зацепиться было не за что.

Зато в трёх местах из стены выступали мягкие питающие наросты. Один я уже разорвал. Два других сокращались, выпуская потоки.

Я подошёл к краю корки и встал на правую ногу.

Колено выдержало.

Перенёс вес на левую.

Внутри голени хрустнуло. Боль ударила вверх, но нога не сложилась.

Я стоял.

Четыре дня назад это не считалось бы достижением.

Сейчас я несколько секунд просто смотрел на собственные ступни, погружённые в тёплую грязь.

Потом сделал шаг.

Левая нога работала коротко. Стопа плохо чувствовала край корки. Приходилось держать колено чуть согнутым. Но я не полз.

Второй шаг дался легче.

На третьем тело качнулось, и я выставил левую руку. Плечо удержало вес.

Я добрался до стены.

Выпустил длинный левый корень и обвил им основание питающего нароста. Правый, короткий, прижал к камню рядом. Он не мог обхватить выступ, зато чувствовал давление.

Я подтянулся руками.

Плечо выдержало первый рывок.

Левая голень — толчок.

Я поднялся на полметра и вонзил скобу в мягкую ткань выше. Нарост сжался, выплеснул светлую жидкость мне на грудь. Я удержался.

Под кожей сразу проснулся голод. Регенеративная сеть предлагала втянуть жидкость и продолжить ремонт.

Я запретил себе.

Запас нужен был не для удобства. Впереди были охрана, ворота и клетки.

Я лез медленно, переставляя скобу и корень. На середине стены левая нога сорвалась. Вес повис на плече. Новые тяжи вокруг сустава натянулись, но не разорвались.

Я ударился боком о камень.

Рубец на животе раскрылся на длину пальца.

Кровь выступила тонкой линией.

Я прижал правый корень к ране и коснулся им влажного нароста. Поток прошёл через ладонь. Края разреза зашевелились и сомкнулись прямо у меня на глазах.

Несколько минут назад такое потребовало бы повязки, неподвижности и надежды.

Теперь потребовало кусок чужой пищи.

Разница была хуже, чем хотелось признавать.

Я продолжил подъём.

У верхней решётки обнаружился боковой желоб. Он был закрыт переплетением толстых корней, поверх которых ле-

жали две костяные планки. Между ними оставалась щель шириной с голову.

Ремонтная скоба вошла под первую планку.

Я надавил.

Левая рука помогла.

Кость треснула.

Я остановился, поражённый не звуком, а собственной силой. До падения в камеру мне пришлось бы использовать противовес, рычаг или чужой вес. Сейчас обе руки работали вместе, плечо держало, ноги упирались в стену.

Вторая планка поддалась после трёх толчков.

Я раздвинул корни и просунул голову в желоб.

Оттуда пахнуло прохладным воздухом и старой золой.

Я подтянул корпус.

Рубец на животе натянулся, но не разошёлся. Левая голень дрожала. Правое бедро свело на последнем движении, однако я протиснул таз и вывалился на сухой камень.

Несколько секунд лежал, слушая тело.

Сердце билось быстро.

Дыхание было свободным.

Внутреннего кровотечения я больше не чувствовал.

Боль оставалась везде, но она больше не командовала каждой частью тела отдельно.

Я поднялся на колено.

Потом на обе ноги.

Желоб уходил вперёд узким служебным коридором. По

стенам шли деревянные желоба, медные полосы и связанные корни. Слева в камне дрожала цепная линия.

Я приложил к ней ладонь.

Два длинных скрежета.

Короткий удар.

Совсем близко.

Потом другой звук — тяжёлое вращение барабана.

Развилка работала.

Я сделал шаг.

Левая нога отозвалась болью, но перенесла вес.

Второй шаг.

Третий.

Пришлось опираться скобой о пол, но скорость всё равно была несравнима с ползанием.

Впереди коридор расходился. Из левого рукава тянуло кровью людей. Справа пахло зверями, мокрой шерстью и растительным соком. Под ногами проходили две разные цепи.

Я опустил ладонь на левую.

Повреждённый полоз ударил в стык.

Два длинных.

Короткий.

Человеческие клетки ушли влево.

Я выпрямился насколько позволяла голень, перехватил скобу и пошёл за ними.

Не пополз.

Пошёл.

Глава 18 — Перед воротами

Левый служебный коридор оказался слишком узким для клеток и слишком широким для меня одного.

Значит, я шёл не по их пути, а рядом с ним.

За правой стеной тянулась цепная линия. Металл дрожал под ладонью, передавая работу барабанов лучше, чем камень под ногами. Два долгих скрежета. Короткий удар. Потом пауза, во время которой натянутая цепь мелко подрагивала, но не двигалась.

Клетки стояли перед сортировкой.

Я не видел механизма, однако слышал, как где-то впереди переставляют тяжёлые звенья. Один барабан делал четверть оборота и останавливался. Второй отвечал через несколько секунд. Платформы ещё не развели по разным линиям. Именно эта задержка позволила мне выбраться из каменного брюха раньше, чем люди исчезли в глубине храма.

Надолго её не хватит.

Я убрал ладонь с цепи и пошёл быстрее.

Первые десять шагов дались почти легко. Левая голень болела глубоко, но внутренняя волокнистая шина держала обломки вместе. Пятка касалась пола. Колено принимало вес. После нескольких суток ползания обычная ходьба ощущалась чужой привилегией.

На одиннадцатом шаге нога дрогнула.

Костные перемычки внутри голени отозвались сухим хрустом. Я остановился, перенёс вес на ремонтную скобу и подождал, пока боль уляжется.

Регенерация вернула мне возможность идти, но одиннадцатый шаг быстро напомнил, насколько условным было это восстановление.

Коридор поднимался пологим уклоном. По левой стене шли неглубокие лотки с тёплой жидкостью. В одном текла мутная вода, в другом — густой белёсый сок. Третий был сухим, но пах солью и старой кровью. Над лотками через равные промежутки висели костяные чаши. Каждая медленно наполнялась, переворачивалась и выпускала содержимое дальше.

Храм не знал труб в человеческом смысле.

Он пользовался тяжестью, чашами, желобами и живыми клапанами.

Я коснулся пальцем белёсой жидкости.

Кожа не обожглась. Кровяные ямки под челюстью раскрылись, но запах был растительный, жирный и слегка сладкий. Правый корень показался из ладони на несколько миллиметров и потянулся к лотку.

Я втянул его.

Запас, полученный в накопительной камере, уже уменьшался. Тело тратило его на каждый шаг: удерживало голень, поддерживало плечо, гасило воспаление в животе. Внутри груди сохранялось тепло, но оно больше не казалось тяжё-

лым. Оно таяло.

Пить из первого попавшегося желоба было плохой идеей.

Именно поэтому желудок сжал меня так, будто решение уже принято.

Я прошёл дальше.

Через две арки коридор раздвоился. Правая ветвь уходила к цепному грохоту. Левая поднималась выше и пахла сухой кожей, солью и водой.

Склад.

До клеток — направо.

До ресурса — налево.

Я остановился на развилке.

Повреждённый полоз снова ударил за стеной. После него раздался чужой окрик и хлопок дерева о камень. Клетки всё ещё ждали. Но барабан, державший левую линию, начал вращаться чаще.

У меня могло оставаться несколько минут.

Может, меньше.

Я сделал два шага вправо.

Левая нога просела. Внутри голени одна из перемычек натянулась, и по кости прошла острая боль. Одновременно под левым плечом возникла холодная слабость. Регенеративная сеть пыталась поддерживать две повреждённые зоны сразу и забирала материал из мышц спины.

Если пойти к воротам сейчас, я дойду.

Если придётся драться — не факт.

Я повернул налево.

Решение не понравилось той части меня, которая слышала человеческую кровь за стеной. Ямки под челюстью стали горячими. Запах пленников был слабым, но узнаваемым. Не еда. Цель.

Я прижал к лицу окровавленный лоскут формы.

— Пять минут, — сказал я людям, которые меня не слышали. — Постарайтесь не умереть без приказа.

Складская ветвь вывела к низкой деревянной двери. Она не имела замка. Вместо него по створке проходил живой ремень, вросший двумя концами в каменные гнёзда. Ремень сокращался каждые несколько секунд, проверяя натяжение.

Раньше я бы искал рычаг.

Теперь у меня была кислота.

Я поднял правую руку. Под ногтем указательного пальца ощущалась одна восстановленная капля. Всего одна. Регенеративная сеть могла сделать ещё, но тогда часть запаса уйдёт не в ногу и не в плечо.

Я прижал палец к живому ремню.

Капля вышла медленно.

Ткань зашипела. Ремень сжался, дёрнул створку и оставил на пальце тонкий ожог. Я подцепил размягчённое место скобой и рванул.

Ремень лопнул.

Одно каменное гнездо сразу закрылось, зажав обрывок. Второе продолжало сокращаться, как перерезанная мышца.

Дверь открылась на ладонь.

Я протиснулся внутрь.

Складская галерея тянулась параллельно пути клеток. Потолок был низким, но помещение уходило далеко в обе стороны. Справа стояли деревянные стойки с кожаными бурдюками. Слева — каменные ящики, мешки, связки сухих пластин и плетёные корзины с бледными корнями. По центру проходил узкий желоб, в котором медленно текла прозрачная жидкость.

Не чистая вода.

Но ближе к ней, чем всё, что я пил после падения.

Я закрыл дверь за собой настолько, насколько позволял разрезанный ремень, и замер.

На складе кто-то дышал.

Звук шёл не из дальнего конца, а сверху.

Я поднял голову.

Между балками висели маленькие клетки. В первой лежали белые черви толщиной с палец. Во второй сидели три слепых существа с круглыми ртами. Третья была открыта.

Пустая дверца покачивалась.

Я опустил взгляд на пол.

Следы были мелкими, четырёхпалыми. Они шли от стойки к стойке, иногда исчезая на вертикальной стене. На одном мешке осталась влажная ладонь.

Склад имел собственного падальщика.

Или сторожа.

Я не стал искать его первым.

Снял ближайший бурдюк. Он оказался тяжёлым. Внутри плескалась вода с металлическим запахом, но без гнили. Я сделал маленький глоток.

Разделяющие камеры сжались по очереди.

Первая удержала жидкость. Вторая вытолкнула горькую пену в рот.

Я сплюнул.

Вода осталась.

Следующим я открыл каменный ящик. В нём лежали серые бруски, плотные, как прессованная глина. От них пахло жиром, растительной мукой и кровью разных существ. Корм для клеток или сырьё для храма.

Я коснулся одного бруска корнем. В ладонь пошёл ровный, почти безликий поток питательной массы — влажной, жирной и солёной, без сложных незнакомых тканей. Сейчас именно такое сырьё было безопаснее всего.

Я отломил часть бруска и сунул в рот. Жевать было трудно. Масса липла к зубам, оставляла вкус старого сала и горькой коры. Корень работал быстрее. Я прижал ладонь к целому бруску и позволил ему втягивать содержимое.

Тепло под грудиной начало расти.

Одновременно заболела левая голень.

Регенеративная сеть получила материал и немедленно решила продолжить ремонт. Костные перемычки уплотнились. Внутри ноги появилось давление, словно обломки стягивали

винтом.

Я выпрямил стопу и поставил её ровно.

Не хотелось снова срастись криво.

Плечо потребовало свою долю. Под лопаткой натянулись новые тяжи. Левая рука поднялась выше груди, но вместе с этим запас начал уходить слишком быстро.

Я отнял ладонь от бруска.

Тепло стабилизировалось.

Точной команды организму я дать не мог, зато он явно реагировал на нагрузку: стоило перенести вес на левую ногу — нагревалась голень; поднять руку — тянуло под лопаткой; напрячь живот — оживала грубая внутренняя заплата. Управление получалось примитивным, но вполне практичным.

Я выпил ещё два глотка и наполнил флягу из бурдюка. Потом выбрал небольшой мешок с крупной серой солью и привязал к поясу. Два кормовых бруска завернул в кожаную полосу.

Всё вместе тянуло вниз.

Теперь я мог не умереть от первой же царапины.

Оставалось не позволить запасам сделать меня медленнее.

За стеной ударил барабан.

Цепь клеток сдвинулась на длину звена.

Я потянулся к двери.

Сверху щёлкнуло.

Нечто упало мне на спину.

Четыре руки одновременно обхватили плечи и рёбра. Голая складчатая кожа была тёплой и скользкой. Существо весило не больше крупной собаки, но прижалось всем телом, смещая центр тяжести назад.

Я ударился затылком о его лицо.

Раздался сухой треск.

Хват не ослаб.

Две верхние руки вцепились в ключицы. Нижние скользнули к животу. На каждом пальце раскрылись плоские костяные лезвия, короткие, как ногти, но острые.

Я успел повернуться.

Одно лезвие прошло по старому рубцу живота и только содрало новую кожу. Второе вошло в левый бок выше таза и распороло мышцу на длину ладони.

Боль пришла вместе с теплом крови.

Кровяные ямки раскрылись.

Голод ответил на мою собственную рану.

Я бросился спиной на стойку.

Существо оказалось между мной и деревом. Бурдюки качнулись. Один сорвался и лопнул под ногами. Вода разлилась по камню.

Тварь издала не крик, а серию щелчков.

Три быстрых.

Пауза.

Три быстрых.

Из коридора за дверью пришёл ответный удар по металлу.

Сигнал.

Я снова врезал её в стойку.

Одна рука отпустила. Я поймал запястье трёхпалым хватом и потянул вперёд. Существо перелезло через моё плечо, оказалось сбоку и полоснуло по бедру.

Лезвия вошли глубже ткани.

Правая нога подломилась.

Я упал на колено.

Тварь отскочила к стене и прилипла к ней четырьмя ладонями. Теперь я увидел её целиком.

Ростом до пояса. Тело сухое, почти без шеи. Кожа собиралась складками вокруг суставов. Четыре руки росли двумя парами: верхние длинные и хватательные, нижние короче, с костяными пластинами на пальцах. Глаза были маленькими, чёрными и далеко разнесёнными. На горле висело металлическое кольцо с коротким язычком.

Она ударила язычком о камень.

Три быстрых.

Складник.

Название пришло само: слишком уж хорошо эта тварь подходила на роль живого складского сторожа, способного лазать по стенам и поднимать тревогу.

Снаружи ответили снова.

Шаги были ещё далеко, но шли сюда.

Я поднялся.

Кровь из бедра текла быстро. Ускоренное свёртывание

уже затягивало края, запирая грязь и обломок костяного лезвия внутри.

Регенеративная сеть потянула материал к ране.

Я остановил её, насколько смог.

Сначала нужно было вытащить то, что осталось в мышце.

Складник прыгнул.

Я ушёл в сторону не полным рывком, а коротким толчком правого бедра. Тело сместилось на два шага. Нога выдержала. Существо пролетело мимо и ударилось в мешки.

Раньше такой манёвр снова разорвал бы мышцу. Теперь в бедре появилась лишь горячая полоса, которую регенеративная сеть сразу начала стягивать, и одновременно заметно уменьшилось тепло под грудиной.

Я ударил скобой.

Складник выставил две руки. Металл рассёк одну ладонь, но нижняя пара зацепилась за скобу. Тварь дёрнула её к себе. Правый хват заклинило.

Средний палец перестал разгибаться.

Мы оказались связаны одним куском металла.

Складник открыл рот. Внутри были не зубы, а четыре подвижные пластины, сходившиеся крестом.

Я отпустил скобу левой рукой и ударил ладонью ему в горло.

Короткий корень вышел из рубца и обвился вокруг металлического кольца.

Складник рванулся назад.

Корень натянулся.

Боль прошла по предплечью, но волокно выдержало. Я повернул кисть, пропустил кольцо через изгиб скобы и использовал собственный заклинивший хват как замок.

Тварь снова дёрнулась.

Кольцо сдавило горло.

Щёлкающий сигнал оборвался.

Она ударила меня всеми четырьмя руками. Два костяных ногтя вошли в левое плечо. Тяжи вокруг сустава приняли часть удара, но один разорвался.

Рука ослабла.

Складник почти освободился.

Я не стал перетягивать его.

Отступил к центральному желобу и наступил в разлитую воду. Существо последовало, всё ещё связанное корнем и скобой.

У желоба стоял каменный ящик с солью. Крышка удерживалась деревянным клином. Я ударил по нему пяткой.

Клин вылетел.

Крышка качнулась, но не упала.

Складник понял опасность раньше меня. Он отпустил скобу двумя руками и попытался уйти вверх по стене.

Я сократил правый корень.

Двух сантиметров не хватило бы ни для чего.

Но кольцо уже было зацеплено.

Тварь сорвалась со стены и упала в желоб.

Я толкнул крышку плечом.

Каменная плита опрокинулась. За ней посыпалась соль — не горсть, а целый ящик крупной тяжёлой крошки. Она накрыла складника, забила рот и складки кожи. Вода в желобе превратила соль в густую кашу.

Тварь забилась.

Четыре руки царапали камень. Костяные ногти оставляли белые полосы. Кольцо на горле звенело, но сигнал уже не складывался в ритм.

Я наступил на верхнюю пару рук.

Левая голень выдержала вес.

Правой рукой выдернул скобу из кольца и ударил коротким концом под нижнюю челюсть.

Первый удар прошёл по касательной.

Второй вошёл между пластинами рта.

Третий пробил мягкую ткань глубже.

Складник дёрнулся и замер.

Я остался стоять над ним.

Кровь из бедра дошла до пятки. В боку пульсировал длинный разрез. Левое плечо снова опустилось ниже правого.

Снаружи приближались шаги.

Не один Сборщик.

Минимум двое.

Я вытащил из бедра обломок костяного ногтя. Он был плоским и зазубренным. Вместе с ним вышел тёмный сгусток.

Рана раскрылась.

Кровь ударила сильнее.

Я опустился рядом со складником и прижал обе ладони к его груди.

Корни вошли в свежую ткань.

Поглощение началось быстро. Тело складника было беднее концентрата из каменного брюха, зато гораздо чище: обычные влажные мягкие ткани шли ровно, а небольшие ядовитые железы под кожей разделяющие камеры сразу оттолкнули. По рукам прошла горечь, затем поток выровнялся.

Регенеративная сеть рванула материал к плечу, голени, животу и бедру одновременно.

Я почти потерял сознание от резкого расхода.

— Нет, — прошептал я.

Прижал локоть к разрезу в боку.

Напряг правое бедро вокруг глубокой раны.

Сначала кровь.

Материал изменил направление не полностью, но достаточно. Края бедра очистились. Изнутри вытолкнуло мелкий костяной осколок. Сосуды сжались. Кровь перестала бить и пошла медленной тёплой струёй.

Следом я выпрямил левую ногу и поставил стопу ровно.

Движение ресурса переключилось на голень.

Это было ошибкой.

Рана в боку снова раскрылась шире.

Нельзя было чинить всё сразу.

Я вернул внимание к крови и удерживал его, пока края бокового разреза не сошлись рыхлой красной тканью.

За дверью кто-то коснулся порванного живого ремня.

Створка дрогнула.

Я продолжал поглощение.

Складник под ладонями остывал. Его грудь западала. Кожа становилась сухой и тонкой.

Бок стягивался.

Рана на бедре уменьшилась до глубокой щели.

Тепло под грудиной снова появилось, но большая часть сразу исчезала в повреждениях.

Я попробовал поднять левую руку.

Плечо потребовало поток.

Бедро отозвалось холодной слабостью.

Пришлось выбирать.

Я оставил плечо ограниченным.

Направил остаток в ногу.

Без движения я не доберусь до ворот.

Костные перемычки в голени уплотнились. Правое бедро перестало дрожать. Разрез закрылся не кожей, а тонкой влажной плёнкой.

На это ушло почти всё тело складника.

Я отнял ладони.

Корни втянулись.

Голод не исчез.

Он стал хуже, потому что теперь организм знал, насколько

быстро чужая плоть превращается в мою возможность двигаться.

Створка склада начала открываться.

Через щель вошёл длинный крюк.

Я схватил два кормовых бруска, бурдюк и мешок соли. Третий брусок прижал к ране бедра и раскрыл корень прямо в него.

Регенеративная сеть продолжала работу на ходу.

Крюк прошёл над плечом.

Я нырнул под стойку и толкнул её в сторону двери. Деревянная рама рухнула, бурдюки посыпались на пол. Один Сборщик оказался зажат створкой и стойкой. Второй начал вытягивать его назад.

Мне не требовалось их убивать.

Требовалось уйти.

Я выбрался через противоположный конец галереи. Там обнаружилась узкая служебная щель, закрытая плетёной решёткой. Скоба вошла между прутьями. Обе руки потянули.

Левое плечо выдержало до половины.

Потом тяжи задрожали.

Я не стал добивать сустав. Капнул остатком кислоты на центральное переплетение.

Кислотный канал опустел.

Решётка размякла. Я проломил её коленом и вывалился в соседний коридор.

За спиной Сборщики раздвигали стойку.

Впереди двигались клетки.

Теперь я слышал их без ладони на стене.

Скрежет шёл совсем рядом, за рядом каменных опор. Служебный коридор поднялся ещё на несколько ступеней и вывел к узкой смотровой щели.

Я заглянул.

За стеной находился приёмный зал перед внутренними воротами.

Три человеческие клетки стояли одна за другой на общей цепи. Их не разделили. Передняя платформа упиралась в деревянный стопор, пока двое высоких переставляли цепь с одного барабана на другой. Над полозьями висели костяные метки. Один местный снимал их и переносил на соседние крюки.

Вот почему линия остановилась.

Не ради меня.

Храм сортировал добычу.

Лада лежала в последней клетке, укрытая чужим плащом. Инженер сидел рядом и держал ладонь у её шеи. Живого ошейника больше не было, но три раны под ним снова кровили.

Запах ударил в ямки под челюстью.

Свежая человеческая кровь.

Регенеративная сеть отозвалась пустым спазмом.

На мгновение я перестал видеть клетку.

Увидел воду, белок, соль.

Тёплый источник, который мог закончить ремонт ноги и плеча.

Я вцепился пальцами в край щели.

Камень треснул под большим пальцем.

Инженер поднял голову.

Наши взгляды встретились.

Он увидел меня стоящим.

Не ползущим под полом. Не висящим на корне в воде.

Стоящим на обеих ногах.

Удивление на его лице сменилось страхом. Не перед охраной.

Передо мной.

Я понял, что кровавые ямки под челюстью раскрыты. Тёмные сосуды на руках вздулись. Рубцы в ладонях шевелились.

Я достал лоскут человеческой формы и зажал под носом.

— Люди не еда, — сказал я беззвучно.

Инженер не услышал слов.

Но увидел, как я отвёл взгляд от крови Лады.

Он медленно кивнул.

Потом показал два пальца, указал вперёд и опустил ладонь.

Двое у ворот.

Или две минуты.

Я принял оба варианта.

Перед внутренними воротами стояли шестеро вооружён-

ных высоких. Двое работали с цепью. Один держал жезл с тусклым багровым огнём. Трое следили за клетками и боковыми проходами.

Нападать было бессмысленно.

Даже восстановленный, я не пройду через шестерых и жезл, не подставив пленников.

Нужно было пройти вместе с ними.

Я отошёл от щели и изучил служебный коридор. По потолку шла тонкая цепь. Она уходила к маленькой боковой створке рядом с главными воротами. Через неё, вероятно, пропускали работников или подавали метки.

Створка открывалась противовесом.

Противовес находился здесь: каменный груз, подвешенный над желобом. Его удерживала костяная защёлка.

Я мог открыть створку.

Но она была на виду у охраны.

Нужен момент, когда все смотрят в другую сторону.

За спиной Сборщики вошли в служебный коридор. Их крюки скребли по стенам. Они не знали точного прохода, но шли по следам крови и разломанной решётке.

Впереди охрана.

Позади охрана.

Почти привычная обстановка.

Я снял мешок соли с пояса.

Складская галерея имела желоба. Один из них проходил под служебным коридором и выходил в приёмный зал возле

барабана. По нему текла вода для живых ремней и деревянных осей.

Если забить желоб солью, вода станет густой. Ремни могут сжаться или ослабнуть.

Я не знал, какой вариант получу.

В этом храме большинство планов имели одинаковое качество.

Я высыпал половину соли в верхнюю чашу.

Кристаллы смешались с водой. Чаша наклонилась и выпустила густой рассол вниз. Следующая повторила движение.

Через стену прошла дрожь.

В приёмном зале один из живых ремней на барабане резко сократился.

Цепь дёрнула переднюю клетку.

Полоз ударил в стопор.

Два долгих скрежета превратились в один рваный визг.

Охрана закричала.

Работники у барабана бросились к ремню. Один из надзирателей повернулся к клеткам. Жезл поднялся.

Я высыпал остаток соли.

Второй поток прошёл по желобу.

Ремень сжался сильнее и лопнул.

Барабан освободился.

Общая цепь клеток пошла назад на ползвена. Последняя клетка ударилась о соседнюю платформу. Пленные упали друг на друга. Инженер закрыл Ладу телом.

Все шестеро смотрели на механизм.

Я ударил скобой по защёлке противовеса.

Кость треснула.

Каменный груз пошёл вниз.

Боковая створка возле ворот поднялась на высоту колена.

Я сократил тяжи правого бедра.

Не полный рывок.

Три быстрых шага.

Первый прошёл чисто.

На втором левая голень отозвалась хрустом.

На третьем рубец живота натянулся.

Я упал на руки у створки, протиснул голову и плечи и втянул ноги.

Костяная заслонка начала опускаться сразу, как только противовес достиг дна.

Левая ступня осталась снаружи.

Я дёрнул её.

Край створки ударил по пятке и содрал новую кожу, но нога прошла.

Я оказался в узком пространстве между внутренними воротами и боковой стеной.

Один из высоких увидел движение.

Он повернул копьё.

Я прижался к камню. Между нами стояла последняя человеческая клетка. Высокий не мог ударить, не попав в пленников.

Инженер заметил меня первым.

Он не повернул голову. Только медленно опустил руку к полу клетки и постучал костяшками.

Два раза.

Пауза.

Один раз.

Я ответил тем же через камень.

Высокий услышал слабый звук и ударил древком по прутьям.

Инженер согнулся, изображая боль.

Я прошёл вдоль тени клетки.

Запах Лады стал почти невыносимым. Голод требовал коснуться хотя бы капли на досках. Я держал кормовой брусок в правой руке и позволил корню втягивать его на ходу.

Чужая смесь вместо человеческой крови.

Поток был слабым, но достаточным, чтобы заглушить первый спазм.

Регенеративная сеть отправила материал к содранной пятке.

Я заставил её остановиться.

Не сейчас.

Запас нужен был для движения.

За воротами ударил огромный барабан.

Чёрные створки начали расходиться.

В щель вошёл холодный воздух и запах десятков существ.

Впереди кричали клетки. Звенели цепи. Где-то тяжело

дышало нечто крупное. Кровь, шерсть, панцири, растительный сок и едкий дым смешались в один поток.

Внутренний двор.

Охрана снова натянула цепь. Человеческие клетки пошли вперёд.

Я двигался рядом с последней, скрытый её деревянным бортом.

Инженер лежал у прутьев. Между нами оставалось меньше метра.

— Лада? — прошептал я.

Он не посмотрел на меня.

— Жива. Хуже.

— Остальные?

— Пока все.

— Внутри держитесь подальше от стен и цепей.

— Что вы собираетесь делать?

Передняя часть клетки вошла в ворота. Свет из двора лёг на лицо инженера. Он наконец увидел мои руки, рубцы и тонкие тёмные сосуды.

— То, что умею лучше всего, — ответил я. — Испорчу им порядок.

Клетка потащила его дальше.

Я задержался в тени створки на один вдох.

Позади в приёмном зале Сборщики нашли пролом. Впереди внутренний двор принимал новую добычу.

Левая нога держала, обе руки снова работали. В бурдюке

оставалась вода и на поясе — один кормовой брусок; кислота и регенеративный запас были почти исчерпаны. Но впервые за долгое время я хотя бы сам выбирал, на что потратить остаток сил.

Я шагнул за ворота вслед за клетками.

Глава 19 — Внутренний двор

За воротами начинался не зал.

Внутренний двор был вырезан прямо в толще храма. Стены поднимались на четыре человеческих роста и сходились наверху редкими чёрными балками. Между ними виднелось ночное небо — узкими серыми полосами, будто кто-то прорезал потолок ножом и поленился расширять отверстия.

По камню шли канавы.

В одной текла вода. В другой — кровь. Третья несла белую слизь с клочьями растений. Четвёртая была забита жиром и мелкой костяной крошкой. Все канавы сходились к круглому колодцу в центре двора, над которым висела деревянная рама с цепями и противовесами.

Клетки занимали двор целыми рядами. Маленькие висели на крюках вдоль стен, большие лежали на полозьях и соединялись общей цепью. Между ними проходили каменные дорожки, по которым двигались высокие в костяных масках, Сборщики с длинными крюками и низкие широкие существа в кожаных фартуках.

Человеческие клетки вошли последними.

Я двигался рядом с задней платформой, прячась за её деревянным бортом. Цепь тянула нас медленно. Каждый раз, когда повреждённый полоз ударял в стык плит, левая голень отвечала хрустом внутри собственной перемычки.

Инженер лежал у прутьев.

Он не смотрел на меня. Только держал ладонь под плащом Лады, проверяя дыхание. У неё были закрыты глаза. Три раны на шее продолжали кровить, но слабее, чем перед воротами.

Жива.

Пока этого хватало.

Впереди человеческую цепь собирались присоединить к другой линии. Над колодцем вращался широкий барабан. От него расходились четыре цепи: к клеткам со зверями, к чёрным воротам в дальней стене, к подъёмной раме и к человеческим платформам.

Если клетки войдут в дальние ворота, я снова потеряю их среди коридоров.

Значит, порядок нужно было портить сейчас.

Я прижал ладонь к деревянному борту и почувствовал через него вибрацию общей цепи. После аварии перед воротами натяжение шло рывками. Один живой ремень лопнул. Второй барабан принимал нагрузку неравномерно. Каждые три оборота цепь провисала на одно звено, потом противовес дёргал её обратно.

Слабое место уже существовало.

Оставалось помочь ему стать проблемой.

Я отпустил клетку и скользнул под соседнюю платформу. Там пахло мокрой шерстью и старым страхом. За прутьями лежала широкая тварь с шестью короткими ногами и плос-

кой головой. Вдоль спины тянулись костяные пластины. Передние лапы были стянуты живым ремнём, задние — цепью.

Плитолоб.

Тварь открыла один жёлтый глаз.

Ямки под челюстью уловили её кровь. Свежую. Тёплую. Доступную.

Регенеративная сеть отозвалась пустым сокращением.

Я достал последний кормовой брусок и позволил правому корню войти в него. Плотная масса начала размягчаться под ладонью. Поток был слабым, но голод отступил на шаг.

— Не сегодня, — прошептал я зверю.

Он не оценил доброты и ударил головой в прутья.

Клетка качнулась.

Над ней один из Сборщиков повернул маску.

Я втянул корень, сунул остаток бруска за пояс и пополз дальше.

К общей цепи клетку крепил костяной палец, вставленный между двумя звеньями. Палец удерживала деревянная чека. Если выдернуть её сейчас, платформа останется на месте, а остальные клетки продолжат движение. Цепь провиснет. Барабан дёрнет сильнее. Возможно, ничего не случится.

Возможно, сорвётся половина двора.

Планы по-прежнему отличались надёжностью.

Я завёл ремонтную скобу под чеку.

Сверху прошли шаги.

Сборщик остановился у края платформы. Длинный крюк

опустился между прутьями, проверяя зверя. Тварь ударила по древку плоской головой. Сборщик отдёрнул крюк и произнёс короткую команду.

Ему ответили с центральной рамы.

Цепь натянулась.

Я повернул скобу.

Чека вышла наполовину.

Повреждённый полоз человеческой клетки ударил позади.

Два долгих скрежета.

Короткий удар.

Сборщик повернул голову на звук.

Я выдернул чеку.

Костяной палец вылетел из звеньев.

Остальная цепь пошла вперёд. Платформа со зверем осталась на месте. Провисшее звено упало в канаву с жиром, зацепилось за каменный выступ и натянулось поперёк дорожки.

Барабан сделал ещё половину оборота.

Противовес поднялся.

Живой ремень на оси раздулся, пытаясь принять лишнюю нагрузку.

Сборщик понял раньше остальных.

Он поднял обе руки и закричал.

Барабан дёрнул.

Цепь вырвала каменный выступ из края канавы. Глыба

размером с человеческую голову полетела по дорожке и ударила низкого работника в колено. Тот упал под полозья. Следующая клетка наехала ему на грудь.

Ремень барабана лопнул.

Цепь пошла свободно.

Три клетки со зверями покатились к центру двора. Одна ударилась в раму колодца. Вторая развернулась поперёк дорожки. Третья врезалась в человеческую платформу.

Пленные закричали.

Инженер успел закрыть Ладу телом. Их клетку качнуло, но она не перевернулась.

Я выскочил из-под платформы и ударил скобой по замку ближайшей звериной клетки.

Один раз.

Кость треснула.

Второй удар расколол её.

Плоская тварь рванула прутья всеми шестью ногами. Дверца раскрылась. Зверь вылетел во двор, снёс Сборщика и вцепился в широкого работника.

Порядок закончился.

Костяные трубы загудели сразу с трёх сторон.

Высокие возле ворот подняли копья. Носитель жезла провёл багровым огнём по камню. Канавы вокруг него задрожали. Вода в одной из них поднялась стеной и ударила по выпущенному зверю.

Тварь перевернуло.

Сборщики начали закрывать проходы решётками.

Я пробежал вдоль человеческих клеток.

Не рывком. Просто быстро.

Левая голень держала вес. Правое бедро отзывалось жаром, но не складывалось. После нескольких дней ползания возможность пробежать десять шагов казалась почти неприличной.

Инженер увидел меня.

— Левее! — крикнул я. — Всех к левым стенкам клеток!

Он не стал спрашивать зачем. Ударил кулаком по прутьям и повторил команду остальным.

Пленные сместились.

Я добрался до передней платформы и увидел, что общая цепь людей уже перекинута на линию дальних ворот. Даже после аварии отдельный малый барабан продолжал тянуть их вперёд.

Сломать его я не успевал.

Слева распахнулась высокая клетка.

Наружу вылетела стая существ размером с человеческую голову. Полупрозрачные крылья хлопали слишком быстро, тела заканчивались длинными мягкими хвостами. Они не нападали на людей. Первые три сразу сели на кровь в канаве. Остальные бросились на открытые раны зверей и работников.

Длиннохвосты.

Один из высоких взмахнул копьём.

Два летуна упали.

Третий обвился вокруг его маски. Высокий сорвал его рукой, но плоский зверь добрался до ноги и сбил с дорожки.

Двор стал двигаться сразу во всех направлениях.

Клетки катились.

Цепи падали.

Звери рвали друг друга и охрану.

Жезлы поднимали воду и тяжёлую кровь из канав.

Сборщики работали крюками, стараясь вернуть добычу в клетки, а не просто убить.

Я искал то, что управляло человеческой цепью.

Малый барабан стоял на площадке у дальних ворот. К нему вели две лестницы. Между мной и площадкой находились три вооружённых высоких и клетка с длинным существом, накрытая мокрой шкурой.

Под шкурой шевельнулось что-то слишком большое.

Я сделал шаг к лестнице.

Воздух щёлкнул.

Удар пришёл в правый бок выше старого рубца.

Меня развернуло и бросило на колено.

Из тела торчала белая кость длиной с ладонь. Она вошла под углом, пробила плотную кожу и застряла между рёбрами.

Сначала я решил, что это дротик.

Потом услышал второй щелчок.

Костяное шило ударило в шею летуна и прибило его к де-

ревянной клетке.

Выстрел пришёл от существа у центральной рамы — четырёхногого, высокого и непривычно тонкого. Передняя пара была толще задней и заканчивалась широкими костяными запястьями. Под полупрозрачной кожей в них лежали ряды белых игл. От локтей к запястьям тянулись тёмные сухожилия, натянутые, как ремни арбалета.

Голова была маленькой, без глаз. Вместо лица раскрывалась вертикальная щель, по краям которой дрожали чувствительные усики.

На шее существа сидела железная дуга. Стоявший рядом высокий ткнул жезлом в сторону выпущенного зверя, и смысл этой дуги стал достаточно понятен: тварь использовали здесь как оружие.

Переднее запястье существа дёрнулось.

Щелчок.

Шило вошло зверю в глаз.

Тот рухнул, пробороздив лапами кровь.

Игольник.

Название было простым и точным.

Я схватился за кость в боку.

Вытаскивать её сразу было опасно. Она могла пережимать повреждённый сосуд. Оставить — ещё хуже. При движении полая игла резала ткани краями.

Игольник повернул безглазую голову ко мне.

Усики раскрылись.

Он чувствовал вибрацию или запах крови.

Высокий с жезлом тоже заметил меня.

Поднял руку.

Я ушёл коротким смещением за клетку.

Второе шило ударило в дерево там, где была моя голова. Прошило доску и вышло внутрь клетки на половину длины.

Под мокрой шкурой что-то взревело.

Клетка качнулась.

Я прижался спиной к борту и выдернул шило из бока.

Кровь пошла сразу.

Не струёй, но быстро. Регенеративная сеть потянула остаток кормового бруска из желудка и начала сжимать сосуды. Внутреннее тепло почти исчезло.

Сначала кровь.

Я прижал ладонь к ране. Правый корень вышел, но пищи рядом не было.

Летун, прибитый к клетке, ещё дёргался.

Я сорвал его с шила, опустился за колесом и вонзил корень в мягкое тело.

Поток оказался маленьким.

Несколько глотков крови. Вода. Тонкие мышцы крыльев.

Рана в боку начала стягиваться.

Сверху на клетку ударил крюк.

Сборщик зацепил меня за ремень бурдюка и потянул.

Я не успел закончить поглощение. Летун выскользнул из ладони. Корень растянулся, затем оторвался от ткани.

Меня выволокло из-за колеса.

Игольник уже поднял запястье.

Я перекатился.

Шило пробило бурдюк.

Вода хлынула на спину и камень.

Сборщик дёрнул крюк сильнее. Ремень пережал грудь. Я схватил древко обеими руками и шагнул к нему, не давая набрать натяжение.

Раньше я бы пытался перетянуть.

Теперь мог добраться сам.

Три быстрых шага.

Сборщик не ожидал.

Скоба вошла под край его маски. Не глубоко. Он отшатнулся, отпустил древко и потянул короткий нож.

Я ударил лбом в костяной щиток.

Маска треснула.

Нож прошёл по левому плечу, разрезав один из новых тяжей.

Рука обмякла.

Я повернул скобу в ране под маской и рванул вниз.

Сборщик захрипел.

Сзади щёлкнул Игольник.

Я отпустил противника и упал.

Шило вошло Сборщику в грудь. Костяной наконечник пробил кожаный фартук и вышел из спины.

Он ещё стоял.

Я схватил его за ремень, развернул телом к Игольнику и толкнул вперёд.

Второй выстрел вошёл в шею.

Сборщик рухнул.

Я опустился рядом и прижал правую ладонь к свежей ране.

Корень вошёл в ткань, и горячая влажная масса пошла в меня быстрее, чем от летуна. Тело Сборщика ничем не открылось мне изнутри — только распадалось на то, чем организм мог прямо сейчас заткнуть раны и поддержать движение.

Рана в боку сжалась. Разрез плеча перестал расширяться. Правое бедро налилось теплом.

Игольник готовил новый выстрел.

Я видел, как сухожилие от локтя медленно натягивается, уводя запястье назад. Под кожей белое шило продвинулось в костяной канал.

До выстрела оставалось две секунды.

Я удерживал корень ещё одну.

Слишком долго.

Высокий с копьём ударил меня сбоку.

Наконечник вошёл в спину неглубоко, скользнул по плотной коже и распорол её до ребра. Я потерял контакт с телом Сборщика. Корень вырвало.

Запас остался неполным.

Я развернулся, зажал древко под мышкой и дёрнул высо-

кого на себя. Левая рука почти не работала. Пришлось держать правой.

Кисть заклинило.

Высокий выпустил копьё и отступил.

Игольник выстрелил.

Я поднял древко.

Шило ударило в дерево и раскололо его.

Половина копья осталась у меня в руке.

Уже почти оружие.

Высокий вытащил из-за пояса кривой клинок.

Я бросил обломок ему в лицо.

Он отвёл клинок и потерял шаг.

Этого хватило, чтобы я ударил коротким смещением. Правое бедро сжалось. Я прошёл три шага, врезался плечом в его грудь и повалил на канаву.

Вода с кровью закрыла ему маску.

Я прижал скобу к горлу.

Высокий схватил меня за запястье.

Сильнее здорового человека.

Он начал отводить руку.

Я выпустил длинный левый корень и обвил им его локоть. Повреждённое плечо вспыхнуло, но волокно дало второй рычаг.

Скоба вошла под нижний край маски.

Высокий дёрнулся.

Кровь пошла в канаву.

Я не стал кормиться.

Игольник был слишком близко.

Оттолкнул тело в сторону и побежал между клетками.

Шило прошло мимо уха.

Второе ударило в камень перед ногой.

Он стрелял не бесконечно.

Я успел увидеть пустой канал в правом запястье. Под кожей к нему медленно двигалась следующая игла. В левом оставались две готовые белые полосы.

Четыре или пять выстрелов на конечность.

Потом время на восстановление.

Существо было опасным, но не чудом.

Хуже было то, что оно училось.

После двух промахов Игольник больше не стрелял туда, где я находился. Безглазая голова поворачивалась по движению ног, и запястье уходило чуть вперёд.

Следующее шило должно было встретить меня.

Я остановился.

Выстрел ударил в клетку перед грудью.

Игольник дёрнул усиками.

Я изменил ритм.

Два шага.

Пауза.

Один быстрый.

Шило прошло за спиной.

Нога выдержала.

Короткие двигательные тяжи впервые работали вместе с решением, а не вместо него.

Это стоило ресурса, но уже не превращало бедро в разорванное мясо после каждого движения.

Между нами находилась клетка с мокрой шкурой.

Изнутри доносилось тяжёлое дыхание. Каждый выдох оставлял белый налёт на прутьях.

Я вспомнил зверя из процессии.

Тварь, от дыхания которой замерзали доски.

Её привезли сюда.

Замок клетки состоял из костяной планки и двух живых ремней. Кислоты у меня не было.

Зато было чужое шило, торчащее из доски.

Я выдернул его.

Полая кость была лёгкой и прочной. Один край заострён, другой расширен, будто опирался на сухожильный толкатель.

Я вставил шило под костяную планку и надавил скобой.

Планка треснула.

Живые ремни сжались, удерживая дверь.

Игольник выстрелил.

Я нырнул в сторону.

Шило вошло в верхний ремень и пробило его насквозь.

Тёмная ткань дёрнулась и ослабла.

Спасибо.

Я ударил скобой по второму ремню.

Раз.

Второй раз.

Ремень лопнул.

Дверца открылась на ладонь.

Из щели вышел холод.

Не ветер.

Дыхание.

Доски покрылись инеем. Мокрая шкура поднялась изнутри, и под ней показалась широкая морда без носа. По бокам пасти открылись четыре жаберные щели. Тело было низким, тяжёлым, покрытым серой шерстью, из которой торчали ледяные кристаллы.

Зверь ударил в дверь.

Прутья разошлись.

Он вывалился наружу и вдохнул.

Я ушёл за соседнюю клетку.

Выдох прошёл по дорожке белым облаком.

Игольник не успел отступить. Иней покрыл передние ноги и оба костяных запястья. Тёмные сухожилия под кожей замедлились.

Инейник.

Высокий рядом с ним поднял жезл.

Зверь бросился на движение.

Жезл ударил его багровым огнём. Шерсть вспыхнула, но зверь уже снёс высокого и вцепился ему в грудь.

Игольник попытался уйти.

Передние ноги скользили по инею.

Я обежал клетку и бросил ему под ноги свободную цепь. Конец цепи был закреплён на полозе. Я поддел другое звено скобой и перебросил через правую переднюю ногу существа.

Игольник дёрнулся.

Цепь затянулась.

Он поднял левое запястье.

Я увидел готовое шило под кожей.

Выстрел.

Кость вошла мне в левое предплечье и прошила его насквозь.

Кисть раскрылась.

Скоба упала.

Боль была чистой, белой.

Я отступил, но цепь уже держала Игольника. Существо потянуло платформу. Деревянные полозья сдвинулись.

В клетке за его спиной билось длинное животное с двумя рядами челюстей.

Платформа пошла по наклонной плите прямо к морозному зверю.

Я схватил скобу правой рукой.

Левая висела, пришитая костяным шилом к собственной коже и мышцам.

Игольник снова натянул сухожилие.

Я ударил скобой по защёлке платформы.

Костяной палец вылетел.

Клетка покатилась.

Игольник, связанный цепью с полозом, упал и оказался перед ней. Он попытался подняться, но обледеневшие ноги разъехались.

Морозный зверь отпустил мёртвого высокого и повернул голову на грохот.

Клетка ударила Игольника сзади.

Цепь натянула его под полоз.

Одно запястье хрустнуло.

Существо издало первый звук — тонкий скрежет из лицевой щели.

Платформа продолжала движение.

Морозный зверь встретил её лбом. Дерево остановилось. Игольника зажало между полозом и камнем.

Он ещё двигался.

Левое запястье поднялось.

Под кожей оставалась последняя игла.

Я подошёл сбоку.

Каждый шаг отдавался шилом в предплечье. Левая кисть не чувствовала пальцев.

Игольник повернул ко мне усики.

Я ударил скобой по натянутому сухожилию над локтем.

Оно лопнуло.

Запястье обмякло.

Второй удар пришёлся в лицевую щель.

Третий — туда же.

Существо перестало двигаться.

Я стоял над ним, пока цепи, звери и крики превращали двор в один непрерывный грохот.

Игольник лежал там, куда я сам загнал его цепью и платформой. Я нашёл уязвимость, лишил его выстрела и добил; теперь рядом оставалось тело с тем самым узлом, который несколько минут прошивал двор костяными иглами. Сначала, впрочем, пришлось заняться собственной рукой.

Шило прошло через предплечье рядом с костью. Я сломал расширенный конец скобой, ухватился за остриё зубами и вытянул назад.

Из раны хлынула кровь.

Левая кисть дёрнулась.

Регенеративная сеть запросила материал пустым спазмом.

Я опустился рядом с Игольником и прижал правую ладонь к его разбитой груди. Короткий корень вошёл между пластинами кожи.

Поток пошёл.

Кровь существа была густой и горячей. В ней оказалось много минеральной взвеси. Разделяющие камеры пропустили часть, остальное оттолкнули горечью.

Я направил первый ресурс в предплечье.

Кровотечение замедлилось.

Края прокола начали стягиваться вокруг пустого канала.

Потом правый корень коснулся раздробленного запястья Игольника.

Мир в ладони изменился.

Обычная мышца распадалась ровно. Здесь ткань держала форму. Полые костяные иглы лежали рядами в мягком мешке. Каждую обхватывало кольцо сухожилия. Позади рядов игл находился толстый сократительный узел, способный одним движением выбрасывать кость через канал. Корень чувствовал только эту материальную конструкцию, и я удержал его в раздробленном запястье.

Наниты отозвались жаром вдоль левой руки.

Почему левой, я понял сразу. Правая кисть держала скобу и имела собственную сухожильную сеть. Левая была пробита, ослаблена и уже получала большую часть ресурса. Организм строил там, где всё равно шёл ремонт.

Под кожей предплечья возникло давление.

Я попытался разогнуть пальцы.

Не смог.

Левую кисть свело. Сухожилия натянулись до локтя. Запястье выгнулось внутрь.

Боль пришла не волной.

Она росла слой за слоем.

Сначала зачесалась кость.

Потом внутри неё что-то заскребло.

Вдоль лучевой стороны предплечья поднялся твёрдый валик. Существующая кость не ломалась, но из её поверхности вытягивались тонкие перемычки. Между ними формировалась полость.

Интерфейс вспыхнул на границе зрения.

[СИСТЕМА] Обнаружена специализированная выбрасывающая структура.

[СИСТЕМА] Совместимость: ограниченная.

[СИСТЕМА] Минеральный дефицит: высокий.

— А другого варианта у тебя не было? — выдохнул я.

Зубы начали ныть.

Потом заболела левая голень.

Организм забирал минералы оттуда, где они уже были уложены. Костные перемычки в переломе стали мягче. Нога дрогнула.

Я отнял корень от груди Игольника и вонзил его глубже в раздробленное запястье, туда, где оставались иглы и плотная белая ткань.

Материал пошёл напрямую.

Давление в моей руке усилилось.

Кожа у запястья раскрылась узкой линией. Из неё выступила белая точка, но не вышла наружу. Внутри формировался канал.

Я лежал под краем клетки, пока вокруг продолжалась бойня.

Это было худшее место для мутации.

И единственное доступное.

Морозный зверь сцепился с длинной двучелюстной тварью, выбравшейся из разбитой клетки. Высокие били их копьями с галереи. Летуны закрывали балки чёрной дрожащей

массой. Один из Сборщиков тащил раненого товарища к канаве, но плоский шестиногий зверь вцепился ему в спину.

Человеческие клетки продолжали двигаться.

Малый барабан у дальних ворот не остановился.

Один оборот.

Пауза.

Ещё один.

Я видел заднюю клетку между ногами бегущих существ. Инженер держал Ладу. Остальные пленные лежали у левой стенки, как я приказал.

Охрана использовала хаос не только для боя.

Она уводила людей.

Я попытался подняться.

Левая кисть осталась согнутой. Внутри запястья что-то щёлкнуло и встало на место. По предплечью прошёл холод.

Первое шило сформировалось.

Я чувствовал его не как отдельный предмет, а как давление вдоль кости. За ним медленно собиралось второе. Третье оставалось мягким зачатком.

Сухожильный толкатель ещё не слушался.

Я напряг левую руку.

Боль ударила в локоть.

Шило не вышло.

Сзади подошёл высокий с расколотой маской.

Он видел, что я почти не двигаюсь.

Копьё поднялось над спиной.

Я перекатился под клетку.

Наконечник ударил в камень. Высокий опустился на колено и просунул древко следом.

Я ухватился правой рукой и потянул.

Кисть заклинило на древке.

Высокий дёрнул обратно, вытаскивая меня из укрытия.

Левая рука висела у груди.

Я направил запястье на его лицо и снова напряг новый тяж.

Ничего.

Копьё потянуло сильнее.

Я изменил положение кисти, согнул локоть и резко разогнул большой и указательный пальцы, хотя они не управляли новым узлом.

Толкатель сработал.

Щелчок прозвучал внутри руки.

Первое шило вышло из узкого отверстия у запястья и ушло вверх.

Не в лицо высокого.

В чёрную балку над ним.

Кость ударилась о дерево и застряла.

Мимо на полметра.

Отдача свела предплечье.

Высокий отшатнулся от неожиданного звука.

Я отпустил копьё, ударил его скобой по колену и выскочил из-под клетки.

Первая попытка ушла на полметра выше цели, зато промах сразу показал, что я делал не так. Я выровнял запястье, опустил локоть и попробовал отдельно напрячь внутренний тяж предплечья: именно он, а не движение пальцев, заставлял толкатель срабатывать.

Высокий поднялся.

На маске оставалась узкая целая щель для правого глаза.

Второе шило уже стояло в канале.

Я отступил на два шага, выровнял левое запястье и дождался, пока он пойдёт вперёд.

Не стрелял в движении.

Не пытался пробить кость маски.

Только щель.

Высокий сделал выпад.

Я натянул внутреннее сухожилие.

Щелчок.

Шило вошло в глаз.

Голова высокого дёрнулась назад. Копьё выпало. Он сделал ещё один шаг по инерции и упал лицом в канаву.

Левая рука онемела до локтя.

В канале осталось третье шило.

Маленькое.

Недоформированное, но твёрдое.

Я не стал проверять его на следующей цели.

Боезапас: один.

Наконец-то честное число.

Человеческая цепь достигла дальних ворот.

Первую клетку уже затягивало внутрь. Вторая шла следом. Задняя, с Ладой и инженером, находилась в двадцати шагах от меня.

Я побежал.

Между нами упала цепь с крюками. Один крюк зацепил плечо мёртвого зверя. Другой ударил в камень. Третий поймал край человеческой платформы и развернул её боком.

Пленные упали.

Клетка застряла поперёк ворот.

Инженер увидел меня и ударил ладонью по полу.

Не сигнал.

Предупреждение.

Сверху опускалась широкая каменная рама.

Она должна была прижать клетку к линии и протолкнуть внутрь.

Если рама опустится сейчас, людей раздавит.

Я изменил направление и бросился к противовесу.

Путь пересекала канавка с кровью. В ней лежал разорванный летун и половина тела низкого работника.

Ресурс.

Я опустил правую ладонь на ходу.

Корень вошёл сначала в летуна, затем зацепил открытую мышцу работника. Контакт длился секунды.

Этого хватило.

Тепло прошло в правое бедро и левую голень. Нога пе-

рестала подламываться. Рана предплечья стянулась плотнее. Новое запястье забрало часть минералов, но я оборвал поток до формирования ещё одного шила.

Сначала движение.

Я оторвал корень и получил удар крюком в спину.

Сборщик поймал момент кормления.

Крюк вошёл под лопатку и потянул назад.

Я упал на колено.

Рама над человеческой клеткой продолжала опускаться.

Инженер прижал Ладу к полу.

Сборщик тянул.

Я не мог перерезать древко. Не мог достать его скобой.

Зато рядом лежала свободная цепь.

Я обмотал её вокруг крюка, пропустил конец через каменное кольцо в полу и сделал короткое смещение вперёд.

Правое бедро сжалось.

Крюк разорвал кожу, но вышел из спины.

Сборщик потерял равновесие и шагнул к кольцу.

Я дёрнул цепь.

Его древко застряло.

Не стал добивать.

Добрался до противовеса рамы и ударил скобой по костяной защёлке.

Первый удар оставил трещину.

Второй расколол край.

Защёлка не вышла.

Рама опустилась ещё на ладонь.

Прутья клетки заскрипели.

Я поднял скобу обеими руками. Левое запястье отозвалось болью. Третье шило внутри сдвинулось, но осталось в канале.

Ударил в третий раз.

Защёлка сломалась.

Противовес сорвался.

Рама остановилась в пальце над клеткой, затем пошла вверх.

Цепь платформы натянулась и выровняла полозья.

Заднюю клетку втянуло в ворота.

Инженер успел повернуть голову.

— Идите! — крикнул я.

Он засмеялся один раз — коротко и без радости.

— Нас и так везут!

Потом клетка скрылась в темноте.

Все три.

Одиннадцать человек.

Живые.

И снова не свободные.

Я остался во дворе.

За дальними воротами опустилась костяная решётка.

Путь отрезало.

Позади морозный зверь врезался в центральную раму. Двучелюстная тварь висела у него на боку. Деревянные опо-

ры треснули. Барабан наклонился, цепи посыпались на клетки и охрану.

Колодец в центре переполнился.

Кровь, вода, слизь и жир пошли через край. Потоки смешались на камне. Живые ремни механизмов начали сокращаться беспорядочно.

Высокие отходили к стенам.

Сборщики пытались утащить раненых.

Часть выпущенных существ нашла открытые проходы и разбежалась по боковым коридорам. Другие продолжали убивать всё рядом.

Двор не был уничтожен.

Но работать как прежде уже не мог.

Я поднял скобу.

Левая рука почти не сгибалась. Внутри запястья лежало последнее шило. Зубы ныли. Левая голень стала мягче, чем до мутации. Вода в пробитом бурдюке почти вытекла. Фляга у пояса сохранилась.

Регенеративный запас снова был близок к пустоте.

Зато я стоял.

И держал в собственном теле оружие, которое невозможно было отобрать обыском.

Морозный зверь повернул ко мне окровавленную морду.

Жаберные щели раскрылись.

Я медленно отступил к боковому проходу.

Драться с ним после всего было бы не смело.

Просто глупо.

Зверь вдохнул.

Я сделал короткий рывок в коридор.

Белое облако ударило в стену за спиной. Камень покрылся инеем.

Проход оказался узким и уходил вниз. На полу тянулась свежая цепная борозда от человеческих платформ. Пахло кровью Лады, потом инженера, потом остальными.

Я коснулся борозды правой ладонью.

За решёткой впереди работал новый барабан.

Клетки продолжали путь.

Я втянул корень и пошёл следом.

Левая нога болела, рука почти не слушалась, а в запястье оставался один выстрел. За спиной рушилась центральная рама. До победы было далеко, но за клетками я всё ещё мог идти.

Глава 20 — Плата

Цепная борозда уходила вниз быстрее, чем я мог идти.

Левая нога держала вес только при прямой постановке стопы. Стоило повернуть носок наружу, и внутри голени отзывались размягчённые перемычки. После костяного магазина организм забрал из них часть минералов, не спрашивая, какая кость мне нужнее.

Левая рука висела у груди.

Под кожей запястья лежало последнее шило. Я чувствовал его как тонкую холодную полоску вдоль кости. Сухожильный толкатель был натянут, но пальцы почти не слушались. Выстрел оставался возможным.

Один.

Хорошее число для человека, который любил запасные планы.

За решёткой впереди гремели клетки. Знакомый повреждённый полоз уже не давал прежнего ритма. После двора его перекосило сильнее: длинный скрежет, два коротких удара, пауза. Я шёл на этот звук, опираясь скобой о стену.

Коридор сужался.

По полу тянулись две канавы. В правой текла мутная вода, в левой — тёплая тёмная жидкость, слишком густая для крови. Через равные промежутки из стен выступали костяные чаши. Они наклонялись к канавам, зачерпывали содер-

жимое и поднимали его вверх на цепях.

Поток шёл не только вниз.

Храм собирал всё, что мог, и возвращал туда, где это требовалось.

Я коснулся правой канавы кончиком скобы. Вода пахла известью, металлом и чем-то сладким. Корень в ладони отозвался слабым сокращением.

Не сейчас.

Фляга у пояса ещё была почти полной. Пить стоило, но я не хотел открывать её на ходу. Любой глоток тело немедленно отправило бы в раны, а впереди могло потребоваться просто не потерять сознание.

За стеной закричал человек.

Один раз.

Голос оборвался не ударом, а расстоянием. Клетки повернули в другой проход.

Я ускорился.

Левая голень хрустнула на третьем шаге. Я всё равно продолжил, удерживая стопу ровно. Правое бедро работало лучше. Разрез после Складника и бойни стянулся тонкой тканью, но мышца уже принимала короткие ускорения.

Поворот вывел к круглой шахте.

Человеческие клетки проходили над ней по каменному мосту. Я увидел нижнюю часть последней платформы, ноги инженера и край плаща, которым он накрывал Ладу. Между нами оставалось пять метров высоты и решётчатый потолок.

— Эй! — крикнул я.

Инженер поднял голову.

Увидел меня между прутьями и сразу прижал палец к губам.

Поздно.

Высокий на мосту повернулся.

Не к инженеру.

К шахте.

Костяная маска наклонилась, но внизу было темно. Я отступил под край стены. Копьё ударило через решётку и звякнуло о камень рядом с ногой.

Клетка продолжила движение.

Инженер успел показать рукой вперёд, потом вниз.

Их везли к нижнему уровню.

Я ответил коротким кивком.

Платформа скрылась.

Над шахтой прошли ещё две пары ног охраны. Потом цепь увела людей за каменную арку. Звук полозьев стал глуше, но не исчез.

Я обошёл шахту по узкой кромке.

С противоположной стороны находился проход без двери. Из него тянуло горячим воздухом, кровью и запахом старого жира. Цепная борозда уходила туда же, однако человеческие платформы шли наверху. Нижний проход сопровождал их, как служебный канал.

Через десять шагов стены начали меняться.

Камень оставался чёрным, но по нему шли белые прожилки. Сначала тонкие. Потом толще. Они сходились к полу и исчезали под костяными пластинами. Между пластинами пульсировали живые ремни.

Я остановился.

Под правой ладонью корень снова сократился.

Не к пище.

От неё.

Запах здесь был слишком плотным: кровь смешивалась с растительной слизью, влагой, разложившимся жиром и знакомой горечью накопительной камеры. Только всё это не лежало свободной массой — потоки шли внутри стен.

Впереди ударил барабан.

Белые прожилки одновременно налились красным.

Пол под ногами дрогнул.

Я повернул назад.

Костяная решётка упала за спиной.

Не сверху. Она выросла из пазов по обеим сторонам, сцепившись посередине длинными зубьями. Скоба вошла между ними, но зубья сразу сжались и прижали металл к камню.

Я отпустил её.

Вторая решётка закрыла проход впереди.

Белые прожилки на стенах задвигались.

Одна отделилась от камня.

Это оказалась не прожилка, а плоский бледный жгут. Он скользнул по полу к моей ноге. Следом вышли ещё два. Кон-

цы раскрылись круглыми ртами без зубов.

Я ударил пяткой по первому.

Он сплющился, но обвил щиколотку.

Второй схватил левое запястье.

Третий пошёл к животу.

Я дёрнулся коротким смещением.

Правое бедро сработало.

Тело рванулось вперёд на два шага, но жгут на ноге натянулся и сбил меня. Колено ударилось о пластину. Левая голень сложилась внутрь ровно настолько, чтобы одна костная перемычка треснула.

Я упал на бок.

Жгут у живота раскрылся шире и присосался к грубому рубцу.

Холод вошёл под кожу.

Не укус.

Отсасывание.

Рубец втянуло внутрь круглого рта. Края ткани побелели. Из меня потянулось тепло.

Регенеративная сеть ответила попыткой закрыть повреждение.

Жгут забрал и это.

Внутри груди стало пусто.

Я ударил его скобой. Металл рассёк край рта, но жгут не отпустил. Из разреза вышла прозрачная слизь и сразу втянулась обратно.

Жгут на левом запястье нашёл рубец корня.

Конец прижался к ладони.

Белое волокно вышло само от давления. Я попытался втянуть его, но жгут обхватил кончик и потянул.

Боль прошла до локтя.

Корень вытянулся дальше обычного.

Тёмные сосуды вдоль предплечья вздулись.

Я понял, что храм нашёл вход.

Не в кровь.

В тот путь, которым я сам втягивал чужую массу.

Поток развернулся.

Вода из тканей ушла первой. Во рту стало сухо. Глаза резануло. Потом по корню потянулось тепло, накопленное после короткого кормления во дворе.

Его было мало.

Жгут взял всё.

Рана под лопаткой раскрылась.

Я почувствовал это по тёплой полосе на спине. Следом разошёлся прокол в правом боку. Тонкая ткань на бедре стала холодной и мягкой.

Регенерация бросалась удерживать сразу три повреждения, но любое появившееся тепло тут же вытягивало через жгут. Чем сильнее тело пыталось чинить меня, тем больше получало то, что держало корень.

— Вот и познакомились, — выдохнул я.

Белые прожилки налились сильнее.

Пол подо мной раскрылся.

Не полностью. Две пластины разошлись на ширину тела. Жгуты потянули вниз. Я упал в наклонный каменный желоб и проехал несколько метров, ударяясь плечами о стенки.

Скоба осталась за решёткой.

Внизу меня встретила тёплая жидкость.

Она доходила до пояса. Густая, мутная, с клочьями ткани. Не накопительная камера. Поток двигался направленно — из одного отверстия в стене к другому.

Жгуты удерживали меня посередине.

Левый корень был соединён с одним из них.

К животу присосался второй.

Третий обвивал левую голень и не давал поставить ногу ровно.

Передо мной открывался зал.

Низкий, широкий и почти пустой.

Посередине стоял трон.

Сначала я решил, что он сложен из костей разных существ. Потом увидел, что часть костей продолжала расти. Белые дуги входили в пол, стены и спинку. Между ними проходили чёрные трубки, живые ремни и прозрачные мешки с красноватой жидкостью.

На троне сидел человекоподобный силуэт.

Высокий даже сидя.

Слишком худой.

Руки лежали на подлокотниках и были соединены с ни-

ми костяными скобами. Грудь раскрывалась между рёбрами не раной, а широким окном. Внутри пульсировали тёмные органы, обвитые прозрачными трубками. Лицо закрывала не маска. Собственная белая кожа срослась в гладкий щит, оставив две узкие щели для глаз и вертикальный разрез рта.

Глаза не светились.

Они были тёмными.

Живыми.

Силуэт смотрел на меня.

Я назвал его про себя сразу.

Сидящий на костях.

Не потому, что знал его имя.

Потому что всё остальное здесь сидело на цепях, а цепи — на нём.

Он поднял длинный палец.

Из стены справа вышел новый жгут.

Его конец не раскрылся ртом. На нём находилась тонкая полая игла. Жгут вошёл в поток рядом со мной, втянул густую массу и поднёс иглу к моему левому боку.

Я ударил по нему ладонью.

Левая рука не поднялась.

Игла вошла под ребро.

Жидкость пошла внутрь.

Меня выгнуло.

Густая смесь ударила прямо в разделяющие камеры во-

круг желудка. В ней перемешались питательная масса, растительные соки, размолотая ткань и столько горькой химии, что содержимое каменного брюха по сравнению с этим казалось почти чистым.

Камеры сжались.

Полезная часть пошла в регенеративную сеть.

Я почувствовал первую тёплую волну.

Она не осталась во мне.

Жгут на левом корне вытянул её наружу.

Сидящий использовал меня как промежуточную кишку.

Грязная масса входила через бок. Камеры отделяли часть пригодного. Корни и сосуды соединяли её с моей сетью. Другой жгут забирал уже очищенное.

Меня даже не пытались просто съесть или убить. Сидящий подключил моё тело к своему потоку как живой фильтр: грязное входило через бок, а уже отсортированное уходило через корень.

Сидящий опустил палец.

Поток усилился.

Разделяющие камеры сжались так сильно, что я согнулся. Яд оставался внутри. Полезное уходило наружу. Желудок наполнялся тяжёлой горечью. Печень отозвалась тупой болью. По коже пошёл холодный пот.

Интерфейс вспыхнул.

[СИСТЕМА] Обратный ресурсный поток.

[СИСТЕМА] Внешнее изъятие превышает поступление.

[СИСТЕМА] Токсическая нагрузка: критическая.

— Мог бы просто попросить, — сказал я.

Сидящий наклонил голову.

Не понял.

Или понял тон.

Жгут на корне дёрнул сильнее.

Кожа ладони разошлась вокруг рубца. Корень вытянулся ещё на несколько сантиметров. У основания появились кровавые трещины.

Я напряг живот, пытаясь заставить разделяющие камеры удержать худшую часть смеси и не выпускать очищенный поток наружу. Одна принимала массу, вторая сжималась вокруг тяжёлой горечи. Между ними существовал новый путь, сформированный после поглощения Сборщика и доведённый до работы в накопительной камере.

Я напряг живот.

Отток замедлился.

На секунду.

Потом жгут на боку вдавил иглу глубже. Грязная смесь пошла под большим давлением. Камеры раскрылись против моей воли.

Сидящий не знал моего тела.

Но система знала сопротивление.

Я осмотрел зал.

Слева в стене находились три прозрачных мешка размером с человеческий торс. Они по очереди наполнялись

красноватой жидкостью и сжимались, отправляя её к трону. Справа шёл грязный поток из двора. Под троном сходились все трубки.

Одна отличалась.

Толстая прозрачная линия входила в открытое окно груди Сидящего через бледный овальный орган. Орган сокращался каждый раз, когда из меня уходило тепло.

Клапан.

Или сердце этой части системы.

До него было восемь метров.

Между нами — вода, жгуты и костяная рама.

В левом запястье лежало одно шило.

Я поднял руку.

Она дрожала и почти не сгибалась. Выбросить кость можно было, если выровнять запястье и натянуть внутреннее сухожилие. В прошлый раз я стрелял на несколько шагов.

Восемь метров было дальше.

Промах означал, что шила больше нет.

Я опустил руку.

Сначала нужно было приблизиться.

Жгут на щиколотке держал левую ногу. Левую руку связывал натянутый корневой канал. К боку подходила подающая игла. Живот присосался к третьей линии.

Свободными оставались правая нога и правая рука. Левой я мог двигать только вместе с натянутым корнем.

Скобы не было.

Зато под водой проходила цепь.

Я почувствовал её босой стопой.

Цепь шла от грузового противовеса у стены к прозрачным мешкам. Каждое сжатие мешка поднимало груз на несколько сантиметров, потом он падал и проталкивал следующую порцию.

Я просунул правую ступню под звено.

Поднял носок.

Цепь натянулась вокруг стопы.

Когда ближайший мешок сжался, противовес пошёл вверх. Цепь потянула мою ногу к стене.

Я позволил.

Тело сдвинулось на полметра.

Жгуты натянулись.

Корень в левой ладони вспыхнул болью, но не порвался.

Следующее сжатие.

Ещё полметра.

Сидящий поднял второй палец.

Из пола вышел костяной зуб и ударил рядом с грудью. Не копьё. Ограничитель. Он прижал меня к желобу, не позволяя двигаться дальше.

Я ухватился левой кистью за зуб.

Пальцы не сомкнулись.

Пришлось завести предплечье за выступ и использовать локоть.

Третий подъём цепи дёрнул тело.

Жгут на щиколотке лопнул.

Не полностью. Его край разорвался, оставив белые волокна вокруг ноги.

Левая стопа коснулась дна.

Перемычка в голени хрустнула.

Я перенёс вес на правую.

Расстояние до трона уменьшилось до шести метров.

Сидящий сжал пальцы.

Все трубки в его груди одновременно сократились.

Из меня выдернуло воздух.

Не из лёгких.

Из тканей.

Кожа на руках стала сухой. Губы треснули. Сердце ускорилось, пытаясь прогнать густеющую кровь. Перед глазами поплыли тёмные пятна.

Фляга у пояса была единственным запасом воды.

Жгут на животе обвил ремень.

Потянул.

Фляга ударилась о камень.

Я схватил её левой кистью, но пальцы не удержали.

Сосуд упал в поток.

Крышка открылась.

Вода вышла наружу тонкой светлой струёй.

Жгуты вокруг меня дёрнулись к ней.

Не разумно.

Рефлекторно.

Система почувствовала более чистый источник.

Свободный правый корень тоже потянулся.

Я позволил ему коснуться воды.

Поток вошёл в ладонь.

Жгут, обвивший корень, забрал большую часть, но несколько глотков успели пройти в сосуды. Сердце ударило сильнее. Зрение прояснилось.

Фляга опустела.

Сидящий получил мою воду.

Я получил секунду.

Подтянул правую ногу цепью и рванулся к костяному зубу. Левое предплечье удерживало опору. Правое плечо вышло вперёд.

Жгут на боку согнулся.

Игла выскользнула из раны.

Грязная масса перестала входить.

Разделяющие камеры сжались и вытолкнули часть яда вверх.

Меня вырвало прямо в поток.

Чёрная желчь, кровь и густые зелёные комки вышли изо рта. Желудок продолжал сводить, но давление уменьшилось.

Сидящий резко повернул голову.

Впервые его движение стало быстрым.

Он понял, что потерял подачу.

Из подлокотника выдвинулась длинная костяная спица. Она прошла по воде и ударила мне в правое бедро.

Плотная кожа задержала кончик.

Второй толчок пробил её.

Спица вошла в мышцу и пригвоздила ногу ко дну.

Я закричал.

Сидящий потянул спицу к себе.

Рана разошлась вдоль бедра.

Регенерация попыталась закрыть разрыв.

Жгут на корне вытянул поступивший материал.

Ткань не срасталась.

Кровь пошла в воду.

Кровяные ямки под челюстью раскрылись от собственного запаха. Голод смешался с головокружением.

Я посмотрел на овальный орган в груди Сидящего.

Пять с половиной метров.

Дальше, чем хотелось.

Ближе, чем будет потом.

Поднял левую руку.

Запястье не выпрямлялось. Я прижал его к костяному зубу и использовал выступ как направляющую.

Локоть ниже.

Канал прямо.

Внутреннее сухожилие натянуть резко.

Сидящий поднял другую спицу.

Я дождался, пока овальный орган сожмётся и станет плотнее.

Выстрелил.

Щелчок внутри руки был тише, чем в бою.

Шило ушло почти без отдачи.

Первые четыре метра оно летело ровно.

Потом начало падать.

Острие вошло не в центр органа.

В прозрачную трубку над ним.

Этого хватило.

Трубка лопнула.

Красноватая жидкость ударила в лицо Сидящего и внутреннюю полость груди. Овальный орган сжался без содержимого. Остальные линии дёрнулись.

Отток через мой корень остановился.

Потом пошёл обратно.

Горячая очищенная масса хлынула из жгута в ладонь.

Слишком быстро.

Сосуды предплечья раздулись. Корень натянулся. Разделяющие камеры получили чистый поток и попытались распределить его сразу по всем ранам.

Бок загорелся.

Бедро сжалось вокруг костяной спицы.

Спина зачесалась под лопаткой.

Левая голень хрустнула, принимая минералы.

Я получил больше ресурса за секунду, чем успевал удержать.

Сидящий дёрнул трубку руками.

Не смог зажать разрыв.

Красная масса продолжала вытекать.

Он поднялся с трона наполовину.

Костяные скобы на подлокотниках удержали руки.

Тогда он рванул сильнее.

Одна скоба треснула.

Весь зал содрогнулся.

Жгут на левом корне начал сжиматься, пытаясь снова развернуть поток.

Я удерживал контакт.

Теперь он кормил меня.

Каждая секунда возвращала воду и тепло. Рана в боку закрылась плотнее. Разрыв бедра стянулся вокруг спицы. Левая кисть начала чувствовать пальцы.

Но поток шёл не только из трубки.

Вместе с питательной массой пришла тяжёлая горечь. Возможно, содержимое Сидящего. Возможно, яд из тронной системы.

Разделяющие камеры уже были перегружены.

Если держаться дольше, я получу достаточно для полного ремонта.

И утону изнутри.

Я попытался втянуть корень.

Жгут не отпустил.

Белое волокно было обвито несколькими кольцами и втянуто глубоко в прозрачный канал. Поток шёл через него в обе стороны.

Можно было бороться за весь корень.

Можно было оставить часть.

Я схватил волокно левой рукой у самого выхода из ладони.

Пальцы наконец сомкнулись.

Правой рукой вытянуть скобу было нечем.

Костяная спица всё ещё проходила через бедро. Её край был острым.

Я наклонился к ноге.

Каждое движение расширяло рану.

Подвёл натянутый корень под край спицы.

Сидящий вырвал вторую руку из костяной скобы.

Кость лопнула.

Он встал.

Не полностью. Трубки удерживали спину и таз, но длинные ноги уже выпрямились. Ростом он оказался выше любого из местных, которых я видел. Рёбра вокруг открытой груди раскрылись, как пальцы.

До меня потянулась свободная рука.

Я дёрнул корень о спицу.

Волокно надрезалось.

Боль ударила от ладони до плеча.

Ещё раз.

Надрез стал глубже.

Сидящий сделал шаг, вырывая трубки из пола.

Я потянул обеими руками.

Корень лопнул.

Двадцать сантиметров белого волокна остались внутри жгута.

Оборванный конец втянулся в ладонь и захлестнул кровью рубец.

Поток прекратился.

Я упал назад.

Рука Сидящего прошла над лицом и ударила в воду.

Каменное дно треснуло.

Я выдернул бедро из костяной спицы. Новая ткань держала края раны, но разрез открылся снова наполовину. Кровь пошла тёмными облаками.

Свободными оставались обе ноги.

Правая рука работала.

Левая уже не стреляла — магазин был пуст, предплечье сводило, корень повреждён.

Сидящий повернулся ко мне всем телом.

Трубки на его спине натянулись. Некоторые вырвались из стен. Из них брызнула красная жидкость.

Он не сидел.

Имя стало неточным.

И от этого только хуже.

Я попятился к боковой стене.

Решётка, через которую меня сбросили, находилась высоко. Возвращаться тем же путём невозможно.

Справа под прозрачными мешками открылась узкая слу-

жебная щель. После разрыва трубки давление в системе изменилось. Один мешок сдулся, второй лопнул, третий продолжал качаться пустым. За ними ходил вверх-вниз каменный поршень.

До щели было четыре шага.

Сидящий — между мной и ней.

Он поднял руку.

Чёрные трубки с пола бросились вперёд.

Я ушёл коротким смещением.

Правое бедро сработало через боль. Регенеративный запас, украденный у трона, ушёл в мышцу мгновенно. Тело переместилось на три шага.

Одна трубка ударила по спине.

Вторая обвила левую руку.

Я не стал тянуть её на себя.

Повернулся вокруг неё, пропустил под локтем и набросил на движущийся поршень.

Трубка натянулась.

Поршень пошёл вниз.

Чёрная ткань попала между каменными плитами.

Её раздавило.

Сидящий дёрнулся.

Связь была телесной.

Я ударил пяткой по защёлке мешка. Костяной палец не вышел. Ударил снова.

Левая голень отозвалась болью, но выдержала.

Палец вылетел.

Пустой прозрачный мешок упал с крюка и накрыл голову Сидящего. Он разорвал его рукой сразу, но потерял шаг.

Я нырнул в служебную щель.

Она оказалась уже плеч.

Развернулся боком.

Правое плечо прошло.

Левое застряло из-за сведённой руки.

Сзади мешок лопнул окончательно.

Сидящий схватил меня за голень.

Пальцы сомкнулись выше перелома.

Костные перемычки заскрипели.

Он потянул.

Я ухватился правой рукой за край щели. Пальцы заклинило на камне.

Левая ладонь не могла дотянуться.

Корень в ней был оборван.

Правый короткий корень оставался цел. Я раскрыл его и прижал к мягкой ткани, росшей внутри щели; слабого потока свежей влажной органики хватило, чтобы регенерация снова взялась за голень.

Сидящий тянул.

Перемычки ломались одна за другой.

Я удерживал стопу ровно и продолжал поглощение.

Не лечил бедро.

Не закрывал ладонь.

Только голень.

Кость уплотнилась достаточно, чтобы не сложиться.

Я подтянулся правой рукой и ударил свободной ногой назад.

Пятка попала Сидящему в открытую грудь.

Не повредила орган.

Но заставила отдёрнуть голову.

Хват ослаб.

Я вырвал ногу и протиснул левое плечо.

Пальцы Сидящего прошли по пятке и содрали кожу.

Щель приняла меня.

За спиной в отверстие вошла его рука.

Слишком длинная.

Я пополз.

Проход был низким и заполненным живыми корнями. Они шевелились от аварии, сжимая стены. Правый корень продолжал тянуть из них массу на ходу. Этого хватало только поддерживать голень и не потерять сознание.

Сидящий не мог пролезть.

Но его трубки могли.

Первая вошла в щель рядом с ногой.

Я повернулся и прижал её к стене локтем. Вторая обвила правую лодыжку.

Впереди появился свет.

Не огонь.

Серое ночное небо внутреннего двора.

Проход выводил под разрушенную центральную раму.

Я дёрнулся вперёд.

Трубка натянулась.

Правый короткий корень втянулся из стенки. Питание прекратилось.

До выхода оставалось два метра.

Я обхватил трубку правой рукой и прижал к острым обломкам костяной решётки. Тащил её вдоль края, используя силу самого Сидящего.

Ткань выдержала первый метр.

На втором раскрылась.

Из неё вышла тёмная жидкость.

Хват на лодыжке ослаб.

Я выполз во двор.

Первое, что увидел, — мёртвого высокого в канаве.

Второе — половину Игольника под перевёрнутой платформой.

Третье — морозного зверя, который жрал двучелюстную тварь у разрушенного колодца.

Двор ещё не успокоился.

Центральная рама лежала на клетках. Цепи висели с балок. В канавы продолжала стекать кровь. Летуны тёмными комками облепили два свежих тела. В боковом проходе Сборщики пытались закрыть решётку перед шестиногим зверем.

Везде был ресурс.

Везде была опасность.

За мной из служебной щели донёсся удар.

Камень треснул.

Сидящий искал другой выход.

Я отполз от стены и прижал правую ладонь к мёртвому высокому. Корень вошёл под край расколотой маски, и горячая влажная ткань быстро дала телу то, чего ему не хватало. Сначала я нагрузил раненое бедро, затем сжал оборванную левую ладонь и только после этого перенёс вес на голень, заставляя ресурс уходить по очереди в самые опасные повреждения.

Не пытался восстановить костяное шило.

Не сейчас.

Левая рука начала сгибаться. Рана на спине перестала течь. Правое бедро удержало вес, когда я поднялся на одно колено.

Из щели показалась чёрная трубка.

Я не стал ждать.

Поднялся полностью.

Скоба осталась позади, последнее шило я уже выпустил, кислота закончилась, бурдюк опустел, а фляга осталась в тронном зале. Зато весь двор был полон тел.

А Сидящий впервые встал со своего места.

Я втянул корень из высокого и пошёл между разрушенными клетками, выбирая следующую кормовую точку.

За стеной гремели человеческие платформы.

Лада и остальные уходили глубже.

Сидящий шёл за мной.

Плата за способность собирать себя из чужой плоти оказалась простой.

Теперь всё вокруг хотело пользоваться ею раньше меня.

Глава 21 — Костяной пир

Мёртвый высокий под моей ладонью медленно становился легче: кожа западала между рёбрами, кровь густела, мышцы теряли упругость. Правый корень вытягивал из него влажную мягкую ткань, и я по очереди нагружал самые опасные места. Сначала напряг раненое бедро, пока разрез от костяной спицы не начал стягиваться вокруг сгустка, затем перенёс вес на левую голень, заставляя сломанные перемычки снова прижаться к кости. После этого заныло запястье.

Пустой костяной магазин ныл вдоль предплечья. Организм уже начал откладывать внутри мягкие белые зачатки, но минералов не хватало. Зубы отозвались тупой болью.

Я остановил поток.

Сначала нога.

Если позволить телу делать всё сразу, оно снова разберёт одну кость ради другой.

Во внутреннем дворе продолжали убивать.

Инейник стоял у разрушенного колодца, прижав лапой двучелюстную тварь. Серая шерсть на боку была вырвана. Из раны шёл пар. Каждый выдох покрывал кровь на камне тонким льдом.

Плитолоб бился у боковой решётки со Сборщиками. Один крюк торчал у него между пластинами спины. Другой обвивал заднюю лапу. Тварь тащила за собой двух местных

и всё равно добиралась до третьего.

Длиннохвосты облепили мёртвые тела на канаве. Прозрачные крылья сливались в дрожащую плёнку. Иногда один взлетал, унося кусок плоти, и тут же сталкивался с другим.

Пока всё вокруг было занято друг другом, я мог восстановиться.

Именно поэтому каменная стена за спиной треснула.

Удар пришёл из служебной щели, через которую я выбрался из тронного зала. Камень выпучился наружу. Второй удар выбил две плиты. Из отверстия вышла длинная белая рука.

Сидящий на костях раздвинул края стены.

Он больше не был частью трона, но трон продолжал висеть на нём. Чёрные трубки тянулись из раскрытой груди назад, в пролом. Некоторые заканчивались оборванными концами и били по камню. Другие были соединены с прозрачными мешками внутри стены. При каждом его шаге мешки сжимались, подталкивая красноватую жидкость по трубкам.

Он вошёл во двор и выпрямился.

Высокие казались крупными, пока рядом с ними не появился он.

Сидящий был на голову выше. Руки доходили почти до колен. Белая кожа на груди расходилась вокруг открытого окна, где пульсировал повреждённый овальный орган. Моё костяное шило всё ещё торчало в прозрачной трубке над ним. Из трещины сочилась красная масса.

Тёмные глаза нашли меня.

Корень под ладонью сжался вместе с желудком.

Я оторвался от тела высокого и поднялся.

Левая нога держала. Правая рука работала. Левая сгибалась до груди, но рубец длинного корня оставался воспалённым, а магазин — пустым.

Оружия не было.

Кругом лежало достаточно чужого.

Сидящий не пошёл ко мне сразу.

Он поднял обе руки.

Трубки на его спине разошлись в стороны и ударили по каменным гнёздам вокруг двора. Один конец вошёл в основание центральной рамы. Второй — в желоб под клетками. Третий нашёл белую жилу в стене.

Двор ответил.

Сначала загудели костяные трубы.

Затем живые ремни на клетках одновременно сжались.

Замки не открылись.

Их вырвало.

Деревянные дверцы посыпались на камень. Цепи над двором отпустили крюки. Подвешенные клетки рухнули. Из одной вывалилась стая бледных червей. Из другой — два длинноруких существа с прозрачной кожей. Третья разбилась вместе с содержимым, выпустив зелёную массу ртов и корней.

Канавы переполнились.

Из отверстий в стенах пошла тёплая кровь.

Не только звериная.

Я узнал человеческий запах раньше, чем услышал крик из дальнего прохода.

За костяной решёткой, через которую увезли пленников, находилась нижняя площадка. Самих клеток я не видел. Видел цепь, уходившую вниз, и узкий желоб, который возвращался оттуда во двор.

По желобу шла кровь.

Свежая.

Человеческая.

Ямки под челюстью раскрылись полностью.

Мир сузился до красной полосы.

Лада.

Инженер.

Девять остальных.

Кто именно кровил, запах не говорил. Для голодного тела это был просто тёплый человеческий источник, в котором находилось всё необходимое для ремонта.

Правый корень вышел из ладони и потянулся к желобу.

Я схватил его пальцами у основания.

— Люди не еда.

Слова прозвучали слабо.

Голод не спорил. Просто продолжал тянуть руку вниз.

Я достал окровавленный лоскут формы и зажал между зубами. Старый человеческий запах смешался со свежим. Не

как пища.

Как приказ.

Мои.

Сидящий опустил руки.

Центральный колодец раскрылся.

Вокруг него разошлись четыре костяные створки. Из глубины поднялась сеть цепей с привязанными тушами. Часть была мёртвой. Часть ещё двигалась.

Ритуал или обычная кормёжка — разницы не было.

Всё живое во дворе почувствовало поток.

Морозный зверь отпустил двучелюстную тварь и повернулся к колодцу. Летуны взлетели чёрным облаком. Шестиногий зверь перестал драться со Сборщиками и рванул к крови. Даже зелёная масса у разбитой клетки потянула десятки ртов к канавам.

Сидящий кормил двор.

Чтобы двор убил меня за него.

Первая волна существ столкнулась у колодца.

Цепи натянулись.

Крюки вошли в тела.

Каменные прессы по краям двора начали опускаться, давя тех, кто оказался под ними. Кровь пошла по четырём главным канавам к центру, затем изменила направление и потекла к Сидящему.

Он стоял в конце потоков.

Каждая капля шла к нему.

Я оказался между кормом и хозяином.

Морозный зверь вдохнул.

Я прыгнул за перевёрнутую клетку.

Белое облако прошло над камнем. Летуны замёрзли прямо в воздухе и посыпались вниз. Шестиногий зверь врезался в клетку с другой стороны. Дерево сдвинулось, прижав меня к канаве.

Правый корень коснулся замёрзшего летуна.

Тело узнало пищу.

Я позволил.

Волокно вошло под тонкую кожу, и холодная мягкая ткань летуна быстро пошла в ладонь. Я нагрузил бедро и голень, позволяя регенерации забрать материал туда.

Магазин снова потребовал долю.

На этот раз я дал ему немного.

В левом предплечье возникло давление. Первый мягкий зачаток шила начал твердеть.

Шестиногий зверь ударил клетку ещё раз.

Дерево треснуло.

Я оборвал контакт и перекатился в сторону. Его плоская голова пробила доски там, где была моя грудь. Костяные пластины на морде закрывали глаза. Между ними оставалась узкая влажная щель.

Шила ещё не было.

Я подхватил обломок деревянного прута и ударил в щель.

Зверь отдёрнулся.

Прут сломался.

Он мотнул головой, снёс меня плечом и пошёл к колодцу, забыв обо мне. Корм был важнее мести.

Разумное решение.

Я пополз к мёртвому Игольнику.

Его передняя часть оставалась под платформой. Одно раздробленное запястье было пустым. Во втором под кожей сохранились две белые иглы.

Готовые иглы Игольника моему предплечью не подходили, зато его раздробленное запястье оставалось отличным сырьём для того, что организм уже умел строить сам. Правый корень вошёл в остаток конечности.

Поток оказался плотным.

Боль в зубах уменьшилась. В левом предплечье первое шило затвердело, за ним начало формироваться второе. Голень получила новую порцию минералов, но я остановил её раньше полного ремонта.

Сидящий сделал шаг.

Канавы дёрнулись вслед за ним.

Красная жидкость поднялась из желобов тонкими плетями и ударила в ближайших зверей. Не вода. Густая кровь, удерживаемая непонятной силой. Она обвивала лапы, притягивала тела к центру и подставляла их под крюки.

Один из потоков пошёл ко мне.

Я выдернул корень из Игольника.

Кровавая плеть ударила в платформу и обвила деревян-

ный полоз. Дерево потащило к колодцу вместе с телом Игольника.

Я успел отскочить.

На два шага.

Левая голень выдержала.

Правое бедро сжалось без разрыва.

Первое шило в запястье встало в канал.

Второе оставалось мягким.

Сидящий повернул голову.

Между нами было двадцать метров и десятки существ.

Он поднял руку.

Три чёрные трубки прошли по земле, огибая клетки. Одна вошла в мёртвого высокого, от которого я кормился. Вторая присосалась к телу Игольника. Третья потянулась к замёрзшим летунам.

Он лишал меня запасов.

Приходилось есть быстрее.

Я побежал вдоль канавы.

Не к людям.

В противоположную сторону.

Там морозный зверь разорвал двучелюстную тварь. Половина тела лежала отдельно, ещё тёплая. Между мной и ней дрались два длинноруких существа. Их прозрачная кожа показывала тёмные мышцы и зелёную кровь.

Первое прыгнуло.

Я ушёл внутрь движения, поймал тонкую руку правой ки-

стью и повернул. Хват заклинило, зато кость под прозрачной кожей сломалась.

Существо ударило второй рукой.

Когти прошли по щеке.

Я дёрнул его на себя и встретил коленом. Грудная клетка сложилась мягко. Вторая тварь вцепилась мне в спину.

Старая рана под лопаткой раскрылась.

Я бросился назад на каменный выступ.

Прозрачное тело хрустнуло между мной и стеной. Хват ослаб. Я поймал его за шею и ударил головой о камень.

Раз.

Второй.

Третий не понадобился.

Первая тварь пыталась подняться со сломанной рукой. Я ударил её пяткой в лицевую щель и прошёл мимо.

Слабые противники больше не требовали отдельной маленькой войны.

Это было приятно.

Почти.

Я опустился у половины двучелюстной туши и вонзил короткий корень в разорванную мышцу.

Масса хлынула внутрь.

Больше, чем мог обработать летун. Вода. Жир. Плотный белок. Костная взвесь. Разделяющие камеры отбросили горькую железу у позвоночника и пропустили остальное.

Рана под лопаткой закрылась первой.

Правое бедро укрепилось.

Левая голень перестала хрустеть при каждом движении.

Костяной магазин получил достаточно для второго шила и начал третье.

Я удерживал контакт.

Слишком долго.

Воздух ударил сбоку.

Не ветер.

Что-то прошло через двор быстрее взгляда.

Удар пришёлся в рёбра. Меня подняло с колен и бросило в канаву. Короткий корень вырвало из туши. Правый бок раскрылся по старому рубцу.

Я увидел нападавшего только когда он остановился.

Низкий хищник стоял на четырёх ногах у клетки. Длиной почти с человека, но не выше колена. Чёрная кожа плотно облегала сухое тело. По обеим сторонам рёбер висели три красных мешка, соединённых тёмными сосудами с шеей, плечами и бёдрами.

Мешки были раздуты.

Сердце хищника билось так громко, что вибрация шла по воде.

Он открыл узкую пасть.

Зубы были короткими. Главное оружие находилось на передних лапах — по одному загнутому когтю, длинному, как палец.

Красные мешки сжались.

Хищник исчез.

Я сделал короткое смещение в сторону.

Опоздал.

Коготь прошёл по правому бедру и раскрыл только что восстановленную ткань. Второй удар задел живот. Плотная кожа удержала глубину, но меня снова развернуло.

Тварь остановилась за спиной.

Мешки на рёбрах спали.

Хищник широко расставил ноги. Дыхание стало рваным. Голова опустилась почти к полу.

Ускорение закончилось.

На несколько секунд он был слабее.

Я поднял левую руку.

Первое шило стояло в канале.

Но между нами упала цепь.

Крюк ударил хищника по спине. Не мой. Сидящий дёрнул цепную линию центральной рамы. Клетка сорвалась с опоры и рухнула между нами.

Тварь отпрыгнула.

Я выстрелил.

Шило ударило в деревянный борт.

Промах.

Боезапас снова стал меньше в самый подходящий момент.

Хищник восстановил дыхание. Красные мешки начали наполняться. Не воздухом. Кровью. Я видел, как тёмные сосуды на шее расширяются, перегоняя содержимое из тела в

боковые резервуары.

Разгонник.

Название пришло вместе с пониманием.

Он не был постоянно быстрым.

Он заранее собирал кровь, затем одним сокращением выбрасывал её в мышцы.

Я отступил к туше.

Правый корень снова вошёл в мясо.

Регенерация остановила кровь в бедре. Магазин начал формировать новое первое шило.

Разгонник сжал мешки.

Я не пытался следить за телом.

Смотрел на направление головы перед рывком.

Она была повёрнута к моей груди.

Я упал раньше, чем он исчез.

Когти прошли над спиной. Разгонник врезался в тушу двучелюстной твари и проборо здил её бок. Его ускорение закончилось в мясе.

Я схватил заднюю ногу.

Хищник дёрнулся.

Даже истощённый, он был сильным. Коготь задней лапы распорол мне предплечье. Я удержал.

Правый хват заклинило.

Разгонник повернулся и вцепился зубами в плечо.

Я ударил левой кистью ему по красному мешку.

Внутри плеснуло.

Мешок оказался упругим, но тонким.

Хищник выпустил плечо и отскочил.

Я остался с полосой кожи в его зубах.

Регенерация потянула ресурс из туши через корень, всё ещё удерживавший контакт. Рана на плече начала закрываться.

Разгонник пошатнулся.

Один боковой мешок наполнялся медленнее остальных.

Повреждение.

Но не победа.

Сидящий подошёл к центральному колодцу.

Его трубки уже присосались к трём телам. Овальный орган в груди сокращался чаще. Разрыв над ним продолжал течь, но он прижимал трубку длинными пальцами, уменьшая потерю.

Он опустил свободную руку в колодец.

Костяные створки раскрылись шире.

Из глубины поднялась новая цепь.

На ней висели не туши.

Клетка.

Человеческая.

Передняя платформа вышла из нижнего прохода боком и зависла над краем колодца. Внутри находились инженер, Лада и худой мужчина, которого я раньше видел лежащим у задней стенки.

Все трое были живы. Лада почти не двигалась. Инженер

удерживал её голову на согнутой руке.

Крюки под клеткой начали подниматься.

Я понял, что произойдёт.

Сидящий не собирался открывать прутья.

Он собирался опустить клетку в питающий колодец целиком.

Голод от человеческой крови ударил сильнее страха.

Правый корень дёрнулся в туше.

Организм предлагал простое решение: дождаться, пока клетка откроется или сломается, и получить лучший источник воды и белка во дворе.

Я выдернул корень.

Внутреннее тепло сразу перестало расти.

— Нет.

Разгонник наполнял мешки в десяти шагах.

Сидящий поднимал клетку.

Между ними лежала цепь, на которой ещё висела перевёрнутая звериная платформа.

Я побежал к ней.

Разгонник сжал мешки.

На этот раз я услышал момент выброса: три влажных удара под рёбрами.

Повернулся боком.

Коготь вошёл в левое плечо, но не в грудь. Удар развернул меня вокруг собственной оси. Я поймал тварь длинным повреждённым корнем.

Белое волокно вышло из левой ладони короче прежнего, но его хватило обвить заднюю лапу.

Разгонник потащил меня.

Я позволил.

Его скорость вынесла нас к свободной цепи.

Я перебросил корень через звено и отпустил лапу.

Хищник проскочил дальше.

Цепь поднялась за ним, захлестнула бок и ударила по красным мешкам. Один лопнул.

Кровь выбросило наружу под давлением.

Разгонник перевернулся.

Я схватил конец цепи и потянул к каменному кольцу.

Не успел закрепить.

Сидящий дёрнул линию.

Цепь ушла вверх. Разгонника подняло на полметра и бросило на клетку. Дерево треснуло. Хищник упал на лапы и сразу ушёл в сторону.

Он не напал на меня.

Побежал к человеческой крови.

Я выстрелил вторым сформированным шилом.

Кость вошла в задний красный мешок.

Не убила.

Но пробила.

Разгонник потерял часть накопленной крови и сбился с шага. Клетка с людьми продолжала подниматься над колодцем.

Я добрался до управляющей цепи.

Костяной палец удерживал её на барабане. Скобы не было. Ножа тоже.

Правый хват мог ломать.

Я обхватил палец тремя рабочими пальцами и потянул.

Кость не вышла.

Крюки под человеческой клеткой поднялись ещё выше.

Инженер внутри увидел меня.

— Майор!

Голос сорвался, но я услышал.

Этого оказалось достаточно.

Я упёр левую ладонь в барабан, перенёс вес на правую ногу и дёрнул костяной палец всем телом.

Правая кисть заклинила.

Палец треснул.

Не сломался.

Сидящий повернул голову.

Из его спины вышла трубка и ударила меня в бок.

Я потерял опору.

Трубка обвила грудь и потянула к колодцу. Правый хват всё ещё держал палец. Кожа на пальцах лопнула.

Я не отпустил.

Разгонник наполнил оставшиеся мешки.

Он тоже смотрел на клетку.

Сидящий тянул нас обоих к одной пище.

Хороший хозяин.

Я ударил пяткой по треснувшему пальцу.

Кость сломалась.

Цепь сорвалась с барабана.

Человеческая клетка упала.

Не в колодец.

На край.

Одна сторона ударилась о камень. Людей бросило на прутья. Инженер разбил лоб о прутья, но успел удержать Ладу. Клетка осталась закрытой и не перевернулась.

Цепь накрыла меня сверху.

Трубка Сидящего натянулась.

Я обмотал свободное звено вокруг неё и прыгнул за каменное основание барабана.

Сидящий дёрнул.

Трубка сама затянула цепь.

Клетка на краю колодца сдвинулась в обратную сторону и упала на дорожку.

Живые.

Пока.

Двое высоких побежали к ней из дальнего прохода.

Я крикнул:

— К стене! Не к канавам!

Инженер поднялся на колени и потащил Ладу вместе с третьим пленником от решётчатого пола.

Разгонник сжал мешки.

Он метнулся к клетке.

Я не мог догнать его обычным движением.

Сделал полный рывок.

Правое бедро сократилось до предела.

Мир прыгнул.

Я оказался между хищником и прутьями.

Коготь вошёл в живот ниже рубца.

Мы столкнулись и покатились по камню. Корень левой ладони обвил шею твари. Правой рукой я поймал переднюю лапу.

Разгонник бил второй.

Коготь входил в бок раз за разом.

Регенерация закрывала только то, что успевала получить от остатков двучелюстной туши, а контакт давно был потерян.

Запас уходил.

Я давил шею.

Хищник был быстрее даже без разгона.

Он вывернул лапу, распорол мне предплечье и освободился. Отскочил на три шага.

Красные мешки оставались полупустыми. Два повреждены. Один цел.

Он начал перекачивать кровь только в него.

Я лежал между ним и человеческой клеткой.

Запах крови из собственного живота смешался с человеческим.

Голод требовал повернуться к прутьям.

Ближе.

Мягче.

Без когтей.

Я достал лоскут формы из-за пояса и прижал к ране.

Не для перевязки.

Чтобы помнить.

— Люди не еда.

Инженер внутри услышал.

Его лицо изменилось.

Я не стал смотреть дольше.

Разгонник закончил наполнение одного мешка.

Один рывок.

Последний до истощения.

Я поднялся на колено.

Позади меня по клетке ударили копья высоких. Пленные отшатнулись к дальней стенке. Сидящий освобождал трубку из цепи. Морозный зверь снова вдохнул у колодца.

Все ждали движения.

Я тоже.

Красный мешок сжался.

Разгонник исчез.

Я шагнул не в сторону.

Вперёд.

Коготь прошёл под левой рукой и вошёл в бок. Я обхватил шею хищника обоими предплечьями. Удар унёс нас к барабану.

Рёбра встретились с камнем.

Воздух вышел.

Разгонник застрял между мной и основанием.

Я выпустил длинный левый корень и вонзил его не в мясо.

В целый красный мешок.

Волокно пробило тонкую оболочку.

Горячая кровь ударила в ладонь.

Хищник забился.

Я не поглощал сразу.

Потянул корень в сторону, разрывая мешок вдоль сосудов. Давление вышло. Разгонник попытался отскочить, но ноги после рывка дрожали.

Я ударил его головой о барабан.

Раз.

Он полоснул мне щёку.

Второй.

Зубы хрустнули у него в пасти.

Третий.

Тело обмякло.

Я продолжал держать ещё несколько секунд, пока тело Разгонника окончательно не обмякло. Только тогда отпустил шею.

Высокий ударил копьём через прутья клетки.

Наконечник прошёл рядом с ухом.

Я развернул мёртвого Разгонника как щит. Второе копьё вошло ему в спину.

Правый корень раскрылся в грудной мышце.

Левый уже находился в разорванном сосудистом мешке.

Поток пошёл одновременно с двух сторон.

Мягкие ткани Разгонника сразу пошли на мои раны, но разорванный красный мешок оказался устроен сложнее. В ладони ощущались толстые сосуды с клапанами, железистый узел у основания и плотная мышечная оболочка, способная разом выжать накопленную кровь в дополнительные каналы к плечам, бёдрам и сердцу. Под рёбрами почти сразу возник ответный жар.

Я попытался оборвать поглощение.

Поздно.

Новая ткань начала оплетать крупные сосуды внутри груди и таза. Возле сердца формировались небольшие растяжимые камеры, а в путях к плечам и ногам появлялись новые клапаны. Внешних мешков, как у Разгонника, тело не строило — всё размещалось глубже, вдоль уже существующей сосудистой сети.

Сердце сбилось.

Один удар.

Пауза.

Три быстрых.

Боль пришла сразу во все мышцы.

Я упал на бок, не отпуская тушу.

Высокие продолжали бить копьями. Одно вошло в мёртвого хищника. Второе скользнуло по моей плотной коже.

Регенерация тянула ресурс из Разгонника и удерживала сердце от остановки.

Новые клапаны закрывались не вовремя. Кровь приливала к правой ноге и уходила от головы. Мир темнел. Потом всё разворачивалось: лицо наливалось жаром, пальцы холодели.

Интерфейс вспыхнул.

[СИСТЕМА] Обнаружена железисто-сосудистая система краткого усиления.

[СИСТЕМА] Интеграция: аварийная.

[СИСТЕМА] Ресурсный расход: критический.

— Уже заметил.

Внутри груди сформировалась первая маленькая камера.

Она наполнилась.

Я не приказывал.

Страх, боль и приближающиеся шаги Сидящего дали телу достаточно причин решить за меня.

Камера сжалась.

Кровь ударила в мышцы.

Мир стал медленнее.

Не остановился.

Я увидел наконечник копья, входящий между прутьями. Раньше успел бы только отвернуться. Теперь поймал древко правой рукой.

Дёрнул.

Высокого ударило маской о клетку.

Я поднялся.

Слишком быстро.

Правое бедро сжалось так, будто рывковые тяжи стали толще вдвое. Левая голень приняла вес. Сломанные перемычки заскрипели, но регенерация сразу укрепила их массой Разгонника.

Я шагнул к клетке.

Не три шага.

Почти пролетел.

Ударил высокого его же древком через прутья. Костяная маска раскололась. Второй противник поднял копьё.

Я оказался рядом раньше, чем он закончил движение.

Локоть вошёл ему в горло.

Слишком сильно.

В собственной руке что-то лопнуло. Мышца предплечья разорвалась у локтя, но регенерация тут же стянула её горячими нитями.

Усиление не делало мышцы прочнее: оно лишь заставляло их работать выше безопасного предела, а повреждения приходили следом почти без задержки.

Сидящий освободил трубку.

Повернулся ко мне.

Я увидел движение его руки.

Чёрные линии пошли по земле.

Успел обежать клетку, поймать свободную цепь и перебросить через верхние прутья. Пленные внутри прижались к дальней стене.

— Держитесь!

Инженер что-то ответил.

Я уже не слышал.

Кровь грохотала в ушах.

Костяной магазин в левом предплечье наполнился минералами из Разгонника и двучелюстной туши. После двух прежних выстрелов канал был пуст. Первое шило сформировалось. Второе следовало за ним.

Я натянул цепь и закрепил её на расколотом барабане.

Человеческая клетка больше не могла уйти к колодцу, но оставалась закрытой.

Этого хватало.

Сидящий ударил рукой по камню.

Питающие канавы взметнулись.

Красные плети пошли к клетке.

Я выстрелил первым шилом в ближайшую прозрачную трубку на его груди.

Промахнулся.

Перегрузка ускоряла мышцы, но не делала точнее.

Шило вошло в белую кожу между рёбрами и застряло неглубоко.

Сидящий даже не отшатнулся.

Камера у сердца наполнилась снова.

Я почувствовал, сколько ресурса она забрала.

Почти всё тепло, полученное из Разгонника, ушло за несколько секунд. Жажда вернулась мгновенно. Язык при-

лип к нёбу.

Но плети уже летели.

Я сознательно сжал новую камеру.

Второй выброс оказался сильнее.

Мир рванулся назад.

Я прошёл между двумя кровавыми плетями, перепрыгнул канаву и оказался у центрального колодца. Морозный зверь развернулся на звук.

Его пасть раскрылась.

Я увидел, как жаберные щели набирают воздух.

Выстрелил вторым шилом в левую щель.

Кость вошла в мягкую ткань.

Зверь выдохнул раньше времени.

Белое облако ударило не в меня, а в Сидящего.

Иней покрыл его грудь, трубки и одну руку. Красные плети упали на камень.

Я приземлился у главной питающей линии.

Она выходила из колодца толстым прозрачным стволом и уходила под стену к тронному залу. После повреждения системы поток шёл рывками. Внутри двигалась красная масса, собранная со всего двора.

То, что Сидящий хотел вернуть себе.

То, что могло удержать меня живым.

До линии оставалось три шага.

Перегрузка закончилась.

Не постепенно.

Новые камеры опустели.

Мышцы потеряли давление.

Я рухнул на колено.

Всё, что система удерживала во время усиления, пришло разом. Разрыв живота расширился. Правое предплечье свело. В бедре открылась рана от костяной спицы. Левая голень сложилась на несколько сантиметров, прежде чем перемычки удержали её.

Тело дрожало.

Из носа пошла кровь.

Кожа горела, но внутри было холодно.

Регенеративный запас почти исчез.

Сидящий ломал лёд на груди.

Морозный зверь ревел и бил лапами по собственному горлу.

Человеческая клетка оставалась у барабана. Пленные были живы. Их кровь всё ещё текла в желоб.

Голод повернул голову туда.

Я повернул её обратно руками.

Передо мной лежала главная питающая линия.

Я дополз последние три шага.

Правый корень вышел из ладони и коснулся прозрачной оболочки.

Она была слишком плотной.

Левый корень — укороченный, с воспалённым рубцом — раскрылся рядом. Два волокна легли на трубку с разных сто-

рон.

Внутри шла кровь сотен существ.

За спиной Сидящий вырвал из груди замёрзшую трубку и сделал шаг.

Я прижал обе ладони к питающей линии.

Нужно было не просто прокусить её.

Нужно было заставить поток выбрать меня.

Новые камеры возле сердца пытались наполниться, но взять было нечего. Они начали тянуть кровь из собственных мышц.

В глазах потемнело.

Я удерживал корни на трубке.

Сидящий приближался.

Человеческая клетка гремела у барабана.

Во дворе продолжался костяной пир.

А я впервые стоял не между собой и пищей.

Я стоял между хозяином и всем, чем он кормился.

Глава 22 — Трон питается

Оба корня лежали на прозрачной линии.

Правый — короткий, почти целый. Левый — укороченный и воспалённый после разрыва в тронном зале. Белые волокна распластались по гладкой оболочке, чувствуя каждый толчок внутри.

Поток шёл рывками.

Тёплая густая масса.

Короткая пауза.

Холодная жидкость.

Снова пауза.

Потом что-то горькое, от чего разделяющие камеры в животе сжимались ещё до контакта.

Линия не была одной трубой с одинаковым содержимым. В ней проходили разные порции, разделённые живыми клапанами и работой каменных противовесов.

Я не знал, как называлась эта система.

Зато прекрасно чувствовал, что именно из неё хотел пить Сидящий.

Он приближался.

Лёд на его груди трескался при каждом шаге. Белые пластины кожи расходились. Чёрные трубки на спине тащились следом и присасывались ко всему, что ещё двигалось. Одна вошла в мёртвого Разгонника. Другая обвила тело высокого.

Третья шарила по канаве, собирая кровь и куски плоти.

Сидящий больше не мог ждать, пока двор накормит его сам.

Это обнадёживало.

Немного.

Я надавил корнями сильнее.

Прозрачная оболочка проминалась, но не рвалась. Она была мягче кости и прочнее кожи. Корни скользили по ней, не находя шва.

До Сидящего оставалось двенадцать шагов.

Справа гремела человеческая клетка. Инженер пытался удерживать Ладу и одновременно оттаскивать худого пленника от прутьев. Цепь, которой я закрепил платформу у барабана, натянулась. Под клеткой текла человеческая кровь.

Запах бил в ямки под челюстью.

Я не поворачивался.

— Люди не еда, — сказал я линии.

Она тоже не впечатлилась.

В кармане у пояса оставались три человеческих патрона, хотя оружия для них давно не было. Я всё равно таскал их с собой как напоминание о временах, когда проблема решалась нажатием на спуск, отдачей в плечо и понятным результатом. Теперь приходилось стрелять собственными костями и вскрывать живые трубы руками.

Прогресс, разумеется.

Я достал один патрон.

Металлическая оболочка была поцарапана, но острие оставалось целым. Зажал его между большим и указательным пальцами правой руки, поставил носиком к прозрачной линии и ударил сверху основанием ладони.

Патрон соскользнул.

Сидящий сделал ещё шаг.

Его правая рука поднялась. Кровь в ближайшей канаве вспухла и вытянулась плетью.

Я приставил острие снова, упёр линию в острый край расколотой каменной створки и ударил всем весом.

Оболочка поддалась.

Не пробилась. На ней появилась белая точка.

Плеть сорвалась с канавы.

Я ударил третий раз.

Патрон вошёл наполовину.

Из прокола вышла тонкая струя красноватой жидкости. Правый корень поймал её первым.

Тепло ударило в ладонь.

Организм попытался растащить тепло сразу по всем повреждениям, но я напряг живот и удержал внимание на глубоком разрыве под рёбрами. Сейчас важнее всего было окончательно остановить внутреннюю кровь; магазин, голень и усиление могли подождать.

Грубый рубец под рёбрами разошёлся после последнего спада. Внутри снова сочилось. Не много, но достаточно, чтобы при каждом движении становилось холоднее.

Я напряг брюшную стенку и удержал внимание на глубине раны.

Поток послушался не полностью.

Часть ресурса всё равно ушла в обезвоженные сосуды и сердце. Остальное собрало внутренний разрыв. Под кожей стало горячо. Края раны не исчезли, но кровотечение остановилось.

Кровавая плеть ударила.

Я успел поднять левое предплечье. Густая масса обвилась вокруг руки и дёрнула меня от линии.

Корни растянулись.

Левый рубец вспыхнул болью.

Я упал на колено, но правый корень остался у прокола. Тонкая струя продолжала входить в ладонь.

Сидящий потянул сильнее.

Я прижал линию грудью к камню и выдернул патрон, вытер о бедро и сунул обратно за пояс.

Прокол раскрылся шире.

Жидкость брызнула мне в лицо. Часть попала в рот. Солёная, жирная, с горькой растительной примесью. Разделяющие камеры сжались, удержали пригодное и вытолкнули пену обратно в горло.

Меня вырвало на прозрачную оболочку.

Плеть дёрнула ещё раз.

Я не стал удерживать равновесие. Позволил телу развернуться вокруг левой руки и обмотал кровавую массу вокруг

выступа центральной рамы.

Сидящий потянул сам себя.

Его шаг сбился.

Линия подо мной пульсировала.

Следующая порция оказалась холоднее и почти прозрачной. Я раскрыл оба корня у прокола, и свежая влага пошла быстрее. Сердце ударило так сильно, что камеры перегрузки попытались наполниться сами, но я удержал их пустыми и сначала дал обезвоженным сосудам прийти в себя. Пальцы постепенно согрелись, серые пятна перед глазами стали реже. Только после этого я начал по очереди нагружать правое бедро, левую голень и разорванную мышцу у локтя; каждый участок отзывался отдельным жаром. Я больше не просто напрягал всё тело и надеялся, что ресурс выберет правильно. Перегрузка дала сосудистые клапаны, а борьба с троном — понимание цены ошибки. Я закрывал путь к менее важным зонам и открывал к нужной.

Не идеально.

Но достаточно, чтобы левая нога перестала проседать.

Сидящий освободил плеть от камня.

На этот раз он не тянул.

Он ударил линию.

Длинная белая ладонь опустилась в трёх шагах от меня. Камень треснул. Прозрачный ствол подпрыгнул, прокол расширился, и поток хлынул наружу.

Я увидел, как овальный орган в груди Сидящего сжался.

Трубки на его спине одновременно натянулись.

Он почувствовал потерю.

Я тоже.

Вместе с водой через корни пошла густая масса. Слишком много. Разделяющие камеры свело. Живот раздуло, под языком появилась горечь.

Я втянул корни.

Поздно.

Правый застрял в проколе. Волокно раздулось внутри линии, удерживая контакт.

Сидящий шагнул ко мне.

Его левая рука оставалась покрыта инеем и двигалась хуже правой. Зато правая была достаточно быстрой.

Я ушёл коротким смещением вокруг линии.

Белые пальцы прошли рядом с лицом и схватили воздух. Правый корень натянулся, как поводок. Боль ударила до плеча.

Я оказался сбоку от Сидящего.

Слишком близко.

Через открытое окно груди было видно овальный орган. Он пульсировал неровно. Над ним торчал обломок трубки, повреждённой моим шилом. Белая кожа вокруг входов потемнела от холода.

Можно было ударить рукой.

И сломать её о рёбра.

Я выбрал отступление.

Сидящий развернулся быстрее, чем позволяла его длина. Тыльная сторона ладони ударила по плечу.

Меня оторвало от земли.

Правый корень выскочил из прокола вместе с куском прозрачной ткани. Я пролетел через канаву и ударился спиной о бок человеческой клетки.

Прутья загудели.

Инженер отшатнулся, закрывая Ладу.

Он увидел моё лицо.

Потом корни.

Потом разошедшийся живот и чёрные сосуды на груди.

Страх у него был честным.

Я предпочёл бы другой момент для знакомства.

— Цепь держится? — спросил я.

Он моргнул.

— Пока.

— Все к дальней стенке. И держите клетку весом влево.

— Зачем?

Сидящий повернулся к нам.

Кровь в канаве между ним и клеткой поднялась сразу тремя плетями.

— Потому что вправо будет хуже.

Инженер не спорил. Толкнул худого пленника плечом, перехватил Ладу под спину и закричал остальным двоим так, будто их было отделение, а не трое полумёртвых людей в клетке.

Инженер и худой пленник перетащили Ладу вместе с собой.

Платформа наклонилась влево.

Первая кровавая плеть ударила в прутья справа. Вторая прошла под клеткой. Третья обвилась вокруг цепи, которой я закрепил её у барабана.

Сидящий потянул.

Цепь заскрипела.

Клетка пошла к колодцу.

Я ухватился за прутья правой рукой. Кисть заклинило. Левая нога упёрлась в камень.

Платформа продолжала двигаться.

Внутри инженер и худой пленник навалились на левую стенку. Полоз приподнялся справа и зацепился за трещину в камне.

Цепь натянулась ещё сильнее.

Сидящий дёрнул.

Расколотый барабан повернулся на половину оборота и остановился. Его ось удерживала клетку, но долго не выдержала бы.

Мне требовался ресурс.

Главная линия лежала в пяти шагах.

Между нами стоял Сидящий.

У левого запястья внутри магазина начал формироваться мягкий зачаток шила. Остаток потока успел дать минералы, но до твёрдой кости было далеко.

Я мог направить всё туда.

И получить один выстрел.

Клетка скрипнула.

Лада застонала.

Я направил ресурс в ноги.

Костяной зачаток перестал твердеть.

Сжал одну из новых сосудистых камер возле таза.

Не полностью.

Короткий выброс.

Мышцы налились кровью. Мир не замедлился, как при полной перегрузке, но тело стало легче на несколько секунд.

Я отпустил клетку, прошёл под кровавой плетью и ударил плечом в повреждённую левую ногу Сидящего.

Он не упал.

Только повернулся.

Этого хватило, чтобы плеть ослабла.

Инженер и худой пленник внутри клетки качнулись обратно, используя вес. Полоз выскочил из трещины, но платформа отъехала от колодца на ладонь.

Я оказался у линии.

Прозрачный ствол продолжал течь через прокол. Вокруг собралась красная лужа, к которой ползли бледные черви.

Правый корень вошёл первым.

Червь вцепился мне в запястье.

Круглый рот присосался к коже. Я ударил его о камень. Тело лопнуло белой слизью. Корень коснулся остатков и втя-

нул их вместе с основным потоком.

Разделяющие камеры отреагировали по-разному.

Питательная масса дала тепло.

Червь — горечь и судорогу.

Я почувствовал разницу.

Не как названия.

Как пути.

Один поток ложился в первую камеру мягко и шёл дальше.

Второй заставлял стенку сжиматься и пытался остаться тяжёлым комком.

Третий — холодный, водянистый — почти не требовал фильтрации.

Я удержал три ощущения отдельно.

Питание — вперёд.

Вода — в сосуды.

Горечь — не пускать.

Токсичная часть собралась в нижней камере. Желудок раздулся. Если держать её долго, я отравлюсь.

Сидящий это знал лучше меня.

Он шагнул к линии и вонзил одну из трубок в прозрачную оболочку выше моего прокола.

Поток изменил направление.

Тёплая масса ушла от корней к нему.

Я остался с водой и ядом.

— Нечестно, — сказал я.

Сидящий открыл вертикальный разрез рта.

Внутри не было языка. Только ряды тонких белых нитей, натянутых от верхней челюсти к нижней. Они дрожали, издавая низкий звук.

От вибрации живые клапаны внутри линии сжались.

Прокол начал закрываться вокруг моих корней.

Я вытащил второй патрон.

Не для линии.

Рядом с центральным стволом в камне проходил узкий чёрный желоб. В нём текла густая серая жидкость с мёртвыми зелёными клочьями. Раньше я видел такие отходы в накопительной камере и тронном зале.

Ядовитый сброс.

Он шёл рядом с питанием, но не смешивался.

Между ними находился костяной клапан: две белые створки, стянутые живым ремнём. На створке был паз шириной как раз с металлический патрон.

Не конструкция для него.

Просто удача.

Я вставил патрон в паз и ударил основанием ладони.

Металл вошёл между створками.

Живой ремень сжался, пытаясь закрыть клапан. Патрон удержал щель.

Серая жидкость просочилась к прозрачной линии.

Пока только капля.

Сидящий дёрнул трубку, усиливая отток.

Питание продолжало идти к нему.

Я удерживал корни в проколе и чувствовал, как прозрачная оболочка сжимает волокна. Ещё несколько секунд — и она разрежет их.

Пришлось выбирать.

Спасти корни.

Или открыть сброс.

Я выбрал неприятный третий вариант.

Выпустил левый корень из линии и обвил им живой ремень клапана. Рубец на ладони загорелся. Волокно было короче прежнего, но дотянулось.

Потянул.

Ремень сопротивлялся.

Правый корень пережимало в прозрачной линии. Через него продолжали поступать вода и яд. Питательная часть уходила Сидящему.

Камеры в животе были переполнены.

Я не мог принять больше горечи.

Значит, её нужно было отдать.

Напряг нижнюю разделяющую камеру и закрыл путь к сосудам.

Токсичная масса поднялась к горлу.

Я согнулся и вырвал её прямо в чёрный желоб.

Серая жидкость зашипела.

Растительные остатки, храмовый яд и то, что моё тело уже отвергло, смешались под клапаном.

Левый корень потянул ремень сильнее.

Клапан раскрылся на два пальца.

Грязный поток ударил в прозрачную линию.

Сначала ничего не произошло.

Потом цвет внутри изменился.

Красноватая масса потемнела. По ней пошли зелёные и серые разводы. Порция дошла до трубки Сидящего.

Овальный орган в его груди сжался.

Раз.

Второй.

На третьем ударе он остановился.

Сидящий выгнулся.

Тёмные глаза расширились. Белые нити во рту задрожали и лопнули. Из разреза вышла чёрная жидкость.

Он выдернул трубку из линии.

Поздно.

Заражённая порция уже вошла в грудь.

Чёрные сосуды расползлись по белой коже. Одна трубка на спине вздулась и лопнула. Красная масса брызнула на камень.

Кровавые плети вокруг человеческой клетки упали.

Я выдернул правый корень из прозрачной линии.

Оболочка срезала тонкий слой волокна, но не перерубила полностью.

Сидящий ударил по собственной груди кулаком.

Овальный орган снова сжался.

Чёрная жидкость вышла изо рта и двух трубок под рёбрами. Он пытался выбросить отравленный поток.

Я не собирался позволять ему делать это спокойно.

Питательная линия осталась открытой.

Прижал к проколу обе ладони.

Теперь трубка Сидящего не перетягивала поток.

Красная масса пошла в меня.

Слишком быстро.

Разделяющие камеры застонали судорогой. После яда их стенки были воспалены. Каждая новая порция ощущалась как горячий камень.

Теперь я распределял поток осознаннее. Сначала окончательно стянул живот, затем дал сердцу и сосудам восполнить то, что сожгла перегрузка, не запуская сами камеры усиления. После этого вернул устойчивость правой ноге, укрепил левую голень и стянул разрыв у локтя. Лишь когда эти участки перестали требовать немедленного внимания, позволил левому запястью собрать одно шило и перекрыл туда дальнейший расход.

Зубы перестали ныть.

Внутри левого предплечья затвердела одна короткая кость.

Запас оставался.

Впервые я удерживал его не как бесформенное тепло, а как давление в сосудистых камерах и наполненность тканей.

Полным контролем это всё ещё не было, но организм хотя

бы перестал игнорировать мои приоритеты.

Сидящий поднялся.

Отравление не убило его.

Чёрные линии на груди начали светлеть. Он оторвал вздутую трубку у основания, выбросил вместе с куском ткани и прижал ладонь к открытому окну.

Одна рука дрожала.

Левая нога почти не сгибалась после моего удара и холода.

Но правая рука работала.

Он схватил главную питающую линию.

Пальцы сомкнулись вокруг прозрачного ствола.

Сжал.

Поток остановился.

Корни остались внутри прокола, но новая масса не поступала.

Я почувствовал пустоту сразу.

Сидящий потянул линию на себя.

Каменные крепления вокруг колодца треснули. Прозрачный ствол поднялся из ложа. Вместе с ним подняло меня.

Я повис на корнях в полуметре над землёй.

Рубцы в ладонях разошлись.

Левый — сильнее.

Кровь потекла по предплечьям.

Сидящий шагнул к человеческой клетке, таща линию и меня.

Он понял, что я защищаю.

И решил использовать это проще.

Правой ногой ударил по барабану.

Расколотая ось вышла из гнезда.

Цепь, удерживавшая клетку, ослабла.

Платформа покатилась к колодцу.

Инженер навалился на левую стену. Худой пленник пытался помочь, но одна рука у него не двигалась. Лада оставалась между ними.

Я висел на линии.

До клетки — шесть шагов.

До Сидящего — два.

В левом запястье было одно шило.

Можно было выстрелить ему в глаз.

Он уже видел этот приём.

Белая ладонь поднялась к лицу заранее.

Я направил запястье ниже.

Не в Сидящего.

В цепь клетки.

Точнее — в живой ремень, соединявший последнее звено с полозом.

Выстрел.

Шило вошло в тёмную ткань.

Ремень дёрнулся и ослаб.

Цепь соскользнула с полоза.

Клетка перестала тянуться к колодцу по линии Сидящего, но продолжала катиться по наклону.

— Вправо! — крикнул я.

Инженер понял.

Все трое сместились к правой стенке.

Платформа наклонилась. Левый полоз поднялся и ударился о выступ. Клетку развернуло поперёк склона.

Она остановилась в двух шагах от открытой створки колодца.

Лада скатилась к прутьям. Инженер поймал её за плащ.

Сидящий ударил меня о камень.

Не рукой.

Линией.

Он дёрнул прозрачный ствол вниз. Я упал грудью на край канавы. Корни вырвало из прокола. Кожа обеих ладоней раскрылась.

Внутри осталось достаточно ресурса, чтобы не потерять сознание.

Я направил часть в руки.

Кровь остановилась.

Сидящий наступил на линию, закрывая прокол ступнёй.

Питание снова пошло к его оставшимся трубкам через другой участок.

Отравленная порция ещё действовала. Овальный орган сокращался неровно. Правая рука дрожала после каждого движения. Но он приспосабливался.

Слишком быстро.

Я поднялся.

Левая голень выдержала без хруста.

Правое бедро работало.

Живот был закрыт плотнее, чем в начале главы.

Ресурс изменил положение сил.

Не сделал нас равными.

Сидящий всё ещё был сильнее.

Он шагнул ко мне.

Я отступил к чёрному желобу.

Клапан оставался приоткрыт вторым патроном. Грязный поток продолжал понемногу просачиваться в питание, но Сидящий пережал заражённый участок ногой.

Чтобы отравить его снова, нужно было смешать линии дальше по ходу.

Или заставить его убрать ногу.

Сзади морозный зверь ударил лапой по центральной раме.

Я почти забыл о нём.

Шило в жаберной щели причиняло боль, но не убило. Зверь мотал головой, покрывая инеем камень. Двучелюстная тварь под ним ещё шевелилась и пыталась кусать.

Сидящий повернул голову на звук.

На мгновение.

Я сжал одну сосудистую камеру у таза.

Короткая перегрузка.

Не полная.

Два удара сердца.

Я прошёл сбоку, подхватил свободную цепь и обвил ею

правую лодыжку Сидящего.

Третий удар сердца.

Режим закончился.

Мышцы в бедре загорелись, но не разорвались. Внешний ресурс и ограниченный выброс удержали их.

Я потянул цепь к морозному зверю.

Не мог сдвинуть Сидящего собственной силой.

Зато мог дать другому хищнику причину.

Свободный конец цепи прошёл по ране морозного зверя.

Крюк вошёл в серую шерсть.

Зверь взревел и рванулся.

Цепь натянулась между ним и Сидящим.

Белая нога соскользнула с питающей линии.

Прокол открылся.

Серая примесь из клапана снова пошла в прозрачный поток.

Сидящий дёрнул цепь и удержался.

Морозный зверь тянул в другую сторону.

Центральная рама затрещала.

Я упал к проколу и ввёл правый корень.

Питание шло.

Вместе с ним яд.

На этот раз я не принимал смесь целиком.

Правый корень удерживал контакт с питательной частью. Левый лёг на оболочку ближе к чёрному разводу. Через ощущения ладоней и сокращение камер я ловил момент, когда

приходила грязная порция.

Питание — в себя.

Грязь — дальше.

Я не мог управлять линией как рычагом.

Но мог менять сопротивление.

Когда шла пригодная масса, корень раскрывался и снижал давление в мою сторону.

Когда подходил яд, я сжимал канал и позволял потоку идти к Сидящему.

Первые две попытки были плохими.

Часть яда вошла в живот. Меня скрутило. Из носа пошла кровь.

Третья порция прошла мимо.

Она вошла в оставшуюся трубку Сидящего.

Овальный орган спазмировался.

Белая рука, державшая цепь, ослабла.

Морозный зверь рванул сильнее.

Сидящего потащило по камню.

Он упал на колено.

Впервые.

Не от ловушки, не от случайного удара.

От собственного питания.

Я удерживал поток.

Сидящий поднял голову.

В тёмных глазах не было узнаваемого человеческого выражения. Но ярость я понял без перевода.

Он отпустил цепь и обеими руками схватился за трубки на груди.

Рванул.

Три прозрачные линии вышли из овального органа вместе с белой тканью. Чёрная кровь хлынула на живот. Сидящий отрезал себя от заражённой системы.

Цена оказалась высокой.

Овальный орган провалился внутрь груди. Одна сторона тела обмякла. Трубки на спине перестали двигаться и упали на камень.

Но поток больше не мог отравлять его.

Он выбрал голод вместо яда.

Я отпустил корни.

Главная линия продолжала биться под руками, теперь не имея хозяина на конце. Часть массы вытекала через прокол. Часть уходила в тронный зал. Часть смешивалась с отходами.

Система захлёбывалась.

Канавы начали менять направление без ритма. Один пресс поднялся, другой опустился. Крюки над колодцем дёрнулись. Человеческая клетка качнулась, но осталась поперёк склона.

Инженер смотрел на меня через прутья.

— Что вы сделали?

Я поднялся на ноги.

— Испортил ему ужин.

Голос дрожал сильнее, чем хотелось.

Сидящий тоже поднялся.

Без трубок он казался меньше.

Не слабым.

Просто отдельным существом, а не частью всего двора.

Чёрная кровь стекала из груди. Белые рёбра закрывались вокруг раны, но медленно. Он больше не получал готовый ресурс из линии.

Зато теперь ничто не удерживало его возле колодца.

Он сделал шаг.

Потом второй.

Левая нога волочилась, но правая несла тело. Длинные руки почти касались пола. Рот оставался раскрытым, белые нити внутри оборваны.

Я проверил состояние.

Я быстро проверил тело движением: живот держался закрытым, сердце било ровнее, обе ноги принимали вес, а правая рука нормально сгибалась. Магазин после выстрела по ремню снова опустел, на перегрузку оставалось лишь несколько секунд, оба корня были повреждены у выходов, причём левый всё ещё заметно короче. В животе сидела остаточная горечь, которую предстояло вывести. Позади оставалась клетка с тремя людьми, глубже — ещё восемь, а впереди стоял Сидящий, отрезавший себя от питания храма.

И, судя по тому, как он смотрел на меня, собирался компенсировать это лично.

Я отступил от питающей линии к разрушенной раме.

Сидящий пошёл следом.

В этот раз между нами не было трона.

Только камень, кровь и то, что каждый из нас успел украсть у другого.

Глава 23 — Вставший с трона

Сидящий пошёл первым.

Без трубок за спиной его шаги стали тише. Храм больше не отвечал ему скрежетом цепей и движением канав. Только босая белая ступня ложилась на мокрый камень, чёрная кровь стекала из раскрытой груди, а длинные руки покачивались почти у пола.

Он выглядел меньше.

Это ничего не меняло.

До него оставалось десять шагов. За моей спиной лежала разрушенная центральная рама. Слева открывался колодец. Справа, поперёк наклонной дорожки, стояла человеческая клетка. Инженер удерживал Ладу у дальней стенки. Худой пленник сидел рядом, прижимая к груди неподвижную руку.

Сидящий посмотрел не на них.

На меня.

Хорошо.

Я отступил на полшага и проверил тело движением. Левая голень принимала вес, правое бедро тянуло, но не проваливалось, живот держался под плотным горячим рубцом. В сосудистых камерах возле сердца и таза ещё оставалось немного украденного из питающей линии запаса — хватит на несколько коротких выбросов. Костяной магазин опустел, кислота закончилась, в кармане лежали два патрона без ору-

жия, оба корня были повреждены у выходов, а в разделяющих камерах всё ещё сидела горечь яда.

Против меня шло существо выше любого местного, способное одной рукой поднять клетку.

Почти равные условия.

Сидящий сорвался с места.

Я ждал длинного замаха.

Он не замахнулся.

Правая рука прошла снизу, вдоль камня. Ладонь размером с мою грудь ударила по коленям. Я сжал малую камеру у таза и сделал короткое смещение назад.

Поздно.

Пальцы зацепили левую голень.

Мир перевернулся. Спина ударилась о камень, затылок — о край канавы. Сидящий не отпустил ногу. Поднял меня за щиколотку и потянул к себе.

Костные перемычки в голени заскрипели.

Я согнулся, обхватил его запястье правой рукой и выпустил короткий корень. Белое волокно вошло в трещину между пластинами кожи.

Питание не пошло.

Под внешним слоем находилась плотная сухая ткань, почти без воды. Сидящий повернул кисть.

Мой хват оказался детским.

Он ударил мной о камень второй раз.

Левое плечо выскочило из сустава.

Боль пришла белой вспышкой. Корень вырвало из его запястья. Я потерял воздух, но ногу он всё ещё держал.

Третьего удара ждать не стал.

Сжал сосудистую камеру возле сердца сильнее.

Кровь ударила в руки и правую ногу. Я подтянулся к его кисти, поставил правую ступню на предплечье и толкнулся не от пола — от него.

Тело прошло вдоль длинной руки. Я оказался у локтя, обвил его укороченным левым корнем и повернулся вокруг сустава.

Сидящий отпустил щиколотку.

Я упал на правый бок, перекатился и ушёл за обломок рамы.

Перегрузка закончилась через четыре удара сердца.

Лицо обдало жаром. Под кожей правого бедра лопнули несколько свежих волокон. Не критично. Регенеративная сеть сразу потянула запас к разорванному бедру, но вывихнутое плечо было опаснее. Я прижал левую руку к боку, упёрся в каменный выступ и резко подался вперёд.

Сустав вошёл с влажным щелчком.

Тёмные связочные тяжи стянули его. Полного движения не было, но рука снова висела на своём месте.

Сидящий не преследовал.

Он стоял возле канавы и смотрел на тонкую белую нить, оставшуюся в трещине его запястья. Мой корень успел оторвать кусок наружной ткани.

Из раны выступила чёрная кровь.

Вертикальный рот раскрылся.

Оборванные белые нити внутри разошлись. Между ними показались тонкие полупрозрачные волокна. Они вышли наружу на длину ладони и коснулись запястья.

Кровь исчезла.

Края трещины потянулись друг к другу.

Сидящий питался не только через трон.

Без общей линии ему требовался прямой контакт. Собственная кровь подошла как проба, но восстановить потерянную грудь ею он не мог.

Ему требовалось тело.

Он повернул голову к ближайшему мёртвому высокому.

Я побежал раньше него.

Не к противнику.

К трупу.

Между нами было восемь шагов. Сидящий преодолел их за два.

Я успел выпустить правый корень в шею высокого и втянуть один горячий толчок свежей ткани, удерживая внимание на вывихнутом плече. Тёмные тяжи вокруг сустава сразу налились теплом и стали плотнее.

Белая рука схватила тело за грудь.

Я не отпустил корень.

Сидящий поднял труп вместе со мной.

Ноги оторвались от земли. Корень натянулся. Я втянул его

раньше, чем волокно порвалось, и упал под поднятое тело.

Полупрозрачные нити изо рта Сидящего вошли под маску высокого.

Труп дёрнулся, хотя был мёртв.

Кожа начала западать. Чёрная кровь пошла по нитям вверх. Открытая грудь Сидящего ответила сокращением. Белые рёбра сдвинулись ближе. Одна из разорванных трубок у ключицы втянулась в ткань.

Он восстанавливался быстро.

Не так быстро, как от общей линии.

Но достаточно.

Я схватил цепь, лежавшую под рамой, и обмотал вокруг его голени.

Сидящий продолжал кормиться.

Это было его уязвимостью.

Та же ошибка, которую делал я.

Я пропустил свободный конец через кольцо противовеса и потянул. Цепь натянулась вокруг белой ноги. Сверху над рамой качнулся каменный груз.

Одного моего веса не хватало.

Я сжал малую камеру у таза.

Короткий выброс.

Дёрнул цепь всем телом.

Костяной палец противовеса вышел из паза.

Груз упал.

Цепь рванула ногу Сидящего к раме. Он потерял равно-

весие и выпустил труп. Высокий упал между нами уже наполовину пустым.

Сидящий опустился на ладонь.

Я подхватил обломок костяного прута и ударил в раскрытую грудь.

Прут вошёл между рёбрами.

На ширину пальца.

Сидящий повернул корпус.

Белые пластины сомкнулись и переломили кость. Осколок остался внутри, но глубже не прошёл.

Левая рука ударила меня сбоку.

Я услышал, как ломаются рёбра, раньше, чем почувствовал боль.

Тело отбросило в канаву. Вода и кровь закрыли лицо. Я попытался вдохнуть и втянул тёплую жижу.

Сел на колени, кашляя.

Справа грудная клетка двигалась неправильно. Два ребра — возможно, три. Одно царапало изнутри при каждом вдохе.

Интерфейс вспыхнул коротко.

[СИСТЕМА] Повреждение грудной клетки.

[СИСТЕМА] Глубокий вдох ограничен.

— Догадался.

Сидящий выпрямился.

Цепь всё ещё держала его голень, но он потянул ногу на себя. Каменный груз поднялся на ладонь. Потом ещё выше.

Мышцы под белой кожей налились тёмными полосами.

Кольцо противовеса вырвало из рамы.

Цепь упала.

Ловушка дала мне один удар.

Я получил три сломанных ребра.

Обмен не в мою пользу.

Сидящий посмотрел на опустевшего высокого.

Белые рёбра в его груди сдвинулись ещё на толщину пальца. Рана не закрылась, но перестала проваливаться внутрь при каждом вдохе. Левая рука поднялась выше прежнего. Питание вернуло ему часть силы быстрее, чем мой удар успел её отнять.

Я не мог позволить ему переходить от тела к телу.

Вокруг лежало слишком много пищи. Даже разрушенный двор работал на него, пока мёртвые оставались в пределах шага.

Под рамой зашевелился один из длинноруких прозрачнокожих. Я считал его мёртвым после давки, но тварь пыталась выползти из-под цепей. Зелёная кровь текла из сломанного таза.

Сидящий услышал движение.

Я тоже.

Он шагнул к твари.

Я перерезал дорогу коротким смещением и ударил её пяткой в основание черепа. Прозрачная кость хрустнула. Тело обмякло. Правый корень вошёл под кожу раньше, чем Сидя-

щий успел наклониться.

Поток был горьким, но пригодным.

Я позволил корню взять лишь немного обычной влажной ткани и сразу прижал локоть к сломанным рёбрам. Сращивать их наспех было нельзя; мне требовалась только плотная опора вокруг обломков, чтобы следующий удар не загнал кость в лёгкое.

Сидящий наступил на тело.

Его ступня придавила прозрачную тварь к камню вместе с моим корнем.

Белое волокно сплющило.

Я втянул его. Наружный слой содрало, но канал сохранился.

Сидящий наклонился. Вертикальный рот раскрылся почти от носа до подбородка. Полупрозрачные нити потянулись к мёртвому существу.

Я ударил обломком цепи по его лицу.

Звенья прошли поперёк рта. Несколько нитей лопнули. Чёрная жидкость брызнула на белую кожу.

Сидящий поймал цепь зубами.

Не зубами — теми же внутренними нитями, которые натянулись вокруг металла и удержали его.

Он дёрнул головой.

Цепь выскользнула из рук. Конец ударил меня по ключице.

Потом пришла ладонь.

Я успел закрыть голову предплечьем. Удар сломал не кость, а свежую опору вокруг правого локтя. Рука онемела до пальцев. Меня развернуло и бросило на край разрушенного пресса.

Сидящий поднял прозрачную тварь за шею.

Нити вошли в рану на голове.

Я увидел, как зелёная кровь пошла по ним вверх.

У него не было разделяющих камер, подобных моим. Или они работали иначе. Горькая масса заставила открытую грудь судорожно дёрнуться. Белые рёбра на мгновение раскрылись шире.

Сидящий отбросил тело.

Он не мог безопасно есть всё подряд.

Эта мысль была полезной.

И слишком поздней для существа под его ногами.

Я поднялся, поддерживая правую руку левой. Регенеративная сеть сразу потребовала материал на локоть. Я дал минимум — только вернуть чувствительность пальцам и удержать мышцу от полного разрыва.

Сидящий двинулся снова.

Теперь он не бросался прямо. Обошёл меня по дуге, оставляя слева открытый колодец, а справа — клетку. Повреждённая сторона тела заставляла его немного волочить ногу, но длинные руки перекрывали половину дорожки.

Он учился так же быстро, как я.

Первый ложный удар пришёл слева. Я сместил вес на пра-

вую ногу. Настоящая рука пошла справа и поймала меня за одежду на спине.

Ткань затрещала.

Я позволил ей порваться, опустился на колено и прошёл под локтем. Левый корень обвил край белой пластины на боку. Правой рукой я ударил в уже существующую чёрную трещину.

Пальцы вошли на одну фалангу.

Сидящий напряг бок. Пластина сжала кисть. Средний палец заклинило.

Он повернулся всем телом.

Меня подняло за зажатую руку и бросило на разрушенную раму.

Кисть вышла из трещины вместе с полосой белой ткани. Два пальца вывихнуло. Плечо выдержало только потому, что я недавно отдал ему часть высокого.

Я упал между костяными балками.

Над головой качался крюк размером с ладонь. На нём остался кусок шестиногого зверя. Запах свежего мяса ударил в ямки под челюстью.

Голод предложил остановиться.

Сидящий был в трёх шагах.

Я не остановился.

Подхватил крюк и бросил ему под ноги. Цепь обвила повреждённую левую голень. Сидящий наступил на неё, не заметив, и сам зажал звенья.

Я схватил свободный конец, прошёл вокруг обломка балки и рванул.

Нога Сидящего повернулась наружу.

Он опустился на одно колено.

Я прыгнул на спину, завёл цепь под вертикальный рот и потянул назад.

Белые нити внутри натянулись вокруг звеньев. Несколько лопнули. Сидящий ударил затылком.

Маска из сросшейся кожи встретилась с моим лицом.

Нос сломался.

Я потерял хват.

Он поймал меня за бок и швырнул через плечо.

Я пролетел над коленом и ударился о камень возле человеческой клетки.

Кровь из носа потекла в рот. Сладко-солёная. Своя. Под клеткой пахло чужой человеческой кровью сильнее.

Ямки под челюстью раскрылись. Корни в ладонях дёрнулись к прутьям.

На миг три человека за деревянной стеной перестали быть лицами и превратились для истощённого тела в один тёплый запас, к которому можно дотянуться без когтей и погони. Я ударил собственной ладонью о камень. Боль вернула порядок: Лада, инженер, раненый пленник. Люди. Не еда.

Сидящий выпрямился возле прозрачнокожего трупа. На этот раз не стал кормиться. Он проследил за моим взглядом и понял, что именно заставило меня ударить себя.

Потом посмотрел на человеческую клетку.

Инженер увидел это одновременно со мной.

— Майор.

Одного слова хватило.

Я поднялся из канавы.

Сломанные рёбра не позволяли распрямиться. Я направил часть запаса к грудной клетке, но не стал сращивать кость полностью. Только стянул мышцы вокруг обломков, чтобы они меньше двигались.

Сидящий пошёл к клетке.

Не быстро.

Ему не требовалось спешить. Я стоял между ним и людьми, едва дышал и уже дважды использовал перегрузку.

Клетка оставалась поперёк склона. До открытого колодца — два шага. За ней находился нижний проход, закрытый решёткой. Из-за стены доносился далёкий скрежет двух других платформ.

Восемь людей уходили глубже.

Трое оставались здесь.

Если попытаться открыть клетку сейчас, Сидящий получит три тела без прутьев.

Если оставить — прутья задержат его на несколько секунд.

Нужно было убрать платформу из двора целиком.

Я увидел свободную цепную линию у нижней решётки. После отключения Сидящего барабаны работали без ритма.

Цепь то натягивалась, то провисала. Она шла туда же, откуда слышались другие клетки.

Можно было вернуть платформу на маршрут.

Не освободить людей.

Отправить их глубже.

От меня.

От Сидящего.

От выбора, который голод предлагал при каждом запахе крови.

— Инженер! — крикнул я.

Грудь отозвалась острой болью.

Он поднял голову.

— Когда скажу, все вправо. Потом сразу влево.

— Что вы делаете?

— Ухудшаю ваше положение менее смертельным способом.

Он посмотрел на Сидящего.

— Принято.

Я побежал к нижней цепи.

Сидящий ускорился.

Его раненая левая сторона двигалась хуже, но длинные ноги всё равно делали один шаг за мои два. Он не пытался поймать меня. Шёл прямо к клетке.

Я выпустил левый корень, обвил им свободное звено и потянул цепь к платформе. Укороченного волокна не хватало. Пришлось лечь на живот, вытянуть руку до боли в рубце и

подтянуть звено ближе правой ногой.

Сидящий добрался до клетки.

Белые пальцы вошли между прутьями.

Инженер оттащил Ладу. Худой пленник ударил по руке обломком доски.

Удар не причинил вреда.

Зато Сидящий повернул кисть и поймал доску.

Дёрнул.

Худого пленника ударило грудью о прутья. Его повреждённая рука осталась зажата между деревом и белыми пальцами.

Он закричал.

Полупрозрачные нити вышли из рта Сидящего.

Потянулись к его предплечью.

Я пропустил цепь через нижнее кольцо платформы.

Замка не было. Только пустое отверстие после сорванного ремня.

В кармане лежали два патрона.

Я вытащил один и вставил поперёк звеньев как палец.

Металл лёг в паз почти идеально.

— Вправо!

Инженер навалился на правую стенку. Одной рукой тянул Ладу, второй схватил худого пленника за пояс. Тот продолжал кричать, но перенёс вес вместе с ними.

Клетка наклонилась.

Сидящий потерял удобный угол. Его пальцы соскользну-

ли с руки пленника.

Я ударил по костяному рычагу нижней линии.

Он не двигался.

Ударил снова, правой пяткой.

Рычаг опустился на ладонь.

Цепь натянулась.

Патрон заскрипел между звеньями, удерживая соединение.

Платформа дёрнулась к решётке.

Сидящий схватил верхний прут.

Дерево прогнулось.

Барабан тянул клетку вниз. Сидящий удерживал её одной рукой.

Инженер посмотрел на меня через прутья.

— Ещё что-нибудь?

— Теперь влево!

Они сместились.

Платформа качнулась, правый полоз поднялся и ударил Сидящего по голени. Не повредил, но сбил опору.

Я использовал частичную перегрузку.

Один выброс возле таза.

Два удара сердца.

Подбежал и ударил обеими руками по его локтю снизу.

Сустав выгнулся неестественно.

Белая рука отпустила клетку.

Третий удар сердца.

Я отступил.

Платформа пошла к нижней решётке.

Костяные створки начали расходиться. Не для людей. Для цепной линии. Клетка проходила с запасом в несколько сантиметров.

Сидящий поймал меня за грудь.

Пальцы сомкнулись вокруг сломанных рёбер.

Перегрузка закончилась.

Он сжал.

Одно ребро вошло глубже.

Воздух вышел. Я ударил его по запястью, но правая кисть заклинила на гладкой белой коже. Левая рука не давала силы.

Сидящий поднял меня перед лицом.

Вертикальный рот раскрылся.

Нити внутри дрожали.

От него пахло чёрной кровью, ядом и тем высоким, которого он только что выпил.

Я увидел собственное отражение в тёмных глазах.

Исхудавшее лицо. Чёрные сосуды у висков. Разорванная одежда. Кровь из носа и рта.

Человеческого оставалось достаточно, чтобы испугаться.

Полупрозрачные нити коснулись моей щеки.

Я сжал нижнюю разделяющую камеру.

Яд, оставшийся после питающей линии, поднялся в желудок.

Меня вырвало Сидящему в раскрытый рот.

Густая серая масса попала на белые нити.

Они почернели и свернулись.

Сидящий дёрнул головой. Хват ослаб.

Я вывернулся вниз, оставив в его пальцах кусок кожи с груди, и упал на камень.

Рёбра снова разошлись.

Платформа с людьми вошла в нижний проход наполовину.

Сидящий увидел её.

Чёрная жидкость текла изо рта. Он провёл ладонью по лицу и пошёл следом.

Я встал между ним и решёткой.

Ноги дрожали. В сосудистых камерах оставалось меньше половины прежнего запаса. Часть ушла на движение, часть — на удержание грудной клетки. Яд из разделяющих камер почти вышел, но желудок продолжало сводить.

— Закройте решётку изнутри! — крикнул я.

Инженер оглянулся.

В проходе возле клетки шёл костяной рычаг. Он бросил Ладу на плащ, дотянулся через прутья и попробовал зацепить его пальцами.

Не достал.

Худой пленник, всё ещё прижимая повреждённую руку, лёг на пол и вытянул здоровую.

Между пальцами и рычагом оставалось несколько санти-

метров.

Сидящий сделал шаг.

Я сделал встречный.

Он ударил сверху.

Ушёл коротким смещением вправо. Ладонь разбила камень рядом. Осколок вошёл в левую икру.

Я повернулся вокруг его руки и обвил укороченный корень вокруг большого пальца.

Сидящий рванул кисть назад.

Корень натянулся.

Не удержать.

Я позволил ему тащить меня и ударил пяткой в открытый грудной орган.

Попал.

Нога вошла между белыми рёбрами до щиколотки.

Внутри было горячо и мягко.

Сидящий издал низкий рваный звук. Поймал меня второй рукой за бедро и швырнул в стену.

Я ударился левым плечом.

Сустав снова вышел.

Камень перед глазами поплыл.

Сидящий прижал ладонь к груди. Чёрная кровь текла между пальцами. Внутренний орган сокращался вокруг повреждения, но без питания рана не закрывалась.

У нижней решётки худой пленник зацепил рычаг кончиками пальцев.

— Тяни! — крикнул инженер.

Он держал его за пояс, чтобы тот не выпал между прутьями.

Рычаг пошёл вниз.

Костяные створки начали сходиться за клеткой.

Сидящий бросился к проходу.

Я не успевал подняться.

Сжал камеру возле сердца полностью.

Кровь ударила в мышцы.

Мир замедлился.

Боль осталась, но перестала мешать движению.

Встал на правую ногу. Левое плечо висело. Осколок в икре двигался при каждом шаге. Рёбра резали грудь изнутри.

Я добежал до Сидящего раньше, чем он вставил руку между створками.

Не пытался остановить его массой.

Подхватил свободную цепь, перекинул через белую шею и прошёл мимо, используя собственную скорость.

Цепь затянулась.

Сидящий сделал ещё шаг к клетке.

Я обмотал конец вокруг каменной стойки.

Перегрузка держалась.

Четыре удара сердца.

Пять.

Сидящий потянул. Стойка треснула.

Шесть.

Костяные створки почти закрылись. Между ними оставалась щель шириной в ладонь. Инженер смотрел на меня из темноты прохода.

— Майор!

— Следите за Ладой!

— А вы?

Сидящий дёрнул цепь. Стойка вырвалась из пола.

— Я занят.

Створки сомкнулись.

Клетка исчезла.

За решёткой ещё несколько секунд гремели полозья. Потом звук начал удаляться. К нему присоединился другой ритм — две платформы глубже.

Одиннадцать людей снова уходили по одному маршруту.

Не свободные.

Живые.

Пока этого хватало.

Перегрузка закончилась.

Сидящий повернулся ко мне.

Цепь всё ещё лежала на его шее, но стойки больше не было. Свободный конец волочился по земле.

Я отступил к центральной раме.

Слева морозный зверь пытался освободиться от крюка в боку. Белый пар выходил короткими облаками. Рядом лежали тела, но большинство уже были опустошены трубками или разорваны бойней.

Питающая линия продолжала течь через прокол. До неё — двенадцать шагов.

Сидящий находился между мной и ресурсом.

Он тоже посмотрел на линию.

Не мог подключиться прежними трубками.

Но мог схватить меня и использовать как фильтр снова.

Или выпить напрямую.

Он выбрал третье.

Рванул цепь на шее и бросил свободный конец вокруг моей правой руки.

Я не ожидал.

Звенья обвили запястье. Сидящий потянул. Меня сорвало с ног и поволокло по камню к нему.

Пальцы правой кисти заклинило вокруг цепи. Освободить руку не получалось.

Я упёрся пятками.

Левая голень выдержала первый рывок.

На втором внутри перемычки хрустнули.

Сидящий подтянул меня вплотную и ударил коленом в живот.

Рубец выдержал.

Мышцы вокруг него — нет.

Меня согнуло. Изо рта вышла кровь.

Белая ладонь легла на затылок.

Вертикальный рот приблизился к левому плечу.

Полупрозрачные нити снова вышли наружу. После яда

часть почернела, но остальные оставались живыми.

Они вошли в рану вокруг вывихнутого сустава.

Холод прошёл по телу.

Не боль.

Отток.

Сидящий начал пить меня напрямую.

Вода ушла из тканей первой. Потом тепло из сосудистых камер. Регенерация попыталась закрыть плечо — и сразу отдала ему материал.

Я ударил правой рукой.

Цепь не позволила размахнуться.

Левой не мог двигать.

Корни оставались свободны.

Короткий правый вышел из ладони и ударил в белое запястье. Не пробил.

Укороченный левый раскрылся из разорванного рубца. Боль прошла до локтя, но волокно дотянулось до открытой груди.

Сидящий почувствовал движение и попытался отступить.

Я обвил правым корнем цепь на собственной руке, удерживая нас вместе.

Левый вошёл между белыми рёбрами.

В повреждённый овальный орган.

Поток ударил в ладонь.

Чёрная кровь. Горячая ткань. Остатки переработанной массы. Яд, который уже успел войти в его сосуды. Всё сме-

шанное, тяжёлое и живое.

Разделяющие камеры сжались.

Я удержал контакт.

Сидящий пил меня через плечо.

Я пил его через грудь.

Он был сильнее.

У него оставалось больше тела.

У меня — лучший фильтр.

Цепь между нами натянулась, превращая отступление в новую рану для обоих.

Сидящий ударил меня в бок свободной рукой.

Рёбра вошли глубже.

Я не отпустил.

Пригодную часть потока я удержал в сердце, сосудах и мышцах левой руки, чтобы не потерять корень. Горькую тяжесть яда разделяющая камера оставила в себе.

Он втянул новый толчок из моего плеча.

Мир потемнел по краям.

Голод перестал быть чувством.

Стал единственным способом не исчезнуть.

Сидящий раскрыл рот шире.

Я протолкнул корень глубже.

За закрытой решёткой удалялся скрежет человеческих клеток.

Во дворе ломались последние механизмы.

Между нами больше не было ни трона, ни канав, ни пра-

вил храма.

Только два тела, соединённые ранами.

Он начал есть меня.

Я ответил тем же.

Глава 24 — Кто кого съест

Сидящий пил меня через плечо.

Я пил его через грудь.

Первые несколько секунд это ещё напоминало борьбу. Он сжимал пальцы, я удерживал корни, цепь резала запястье, повреждённые рёбра двигались при каждом вдохе.

Потом остался только поток.

Холод уходил из левого плеча к его раскрытому рту. Полупрозрачные волокна лежали в ране и сокращались одно за другим, вытягивая кровь, воду и тепло. Каждое сокращение отзывалось пустотой под языком и серым пятном перед глазами.

В ответ укороченный левый корень разветвлялся внутри овального органа Сидящего.

Там было горячо.

Не как в живом теле. Жар шёл толчками, вместе с чёрной кровью и густой массой, которую он успел собрать из высоких, зверей и храмового потока. Разделяющие камеры под рёбрами сжимались, принимая смесь и сортируя её единственным доступным мне способом — по телесной реакции. Одни порции проходили дальше теплом, другие оседали горечью или заставляли стенки сводить от яда. Кем был Сидящий, откуда взялся и что значил этот храм, из его плоти не становилось понятнее ни на йоту. Я чувствовал лишь, что

организм способен использовать, что нужно изолировать и что убьёт меня раньше, чем успеет пригодиться.

Сидящий втянул новый толчок из моего плеча.

Сердце пропустило удар.

Чистый поток я удержал прежде всего в сердце и сосудах головы, а затем заставил регенерацию стянуть мышцы вокруг сломанных рёбер. Остальные раны могли подождать: сейчас важнее было сохранить следующий вдох.

Правое лёгкое раскрывалось не полностью. Один костный обломок царапал ткань изнутри. Регенеративная сеть обволокла его плотными волокнами, оттянула от лёгкого и зафиксировала между мышцами.

Сидящий ударил меня свободной рукой.

Кулак вошёл в правый бок.

Костная опора вокруг рёбер лопнула. Воздух вышел вместе с кровью. Я повис в его хвате, но корень не отпустил.

Свежий поток из груди противника тут же ушёл к разрыву. Я не пытался сращивать рёбра на ходу — только удержать обломки и снова получить возможность вдохнуть. Получилось коротко, со влажным хрипом, но получилось.

Сидящий раскрыл рот шире. Почерневшие волокна, которые пережили яд, вошли глубже в плечо. Одно добралось до крупного сосуда.

Отток усилился.

Левая кисть стала холодной. Потом предплечье. Кожа на пальцах сморщилась.

Он был больше.

У него было больше крови, мышц и воды, но вытягивал он быстрее, чем я успевал фильтровать. Если оставить всё как есть, он мог потерять половину груди и всё равно пережить меня.

Арифметика снова выбрала противника.

Я закрыл сосудистые клапаны к левой руке.

Не полностью. Только настолько, чтобы Сидящий перестал получать свободный поток из всей системы. Давление в ране упало. Полупрозрачные волокна задрожали и втянули сильнее.

Боль стала резче.

Зато холод перестал подниматься к шее.

Сидящий почувствовал сопротивление. Тёмные глаза сузились. Он прижал меня ближе к раскрытой груди, пытаясь сократить расстояние между ранами.

Белые рёбра зажали левый корень.

Волокно сплющило.

Я раскрыл его глубже внутри овального органа.

Не шире у входа.

Дальше.

Тонкие ответвления прошли между пульсирующими складками и нашли полости с густой чёрной массой. В них сохранялось давление. Сидящий держал внутри запас, который раньше отправлял к повреждённым участкам тела.

Я открыл корень.

Поток ударил в ладонь так сильно, что мышцы предплечья свело.

Разделяющие камеры переполнились. Живот раздуло под рубцом. По пищеводу поднялась горечь.

[СИСТЕМА] Перерабатывающий контур перегружен.

[СИСТЕМА] Токсичная фракция накапливается.

— Очень своевременно.

Сидящий не понял слов.

Понял, что я ещё не умер.

Он сжал правую кисть вокруг моей груди.

Рёбра вошли внутрь.

Одно сломалось второй раз. Острый край коснулся лёгкого. Вдох превратился во влажный хрип.

Я удерживал чистый поток там, без чего бой закончился бы мгновенно: в сердце, сосудах, повреждённом лёгком, опоре вокруг рёбер и мышцах, удерживающих левый корень. Всё остальное пришлось оставить на потом. Этот порядок был единственным, что отделяло бой от медленного разрывания на части.

Сидящий потянул голову назад.

Ротовые волокна натянулись в плече. Он пытался оторваться, не выпуская добычу. Правый корень оставался обмотан вокруг цепи на моей руке. Цепь лежала на его шее.

Мы были связаны в трёх местах.

Чтобы отступить, ему пришлось бы вырвать из себя мой левый корень.

Чтобы отступить мне — оставить ему половину плеча.

Никто не захотел платить первым.

Сидящий сделал шаг к ближайшему телу.

Потащил меня вместе с собой.

Ноги скользили по крови. Каменный осколок в левой икре двигался при каждом толчке. Я попробовал упереться пятками, но цепь на правой руке выпрямила меня перед ним.

До мёртвого Инейника оставалось пять шагов.

Если Сидящий доберётся до него и подключит свободные волокна, преимущество объёма станет окончательным.

Я сжал камеру возле таза.

Не полный выброс.

Два удара сердца.

Правая нога получила давление. Я поставил ступню на край канавы и повернул корпус поперёк движения.

Сидящий продолжал идти.

Левая голень выдержала первый шаг.

На втором внутри хрустнула костная перемычка.

Я не отпустил.

Цепь вокруг его шеи сдвинулась выше. Звенья легли под нижнюю челюсть.

Сидящий остановился.

Не из-за моей силы.

Цепь зацепилась за сломанный зуб центральной рамы.

Он потянулся вперёд, а металл удержал голову.

Ротовые волокна в плече натянулись.

Я почувствовал момент раньше, чем увидел.

Они начали рваться.

Сидящий повернулся ко мне всем корпусом и ударил лбом.

Лицо взорвалось болью. Сломанный нос хрустнул ещё раз. Зуб рассёк губу. Я потерял опору, но зацепившаяся цепь не дала нам разойтись.

Он ударил снова.

Зрение раздвоилось.

Третий удар я встретил правым предплечьем. Свежая опора у локтя треснула. Кисть онемела, зато голова осталась целой.

Сидящий тянулся к морозному зверю.

Я тянул из его груди.

Запас внутри овального органа уменьшался. Чистые порции стали короче. Горькие — длиннее.

В разделяющей камере собиралась тяжёлая чёрно-зелёная масса. Всё, что не подходило моим тканям: распавшиеся железы, храмовый яд, продукты собственного отравления Сидящего, остатки чужой крови.

Выбросить её было некуда.

Чёрный желоб остался за его спиной.

Рот Сидящего находился у моего плеча.

Я понял, куда деть отходы.

Закрыл пути из нижней камеры к желудку и сосудам. Оставил один — к ране левого плеча.

Сидящий втянул очередную порцию.

Я расслабил клапан.

Токсичная масса пошла вместе с моей кровью.

Не толчком.

Медленно.

Именно так, как он хотел пить.

Полупрозрачные волокна потемнели от основания. Сначала одно. Потом второе. Чёрная полоса поднялась к вертикальному рту.

Сидящий замер.

Овальный орган вокруг моего корня сжался.

Я получил удар внутрь ладони. Несколько тонких ответвлений раздавило. Боль прошла до плеча, но основной канал сохранился.

Сидящий попытался выплюнуть волокна из раны.

Правый корень затянул цепь крепче.

Я прижал его к себе.

— Ты начал. Доедай.

Чёрная масса дошла до рта.

Белые нити внутри свернулись. Из вертикального разреза потекла густая жидкость. Сидящий издал низкий звук, от которого задрожал камень под ногами.

Хват на груди ослаб.

Я вдохнул глубже.

Боль осталась. Воздух вошёл.

Сидящий ударил коленом.

Рубец живота выдержал первый толчок. Второй раскрыл кожу вокруг него. Третий пришёлся ниже, в таз.

Меня подняло.

Левый корень натянулся внутри его груди.

Овальный орган разорвался по краю.

Чёрная кровь хлынула в ладонь.

Поток стал огромным.

Разделяющие камеры не успевали. Я закрыл половину ответвлений, но давление всё равно наполнило сосуды, сердце и камеры перегрузки.

Жар прошёл от груди к ногам.

[СИСТЕМА] Доступный ресурс превышает безопасную скорость переработки.

[СИСТЕМА] Риск системного перегрева.

Сидящий тоже получил больше яда.

Его левая нога подогнулась. Длинная рука ударила по камню, удерживая тело. Белые рёбра раскрылись вокруг моего корня, и я впервые увидел овальный орган целиком.

Он был меньше человеческой головы.

Тёмный, блестящий, разделённый на четыре сокращающиеся доли. Одна лопнула. Вторая почернела. Две оставшиеся пытались перегонять кровь по оборванным каналам.

Орган сокращался иначе, чем сердце, но именно через него проходили прямое питание и переработка чужой массы. Я потянул корень на себя.

Орган сдвинулся внутри груди.

Сидящий закричал.

Не гулом.

Настоящим высоким криком, от которого лопнула последняя белая нить во рту.

Его ладонь схватила левое предплечье. Пальцы сомкнулись. Кости выдержали секунду.

Потом лучевая треснула.

Хват на органе ослаб.

Сидящий оторвал меня от груди.

Левый корень вышел вместе с полосой тёмной ткани, но сам орган остался внутри. Правый корень слетел с цепи. Меня бросило через канаву.

Я ударился спиной об основание пресса.

Воздух вышел. Сломанные рёбра снова сместились. Левая рука лежала под углом, которого не должно быть у рабочей руки.

Сидящий стоял в десяти шагах.

Мы больше не были соединены.

Он качался. Из груди текла чёрная кровь. Одна рука висела. Левая нога подгибалась. Рот оставался открытым, но питающих волокон в нём почти не осталось.

Я лежал, набитый одновременно чужим ресурсом и его же ядом. Подниматься можно было только по частям: сначала вернуть ровный удар сердцу и дыхание, затем удержать рёбра так, чтобы обломок перестал царапать лёгкое. Левое плечо пришлось снова вправить, треснувшее предплечье стя-

нуть грубой внутренней перемычкой, а из икры сокращением мышцы вытолкнуть каменный осколок.

Я вытолкнул камень сокращением мышцы. Он вышел вместе с кровью и упал в канаву.

Регенерация стянула рану.

Сидящий сделал шаг к морозному зверю.

Я поднялся на правое колено.

Он сделал второй.

Я направил часть ресурса в сосудистые камеры.

Не запускать.

Заполнить.

Сидящий добрался до серой лапы зверя и опустился рядом. Из вертикального рта вышли три уцелевших волокна.

Они коснулись шерсти.

Я сжал камеру возле сердца.

Полная перегрузка.

Мир стал медленным.

Кровь ударила в мышцы. Свежие волокна вокруг рёбер натянулись. Правая нога толкнула камень. Левая голень приняла вес, хотя одна перемычка ещё двигалась.

Первый шаг вынес меня из канавы.

Второй — к центральной раме.

Третий — за спину Сидящего.

Я схватил цепь, всё ещё лежавшую на его шее, и перекинул свободный конец через зуб сломанного барабана.

Сидящий развернулся.

Медленно.

Для перегрузки.

Его ладонь пошла к моему лицу. Я пропустил цепь под рукой, обошёл корпус и затянул вторую петлю вокруг раскрытой груди.

Четыре удара сердца.

Пять.

Мышцы правого бедра начали рваться.

Я продолжал.

Свободный конец цепи прошёл через кольцо противовеса, которое Сидящий вырвал раньше. Сам груз лежал на краю центрального колодца, удерживаемый одним костяным упором.

Рычаг находился слишком далеко.

Последний патрон — в кармане.

Я достал его правой рукой.

Пальцы работали плохо. Указательный не разгибался. Пришлось зажать металл между большим пальцем и ладонью.

Сидящий схватил меня за левую руку.

Свежая перемычка в предплечье хрустнула.

Шесть ударов сердца.

Я ударил патроном в трещину костяного упора.

Он вошёл не с первого раза.

Сидящий потянул меня к себе.

Белые рёбра цеплялись за звенья. Петля на груди сдвину-

лась выше, под открытую рану.

Седьмой удар сердца.

Я ударил патрон пяткой.

Металл вошёл между костяными створками и раздвинул их.

Упор вышел.

Противовес рухнул в колодец.

Цепь рвануло.

Сидящего дёрнуло назад. Петля на груди вошла между белыми рёбрами и раскрыла их шире. Петля на шее подняла подбородок.

Меня тоже потащило: правая кисть всё ещё была обвита звеньями.

Я не освободил её.

Использовал тягу.

Прыгнул вперёд.

Восьмой удар сердца.

Кулак вошёл в открытую грудь Сидящего.

Не пробил орган.

Добрался до него рукой.

Горячая тёмная ткань сокращалась вокруг пальцев. Я сжал одну уцелевшую долю.

Сидящий ударил сверху.

Когти прошли по спине, раскрывая плотную кожу до мышц.

Девятый удар.

Я не отпустил.

Левый корень снова вошёл в грудь рядом с рукой. Правый обвил белое ребро, удерживая меня внутри раны.

Десятый удар.

Режим начал есть мышцы.

Тепло в ногах сменилось холодом. Правая икра свелась. Регенеративный запас уходил быстрее, чем поступал из органа.

Сидящий обеими руками сжал мою спину.

Рёбра треснули.

Не только мои.

Цепь продолжала тянуть его грудь к колодцу. Белые пластины ломались о звенья. Одна оторвалась и упала рядом.

Я потянул орган на себя.

Он не выходил.

Четыре толстых канала держали его глубже.

Левый корень разветвился вдоль первого канала и стянул его.

Правые пальцы нашли второй.

Я рванул.

Первый канал лопнул.

Чёрная кровь ударила в лицо.

Сидящий выгнулся. Хват на спине стал слабее.

Второй канал порвался под пальцами.

Перегрузка закончилась.

Мир вернул скорость вместе с болью.

Ноги перестали держать. Я повис на руке внутри его груди и корнях. Сидящий попытался оторвать меня, но цепь тянула его в противоположную сторону.

Оставались два канала.

Силы — почти не было.

Он поднял правую руку для последнего удара.

Я открыл разделяющие камеры полностью.

Не на приём.

На выброс.

Вся токсичная фракция, собранная из его тела, пошла по левому корню обратно в повреждённый орган.

Сидящий ударил.

Ладонь прошла мимо головы и разбила каменный зуб рамы.

Яд вошёл в две работающие доли.

Они сжались одновременно.

Третий канал лопнул сам.

Четвёртый натянулся.

Я обхватил орган обеими руками — живой правой и почти неработающей левой — и упал назад всем весом.

Четвёртый канал вышел из глубины груди вместе с длинной чёрной полосой.

Овальный орган оказался у меня в руках.

Сидящий остался стоять.

Одну секунду.

Две.

Тёмные глаза смотрели на пустое место между белыми рёбрами.

Потом длинные ноги подогнулись.

Он упал на колени.

Цепь потянула тело к колодцу. Белые пальцы скребли по камню, но уже не удерживали вес. Вертикальный рот открывался и закрывался без звука.

Я лежал перед ним, прижимая к груди вырванный орган.

Он ещё сокращался.

Корни в ладонях вошли в вырванный орган прежде, чем Сидящий успел дотянуться. Я не собирался оставлять ему возможность вернуть эту ткань обратно. Густой тяжёлый поток дал немного пригодного материала и остаточного тепла, а всё горькое и чуждое разделяющие камеры удержали отдельно.

Сидящий попытался дотянуться.

Рука прошла по камню в ладони от моей ноги.

Я смотрел на него.

Ждал.

Тёмные глаза погасли не сразу. Сначала исчезло движение в одной стороне тела. Потом в другой. Белые рёбра перестали закрываться. Чёрная кровь стала течь ровно, без толчков.

Сидящий на костях умер.

Интерфейс не показал награды.

Не назвал победу.

Только предупредил:

[СИСТЕМА] Критический перегрев.

[СИСТЕМА] Регенеративный резерв: низкий.

[СИСТЕМА] Множественные разрывы мышц.

Я отпустил пустой орган.

— И тебе спасибо.

Голос вышел хриплым.

Тело Сидящего начало сползать к колодцу. Цепь, натянутая противовесом, тащила его за шею и грудь. Белая рука зацепилась за край, задержала падение.

Двор ответил на смерть хозяина.

Сначала остановились прессы.

Не постепенно. Каменные плиты замерли посреди движения.

Потом все канавы одновременно изменили направление.

Кровь и вода пошли от центра к стенам. Прозрачная питающая линия вздулась. Прокол, который я сделал патроном, раскрылся вдоль на несколько шагов.

Красная масса хлынула наружу.

Костяные створки колодца начали закрываться, но тело Сидящего лежало между ними. Механизм сжимал его медленно, ломая белые рёбра.

Под полом прошёл глухой удар.

Я поднялся на четвереньки.

Нижняя решётка, за которой исчезли клетки, оставалась закрытой. Из глубины ещё доносился скрежет полозьев.

Люди уходили.

Я был жив.

Между этими двумя фактами лежал разрушающийся двор.

Под центральной рамой треснула плита.

Трещина прошла к колодцу, разделилась и побежала к нижней решётке. Из неё вышел холодный воздух с запахом мокрого камня, металла и глубокой земли.

Шахты.

Я не знал этого наверняка.

Но под храмом находилось пространство намного больше сточных проходов.

Сидящий сполз ещё ниже. Костяные створки раздавили грудь и сдвинули тело в отверстие. Цепь ушла следом. Свободный конец всё ещё обвивал мою правую кисть.

Я дёрнул руку.

Звенья затянулись.

Кисть заклинило.

Тело Сидящего исчезало в колодце и тащило меня за собой.

Я упёрся ногами в камень.

Правая икра не выдержала. Мышца, разорванная перегрузкой, сложилась. Колено ударилось о плиту.

Цепь потянула сильнее.

Я выпустил правый корень и попытался разжать собственные пальцы изнутри. Белое волокно вошло под звенья, расширилось и создало зазор.

Средний палец вышел.

Потом указательный.

Большой остался зажат.

Снизу ударил противовес.

Цепь рвануло.

Большой палец вывихнуло. Кожа слезла до основания ногтя. Но кисть освободилась.

Я отполз от колодца.

Вовремя.

Плита под телом Сидящего провалилась. Следом ушла половина центральной рамы. Пресс справа наклонился и ударил по стене. Каменная кладка раскрылась, выпуская воду из верхнего канала.

Поток прошёл по двору.

Смыл кровь, куски тел и прозрачные трубки.

Морозный зверь поднял голову. Крюк всё ещё держал его бок. Вода ударила в серую шерсть. Зверь заревел и рванул цепь.

Стена, к которой она крепилась, уже была треснута.

Каменный блок вышел наружу.

Зверь освободился.

Он увидел меня.

Я увидел открытый проход к нижней решётке справа. Не саму дорогу людей — только узкую обслуживающую щель возле закрытых створок.

До неё было двадцать шагов.

Морозный зверь находился ближе.

Он вдохнул.

Жаберная щель, в которую раньше вошло моё шило, всё ещё кровила. Вдох получился неровным, но белый холод уже собирался в пасти.

Я поднялся.

Левая голень держала.

Правое бедро дрожало.

Запаса хватало на один короткий выброс.

Не полный.

Только движение.

Сжал камеру у таза.

Рывок вынес меня к обломку клетки.

Морозное облако прошло сзади. Вода на камне замёрзла, превратив двор в белую корку. Моя левая пятка попала на лёд.

Ногу повело.

Я упал на бок и проехал несколько шагов, пока пальцы не зацепились за цепную борозду.

Зверь шёл следом.

Не быстро. Раненый. Злой. Достаточно живой.

Я подтянулся к обслуживающей щели.

Она была закрыта костяной решёткой. Между прутьями оставалось меньше ладони.

Патронов не было.

Костяных шил тоже.

Последний патрон ушёл в упор противовеса вместе с победой над Сидящим.

Я схватил прутья правой рукой и потянул.

Они не сдвинулись.

Морозный зверь вдохнул снова.

Подо мной прошёл новый удар.

Лёд треснул.

Пол между колодцем и нижней стеной просел. Решётка наклонилась. Один прут вышел из верхнего гнезда.

Я обхватил его левым корнем и дёрнул.

Рубец в ладони разошёлся.

Прут поддался на толщину пальца.

Не хватало.

Белое облако ударило в стену рядом. Камень покрылся льдом. Кожа на правом боку онемела. Плотная плёнка потемнела и пошла трещинами.

Я дёрнул прут второй раз.

Он вышел.

Щель стала шире плеча.

Я просунул голову.

Пол провалился.

Не под зверем.

Подо мной.

Каменная плита ушла вниз целиком, увлекая решётку и край стены. Я успел выбросить оба корня в проход. Правый обвил внутреннюю цепь. Левый зацепился за костяной вы-

ступ.

Тело повисло над темнотой.

Ноги болтались в пустоте.

Сверху морозный зверь ударил лапой по краю. Камень посыпался вниз.

Правый корень держал.

Левый начал рваться у укороченного рубца.

Я подтянулся.

Сломанные рёбра не дали согнуть корпус полностью. Правая рука дрожала. До края оставалось меньше локтя.

Зверь ударил снова.

Цепь внутри прохода дёрнулась.

Не от меня.

Где-то глубже продолжали двигаться человеческие клетки. Та же линия тянула внутреннее звено вперёд.

Правый корень скользнул.

Я мог удержаться левым и попытаться забраться.

Или отпустить, пока цепь не вырвала руку.

Снизу пахло водой, ржавым металлом и живой землёй.

Сверху морозный зверь поднял лапу.

Я втянул левый корень.

Правый отпустил цепь.

Падение началось тихо.

Сначала исчез край двора.

Потом свет багровых чаш стал узкой полосой над головой.

Я падал между каменными стенами, старыми направляю-

щими и свисающими цепями. Внизу не было видно дна.

Где-то за стеной удалялся ритм трёх человеческих клеток.

Они уходили по своему пути.

Я — по своему.

Но оба пути вели вниз.

Глава 25 — Дно

Падение началось тихо.

Ветер появился позже.

Сначала стены просто пошли вверх. Чёрный камень, редкие костяные кольца, деревянные направляющие и цепи, натянутые вдоль шахты. Багровый свет внутреннего двора быстро превратился в узкую полоску над головой.

Потом воздух ударил в лицо.

Тело развернуло спиной вниз. Правая рука ушла вверх, левая осталась прижата к груди. Сломанные рёбра двигались внутри при каждом рывке воздуха. Вдох получался коротким и бесполезным.

Дна не было видно.

Я выпустил оба корня.

Правый раскрылся первым. Короткое белое волокно хлестнуло по стене, скользнуло по мокрому камню и не нашло опоры. Левый вышел из разорванного рубца медленнее. Он оставался короче прежнего и двигался с задержкой, будто рука отказывалась признавать, что падение уже происходит.

Мимо прошла цепь.

Толстые звенья, каждое размером с ладонь.

Я ударил правым корнем.

Волокно обвило звено.

Тело дёрнуло так, что плечо едва не вышло из сустава.

Падение не остановилось. Цепь тоже двигалась вниз, только медленнее меня. Корень натянулся, погасил часть скорости и начал рваться у ладони.

Я обхватил его правой рукой.

Плохая идея.

Содранная кожа у большого пальца раскрылась. Звенья продолжали уходить вниз. Меня развернуло вокруг цепи и ударило боком о стену.

Камень встретил сломанные рёбра.

Правое лёгкое на мгновение перестало раскрываться. Перед глазами вспыхнуло белое. Я услышал собственный хрип и скрежет корня по металлу.

Левый корень зацепился за костяное кольцо в стене.

Теперь меня держали две точки.

Ровно одну секунду.

Кольцо было старым. Белая поверхность покрылась трещинами, когда на неё лёг мой вес. Я попытался подтянуть колени к стене.

Правое бедро не ответило сразу. После предельной перегрузки мышца оставалась горячей и рыхлой. Левая голень согнулась под неправильным углом, потому что одна перемычка внутри уже была сломана.

Я всё-таки коснулся стены пяткой.

Кольцо вышло из гнезда.

Левый корень сорвался вместе с куском кости.

Правая цепь дёрнула меня вниз. Волокно в ладони разо-

шлось вдоль на несколько сантиметров. Боль прошла до локтя.

Я отпустил.

Падение продолжилось.

Но скорость стала меньше.

На несколько секунд.

Этого хватило, чтобы увидеть следующий уровень шахты.

Поперёк пустоты проходили три деревянные балки. Между ними висели широкие кожаные ковши. Один был полон серого камня. Второй перевёрнут. Третий медленно поднимался по отдельной цепи.

Я падал прямо на него.

Подтянул правую ногу и повернулся левым боком.

Ковш ударил снизу.

Кожа прогнулась. Серый камень разлетелся. Я провалился внутрь по пояс и тут же вылетел с другой стороны, потому что крепление не выдержало.

Деревянная дуга ковша сломалась о спину.

Разрезы от когтей Сидящего раскрылись. Тёплая кровь сразу стала холодной на ветру.

Зато падение снова замедлилось.

Ковш ушёл вниз рядом со мной. Его цепь натянулась, зацепилась за балку и повисла.

Я выпустил левый корень в сторону сломанной дуги.

Промахнулся.

Правый дотянулся.

Обвил кожаный ремень.

На этот раз я не пытался остановиться полностью. Только подтянул тело к ковшу и позволил ему принять первый удар о стену.

Ковш врезался в камень.

Деревянные планки разошлись. Ремень обвил правое предплечье. Лучевая кость левой руки, грубо соединённая перемычкой, отозвалась сухим треском, хотя я ею не держался. Удар прошёл через плечи и грудь.

Ковш разрушился.

Я снова оказался в воздухе.

Ниже появилась вода.

Не поверхность.

Тонкие вертикальные струи падали вдоль стены из разбитых желобов. Между ними вращалось огромное деревянное колесо, поставленное поперёк шахты. Его лопатки проходили через поток и тянули ещё одну цепную линию.

Колесо вращалось медленно.

Я — быстро.

Если попасть между лопатками, оно переломает меня и продолжит работу.

Если удариться о край, возможно, переломает только часть.

Выбор становился роскошнее.

Я втянул повреждённые корни, прижал руки к груди и повернулся ногами вниз.

Правая ступня коснулась лопатки первой.

Дерево ушло под весом. Колено сложилось. Мышца бедра разорвалась по свежему шву. Я ударился тазом, перевернулся через край и оказался на внешнем ободе колеса.

Движение потащило меня в сторону стены.

Я схватился правой рукой за мокрую деревянную спицу. Большой палец не держал. Остальные сомкнулись.

Левая рука легла сверху.

Грубая перемычка предплечья выдержала.

Колесо продолжало вращаться.

Я ехал на нём вверх по дуге, прижатый к ободу собственным весом. Вода била по лицу. Кровь со спины смывалась вниз. С каждым оборотом до стены оставалось меньше.

На камне торчали зубья.

Колесо входило между ними, передавая движение другому механизму.

Меня должно было затянуть туда вместе со спицей.

Я выпустил оба корня в боковой желоб.

Правый вошёл в трещину между досками. Левый обвил медную полосу на краю. Я подтянул тело и отпустил спицу.

Колесо ушло дальше.

Один костяной зуб задел правую пятку и снял кожу.

Я повис на желобе.

Под ногами оставалась шахта.

Сверху колесо гремело, не замечая моей победы над его геометрией.

Желоб был узким. По нему текла вода, холодная и мутная. Корни лежали в ней, удерживая вес. Разделяющие камеры сжались.

Вода была забита каменной пылью и отдавала солью с металлом, но сейчас это всё равно выглядело лучше обезвоживания. Я позволил корням втянуть несколько глотков.

Холод пошёл по предплечьям, затем в сосуды. Головокружение уменьшилось. В разделяющей камере собралась тяжёлая горечь. Я закрыл путь к крови и удержал её отдельно.

Желоб треснул.

Деревянный кронштейн под грудью отошёл от стены.

Я попытался перебросить правую ногу через край.

Мышца бедра не подняла её.

Кронштейн вышел.

Желоб наклонился.

Я проехал по нему вниз вместе с водой, врезался плечом в деревянную заслонку и проломил её.

За заслонкой начинался наклонный слив.

Падение превратилось в скольжение.

Каменный канал был тесным. Локти и колени били по стенкам. Вода несла быстрее, чем я мог тормозить. Один поворот развернул меня спиной вперёд. Другой ударил головой о низкий свод.

Сознание не исчезло.

Очень хотелось.

Канал закончился обрывом.

Я вылетел в тёмный зал и увидел дно.

На этот раз настоящее.

Подо мной лежал широкий резервуар с чёрной водой. По поверхности плавали доски, кости, куски ржавого металла и толстая белая пена. В центре медленно вращалась цепь с пустыми ковшами.

До воды оставалось три человеческих роста.

Я успел закрыть рот.

Удар пришёлся правым боком.

Холод вошёл в раны, под плотную кожу и в лёгкие. Вода сомкнулась над головой. Тело провалилось глубже, чем я ожидал. Пояс зацепился за что-то тяжёлое и потянул вниз.

Я открыл глаза.

Ничего.

Только чёрная вода и редкие белые полосы пены.

Правая нога не работала. Левая двигалась, но голень отзывалась хрустом. Рёбра не позволяли сделать полный гребок. Левое плечо ушло вперёд под весом воды.

На поясе висела цепь.

Не моя. Тонкая, заросшая мягкими водорослями. Один конец уходил к затонувшему ковшу, второй обвился вокруг ремня с костяной коробкой.

Я дёрнул.

Цепь затянулась.

Воздух в груди закончился.

Корни раскрылись в воде. Правый нащупал гладкую дре-

весину. Левый — металлическое звено. Я не мог поднять ковш. Зато мог добраться до места, где цепь соединялась с ремнём.

Пальцы правой руки не слушались.

Большой был вывихнут. Указательный дрожал. Средний заклинило на сгибе.

Я выпустил короткий корень под ремень, расширил его и разорвал мокрую кожу изнутри.

Костяная коробка с пеплом ушла вниз вместе с цепью.

Я всплыл.

Первый вдох оказался кашлем. Вода вышла изо рта и носа. Правое лёгкое не раскрылось. Левое втянуло воздух рывком.

Я держался на поверхности только потому, что корни обвили плавающую доску.

Резервуар был огромным. Каменные стены уходили в темноту. Над водой тянулись деревянные мостки, некоторые целые, другие провалившиеся. Вдоль дальней стены шла цепная линия. Три звена натягивались одновременно, потом следовал тяжёлый удар.

Человеческие клетки.

За стеной.

Глубже.

Звук был слабым, но знакомым.

Я прижал щёку к доске и слушал.

Три платформы двигались одним ритмом. Повреждённый

полоз последней клетки всё ещё давал лишний удар после каждого натяжения.

Лада.

Инженер.

Остальные.

Живы ли все — звук не говорил.

Маршрут оставался.

Я попробовал плыть к ближайшей каменной площадке.

Правая нога тянулась за мной. Бедро сокращалось, но мышца не передавала усилие до колена. Левая рука удерживала доску, хотя предплечье болело при каждом движении.

До площадки было десять метров.

На третьем что-то коснулось пятки.

Не доска.

Мягкое, холодное и живое.

Я дёрнул ногу.

Вода вокруг вспенилась.

Под поверхностью прошла длинная бледная тень.

Потом вторая.

Кровь со спины и пятки расходилась по резервуару.

Ямки под челюстью здесь не помогали. Вода несла слишком много запахов. Зато корни чувствовали колебания.

Слева.

Снизу.

Снова слева.

Я притянул ноги к доске.

Правая не поднялась.

Из воды вышла круглая пасть.

Тело существа было плоским и длинным, почти прозрачным. Четыре короткие лапы прижимались к бокам. Рот занимал всю переднюю часть головы и закрывался костяными пластинами, как капкан.

Пасть сомкнулась на правой икре.

Зубов не было.

Были внутренние крючья.

Они вошли под кожу и потянули.

Я ударил пяткой другой ноги по голове существа. Костяные створки не раскрылись. Тварь рванула вниз.

Доска перевернулась.

Я снова ушёл под воду.

Правый корень обвил доску. Левый ударил по существу, скользнул по прозрачной коже и нащупал мягкую щель за пластиной рта.

Я ввёл волокно.

Поток оказался холодным и солёным.

Существо забилось. Крючья в икре разошлись глубже. Вода стала тёплой от моей крови.

Я не мог поглощать спокойно. Не мог ждать, пока оно ослабеет.

Согнул левую ногу и поставил пятку на нижнюю пластину рта. Правой рукой схватил верхнюю. Большой палец не участвовал. Три пальца скользили.

Тварь рванула ещё раз.

Я позволил.

Когда тело натянулось между мной и доской, левый корень обвил её шею, а правый удержал древесину. Получилась растяжка.

Я резко выпрямил левую ногу.

Пластины рта разошлись в разные стороны.

Мягкая ткань между ними лопнула.

Крючья вышли из икры вместе с кусками мышцы.

Я закричал под водой и втянул половину резервуара.

Существо отпустило.

Я ударил его головой о край доски.

Один раз.

Второй.

Прозрачный череп помутнел. Тварь попыталась уйти, но левый корень оставался внутри мягкой щели.

Я подтянул её к себе и обмотал доску вокруг тела, как рычаг.

Третий удар сломал одну ротовую пластину.

Существо перестало двигаться.

Я вынырнул вместе с ним.

Воздух вошёл с болью. Кровь из правой икры текла быстро. Вода вокруг стала почти чёрной.

Другие тени повернули к нам.

Я прижал ладонь к убитой твари и раскрыл оба корня. Организм вцепился в обычную влажную плоть с такой жадно-

стью, будто другого шанса уже не будет. После падения и перегрузки голод требовал забрать всё до последнего пригодного клочка. Разделяющие камеры удержали горькую слизь и пропустили пригодное.

Я первым делом напряг разорванную правую икру, пока ткань не стянулась вокруг четырёх глубоких каналов от крючьев и кровь не пошла медленнее. Затем прижал локоть к рёбрам: опора вокруг них уплотнилась, обломок чуть отошёл от лёгкого, и вдох стал глубже. Когда холод начал уходить из пальцев, остаток потока я отдал правому бедру — тени под водой уже приближались.

Разорванная перегрузкой мышца сжалась. Волокна легли поперёк разрыва, образуя грубый внутренний шов. Колено дёрнулось.

Нога снова стала моей.

На восстановление голени и рук ресурса не хватало.

Я оторвал корни от тела твари.

Она уже стала легче. Кожа провалилась. Ротовые пластины висели на мягких связках.

Оставил тушу в воде.

Другие существа бросились к ней.

Я поплыл к площадке.

Правая нога работала короткими толчками. Икра горела, но удерживала. Левая рука не могла полностью вытянуться. Корни цеплялись за плавающие доски и подтягивали тело.

До камня оставалось два метра, когда под водой началась

драка.

Плоские тени рвали мёртвую тварь. Прозрачные спины появлялись на поверхности. Ротовые пластины хлопали, как деревянные крышки.

Одна тень отделилась.

Пошла за мной.

Я добрался до площадки и вцепился в край.

Камень был гладким, покрытым слизью. Правая кисть соскользнула. Большой палец не удерживал. Левый корень обвил ржавое кольцо выше воды.

Тварь ударила сзади.

Ротовые пластины сомкнулись на подошве левой ноги.

Я дёрнулся.

Костная перемычка в голени треснула ещё раз.

Тварь потянула в резервуар.

Правый корень вышел из ладони и обвил её голову. Я не пытался пробить кожу. Подтянул пасть к камню и ударил её о край площадки.

Пластина лопнула.

Существо отпустило ногу и ушло в воду.

Я подтянулся на кольце.

Левый корень натянулся у укороченного рубца. Белая ткань разошлась, кровь потекла по предплечью.

Но грудь оказалась на камне.

Потом таз.

Правая нога вышла из воды.

Я лежал на площадке и слушал, как плоские существа хлопают пастями внизу.

Интерфейс появился сам.

[СИСТЕМА] Кровопотеря: умеренная.

[СИСТЕМА] Дыхание: ограничено.

[СИСТЕМА] Регенеративный резерв: низкий.

[СИСТЕМА] Токсическая нагрузка: высокая.

— А настроение?

Интерфейс исчез.

Тоже оценил ситуацию.

Я перевернулся на спину.

Потолок нижнего зала терялся во мраке. В нескольких местах висели чаши с тусклым зелёным огнём. Не пламя. В чашах росли толстые нити мха, светившиеся изнутри. Свет отражался от мокрого камня и ржавого металла.

Шахта была старше храма наверху.

Или просто хуже содержалась.

Деревянные мостки соединяли площадки вдоль резервуара. За ними уходили три галереи. В первой слышалась вода. Во второй — медленный стук деревянных колёс. Третья лежала в направлении человеческой цепной линии.

Я сел.

Мир качнулся.

Левое плечо находилось не там, где должно. Во время удара о колесо сустав снова сместился вперёд. Рука висела ниже. Предплечье держалось на грубой перемычке, но пальцы

двигались.

Я упёр ладонь в камень, прижал плечо к краю площадки и повернул корпус.

Сустав вошёл со второго раза.

Первый только разорвал часть связочных тяжей.

На втором головка скользнула в гнездо с влажным щелчком. Боль поднялась к шее. Я прикусил язык и остался сидеть, пока белые пятна не ушли.

Остаток ресурса потянулся к плечу.

Я позволил только закрепить сустав.

Потом остановил.

Нужно было двигаться.

Человеческие клетки продолжали уходить.

Я приложил ладонь к камню.

Ритм цепи проходил через стену.

Три натяжения.

Тяжёлый удар.

Дополнительный короткий стук повреждённого полоза.

Пауза.

Направление шло из третьей галереи и немного вниз.

Я поднялся на четвереньки.

Правая нога выдержала. Левая голень дрожала. На левой ступне осталась неглубокая вмятина от ротовых пластин. Большой палец правой руки висел под неправильным углом.

Вправлять его одной рукой было неудобно.

Я зажал палец между коленями и потянул кисть на себя.

Сустав вошёл.

Кожа у ногтя снова лопнула.

Регенерация закрыла только крупный сосуд. Остальное осталось красным и сырым.

Снаряжение пережило падение хуже меня. Костяная коробка с пеплом ушла на дно вместе с цепью; фляги, скобы, патронов и кормовой массы уже тоже не осталось. При мне сохранились только жетон Власова, пластина с неизвестным знаком и окровавленный человеческий лоскут под слоем одежды.

Я проверил его первым.

Ткань была мокрой, кровь почти смылась. Но имя и смысл не зависели от запаха.

Люди.

Не еда.

Цель.

Я привязал лоскут обратно к предплечью.

Поднялся.

Первый шаг дался правой ногой. Второй — левой, поставленной строго прямо. Голень отозвалась хрустом, но не сложилась.

Двигаться можно.

Быстро — нет.

Сосудистые камеры перегрузки сжимались впустую, костяной магазин молчал, кислотный канал оставался сухим. На ещё один серьёзный бой тело сейчас почти ничего не мог-

ло предложить.

Я пошёл по мосткам.

Доски прогибались под весом. Некоторые были покрыты мягким белым грибком. Корни в ладонях чувствовали влагу и слабый органический след, но пользы было мало.

Мостки закончились у разрыва.

Пять метров настила отсутствовали. Ниже плескалась чёрная вода резервуара. Над провалом проходила цепь с маленькими пустыми коробами для камня. Они двигались рывками: короб поднимался из темноты, проходил над разрывом и исчезал в узкой щели стены.

Можно было обойти по каменному выступу справа.

Он был шириной в половину ступни и покрыт слизью.

Можно было дождаться короба.

Дерево выглядело старым, а цепь каждый раз проседала под собственным весом.

Выбор снова предлагал два способа упасть.

Я выбрал тот, где падение хотя бы имело расписание.

Первый короб прошёл слишком высоко. Второй был забит серой породой и висел ниже. Я пропустил его: крепление скрипело так, будто собиралось признаться во всех накопленных ошибках.

Третий шёл пустым.

Подошёл к краю, дождался, когда цепь провиснет, и выпустил правый корень. Волокно обвило переднюю дугу. Левый лёг на боковое крепление.

Короб дёрнуло вперёд.

Я шагнул.

Правая нога толкнула нормально. Левая осталась на краю на долю секунды дольше. Голень хрустнула. Тело развернуло, и вместо короба я ударился грудью о его борт.

Рёбра встретили дерево.

Воздух вышел.

Я повис снаружи, удерживаясь корнями и правым предплечьем. Ноги прошли над водой. Под ними всплыла прозрачная пасть и хлопнула пластинами по воздуху.

Короб продолжал двигаться.

До противоположного края оставалось три метра.

Левый корень начал скользить по мокрому креплению. Рубец в ладони расходился. Я попытался подтянуться правой рукой. Большой палец снова провалился из хвата.

Цепь остановилась.

Не постепенно.

Короб замер посреди провала.

Где-то в глубине ударил барабан. Сверху ответил другой. Механизм спорил сам с собой после смерти Сидящего.

Подо мной собирались плоские тени.

Одна ударила хвостом по воде. Брызги дошли до лица.

Я раскачал тело.

Вперёд.

Назад.

Короб качнулся вместе со мной.

Левый корень соскользнул.

Правый удержал.

На третьем движении цепь снова пошла, но в обратную сторону.

Короб потащило от нужного края.

— Конечно.

Я отпустил правый корень на пике качания.

Тело пролетело через оставшийся промежуток и ударилось коленями о каменный край. Правая рука нашла ржавое кольцо. Левая легла на гладкий камень и не удержала.

Нижняя половина тела повисла над водой.

Пасть ударила по подошве.

Крючья скользнули, не зацепившись.

Я выпустил правый корень в кольцо и подтянулся. Мышца бедра натянулась по свежему внутреннему шву. Несколько волокон лопнули, но нога не отключилась.

Перекатился на мостки.

Пустой короб ушёл обратно и столкнулся с гружёным. Из щели посыпались камни. Один упал рядом с головой, второй пробил доску, третий ударил по воде и заставил тени разойтись.

Я лежал, пока дыхание не вернулось.

Потом приложил ладонь к настилу.

Через цепь коробов проходила другая вибрация. Более тяжёлая. Три платформы двигались за стеной почти параллельно, но ниже прежнего уровня. Разрыв мостков и коробная

линия не были случайным тупиком — они вели к той же глубине.

Людей всё ещё тащили вперёд.

Я поднялся и продолжил путь.

Через двадцать шагов мостки проходили над боковым каналом.

Внизу текла более чистая вода. Узкая, быстрая, с блеском минеральной пыли. Я опустился на колено и коснулся её правым корнем.

Разделяющие камеры сжались.

Меньше горечи, чем в резервуаре.

Я пил медленно, удерживая воду прежде всего в обезвоженных сосудах. Постепенно перестало сушить рот, уменьшилась резь в глазах и легче заработали мышцы дыхания, но тело всё равно требовало ещё.

Я остановился после нескольких глотков.

Вода без белка не восстановит кости. Только заставит их болеть дольше.

В потоке плавали мелкие белые личинки. Каждая длиной с ноготь, с тёмной точкой внутри.

Корень коснулся одной.

Почти никакого ресурса.

Я всё равно втянул несколько.

Голод стал тише.

На противоположном берегу канала лежал человеческий след.

Не нога.

Кусок ткани.

Серая полоса формы зацепилась за ржавый штырь. Не моя. Край был разорван и пропитан кровью, которую вода ещё не успела смыть полностью.

Я достал ткань.

Запах человеческий.

Свежий.

Клеточная линия проходила где-то выше или рядом. Кровь стекла через трещины в канал.

Один из одиннадцати продолжал терять кровь.

Лада.

Третий пленник.

Кто-то из передних клеток.

Я не мог определить.

Сжал ткань и посмотрел в третью галерею.

Вход был укреплён костяными дугами. Между ними висели десятки тонких металлических пластин. Они касались друг друга от движения воздуха и издавали слабый звон.

На украшение пластины не походили. Скорее на предупреждение или примитивный способ слышать движение в темноте.

Я коснулся ближайшей пластины.

Холодный металл дрогнул.

Звон ушёл в галерею.

Через секунду оттуда ответил другой.

Глубже.

Потом третий.

Слева.

Четвёртый — сверху.

Не эхо.

Кто-то повторял сигнал.

Я убрал руку.

В темноте за дугами вспыхнуло тусклое зелёное пятно. Потом второе. Они двигались на высоте человеческой груди.

Между ними качнулись длинные силуэты.

С каждого шага доносился тихий металлический звон.

Человеческая цепь за стеной натянулась снова.

Три клетки ушли дальше.

Мне требовалось пройти именно через эту галерею.

Я опустил окровавленную ткань в карман, расправил пальцы правой руки и выпустил корни на длину ладони.

Боезапаса и кислоты не осталось, перегрузка была почти пуста. Зато я стоял, а после такого падения уже одного этого хватало, чтобы заняться следующей проблемой.

Первый силуэт в темноте поднял что-то длинное.

Металлические пластины под сводом зазвенели все сразу.

Глава 26 — Звонари

Металлические пластины под сводом зазвенели все сразу.

Не громко.

Каждая дала собственный короткий голос: высокий, хриплый, почти неслышный. Вместе они сложились в дрожь, от которой заболели зубы и отозвались костные перемычки в левой голени.

Первый силуэт поднял длинный предмет.

Я успел увидеть две узкие ветви на конце, похожие на раскрытые пальцы. Потом он ударил ими по крайней пластине.

Звук получился ниже остальных.

Он прошёл по галерее, коснулся стен, воды в канале, ржавых колец и моего тела. Правый корень в ладони дёрнулся от вибрации. Сломанные рёбра ответили слабым зудом изнутри.

Силуэт повернул голову точно ко мне.

Глаз у него не было.

Лицо представляло собой гладкую серую маску из кожи. От висков к шее тянулись тонкие складки. При звуке они раскрылись веером, словно жабры, и снова прижались к черепу.

Позади первого двигались ещё четыре.

Высокие, но не такие массивные, как храмовые охранники. Узкие плечи. Длинные руки. Колени выгнуты чуть назад.

На груди у каждого висели связки металлических пластинок, костяных колец и коротких полых трубок. Они не звенели случайно. Существа придерживали подвески пальцами и отпускали только нужную.

Первый ударил по пластине ещё раз.

Слева ответил короткий звон.

Справа — два быстрых.

Сверху, из тёмной щели между подпорками, пришёл третий сигнал.

Ещё один ответил из узкого прохода за правой стеной.

Их было больше пяти.

Я не знал, что они говорили.

Но первый уже знал, где я стою.

Он выставил раздвоенный шест вперёд и пошёл.

Я отступил на один шаг.

Правая пятка, лишённая кожи, коснулась мокрого камня почти беззвучно. Левая стопа легла строго прямо. Перемычка внутри голени удержала кость.

Пластина над моей головой дрогнула.

Первый длинный шест ударил туда, где секунду назад находилась грудь.

Я ушёл вбок.

Не рывком. Простым движением.

Металлические ветви прошли мимо лица и зацепили одежду на плече. Ткань разошлась. Второй конец шеста ударил в пол.

По камню пошла вибрация.

Все серые головы повернулись одновременно.

Не на меня.

На точку удара.

То, что они были слепы, сначала показалось хорошей новостью. Через пару секунд стало ясно, что радовался я рано: отсутствие глаз почти не мешало им находить цель.

Я поднял с пола кусок ржавой пластины и бросил в левую стену.

Металл ударил о камень.

Три существа развернулись на звук. Два шеста пошли туда же, прокалывая пустоту. Первый остался на месте.

Его складки на шее раскрылись.

Он наклонил голову.

Моё дыхание было коротким, влажным и слишком громким.

Я закрыл рот, задержал воздух и сделал ещё один шаг.

Первый ударил шестом по полу.

Толчок прошёл через подошвы.

Серая маска повернулась следом за моей правой ногой.

Значит, они слышали не только воздух.

Камень тоже говорил за меня.

Существо сорвалось вперёд.

Раздвоенный наконечник пошёл снизу. Я поставил правую ступню на боковую грань шеста и попытался увести его к стене.

Силы не хватило.

Звонарь — имя пришло само — поднял оружие вместе с моей ногой.

Я потерял равновесие. Левая голень приняла вес боком. Внутренняя перемычка хрустнула.

Второй конец шеста ударил меня в живот.

Рубец выдержал.

Мышцы вокруг него — нет.

Воздух вышел. Я упал на колено.

Звонарь повёл раздвоенный наконечник к горлу.

Правый корень вышел из ладони и обвил одну металлическую ветвь. Продольный разрыв у основания вспыхнул болью. Я потянул шест вниз и одновременно ударил лбом в гладкое лицо.

Серая кожа оказалась мягче маски высокого.

Под ней была кость.

Мой сломанный нос встретил её первым.

Я увидел белые точки.

Звонарь отшатнулся не от боли — от звука. Подвески на его груди зазвенели хаотично. Остальные существа остановились.

Я вырвал шест из его рук и толкнул владельца в боковой канал.

Он упал в воду.

Плеск прошёл по галерее сильнее любого удара.

Четыре Звонаря разом повернулись к каналу.

Я тоже.

Существо в воде не утонуло. Оно прижало ладони к каменному дну, ударило металлическими пластинами на запястьях и получило ответ от стен. Потом поднялось, точно зная, где находится край.

Я бросил его шест в темноту за собой.

Оружие ударилось о подвесные пластины.

Галерея взорвалась звоном.

Звонари метнулись туда.

Не все.

Тот, которого я сбил в воду, пошёл прямо ко мне.

Ошибку они исправили быстрее, чем хотелось.

Я отступил в мелкий канал. Вода доходила до щиколоток. Холод приглушил боль в пятке. Каждый шаг давал плеск, зато камень под ногами перестал принимать удар всей подошвой.

Звонарь остановился на краю.

Складки на шее раскрылись.

Он провёл пальцами по связке пластин на груди и отпустил одну.

Тонкий звук коснулся воды.

Круги на поверхности дошли до моих ног.

Существо ударило шестом точно между ними.

Я успел повернуться.

Одна ветвь вошла в правый бок ниже сломанных рёбер.

Не глубоко.

Кожа и плотная плёнка задержали металл, но наконечник раздвинул мышцы на длину пальца. Тёплая кровь пошла в холодную воду.

Я зажал шест под рукой.

Звонарь дёрнул.

Рана расширилась.

Остальные перестали преследовать брошенное оружие. Один за другим они ударили подвески: коротко, длинно, коротко.

Существо передо мной ответило.

Они передавали друг другу моё положение звоном вместо крика. После этого имя закрепилось окончательно.

Я выпустил левый корень в воду и обвил лодыжку Звонаря. Укороченного волокна хватило только потому, что мы стояли почти вплотную.

Потянул.

Существо переставило ногу и удержалось.

Слишком лёгкое для его роста, но устойчивое.

Тогда я не стал тянуть его на себя.

Пропустил корень вокруг ножки деревянного желоба за его спиной и затянул петлю. Звонарь рванул шест из моего бока.

Я отпустил оружие.

Он сделал шаг назад.

Корень направил лодыжку не туда.

Колено выгнулось внутрь. Существо упало плечом на

край канала. Подвески ударились о камень.

Остальные четыре бросились к нам.

Я схватил раздвоенный шест двумя руками и вдавил одну ветвь под серую складку на шее лежащего.

Металл вошёл легко.

Звонарь ударил ладонью по воде.

Волна прошла к моим ногам. Его свободная рука нашла лодыжку и сжалась.

Я повернул шест.

Ткань под складками разошлась. Вместо красной крови вышла тёмно-синяя, почти чёрная. Существо задрожало. Металлические подвески на груди дали один беспорядочный звон.

Потом замолчали.

Первый Звонарь умер.

Остальные услышали это.

И перестали бежать.

Четыре силуэта разошлись по ширине галереи. Один остался у стены. Второй вошёл в канал. Третий поднялся на боковой настил. Четвёртый отступил к подвесным пластинам.

Они двигались не как стая: четверо сразу разошлись по ширине галереи и перестроили охват после смерти первого.

Я выдернул шест из шеи мёртвого и поднялся.

Рана в боку кровила. Правое бедро дрожало после падения и двух рывков. Левое предплечье держалось на грубой

перемычке и не любило вес металлического оружия.

Шест был длиннее меня. Тяжёлый только на концах. Внутри древесина или полая кость, обтянутая тёмным металлом.

Неплохое оружие.

Для человека с двумя целыми руками.

Я опустил его в воду и толкнул вдоль канала.

Шест заскользил, ударяя наконечником по каменным краям.

Звонари повернули головы за ним.

Я прижал ладонь к мёртвому существу.

Правый корень вошёл в рану на шее.

Поток оказался прохладным и плотным. Особенно отчётливо корень чувствовал длинные мышечные жгуты спины и сложные складки на шее и груди. Именно к ним организм потянулся охотнее всего, но я оборвал контакт глубже обычной мышцы: сейчас мне нужен был материал для ремонта, а не очередная болезненная перестройка. Рану в боку я стянул первой, затем укрепил опору вокруг рёбер, чтобы правое лёгкое получило чуть больше места, а остаток отдал ногам.

Под кожей пошёл жар.

Звонарь на настиле ударил подвеской.

Два других одновременно метнули шесты.

Я оборвал контакт и упал в воду.

Первый шест прошёл над спиной. Второй вошёл в труп, прибив его к камню. Металлические ветви раздвинули грудь мёртвого.

Третий Звонарь не бросил оружие.

Он ударил по каналу передо мной.

Вода поднялась стеной. Колебание прошло через оба корня и ладони. Я почувствовал направление раньше, чем увидел ноги.

Существо шло справа.

Я перекатился влево.

Шест скользнул по плечу и снял полосу кожи.

Взмахнуть украденным оружием не успевал. Бросил его поперёк канала под ноги Звонарю.

Он услышал удар, но не сам шест, лежащий неподвижно.

Ступня попала между раздвоенными ветвями.

Я дёрнул древко.

Металл зажал голеностоп.

Звонарь упал на спину. Подвески загремели.

Тот, что стоял у пластин, ударил сразу по пяти.

Звук изменился.

Не сигнал.

Шум.

Все подвесы под сводом задрожали. Галерея наполнилась непрерывным металлическим шелестом, похожим на дождь по листовой броне.

Мои ложные удары потеряли смысл.

Звонари двигались внутри собственного шума уверенно. Складки на их шеях открывались и закрывались, отбирая нужные отражения.

Я же перестал различать человеческую цепь за стеной.

Повреждённый полоз исчез под звоном.

Это было хуже удара.

Я пришёл сюда за людьми. Если уйду не туда, их снова разделит камень, глубина и время.

Звонарь в канале освободил ногу из ветвей шеста. Другой спустился с настила. Два оставшихся держали расстояние и поддерживали сплошной звон.

Они лишали меня тишины.

И направления.

Я прижал левую ладонь к дну канала.

Корень лёг между камнями.

Под общим дребезгом существовала другая вибрация — тяжёлая, медленная. Большая цепь, натягивающая три платформы. Она шла не через воздух и не через подвесные пластины. Глубже, внутри стены.

Три натяжения.

Удар.

Короткий стук повреждённого полоза.

Люди ещё двигались.

Направление — вперёд и вниз.

Я оставил ладонь на камне и попятился по каналу.

Звонарь передо мной ударил шестом в воду.

Я почувствовал толчок корнем.

Шаг вправо.

Второй удар пришёл слева.

Они пытались загнать меня в середину.

Впереди канал проходил под рудной линией. Над водой висели маленькие деревянные короба. Каждый был соединён цепью с соседним и уходил в тёмный проём.

Справа находился рычаг с костяным противовесом.

Слева — треснувшая опора настила.

Я не знал, что именно включал рычаг.

Зато видел, что цепь коробов сейчас стояла.

Звонарь вошёл в воду за мной.

Его шаг не давал плеска. Широкие ступни ложились на дно мягко. Он держал шест над поверхностью и слушал не движение воды, а отражение общего звона от моего тела.

Я снял свежий человеческий лоскут с пояса.

Мокрая ткань почти ничего не весила.

Намотал её на правую ступню вместе со старым лоскутом формы.

Кровь и имя оказались под подошвой.

Не лучший способ хранить память.

Лучший способ сделать шаг тише.

Левая нога осталась босой. Её я ставил на деревянный край канала, где общий звон проходил хуже.

Первый шаг.

Звонарь ударил правее меня.

Второй.

Наконечник прошёл слева.

Третий.

Я добрался до рычага.

Существо у подвесных пластин прекратило непрерывный шум на одно мгновение.

В тишине остальные услышали моё дыхание.

Три шеста разом повернулись.

Я ударил по рычагу локтем.

Костяной противовес сорвался.

Цепь рудных коробов пошла.

Пустые деревянные ящики заскрипели, ударяясь друг о друга. Первый вышел из тёмного проёма. Второй раскачивался. Третий был заполнен камнем.

Звонари замерли, получив десятки новых источников звука.

Я схватил пустой короб правым корнем и оттолкнул его в сторону настила.

Дерево ударило по опоре.

Треснувшая стойка дрогнула.

Звонарь на настиле повернулся к ней.

Я дёрнул короб ещё раз.

Стойка сломалась.

Настил наклонился. Существо потеряло опору и упало в канал между двумя своими.

Подвески на трёх телах загремели одновременно.

Я побежал.

Три шага.

Не больше.

Правая нога держала. Левая голень хрустнула на втором, но не сложилась. Рёбра не позволяли набрать воздух, поэтому я не пытался.

Прошёл мимо упавших Звонарей и ударил ладонью по крайней подвесной пластине.

Звук ушёл назад.

Существа развернулись.

Я ударил следующую.

Потом третью.

Не случайно. В ритме человеческой цепи.

Три натяжения.

Тяжёлый удар.

Короткий стук.

Звонари приняли сигнал.

Тот, что управлял пластинами, ответил двумя быстрыми звонами.

Остальные перестроились и пошли не за мной, а к стене, где проходила клеточная линия.

Я замер.

Они знали этот ритм.

Возможно, обслуживали путь.

Возможно, охотились на всё, что двигалось по нему.

Один из Звонарей приложил ладонь к стене и повернул голову вниз.

К людям.

Я ударил пластину снова, теперь в другом порядке: длин-

ный, короткий, три быстрых.

Существа остановились.

Ответа не последовало.

Я ударил дальнюю пластину брошенным камнем.

Звон ушёл вправо.

Два Звонаря повернули туда. Третий остался у стены. Четвёртый поднял шест к моему положению.

Они уже поняли, что сигналами управляет чужой.

Главный — тот, что держался у пластин, — снял связку с собственной груди.

Все маленькие подвески упали на пол.

Он стал почти бесшумным.

Потом прошёл вдоль стены, касаясь её пальцами.

Не слушал воздух.

Читал камень.

Моя ладонь лежала на рычаге. Корни касались дерева и металла. Сердце било в грудь. Даже если не двигаться, тело оставалось источником.

Главный Звонарь ударил шестом по стене.

Толчок прошёл через рычаг в правую руку.

Он повернулся прямо ко мне.

Я отпустил рычаг и шагнул на движущуюся цепь коробов.

Звенья приняли вес. Грохот механизма спрятал шаг, но передал положение по всей линии.

Главный поднял голову к цепи.

Нехорошо.

Он ударил по ближайшему коробу.

Металлические ветви вошли в древесину. Цепь дёрнулась. Меня качнуло.

Другие Звонари пошли вдоль обоих краёв канала, перекрывая путь.

Один впереди.

Два сзади.

Главный сбоку.

Пятый звук пришёл сверху.

Тот, которого я ещё не видел, полз по балкам.

Его пальцы и ступни заканчивались костяными крючьями. Он двигался вниз головой, придерживая подвески на груди, и нёс короткий раздвоенный шест.

Семья становилась всё дружелюбнее.

Цепь коробов уходила в проём впереди. Отверстие было достаточно широким для ящика и недостаточным для меня, если стоять сверху.

Я лёг на движущийся короб.

Рёбра встретили дерево.

Боль стала ровной и яркой. Я прижал локти к бокам и позволил цепи тащить меня к проёму.

Звонарь на балке отпустил подвеску.

Высокий звук прошёл над коробами.

Главный ответил снизу.

Существо прыгнуло.

Оно приземлилось на следующий короб и ударило корот-

ким шестом мне в спину.

Одна ветвь вошла между лопаткой и позвоночником.

Металл застрял в плотной коже и мышце.

Я закричал.

Все серые головы повернулись.

Ползущий Звонарь рванул оружие вверх. Ветка шеста расширила рану.

Я выбросил правый корень назад, обвил его запястье и потянул не к себе, а под движущуюся поперечину.

Существо услышало натяжение. Попыталось отступить.

Поздно.

Его рука вошла между коробом и каменным краем проёма.

Кость хрустнула.

Звонарь издал первый голос, не созданный металлом.

Низкий, короткий, почти человеческий стон.

Короб потащил нас в отверстие.

Я выдернул шест из собственной спины и сполз с дерева в канал.

Существо осталось зажатым рукой в механизме. Цепь продолжала двигаться. Плечо вытянулось. Серая кожа разошлась. Подвески били по коробу, передавая беспорядочный сигнал.

Главный Звонарь ударил по опоре.

Механизм остановился.

Они спасли своего.

Это подтвердило больше, чем хотелось.

Не звери.

Не простая стая.

Я стоял по пояс в воде, прижимая ладонь к ране на спине. Кровь шла между пальцами. Регенеративного запаса почти не осталось. Мёртвый Звонарь лежал далеко, прибитый шестом. Добраться до него не дадут.

Зажатое существо освободили двое других. Рука висела, сломанная выше локтя. Главный коснулся его шеи и ударил собственной пластиной три раза.

Раненый отступил в темноту.

Остальные повернулись ко мне.

Один лежал мёртвым, один со сломанной рукой ушёл в темноту, пятеро оставались в строю, включая главного. Семеро всего. Число я запомнил.

Главный поднял обе руки.

Металлические пластины под сводом перестали звенеть.

Наступила тишина.

Настоящая.

В ней я услышал воду у колен, кровь, падающую со спины, и цепь человеческих клеток за стеной.

Три натяжения.

Удар.

Короткий стук.

Потом клеточная линия остановилась.

Не исчезла.

Остановилась.

Где-то впереди пленников задержали.

У меня появилось время.

У Звонарей тоже.

Главный ударил шестом один раз.

Остальные разошлись.

Не атаковали.

Поставили оружие концами на камень и начали медленно постукивать. Каждый в своём ритме. Толчки перекрывали галерею сеткой.

Шагнуть незаметно стало невозможно.

Я коснулся воды левым корнем. Колебания приходили со всех сторон — не картиной, а ударами, давлением и пустыми промежутками между ними. Это было то же грубое чувство вибрации, которым я пользовался ещё наверху, когда искал клетки через камень; его хватало хотя бы на то, чтобы различить рисунок окружения.

Четыре Звонаря перекрывали прямой путь.

Главный стоял у рычага коробной линии.

Позади меня оставался резервуар.

Слева — треснувшая стена с ржавыми креплениями.

Справа — наклонный жёлоб, по которому вода падала в канал.

Над головой висели два гружёных короба. Механизм остановился, но цепь оставалась натянутой.

Я вынул пластину с неизвестным знаком.

Тёмный кусок материала размером с ладонь пережил лес, клетки, храм и падение. Металл или кость — я всё ещё не знал.

Бросать его не хотелось.

Другого подходящего предмета не было.

Я ударил пластиной по краю канала.

Звон получился чистым и коротким.

Все Звонари повернулись.

Ударил второй раз, дальше по камню.

Правый корень держал пластину и передавал её от точки к точке, пока тело оставалось неподвижным.

Третий удар ушёл к левой стене.

Главный понял.

Он ударил шестом в место, где лежал корень.

Металлическая ветвь прижала белое волокно к камню.

Боль прошла до плеча.

Я втянул корень.

Поздно.

Кончик остался под наконечником. Белая ткань порвалась, выпустив прозрачную жидкость.

Главный поднял шест с отрезанным куском и коснулся его складками на шее.

Серая голова повернулась ко мне ещё точнее.

Запах?

Тепло?

Или дрожь живой ткани.

Ложные сигналы больше не работали.

Звонарь справа пошёл вперёд. Постукивал шестом перед каждым шагом. Второй повторял слева. Они сужали пространство.

Я отбросил пластину обратно за одежду.

Правый корень стал короче на длину пальца.

Теперь оба были укорочены.

Прогресс сохранялся.

Вода справа падала из жёлоба непрерывной струёй. Под ним находилась деревянная заслонка, удерживаемая костяным пальцем. За заслонкой слышался более сильный поток.

Если открыть её, канал заполнится.

Вода создаст шум.

И давление.

До заслонки — шесть шагов.

Между мной и ней один Звонарь.

Я сделал вид, что иду к левой стене.

Ступня ударила по воде намеренно громко.

Два существа сместились туда.

Потом я сжал пустую камеру у таза.

В ней оставался не запас, а несколько горячих толчков, собранных из убитого Звонаря.

Частичная перегрузка включилась на один удар сердца.

Правая нога оттолкнулась.

Я прошёл шесть шагов за время, за которое Звонарь успел только повернуть голову.

Режим закончился.

Мышца бедра разошлась по внутреннему шву.

Я врезался плечом в заслонку и выдернул костяной палец правой рукой.

Вода ударила.

Не струёй.

Стеной.

Жёлоб выплюнул накопленный поток в галерею. Меня сбило с ног. Ближайшего Звонаря развернуло и прижало к противоположному краю канала.

Все металлические пластины зазвенели от воды.

Сигнальная сетка захлебнулась.

Я поймал костяной палец корнем и вонзил его в мягкую складку под коленом прижатого существа.

Звонарь дёрнулся.

Поток удерживал его боком.

Я поднялся по грудь в воде и ударил ещё раз — в шею, под раскрытые складки.

Кость вошла на половину длины.

Существо схватило меня за левое предплечье.

Грубая перемычка затрещала.

Я не стал вырывать руку. Прижал ладонь к его груди и выпустил укороченный левый корень между пластинами подвески.

Волокно вошло под серую кожу.

Поток ударил в руку.

Вода. Кровь. Мышцы.

Я тянул, пока Звонарь сжимал предплечье.

Первым разошёлся мой внутренний шов.

Лучевая кость сместилась. Боль стала белой.

Потом костяной палец в его шее прорвал сосуд.

Тёмно-синяя кровь пошла в воду.

Хват ослаб.

Я выдернул руку и отступил.

Существо осталось у стены. Поток бил в грудь. Складки на шее раскрывались, но звука больше не было.

Второй мёртвый.

Поглощённой порции было немного, поэтому пришлось выбирать. Я прежде всего собрал новую грубую перемычку вокруг смещённой кости левого предплечья, сохранив подвижность пальцев, затем стянул свежий разрыв в правом бедре. Остатка хватило лишь на то, чтобы остановить кровь из раны на спине.

Главный Звонарь взобрался на боковой настил, уходя от воды. Двое остальных последовали за ним. Четвёртый остался ниже и постукивал шестом по стене, передавая положение потока.

Они снова меняли тактику.

Вместо пола использовали балки и стены.

Вода помогла один раз.

Второго не будет.

Поток наполнял канал и шёл к резервуару. Уровень под-

нялся до пояса. Мёртвое существо сорвало от стены и понесло назад.

Я не удерживал тело.

Нужно было двигаться вперёд, пока клеточная линия стояла.

Поднялся на край канала, используя правый корень как петлю. Рубец кровил. Большой палец удерживал хват только благодаря свежему ресурсу.

Главный ударил по балке.

Сверху посыпались мелкие камни.

Двое Звонарей шли по настилу параллельно мне. Третий двигался по другой стороне. Они не спускались в воду. Загоняли к узкому мосту впереди.

Мост проходил над глубокой шахтой.

По нему шли две рельсовые полосы из тёмного металла. За мостом галерея расширялась, а дальше виднелся слабый голубой свет.

Человеческая цепь шла туда же.

Я приложил ладонь к рельсу.

Три платформы стояли впереди, за большим механизмом. Вибрация приходила слабая, но узнаваемая.

До людей стало ближе.

Между нами — мост и Звонари.

На рельсе стояла низкая тележка с камнем. Четыре деревянных колеса удерживали её на металлических полосах. Тележку фиксировал клин у заднего колеса.

Мост имел уклон вперёд.

Я коснулся клина ногой.

Главный Звонарь ударил по настилу.

Два его бойца спрыгнули на рельсы за моей спиной. Ещё один вышел впереди, обойдя по боковой балке.

Они взяли мост с двух сторон.

Я наклонился к клину.

Шест ударил по рельсу рядом с рукой.

Металл зазвенел на всю длину.

Передний Звонарь узнал моё положение и бросился.

Я выдернул клин.

Тележка пошла.

Сначала медленно.

Потом колёса нашли уклон.

Я толкнул её правой ногой.

Бедро выдержало один раз.

Тележка ускорилась к переднему Звонарю.

Он услышал колёса и ударил шестом в деревянный борт. Раздвоенный наконечник вошёл в доску. Существо упёрлось ногами в рельсы и начало тормозить груз.

Сильнее, чем выглядело.

Тележка замедлилась.

Два Звонаря сзади приближались.

Главный шёл по боковой балке, удерживая шест над моей головой.

Я выпустил левый корень под тележку и обвил цепь, свя-

зывавшую переднюю ось.

Потянул вбок.

Ось повернулась.

Правое колесо сошло с рельса.

Тележку развернуло поперёк моста.

Переднего Звонаря зажало между бортом и каменной стойкой. Его шест переломился.

Груз не остановился.

Камни высыпались на рельсы. Тележка ударила в боковое ограждение и проломила его.

Половина корпуса повисла над шахтой.

Передний Звонарь оказался под ней.

Он ещё двигался.

Главный прыгнул с балки на тележку, пытаясь удержать её весом в сторону моста. Два задних существа схватили цепи на бортах.

Они спасали третьего.

Я подбежал к задней оси.

Главный повернулся на мой шаг.

Его шест пошёл сверху.

Я поставил левое предплечье под древко.

Удар сломал грубую перемычку.

Рука согнулась.

Но шест остановился на мгновение.

Правой рукой я выдернул костяной палец задней оси.

Колесо вышло.

Тележка наклонилась сильнее.

Один Звонарь отпустил цепь и отступил.

Второй продолжал держать.

Главный ударил меня ногой в грудь.

Я вылетел на рельсы. Сломанные рёбра сдвинулись. Правое лёгкое схлопнулось на половину вдоха.

Тележка висела.

Под ней кричал зажатый Звонарь.

Главный и один боец удерживали цепи. Второй обходил меня.

Я не мог победить их силой.

Под мостом шла ещё одна цепная линия.

Толстая, натянутая, соединённая с рудными коробами. Она проходила через костяное кольцо на нижней стороне тележки.

Я лёг на живот, просунул правый корень между рельсами и обвил движущуюся цепь.

Волокно натянулось.

Боль прошла по ладони.

Я не пытался удержать цепь.

Подтянул её к кольцу тележки.

Первый раз промахнулся.

Звонарь сбоку поднял шест.

Второй раз цепь ударила в костяное кольцо.

Звено вошло.

Я отпустил корень.

Нижняя линия продолжала двигаться.

Она потянула тележку вниз и вперёд.

Главный Звонарь понял раньше остальных.

Отпустил цепь и прыгнул на мост.

Его боец продолжал держать.

Тележку сорвало.

Два существа ушли в шахту вместе с грузом: зажатый и тот, что пытался его спасти.

Деревянный корпус ударился о стену ниже. Камни посыпались в темноту. Металлические подвески звенели всё тише.

Главный остался на мосту.

Ещё один Звонарь стоял за моей спиной.

Двое остались мёртвыми в галерее.

Двое погибли с тележкой.

Главный и ещё один боец оставались впереди.

Раненый с переломанной рукой — где-то позади.

Главный ударил шестом по рельсу.

Ответ пришёл не сзади.

Из голубой темноты впереди.

Ещё сигналы.

Много.

Он звал остальных.

Времени не осталось.

Звонарь за спиной бросил шест.

Я почувствовал удар по рельсу раньше, чем свист.

Повернулся.

Раздвоенный наконечник вошёл в левое плечо и прижал меня к каменной стойке.

Сустав не вышел.

Металл прошёл сквозь мышцу над ним.

Звонарь потянул древко на себя.

Я оказался прикован между ним и стойкой.

Главный шёл по рельсу, постукивая шестом.

Я обвил правым корнем древко в ране.

Не мог вытащить.

Левое предплечье висело, снова сломанное.

Правая нога держала.

Этого должно было хватить.

Я поставил ступню на стойку и толкнулся.

Металл разорвал плечо, выходя наружу. Кусок мышцы остался на ветви шеста.

Но я освободился.

Кровь пошла по груди.

Сделал два шага к Звонарю, который бросил оружие.

Он не ожидал, что добыча пойдёт на него.

Складки на шее раскрылись.

Я ударил правой ладонью в гладкое лицо.

Не кулаком.

Корнем.

Белое волокно вошло в мягкий шов между челюстью и шеей. Пальцы сомкнулись вокруг затылка.

Звонарь ударил меня коленом в живот.

Рубец выдержал.

Второй удар пришёлся в сломанные рёбра.

Я втянул поток из его шеи.

Тёмная кровь пошла в ладонь.

Существо схватило правое запястье и начало отрывать руку.

Сильнее меня.

Главный приближался.

Первую пригодную порцию я удержал в правой ноге, следующей дал наполнить сосудистую камеру у таза, а остальное бросил в мышцы спины, которым предстояло выдержать ещё один рывок.

Звонарь поднял меня за руку.

Я сжал камеру.

Частичная перегрузка включилась на два удара сердца.

Первый.

Правое колено вошло существу в грудь.

Подвесные пластины вдавились под кожу.

Второй.

Я повернул голову Звонаря вокруг собственного корня.

Шея хрустнула.

Режим закончился.

Тело существа упало. Правый корень едва не вырвало вместе с ним. Я втянул волокно и отступил.

Главный остановился в трёх шагах.

Он коснулся шестом мёртвого.

Потом моей крови на камне.

Снял последнюю пластину с пояса и ударил по ней ногтем.

Звук был тихим.

Из голубой темноты ответили десятки.

Я дал ему рабочее имя раньше.

Теперь понял, насколько оно точное.

Звонари были не только охотниками.

Весь нижний мир разговаривал их металлом.

Главный бросился.

Он двигался без подвесок почти бесшумно. Шест шёл короткими прямыми ударами, не широкими взмахами. Первый вошёл в камень у бедра. Второй задел правую кисть. Третий ударил по сломанному левому предплечью.

Кость снова сдвинулась.

Я отступал по мосту.

За спиной не было тележки и части ограждения.

Справа — шахта.

Слева — рельс и каменная стена.

Главный загонял меня к обрыву.

Я бросил камень в его лицо.

Существо не отреагировало на полёт.

Только на удар камня о гладкую кожу.

Голова дёрнулась.

Я шагнул внутрь дистанции шеста.

Главный отпустил древко одной рукой и схватил меня за

горло.

Пальцы сомкнулись.

Складки на его шее раскрылись рядом с моим лицом. Внутри них дрожали тонкие костяные пластинки, ловившие каждый звук.

Я не мог вдохнуть.

Зато мог почувствовать вибрацию его тела через хват.

Правый корень обвил запястье.

Левый, несмотря на сломанную руку, вышел из ладони и скользнул под складки на шее.

Главный дёрнулся.

Не от боли.

От внезапного чужого прикосновения к органу, которым он слышал мир.

Я не поглощал.

Раскрыл корень между пластинками.

Тонкие косточки разошлись.

Звук рельсов, воды, цепей и десятков далёких ответов ударил внутрь его собственного органа без защиты.

Звонарь отпустил горло и схватился за шею.

Я подхватил его шест правой рукой.

Развернул древко поперёк тела и толкнул противника к сломанному ограждению.

Он удержался на краю.

Ступни нашли рельс.

Главный ударил ладонью по металлу.

Из глубины ответил сигнал.

Я обвил правым корнем рельс позади него и потянул себя вперёд.

Лбом ударил в гладкое лицо.

Сломанный нос снова встретил кость.

На этот раз Звонарь отступил.

Одна ступня ушла в пустоту.

Он поймал меня за одежду.

Мы оба наклонились над шахтой.

Слева по нижней цепи шёл новый рудный короб.

Я услышал его не ушами.

Рельс дрожал под коленом.

Короб приближался снизу к месту, где сорвалась тележка.

Главный Звонарь пытался вернуться на мост, используя меня как опору.

Я позволил ему подтянуться.

На полшага.

Потом пропустил его собственный шест между нами и упёр один конец в рельс.

Второй лёг под серую грудь.

Получился рычаг.

Я навалился всем весом.

Звонарь оказался дальше над пустотой.

Он сжал одежду сильнее. Ткань впилась в шею.

Нижний короб ударил по выступающей части шеста.

Древко дёрнуло вверх.

Раздвоенный конец вошёл Главному под рёбра.

Его руки разжались.

Серое тело упало на движущийся короб.

Короб не остановился.

Унёс его вниз по цепи, в темноту шахты.

Главный ещё двигался. Одна рука тянулась к рельсу. Подвесок на нём не осталось.

Поэтому его падение прошло почти без звона.

Я лежал на мосту.

Кровь из плеча шла быстро. Правое лёгкое работало короткими толчками. Левая рука не держала форму. Правый корень стал ещё короче после рельса и цепи.

Впереди отвечали десятки металлических голосов.

Позади оставался раненый Звонарь с переломанной рукой.

Клеточная линия снова пришла в движение.

Три натяжения.

Удар.

Короткий стук.

Людей увозили с остановки.

Я прижал правую ладонь к телу последнего убитого Звонаря.

Он лежал рядом, шея вывернута.

Корень вошёл в рану.

Поглощение разумного — или почти разумного — существа ощущалось телу так же буднично, как любая другая

свежая плоть. Именно это пугало сильнее всего. Несколько минут назад этот Звонарь рисковал собой, спасая товарища; для голодного организма эта разница ничего не значила. Помнить её приходилось мне.

— Прости, — сказал я мёртвому.

Слова не сделали действие лучше.

Только человеческим.

Сначала я стянул сквозную рану плеча и закрыл крупный сосуд, потом снова укрепил левое предплечье, рёбра и правую ногу. Костяной магазин тянул на себя минералы, но я перекрыл ему расход; сосудистым камерам позволил взять лишь небольшой запас на случай одного аварийного рывка. После этого оторвал корень от тела, так и не коснувшись сложных складок на шее глубже необходимого. Организм явно тянулся к их устройству, и неприятнее всего было понимать, что я сам отказываюсь проверять, во что такой материал мог бы меня перестроить.

Поднялся.

Из темноты впереди шли новые сигналы.

Не близко.

Пока.

Мост заканчивался широкой аркой. За ней голубой свет становился ярче. Человеческая цепь уходила туда же.

Я забрал один короткий шест Звонаря.

Не как основное оружие. Как опору и рычаг.

Пошёл.

Левая нога ставилась прямо. Правая принимала большую часть веса. Плечо горело. Каждый глубокий вдох заканчивался влажным хрипом, поэтому я дышал часто и мелко.

Арка вывела меня на каменный выступ.

Я остановился.

Подземный мир не помещался в одном взгляде.

Шахта оказалась лишь трещиной в стене огромной полости. Потолок терялся высоко, как ночное небо. На нём росли полосы голубого и зелёного света. Не звёзды — длинные колонии мха, грибов и прозрачных мешков, наполненных холодным сиянием.

Внизу текла чёрная река.

Через неё перекинули десятки мостов. Одни были деревянными, другие костяными, третьи состояли из цепей и подвесных клеток. По склонам уходили дороги, лестницы, колёса и рудные линии. Вдалеке двигались огни. Не отдельные чаши — целые поселения, выстроенные на каменных террасах.

Где-то работали молоты.

Где-то вращались огромные водяные колёса.

По стенам ползли цепи с грузами и клетками.

Металлический звон передавался от одной галереи к другой, уходил через мосты и возвращался с другой стороны полости.

Подземное небо отвечало само себе.

Я нашёл человеческие клетки не глазами.

Сначала услышал повреждённый полоз.

Потом увидел три маленькие деревянные коробки на дальней подвесной дороге. Они спускались по диагонали к террасам у реки. Между мной и ними лежало несколько сотен метров пустоты, мостов и чужого поселения.

Три клетки.

Все на месте.

У последней стенки двигался человек. Инженер или третий пленник — расстояние не позволяло понять. На полу лежало что-то укрытое тканью.

Лада.

Я не знал, дышала ли она.

Но клетку не разгружали.

Пока.

Дорога под моими ногами шла вдоль стены и спускалась к первому мосту. На камне лежали металлические пластины, похожие на те, которыми пользовались Звонари.

Одна дрогнула.

Из соседней галереи пришёл ответ.

Тревога уже шла впереди меня.

Я крепче сжал короткий шест и сделал первый шаг вниз.

После шахты мир стал больше.

Проблема — тоже.

Глава 27 — Подземное небо

Я сделал первый шаг вниз.

Короткий раздвоенный шест коснулся камня раньше левой ноги. Металл на конце передал в ладонь слабую дрожь дороги. Под подошвой лежал гладкий чёрный камень, отполированный тысячами шагов и постоянной сыростью.

Подземное небо висело над головой.

Полосы голубого мха тянулись по потолку огромной полости, как холодные облака. Между ними светились прозрачные мешки размером с дом. Внутри медленно двигалась мутная жидкость. Иногда один мешок сжимался, и по его поверхности проходила зелёная волна, на несколько секунд освещая мосты, террасы и чёрную реку далеко внизу.

Три человеческие клетки двигались по диагональной цепной дороге.

Я видел их между балками и каменными башнями. Передняя уже прошла над первым мостом. Вторая раскачивалась на повороте. Третья шла неровно: повреждённый полоз или подвес каждый раз давал короткий удар после общего натяжения.

Одиннадцать человек.

Несколько сотен метров.

Между нами — поселение, река и тревога, которая умела бегать быстрее меня.

Металлический звон перескакивал с террасы на террасу. Сначала отвечали ближайшие пластины. Потом далёкие. Через минуту весь нижний мир уже знал, что в одной из верхних галерей произошло что-то неправильное.

Что именно — он пока не знал.

Это было моим единственным преимуществом.

Дорога спускалась вдоль стены узкой лентой. Справа поднимался камень. Слева начиналась пустота. Ограждение состояло из редких костяных столбов и натянутых между ними цепей. Половина звеньев покрылась белым грибком.

Я шёл медленно.

Правая нога принимала почти весь вес. Левую ставил строго прямо и сначала проверял дорогу шестом. Внутренняя перемычка голени держалась, но каждый неровный шаг отзывался хрустом. Левое плечо горело вокруг сквозной раны. Предплечье лежало у груди и двигалось только настолько, насколько позволяла толстая кривая опора внутри.

После Звонарей я снова мог идти.

Хорошая новость.

Плохая — нижний мир мог выставить ещё несколько тысяч аргументов против.

На первой террасе закрывались проходы.

Высокие створки из дерева и кости опускались между домами. Узкие существа с длинными спинами затаскивали внутрь корзины, детей и связки светящегося мха. Некоторые были похожи на Звонарей телосложением, но имели глаза

— маленькие, чёрные, посаженные по бокам головы. Другие двигались на четырёх ногах и носили на передней части тела по две пары коротких рук.

Они увидели меня.

Один замер у двери, прижимая к груди круглый свёрток.

Я замер тоже.

Он не поднял оружие. Не ударил в пластину. Только отступил за створку и потянул цепь.

Дверь закрылась.

Не каждый здесь был охотником.

Это усложняло работу.

Убивать всё движущееся становилось не только неправильно, но и глупо. Поселение было большим. Если превратить его в бойню, человеческие клетки уйдут дальше, пока я буду доказывать местным своё плохое воспитание.

Я опустил короткий шест наконечником вниз и пошёл дальше.

На повороте дорога пересекала поток.

Вода падала из стены по трём деревянным желобам, вращала небольшое колесо и уходила под настил. Рядом стояла тележка с глиняными сосудами. Их бросили открытыми. Из одного вытекала густая белая жидкость.

Голод отозвался раньше мысли.

Корни в ладонях напряглись. Разделяющие камеры сжались под рёбрами.

Я присел у сосуда и коснулся лужи кончиком правого кор-

ня. Белая жидкость оказалась густой, питательной и достаточно влажной, хотя вместе с ней чувствовались горечь и слабая минеральная примесь. После всего, что уже пережили разделяющие камеры, это не выглядело серьёзной угрозой. Я втянул несколько глотков.

Тепло прошло по предплечью, и тело сразу попыталось растащить его по плечу, предплечью, рёбрам и пустому костяному магазину. Последний я перекрыл: боеприпас пригодился бы, но целая нога сейчас была важнее. Я нагрузил левую голень, пока вокруг треснувшей перемычки не собралась тонкая волокнистая скоба, затем дал плечу стянуть мышцу вокруг сквозной раны. Руку после этого удалось отвести от груди на ладонь.

Сосуд опустел.

Я поднялся.

На краю тележки висела маленькая пластина с тремя насечками. Похоже на знак владельца или цену.

Воровать у целого подземного города еду было не самой высокой точкой моей карьеры.

Но хозяин оставил её во время тревоги, а я оставил ему сосуд.

Почти честный обмен.

Человеческие клетки прошли ещё одну опору.

Я ускорился.

Дорога вывела к развилке. Широкая лестница шла прямо вниз к мостам. Узкий служебный путь уходил за водяные

трубы и почти скрывался в стене.

На широкой лестнице уже собиралась охрана.

Семь коренастых существ в белых костяных накидках. Они были ниже человека, но шире в плечах. Нижняя челюсть выступала вперёд. На поясах висели крюки, короткие цепи и круглые колокольчики. Двое устанавливали поперёк ступеней решётку. Третий прикладывал к ней металлическую пластину.

Звон ушёл вниз.

Клеточная дорога ответила.

Подвесы с людьми замедлились.

Я вошёл в служебный проход.

Трубы шли вдоль стены плотным пучком. Одни были деревянными, обтянутыми тёмной кожей. Другие — костяными. Между ними оставалось достаточно места для бокового шага. Иногда приходилось поворачиваться и прижимать левую руку к груди.

Шест использовал как опору.

Каждый раз, когда металлический наконечник касался трубы, по ней уходила дрожь. Я старался ставить древко на деревянные крепления, а не на сам канал.

За тонкой стеной слышались голоса.

Не слова. Короткие горловые звуки, щелчки, удары по металлу. Поселение закрывалось. Механизмы останавливались один за другим. Сначала исчез стук молотов. Потом замедлилось ближайшее колесо. По цепным дорогам пошли рез-

кие натяжения.

Клетки дёрнуло.

Третья накренилась.

На расстоянии она казалась маленькой коробкой. Но я увидел, как внутри люди навалились на одну сторону, удерживая укрытое тело от удара о прутья.

Лада была жива хотя бы для них.

Этого пока хватало.

Служебный проход закончился решёткой.

За ней находилась площадка над первой цепной дорогой. По нижнему уровню проходили короба с рудой. Выше — клетки, грузы и закрытые платформы. Дальше все линии сходились к башне у реки.

Перевалочный узел.

Если человеческие клетки остановили, их могли перенаправить там.

Решётка была тонкой, но закрывалась костяным замком. Я просунул раздвоенный конец шеста между прутьями и повернул.

Левая рука не помогала. Правой не хватало рычага.

Упёр древко в плечо.

Плохое плечо.

Другого не было.

Надавил.

Мышца вокруг сквозной раны разошлась на палец. Кровь потекла под одежду. Костяной замок треснул.

Я повернул ещё раз.

Он лопнул.

Решётка открылась наружу.

На площадке никого не было.

Внизу двигались рабочие. Длиннорукие, в кожаных фартуках, они снимали короба с одной цепи и цепляли к другой. Некоторые имели по четыре глаза. У других лицо закрывал костяной щит с узкими отверстиями. Никто не смотрел вверх.

Пока.

Я вышел и прижал ладонь к полу.

Вибрация человеческой линии шла справа.

Три подвеса приближались к башне. Но новая серия ударов изменила ритм. Передняя клетка остановилась. Вторая натянула общую цепь. Третья ударилась об опору.

Снизу закричали.

Человеческий голос.

Короткий. Мужской.

Я подошёл к краю площадки.

До клеток оставалось меньше ста метров по прямой и два уровня вниз. Служебная лестница шла к узкому мосту над рудными линиями. На мост уже поднимались двое коренастых охранников в белых накидках.

Один увидел открытую решётку.

Поднял круглый колокольчик.

Я бросил короткий шест.

Не как копьё.

Как палку.

Раздвоенный конец зацепил руку с колокольчиком и прижал её к перилам. Охранник рыкнул. Второй бросился вверх.

Я встретил его на лестнице.

Крюк прошёл справа. Я наклонился, пропуская металл над плечом, и ударил правым коленом в выступающую челюсть.

Существо качнулось.

Не упало.

Обеими руками схватило меня за пояс и толкнуло к краю.

Я упёрся пяткой в ступень.

Кожа на правой пятке разошлась. Боль помогла не перепутать ногу.

Выпустил левый корень на длину предплечья и обвил крепление перил за спиной охранника. Потом отпустил пятку.

Мы оба пошли вниз.

Он ожидал, что я буду сопротивляться.

Я позволил ему нести мой вес и повернулся вокруг корня.

Существо пролетело мимо. Его грудь ударилась о перила. Дерево выдержало. Верхняя часть тела перевалилась наружу, ноги остались на ступенях.

Я ударил ладонью по колену.

Сустав выгнулся.

Охранник сорвался.

Он упал не в пропасть. На рудный короб уровнем ниже. Дерево проломилось. Серое каменное крошево накрыло его до груди.

Жив.

Надолго ли — не проверял.

Первый вырвал руку из раздвоенного шеста и ударил в колокольчик.

Звон получился низким и тяжёлым.

Все рабочие внизу подняли головы.

Площадка перестала быть пустой.

Я втянул корень и побежал по мосту.

Три шага дались нормально. На четвёртом левая голень хрустнула. На пятом правое лёгкое отказалось брать воздух глубже. Пришлось перейти на быстрый шаг.

Позади охранник поднимал мой шест.

Впереди над мостом опустилась решётка.

Два рабочих тянули цепь с другой стороны.

До пола оставалась половина человеческого роста.

Я лёг и проскользнул под ней.

Левое плечо задело металл.

Сквозная рана раскрылась.

Решётка ударила по камню за пятками.

Охранник остался снаружи.

Я оказался на втором уровне башни.

Здесь сходились цепи.

Огромный вертикальный барабан вращался в центре. Во-

круг него шли канаты, деревянные направляющие и костяные зубья. По внешнему кругу двигались платформы. На одной лежали туши животных. На другой — связки мха. Третья несла закрытые ящики.

Человеческие клетки находились выше.

Я слышал их через барабан.

Передняя клетка уже вошла в башню. Её цепь перехватил верхний механизм. Вторая приближалась. Третья опять ударялась повреждённым полозом.

На стене работали четыре рычага.

Над каждым висела металлическая пластина с разным числом отверстий. Рабочие знали, какой путь включать.

Я — нет.

Зато видел цепи.

Первая уходила к реке.

Вторая поднималась вдоль дальней стены.

Третья шла вниз, под башню, откуда тянуло горячим воздухом и запахом крови.

Четвёртая возвращала пустые платформы назад.

Человеческие клетки перехватывала первая.

К реке.

Пока.

На верхней площадке зазвенели колокольчики. Белые накидки приближались с обеих сторон.

Я поднял с пола короткую деревянную распорку и заклинил решётку позади.

Выиграл несколько секунд.

Передняя клетка показалась в башне.

Четыре человека.

Один лежал. Трое сидели, держась за прутья. Их лица были серыми от усталости. Один мужчина поднял голову и увидел меня между механизмами.

Сначала не поверил.

Потом прижался к решётке.

— Командир!

Русское слово ударило сильнее звона.

Я поднял руку.

Не мог ответить сразу. Горло сжалось не от чужих пальцев.

Четверо.

Первая клетка прошла мимо, уходя к реке.

За ней появилась вторая.

Тоже четверо. Женщина с окровавленной повязкой на голове. Два мужчины. Ещё один человек лежал, подтянув колени. Все живы — хотя бы настолько, чтобы дышать или двигаться.

Восемь.

Третья клетка ещё подходила.

Я увидел рабочих наверху. Они переводили рычаг.

Не речной.

Третий.

Вниз, к запаху крови.

Повреждённую клетку собирались отделить.

— Нет.

Сказал тихо.

Барабан не послушался.

Я бросился к рычагам.

Первый охранник вышел на площадку справа. Второй — слева. У обоих крюки. За ними двигались ещё трое.

Я схватил речной рычаг правой рукой.

Он не двигался.

Костяной фиксатор вошёл в паз у основания. На фиксаторе висел маленький колокольчик.

Один охранник ударил крюком.

Я прикрылся левым предплечьем.

Металл вошёл в толстую временную перемычку и застрял.

Охранник дёрнул.

Кость сместилась внутри руки. Пальцы онемели.

Я не отпустил рычаг.

Правый корень вышел из ладони, скользнул по основанию и обвил костяной фиксатор.

Второй охранник пошёл сбоку.

У меня оставался малый запас перегрузки.

Один короткий выброс.

До клеток — ещё несколько секунд.

Сжал камеру у таза.

Мир дёрнулся.

Правой ногой ударил второго охранника в грудь. Белая на-

кидка треснула. Существо отлетело к барабану.

Корнем вырвал фиксатор.

Рычаг пошёл.

Повернул его к речной цепи.

Первый охранник всё ещё держал крюк в моём предплечье. Я шагнул к нему и позволил металлу пройти глубже между перемычкой и мышцей.

Потом ударил лбом в челюсть.

Перегрузка закончилась.

Охранник упал.

Я остался стоять.

Правая мышца бедра разошлась по свежему шву. Под кожей стало горячо. Левая рука висела на крюке. Сердце билось слишком быстро, пытаясь вытолкнуть пустоту из сосудистых камер.

Речной механизм принял рычаг.

Зубья переключились.

Третья клетка вошла в башню.

Три человека.

Инженер держал Ладу на коленях. Третий худой пленник сидел у двери, прижимая раненую руку к груди. Кожа на предплечье была тёмной, пальцы опухли.

Одиннадцать.

Все здесь.

Инженер увидел меня.

Его лицо изменилось.

— Савин?

— Она жива?

Клетка двигалась мимо.

— Пока! — крикнул он. — Но холодная. И почти не дышит.

Лада лежала неподвижно. Волосы прилипли к лицу. Грудь поднималась так слабо, что я заметил движение только на фоне прутьев.

Запах человеческой крови пришёл через башню.

Тело отреагировало.

Корни напряглись. Разделяющие камеры сжались. Во рту появилась слюна.

Я держал рычаг.

Смотрел на Ладу.

И ненавидел, что организм видел в ней решение моих ран.

— Дверь открыть можете? — спросил я.

Инженер дёрнул костяную защёлку изнутри.

— Замок снаружи. И пол держится на нём. Сломаем — можем уйти вниз.

Клетка была не просто коробкой. Дверная рама соединялась с нижними полозьями и подвесом. Открою сейчас — при следующем натяжении конструкцию перекосит. Три человека полетят в механизм или реку.

Освободить означало убить быстрее.

— Держите её, — сказал я.

— А я, по-твоему, чем занимаюсь?

— Других приказов пока нет.

Инженер коротко засмеялся.

Звук вышел надломленным.

Клетка дошла до переключения.

Зубья речной линии схватили цепь.

Повреждённый полоз ударил по направляющей.

Костяная скоба треснула.

Клетку наклонило.

Лада скользнула к прутьям. Инженер поймал её. Худой пленник навалился на противоположную стену, удерживая равновесие.

Нижний фиксатор начал выходить.

Если он выскочит, клетка сорвётся.

Я отпустил рычаг.

Бросился к краю платформы и выпустил оба корня.

Правый обвил цепь клетки.

Левый дотянулся до треснувшей скобы.

Клетка тянула руки вниз.

Повреждённые рубцы в ладонях раскрылись. Левая лучевая кость сдвинулась вокруг крюка, который всё ещё торчал из предплечья.

Я упёр правую ногу в основание барабана.

— Перейдите к дальней стене! — крикнул я.

Инженер понял первым. Потянул Ладу. Худой помог одной рукой.

Вес клетки сместился.

Скоба вошла обратно на половину.

Недостаточно.

На площадку ворвались ещё три охранника.

Один поднял колокольчик.

Второй пошёл к рычагу.

Третий увидел мои корни, натянутые к клетке.

Он ударил по правому.

Раздвоенный крюк вошёл в белое волокно.

Боль прошла до плеча.

Я не отпустил цепь.

Охранник дёрнул крюк на себя.

Продольный разрыв корня раскрылся дальше.

Клетка прошла ещё одно звено.

Скоба вышла почти полностью.

Я втянул левый корень глубже в трещину и расширил его.

Не хватало твёрдости.

Костяной магазин в предплечье оставался пустым, но структура была там. Организм мог собрать шило, если дать минералы и белок.

Запаса не было.

Был крюк в левой руке.

Я схватил его правой ладонью и вырвал из предплечья.

Кровь пошла сразу.

Металлический конец был тоньше скобы.

Вставил крюк между костяными створками повреждённого фиксатора.

Ударил основанием ладони.

Не вошёл.

Охранник на корне потянул сильнее.

Я ударил ещё раз.

Металл прошёл в трещину.

Скоба закрылась вокруг него.

Клетка выровнялась.

Правый корень отпустил цепь.

Охранник получил весь мой вес на своём крюке.

Я потянул его к краю.

Существо сделало два шага и ударилось грудью о ограждение.

Не сбросил.

Вместо этого обвил правым корнем его шею, подтянулся и ударил коленом в бок.

Костяная накидка выдержала первый удар.

Второй пришёлся ниже.

Охранник согнулся.

Я забрал его крюк и толкнул в барабан.

Белая накидка попала между зубьями.

Существо закричало. Механизм потащил ткань, потом плечо.

Я не ждал результата.

Третий охранник уже переводил рычаг вниз.

Речная линия дрогнула.

Передние клетки остановились над чёрной водой.

Последняя осталась внутри башни.

Если он завершит переключение, её всё равно уведут вниз.

Я бросил крюк.

Металл попал охраннику в спину, но костяная накидка отбила удар.

Он повернулся.

Я подошёл и ударил правой ладонью в лицо.

Корень вышел на длину пальца и вошёл в ноздрю.

Существо отшатнулось, закрываясь руками.

Я схватил рычаг.

Костяной фиксатор уже двигался к нижнему пазу.

Левой рукой пользоваться нельзя.

Правой не хватало силы.

Тогда я поставил стопу на рукоять и повис всем весом.

Рычаг пошёл обратно.

Сломанные рёбра сжались. Правое лёгкое выпустило воздух. Плечо кровило. Левая рука дрожала.

Но механизм вернулся к реке.

Третья клетка вышла из башни.

Инженер смотрел на меня через прутья.

— Командир!

— Не называй так громко. Здесь тревожные.

Он показал на крюк, заменивший скобу.

— Долго не выдержит.

— Тогда молитесь своему инженеру.

— Это я!

— Плохо.

Клетка ушла.

Я остался в башне с охраной.

Передние две платформы уже двигались над рекой. Третья шла следом, чуть ниже одной стороной. Крюк держал фиксатор, но при каждом натяжении металл сгибался.

Мне нужно было выйти из башни и добраться до речной линии.

Пять охранников перекрывали лестницы.

Один всё ещё висел в зубьях барабана. Живой. Механизм сжал его костяную накидку и зажал плечо, но не перемолол.

Я не стал добивать.

Часть меня сразу предложила другое.

Свежая масса.

Достаточно, чтобы закрыть плечо, предплечье и собрать кость.

Существо разумно смотрело на меня тремя маленькими глазами. Одной рукой пыталось освободить ремни. Вторая была зажата.

Тело видело пищу.

Я видел пленника механизма.

Разница снова оставалась только во мне.

Подошёл к барабану и ударил стопорный зуб коротким крюком.

Механизм отдал ткань на несколько сантиметров.

Охранник вырвал плечо. Кожа и часть мышцы остались под накидкой. Он упал на пол и отполз.

Остальные остановились.

Не потому, что простили.

Потому, что не поняли.

Я тоже не был уверен, зачем дал ему уйти.

Наверное, хотел однажды посмотреть на себя и найти хоть что-то, кроме голода.

Колокольчики зазвенели.

Слева охранники пошли вперёд.

Справа рабочие закрывали выход костяной створкой.

За барабаном проходила вертикальная цепь, поднимавшая пустые платформы на верхний ярус.

Я прыгнул к ней.

Правый корень обвил звено. Правая рука схватила следующее. Левой прижал древко короткого крюка к груди.

Цепь потащила вверх.

Охранник ударил снизу и зацепил правую пятку.

Крюк вошёл в тканевую обмотку из человеческих лоскутов.

Я дёрнул ногу.

Ткань слетела.

Оба лоскута остались на крюке охранника.

Он посмотрел на мокрые серые полосы.

Я увидел старую почти смытую кровь и свежий тёмный край.

Люди.

Не еда.

Цель.

Цепь унесла меня выше.

Лоскуты остались в башне.

Я хотел вернуться.

Не мог.

Передняя клетка уже приближалась к середине реки.

Я запомнил место.

Если выживу — память не станет хуже от отсутствия ткани.

Верхняя цепь вынесла меня на крышу башни.

Отсюда речная линия была почти на одном уровне. Три клетки висели на толстой цепи, натянутой между башнями по обе стороны чёрной воды. Под ними двигались плоские суда с широкими кожаными парусами. На берегах горели зелёные чаши.

Тревога изменила город.

Мосты поднимались.

Костяные ворота закрывали террасы.

По дорогам бежали Звонари и охранники в белых накидках. Длиннорукие рабочие убирали грузы с путей. Существа с четырьмя глазами прятались в домах.

Никто не знал меня.

Но все уже ждали.

Речная цепь вела не прямо к клеткам.

Между нами оставался разрыв десять метров. Над ним проходили пустые грузовые крюки.

Я дождался ближайшего.

Прыгнул.

Правая рука поймала цепь. Корень обвил железо. Плечо дёрнуло. Левое предплечье прижалось к груди и отозвалось белой болью.

Грузовой крюк понёс меня над водой.

Чёрная река была не чёрной.

Сверху я увидел глубокий синий цвет и тысячи светящихся точек под поверхностью. Они двигались против течения, складываясь в длинные полосы. Иногда вода вспухала, и из неё показывалась широкая спина.

Падать не хотелось.

Крюк приближался к клеточной линии.

Передняя клетка прошла под ним.

Я насчитал четверых.

Вторая — ещё четверых.

Последняя шла ниже и качалась.

Крюк-скоба в фиксаторе сгибался.

Я отпустил грузовую цепь и упал на крышу третьей клетки.

Дерево встретило рёбра.

Воздух вышел.

Пальцы правой руки зацепились за верхний край. Корень обвил подвес. Левая рука не помогала.

Инженер ударил изнутри по крыше.

— Живой?

— Не уверен.

— Лада хуже.

Я перевернулся на живот и просунул лицо к щели между досками.

Внутри было темно. Инженер держал Ладу. Худой пленник прижимал раненую руку к боку.

— Покажи её шею.

Инженер убрал волосы.

Я выпустил левый корень через щель.

Он замер.

— Это ты контролируешь?

— Сейчас да.

— Очень успокоил.

Корень коснулся кожи Лады сбоку шеи.

Тонкий пульс.

Редкий.

Неровный.

Но был.

Холодная кожа. Обезвоживание. Кровопотеря. Тело истощено почти до предела.

Мой регенеративный контур сразу открыл пути.

Он предлагал взять.

Человеческая кровь была рядом. Тонкая кожа. Ослабленное сердце.

Я втянул корень.

— Жива, — сказал я.

— Ты можешь помочь?

Я мог только забирать. Возвращать очищенную массу обратно в чужое тело корни не умели, а проверять на Ладе, переживёт ли она мои наниты, кровь или переработанную ткань, я не собирался.

— Не здесь.

Инженер на секунду закрыл глаза.

— Замечательно.

— Сам в восторге.

Передняя башня на другом берегу приближалась.

Там человеческие клетки ждали не пустые направляющие.

Десятки охранников.

Звонари стояли на трёх уровнях. Между ними висели крупные пластины. На нижней площадке работали два механизма. Один принимал речную цепь. Второй поднимал клетки вверх по стене полости.

Третий путь уходил под террасы.

Сигнал тревоги заставил рабочих переводить стрелку.

Речная линия замедлилась.

Клетки снова собирались перенаправить.

На этот раз все три.

Вниз.

Я прижал ладонь к подвесу.

Через металл почувствовал ритм механизмов.

Главный речной барабан вращался вперёд.

Нижняя линия уже натягивалась.

Вертикальная подъёмная стояла.

Мне нужна была она.

Знал только: нижний путь пах кровью и горячей переработкой. Верхний уходил к дальней стене, где между каменными уступами виднелась большая арка. За ней шёл холодный воздух.

Не наружный.

Но ближе к горе и кораблю.

Клетка вошла под башню.

Я поднялся на колени.

На крыше держаться было нечем. Подвесы расходились по четырём углам. Цепь проходила над головой.

Первый Звонарь на площадке ударил в пластину.

Все головы повернулись к моей клетке.

Скрыться больше не получалось.

— Держитесь, — сказал я.

— За что? — спросил инженер.

— За всё.

Прыгнул на боковой подвес и начал подниматься к основной цепи.

Звонари ударили снова.

Два раздвоенных шеста полетели с площадки.

Первый прошёл мимо.

Второй вошёл в крышу клетки рядом с моей ногой.

Худой пленник закричал внутри.

Я выдернул шест и бросил обратно.

Не попал в существо.

Попал в большую пластину.

Звон оглушил площадку.

Несколько Звонарей повернулись к ней.

Я использовал секунду и перебрался на цепь.

Клетка вошла в захват башни.

Деревянные зубья сомкнулись на подвесе. Речная цепь отпустила.

На мгновение клетка повисла между тремя путями.

Рабочие тянули нижний рычаг.

Я находился прямо над ним, на цепи.

Спрыгнул на верхнюю площадку.

Охранник в белой накидке встретил меня крюком.

Ушёл вбок.

Левая голень хрустнула.

Крюк задел правое бедро и раскрыл свежий шов.

Я ударил украденным раздвоенным шестом снизу в выступающую челюсть. Существо качнулось. Перехватил древко и толкнул его в грудь, оттесняя от рычага.

Второй охранник ударил колокольчиком по моему плечу.

Костяной корпус раскололся.

Сквозная рана открылась.

Тёплая кровь потекла по руке.

Звонари получили точное положение.

Три шеста ударили одновременно.

Я упал между рычагами.

Один наконечник прошёл над лицом. Второй пробил одежду на спине. Третий вошёл в деревянный пол.

Правый корень обвил основание вертикального рычага.

Нижний уже был почти включён.

Рабочий с четырьмя глазами тянул его обеими парами рук. Он не выглядел охранником. На поясе висели инструменты. Лицо выражало страх.

Я не стал бить его.

Ударил по деревянной тяге рядом.

Раздвоенный шест вошёл между соединениями. Повернул.

Тяга лопнула.

Нижний рычаг остался в руках рабочего, но механизм перестал получать движение.

Вертикальная линия стояла.

Её фиксатор удерживала толстая костяная скоба у пола.

До неё — два шага.

Между нами Звонарь.

Он ударил шестом по камню.

Я почувствовал вибрацию через колени.

Наконечник пошёл справа.

Отклонился влево.

Второй удар ожидал там.

Металлическая ветвь вошла под левую лопатку, в старую рану.

Звонарь учёл первый уход.

Я схватил древко под мышкой.

Существо потянуло.

Рана раскрылась.

Не отпускал.

Поставил правую стопу на шест и прижал его к полу. Затем выбросил короткий правый корень к слуховой складке.

Звонарь отступил.

Он уже знал, что я делал с их органами.

Страх.

Значит, информация от раненого дошла.

Существо отпустило оружие и ударило металлической подвеской о грудь.

Ответили десятки.

К башне приближались новые.

Я выдернул шест из спины.

Два оружия.

Одно оставил на полу.

Второе использовал как рычаг под костяной фиксатор вертикальной линии.

Надавил.

Фиксатор не двигался.

Охранник в белой накидке поднялся и схватил древко с другой стороны.

Мы потянули каждый к себе.

Он был сильнее.

Я отпустил внезапно.

Охранник отлетел назад.

Шест остался в его руках.

Правый корень уже лежал под фиксатором.

Расширил волокно.

Кость поднялась на толщину пальца.

Просунул второй раздвоенный шест.

Надавил всем весом.

Фиксатор вышел.

Вертикальная линия ожила.

Цепь над башней дёрнулась вверх.

Захват человеческой клетки повернулся.

Вместо нижнего пути она вошла в подъёмный.

Инженер ударил по крыше изнутри.

Первая клетка уже стояла в башне на соседнем захвате. Вторая подходила.

Нужно было перевести все три.

Рабочие кричали.

Звонари били в пластины.

Охрана шла с двух лестниц.

Я увидел общий вал, соединявший три захвата. На нём стояли три костяных пальца. Вертикальный рычаг включал только текущую платформу. Следующие могли снова уйти вниз.

Нужно было заклинить вал в верхнем положении.

Патроны и скобы закончились; при мне оставались короткий раздвоенный шест и неизвестная пластина под одеждой. Терять её не хотелось, но одного взгляда на людей в клетках хватило, чтобы спор с самим собой закончился.

Вынул пластину.

Тёмный материал не был похож на обычный металл. Он пережил удары, воду, кровь и падение. Край оставался острым.

Вставил его между зубьями вала.

Первое натяжение согнуло соседнюю костяную пластину.

Неизвестная выдержала.

Вал остановился в положении подъёма.

Первая клетка пошла вверх.

Вторая вошла в захват.

Механизм попытался вернуть стрелку вниз.

Зубья упёрлись в пластину.

Вторая клетка тоже поднялась.

Третья находилась подо мной.

Крюк в её повреждённой скобе изгибался.

Если подъёмная линия дёрнет сильнее речной, фиксатор может лопнуть.

Я спрыгнул на крышу клетки.

Охранник ударил вслед и рассёк правое плечо крюком.

Не глубоко.

Достаточно, чтобы рука ослабла.

Клетка начала подниматься.

Башня уходила вниз.

Звонари бросили шесты.

Один пробил боковую стенку. Металлические ветви вошли внутрь между инженером и худым пленником.

Второй зацепил подвес.

Цепь дёрнулась.

Крюк-скоба в повреждённом полозе согнулся ещё сильнее.

Я обвил его правым корнем.

Не удержать вечно.

Только до верхней направляющей.

Охранник в белой накидке прыгнул на клетку с площадки.

Он поймал нижний край крыши и повис рядом.

Три маленьких глаза смотрели на меня.

Тот самый, которого я освободил из барабана?

Белая накидка была разорвана на плече. Мышца открыта.

Да.

Он поднялся за мной.

В одной руке держал короткий крюк.

Я приготовил шест.

Существо посмотрело на оружие.

Потом на свой разорванный плечевой ремень.

Подняло крюк.

Не ударило.

Вонзило его в треснувшую скобу клетки рядом с моим.

Два металлических крюка легли крестом.

Фиксатор перестал расходиться.

Я замер.

Охранник издал низкий горловой звук.

Не понял.

Он ударил ладонью по крыше и показал вверх.

Потом отцепился.

Упал не в пустоту — на нижнюю площадку башни, уже далеко под нами. Перекатился и остался лежать.

Я смотрел вниз.

Не все решения мира обязаны были быть понятны.

Иногда достаточно, что они работают.

Третья клетка вошла в подъёмную шахту.

За нами закрывались костяные створки. Звон тревоги оставался снаружи. Внутри стены стало темнее и холоднее.

Три клетки шли одна над другой по общей цепи.

В передней клетке оставались четверо, во второй ещё четверо, в последней трое — и я на крыше. Все одиннадцать были живы. Пока.

Подъёмная цепь дёрнулась.

Мы пошли вверх.

Я лёг на доски и прижал правую ладонь к перекрещенным крюкам в повреждённой скобе.

Левую руку я положил на грудь. Сломанные рёбра двигались при каждом вдохе, правое бедро кровило, плечо горело, оба корня стали заметно короче после последних боёв, а

сосудистые камеры снова опустели. Но клетки поднимались.

Чёрная река и поселения уходили вниз. Холодные огни подземного неба становились дальше. Металлическая тревога бежала по мостам, но не могла догнать нас внутри стены.

Впереди был подъём.

И, судя по состоянию моего тела, он собирался стать отдельной проблемой.

Глава 28 — Подъём

Цепь дёрнулась так, будто кто-то наверху решил проверить, сколько костей осталось у меня целыми.

Крыша клетки ушла вниз, потом резко ударила в спину. Два перекрещенных крюка в повреждённой скобе разошлись на толщину пальца. Правый корень, обмотанный вокруг них, натянулся и прорезал собственный продольный разрыв глубже.

Я прижал грудь к доскам.

Сломанные рёбра ответили влажным щелчком. Правое лёгкое потеряло половину вдоха. Левая рука осталась под телом, и грубая перемычка в предплечье скрипнула, но не сломалась.

Пока.

Клетка поднялась на один человеческий рост.

Вторая шла выше. Передняя исчезала в темноте шахты. Общая цепь проходила вдоль стены, через костяные кольца и редкие деревянные направляющие. От каждого натяжения по камню уходил тяжёлый гул.

— Савин! — крикнул инженер изнутри.

— Здесь.

— Скоба уходит!

— Вижу.

Это было неправдой.

Я чувствовал её правым корнем. Металл дрожал под белой тканью. Один крюк, мой, уже согнулся. Второй, оставленный местным охранником, держался лучше, но его конец медленно вырывал край костяного фиксатора.

Клетка качнулась.

Внутри кто-то ударился о стену. Худой пленник выругался. Инженер приказал всем перейти к правому борту.

Три человека сместили вес.

Крыша подо мной наклонилась в другую сторону. Крюки вернулись в трещину на несколько миллиметров.

— Так держать, — сказал я.

— Очень точная команда.

— Не мешай мне блистать.

Голос инженера помогал. Значит, он ещё мог дышать, думать и спорить. Лада не говорила.

Шахта была холоднее нижнего мира. По стенам тянулись белые потёки. В редких нишах рос бледный мох, который светился только после удара цепи. Каждый рывок будил его на несколько секунд, и тогда над нами появлялись деревянные балки, боковые пути и огромные тёмные грузы.

Первый встречный противовес прошёл справа.

Каменная глыба размером с комнату падала вниз по отдельной цепи. Между ней и нашей клеткой осталось меньше метра. Воздух от движения ударил в лицо. Клетку притянуло к глыбе, как щепку к быстрому течению.

Я выпустил левый корень к стене.

Он нашёл ржавое кольцо.

Потянул клетку от противовеса.

Укороченного волокна не хватало. Пришлось подняться на колени и вытянуть левую руку. Плечевая рана раскрылась. Тёплая кровь прошла под одеждой и сразу стала холодной.

Глыба прошла.

Её нижний край задел один из боковых деревянных брусьев клетки.

Брус треснул.

Клетка закрутилась вокруг подвеса.

Правый корень удерживал крюки. Левый — кольцо в стене. Моё тело оказалось между двумя движениями.

Левая лучевая кость не выдержала.

Грубая перемычка внутри предплечья разошлась. Рука согнулась там, где сустава не было. Боль прошла до шеи.

Я отпустил кольцо.

Клетка сделала половину оборота и ударилась боком о направляющую.

Внутри закричала женщина.

Скоба вышла ещё на палец.

Я навалился на крюки правым плечом и вдавил их обратно.

Правое бедро, раскрытое после последнего рывка, дрогнуло. Кровь из раны пропитала штанину и собралась на крыше тёмной лужей.

[СИСТЕМА] Регенеративный резерв: низкий.

[СИСТЕМА] Кровопотеря нарастает.

— Как будто я мог не заметить.

Интерфейс исчез.

Клетка продолжила подъём.

Снизу донёсся звон.

Сначала один удар. Потом второй. Третий пришёл из боковой ниши ниже нас.

Тревога всё-таки вошла в шахту.

Я посмотрел вниз.

Костяные створки, закрывшие вход, уже остались далеко. Между ними и нашей клеткой поднималась маленькая платформа. На ней стояли четыре фигуры. Два Звонаря с длинными шестами и двое коренастых охранников в белых накидках.

Платформа шла быстрее нас.

Они не собирались ждать верхней остановки.

— У нас гости, — сказал я.

— Сколько?

— Достаточно, чтобы обслуживание перестало быть бесплатным.

Инженер замолчал на секунду.

— Мы можем помочь?

Я посмотрел на дверь клетки. Замок находился снаружи и поддерживал часть пола. Открывать его в движении всё ещё означало рисковать тремя жизнями ради появления двух людей на крыше, которые едва стояли.

— Держите Ладу и не меняйте сторону без команды.

— Принято.

Это прозвучало слишком по-военному.

На несколько секунд я снова оказался командиром.

Потом правый корень дёрнуло скобой, и роль закончилась.

Платформа снизу приближалась.

Один Звонарь ударил по подвесной пластине. Звук прошёл по цепи, нашёл клетку и вернулся. Его гладкая голова поднялась точно ко мне.

Охранник бросил крюк.

Я повернулся боком.

Металл прошёл над крышей и обвил левый задний угол клетки. Второй конец крюка крепился к короткой цепи на платформе.

Охранник натянул её.

Клетку повело вниз и в сторону.

Скоба заскрипела.

Я схватил короткий раздвоенный шест и ударил по цепи. Древко отскочило. Металл был толще пальца.

Второй удар пришёлся по месту соединения с крюком.

Не сломал.

Платформа подтянулась ближе.

Звонарь поднял шест.

Я оставил правый корень на скобе, лёг на край крыши и выпустил левый к цепи охранника. Волокно обвило звено.

Повреждённое предплечье не помогало, поэтому тянуть пришлось спиной.

Цепь натянулась между нами.

Охранник оказался сильнее.

Он подтянул меня к краю.

Звонарь ударил.

Раздвоенный наконечник вошёл в левый бок крыши, пробил доску и едва не достал человека внутри. Женщина вскрикнула. Древко осталось торчать между мной и платформой.

Я не стал вырывать его.

Пропустил цепь охранника между ветвями наконечника и обернул вокруг шеста.

Платформа снова дёрнула.

Шест повернулся поперёк.

Одна ветвь застряла в доске, другая легла под край их платформы.

Получился рычаг.

Я отпустил левый корень.

Охранник потянул цепь всем весом.

Собственная сила подняла край платформы.

Первый Звонарь потерял опору. Его шест ударил по каменной стене. Второй попытался удержаться за цепь подъёма.

Платформа накренилась.

Один охранник упал на колено. Второй отпустил лебёдку.

Крюк на нашей клетке ослаб.

Я выдернул его из деревянного угла и бросил вниз.

Он ударил по ногам Звонаря.

Существо сорвалось с платформы.

Пальцы успели поймать край. Металлические подвески на груди зазвенели.

Второй Звонарь схватил его за запястье.

Они снова спасали своего.

Охранники пытались выровнять платформу. Рычаг из шеста держал её под углом. Дерево трещало.

Я ударил коротким шестом по его древку.

Первый раз.

Второй.

Древко сломалось у раздвоенного конца.

Платформа резко вернулась в горизонт.

Звонаря, висевшего снаружи, ударило о стену.

Но он не упал.

Его товарищ удержал.

Платформа отстала на несколько метров.

Я лёг обратно на скобу.

Правый корень почти не чувствовал двух последних сантиметров. Продольный разрыв пропускал прозрачную жидкость. Один крюк продолжал сгибаться.

Сверху пришёл новый гул.

Не цепь.

Что-то двигалось навстречу внутри нашей шахты.

Светящийся мох вспыхнул на стенах.

Над второй клеткой показалась широкая ремонтная платформа. Она спускалась по центральным направляющим и занимала почти всю ширину. На ней лежали связки дерева, костяные детали и тяжёлый барабан.

Наши клетки шли вверх.

Платформа — вниз.

Разойтись они не могли.

Наверху кто-то перевёл линию на столкновение.

— Инженер!

— Слышу.

— Передняя клетка должна пройти боковой карман. Посмотри, есть ли внутри рычаги на стенке.

— Внутри клетки?

— На направляющей. Через прутья.

Он ответил не сразу.

— Есть костяная рукоять справа. Но до неё не достать.

Первая клетка уже приближалась к платформе.

Я видел её низ над второй клеткой. Между деревом оставалось не больше пяти метров.

В стене справа открывался узкий карман, куда могла уйти одна клетка. Переключатель находился напротив второй.

Не нашей.

Я не мог добраться до него по стене быстрее клеток.

— Вторая клетка! — закричал я. — Кто у правой стенки, найдите рычаг за прутьями!

Голос ушёл вверх.

Кто-то ответил, но слова потерялись в грохоте.

Ремонтная платформа приближалась.

Передняя клетка вошла в боковой карман сама. Видимо, направляющая была выставлена заранее. Вторая шла следом, но переключатель не вернулся.

Две клетки в один карман не помещались.

На крыше второй показалась рука.

Мужчина высунул её между прутьями и тянулся к костяной рукояти на стене. Не хватало ладони.

Я выпустил левый корень.

До второй клетки — два человеческих роста вверх.

Волокно дотянулось до нижнего бруса.

Подтянул тело.

Правый корень оставался на повреждённой скобе нашей клетки.

Я не мог уйти полностью.

Растянулся между двумя крышами.

Левое плечо разошлось вокруг раны. Сломанное предплечье висело. Правая нога скользила по мокрым доскам.

Мужчина увидел корень.

Отшатнулся.

— Не трогай! — крикнул я. — Покажи рычаг!

Он указал.

Костяная рукоять находилась на стене между клеткой и спускающейся платформой.

Я ударил по ней коротким шестом.

Промахнулся.

Платформа оставалась в трёх метрах.

Вторая клетка начала входить под её край.

Я ударил снова.

Раздвоенный наконечник зацепил рукоять.

Потянул.

Она не двигалась.

На основании стоял костяной фиксатор.

Мужчина просунул руку и схватил его.

— На себя! — крикнул я.

Он дёрнул.

Фиксатор вышел.

Я перевёл рукоять вниз.

Направляющая второй клетки повернулась в левый карман.

Клетку бросило в сторону.

Люди внутри упали.

Её верхний подвес прошёл в нескольких сантиметрах от ремонтной платформы.

Наша клетка оставалась на центральной линии.

Карман справа был занят первой.

Слева — второй.

Для третьей места не осталось.

Ремонтная платформа шла прямо на нас.

— Держитесь!

Инженер засмеялся без радости.

— Опять?

— Традиция.

Я отпустил левый корень от второй клетки и втянул его.

Посмотрел на ремонтную платформу.

Нижняя часть держалась на четырёх деревянных колёсах, охватывавших вертикальные направляющие. Между ними проходил тяжёлый барабан. По краю висели инструменты и связки костяных пластин.

Если остановить её, общий механизм мог порвать цепи.

Если сбросить с направляющей, она уйдёт вниз на нашу клетку.

Нужно было заставить её пройти мимо там, где места не было.

Правая стена имела узкий ремонтный паз. Не для платформы. Для её колёс.

Я поднялся на колени.

Правый корень удерживал скобу.

Левым обвил ближайшее костяное кольцо на стене.

Клетка подошла к платформе.

Расстояние — два метра.

Я поставил короткий шест между крышей клетки и левой направляющей.

Надавил правой ногой.

Древко согнулось.

Клетку повело вправо.

Скоба заскрипела. Крюки начали выходить.

Инженер и худой пленник внутри сместились к правой стене по моей команде без слов. Вес помог.

Клетка вошла краем в ремонтный паз.

Не полностью.

Достаточно, чтобы левая сторона крыши освободила половину ширины шахты.

Платформа ударила.

Её правое колесо прошло над нашим левым углом. Нижний брус срезало. Связки костяных пластин посыпались на крышу. Один деревянный ящик ударил меня по спине.

Рана под лопаткой раскрылась.

Барабан прошёл над головой.

Я прижался к доскам.

Между металлом и позвоночником осталось два пальца.

Короткий шест сломался.

Половина древка ушла вниз.

Вторая осталась зажатой между клеткой и направляющей.

Платформа продолжила спуск.

Последнее колесо зацепило правый верхний угол клетки.

Крюки в скобе разошлись.

Один вылетел.

Тот, что поставил местный охранник.

Клетка провалилась на половину метра и повисла на одном согнутом крюке, правом корне и основной цепи, державшейся только краем костяного фиксатора.

Внутри люди ударились о пол.

Лада не издала ни звука.

Я схватил выпавший крюк правой рукой.

Большой палец не удержал. Металл скользнул.

Левый корень поймал его у края крыши.

Подтянул.

Вставить обратно снаружи было невозможно: трещина повернулась к стене.

Нужно было добраться под подвес.

Клетка шла вверх, прижатая к правой направляющей. Под крышей оставалось пространство размером с плечо.

Я пропустил левый корень вокруг основной цепи и закрепил тело.

Правый оставил в скобе.

Сполз за край.

Ноги повисли над пустотой.

Внизу платформа преследователей снова набирала скорость.

Я спустился до подвеса.

Костяной фиксатор раскрывался при каждом рывке. Один крюк держал края крестом только с одной стороны. Правый корень проходил между ними и уже начал сплющиваться.

Второй крюк был в левой ладони.

Левая рука не держала вес. Пришлось зажать металл подмышкой и направлять корнем.

Клетка ударилась о направляющую.

Моё тело размазало по камню.

Правый бок принял удар. Рёбра сдвинулись. Во рту появилась кровь.

Я не отпустил.

Вставил конец крюка в трещину снизу.

Не вошёл.

Развернул.

Снова не вошёл.

Платформа охраны приближалась.

Первый Звонарь уже стоял на верхнем краю. Второй поддерживал раненого товарища. Охранники подняли новые крюки.

Я ударил металлическим концом по костяной скобе.

Трещина расширилась.

Плохо.

Зато крюк вошёл.

Повернул его поперёк первого.

Два металла снова легли крестом.

Правый корень освободился от части нагрузки.

Я подтянулся на крышу.

Платформа охраны оставалась в одном рывке цепи ниже.

Один охранник бросил крюк.

Металл вошёл в мою правую икру.

Острие прошло через мышцу и вышло сбоку.

Цепь натянулась.

Меня потянуло с крыши.

Я обвил правым корнем верхний подвес клетки.

Охранник тянул вниз.

Клетка тянула вверх.

Икра оказалась между ними.

Мышца разошлась вдоль.

Кожа раскрылась до колена.

Я закричал.

Инженер ударил по крыше.

— Что происходит?

— Техническое обслуживание!

Охранник потянул ещё раз.

Я не мог вырвать крюк рукой.

Левое предплечье сломано. Правая держала край крыши.

Оставался короткий обломок шеста, зажатый у направляющей.

Дотянулся левым корнем.

Подтянул древко.

Металлическая раздвоенная часть сохранилась.

Ударил по цепи крюка у моей ноги.

Первый удар отдался в кости.

Второй надрубил звено.

Третий сломал один край.

Охранник дёрнул.

Звено разошлось.

Платформа ушла вниз на метр.

Крюк остался в икре.

Я вытащил его.

Кровь полилась по крыше.

Регенеративная сеть дёрнулась к ране, но брать было уже неоткуда. Голод ударил сильнее боли.

На ремонтной платформе, прошедшей мимо, рассыпались связки бледных корней и кожаные мешки. Один мешок зацепился за выступ стены чуть выше.

До него было три метра.

Внутри плескалась жидкость.

Еда или яд.

Других вариантов не предлагали.

Я выпустил левый корень к мешку.

Не дотянулся.

Клетка поднялась.

Теперь дотянулся.

Белое волокно обвило кожаную петлю и сорвало мешок с крюка.

Он ударился о крышу и лопнул.

Густая серая масса растеклась по доскам.

Запах был растительный, с горечью металла и тухлого жира.

Корни коснулись серой массы, и разделяющие камеры сразу свело от горечи. Пригодного в ней было мало, яда — с избытком, но влажной органики хватало, чтобы хотя бы не истечь кровью. Я втянул столько, сколько решился, и прежде всего стянул разорванную правую икру грубыми поперечны-

ми тяжами. Затем укрепил свежий шов в бедре и дал остаткам потока поддержать плечо и обезвоженные сосуды. Полного ремонта сейчас не требовалось — лишь закрыть самые опасные места и сохранить движение.

Токсичная фракция собралась под рёбрами тяжёлым холодным комком.

Мешок опустел.

Я поднялся на колени.

Правая нога снова держала вес.

Цена пришла сразу: язык онемел, по коже пошли серые пятна, живот свело.

— Потом, — сказал я собственному телу.

Оно не возражало.

Ему было всё равно, когда убивать меня.

Платформа преследователей снова приблизилась.

Теперь Звонари не бросали оружие.

Они ударили по своей пластине.

Ответ пришёл сверху.

В шахте над нами открылись три ремонтных окна. Из них высунулись длинные шесты. Верхняя охрана ждала.

Мы оказались между двумя группами.

Передняя клетка вышла из бокового кармана первой. Вторая — следом. Наша центральная линия соединялась с ними выше.

Там же находилась широкая площадка с тормозным барабаном.

Безопасная остановка.

Наконец.

До неё — двадцать метров.

Лада могла не выдержать ещё одного столкновения.

Я прижал ладонь к крыше.

— Инженер.

— Здесь.

— Наверху площадка. Когда клетка остановится, не трогайте дверь, пока я не скажу.

— А ты?

— Буду убеждать местных, что остановка плановая.

Сверху ударил шест.

Раздвоенный конец прошёл между подвесами и вошёл в крышу.

Я перекатился.

Второй удар пришёл с противоположного окна.

Третий Звонарь не целился в меня.

Он ударил по двум перекрещенным крюкам.

Первый крюк выскочил наполовину.

Я схватил древко его шеста правым корнем.

Звонарь потянул вверх.

Не сопротивлялся.

Позволил поднять себя к ремонтному окну.

Крыша клетки ушла вниз.

Я повис на чужом оружии. Правая нога нашла край окна. Левый корень обвил каменную стойку.

Звонарь понял ошибку и отпустил шест.

Поздно.

Я вошёл в окно плечом.

Существо отступило.

Внутри находился узкий ремонтный коридор. Трое Звонарей и один рабочий с четырьмя глазами. Рабочий держал рычаг, соединённый с тормозным барабаном площадки.

Звонари окружили меня.

Клетка продолжала подниматься снаружи.

Я поднял раздвоенный шест, который принёс их товарищ.

Не умел владеть им как они.

Зато коридор был шириной в два плеча.

Первый Звонарь ударил прямо.

Увёл наконечник своим древком к стене.

Второй пошёл снизу.

Поставил правую стопу на его шест.

Третий ударил подвеской.

Звон прошёл через камень.

Они видели меня без глаз.

Я ударил стену собственным шестом.

Бесполезно.

Они ожидали ложного сигнала.

Первый повернул древко и зацепил левое плечо. Ветвь вошла в старую сквозную рану.

Я шагнул к нему, а не назад.

Металл прошёл насквозь.

Существо потеряло дистанцию.

Правый корень обвил складки на его шее и прижал к гладкому лицу.

Я не раскрывал волокно внутри.

Просто потянул голову вниз.

Колено ударило в грудь.

Звонарь согнулся.

Второго толкнул его телом.

Третий успел ударить по правой ноге.

Раздвоенный наконечник вошёл в грубый шов икры и снова разорвал его.

Я опёрся на левую ногу.

Перемычка голени выдержала.

Повернул первого Звонаря поперёк коридора и толкнул в открытое окно.

Он поймал край пальцами.

Второй схватил его за руку.

Третий продолжал давить шестом в икру.

Они снова выбрали спасение своего.

Я ударил третьего концом древка в слуховую складку.

Не пробил.

Звук металла рядом с органом заставил его дёрнуться.

Выдернул ногу из наконечника.

Кровь пошла снова.

Рабочий с четырьмя глазами всё ещё держал тормозной рычаг. Он смотрел на меня всеми глазами и не двигался.

Клетка с Ладой проходила мимо окна.

До площадки оставалось десять метров.

Я показал на рычаг.

Потом вниз.

Рабочий понял направление.

Покачал головой.

Показал на Звонарей.

Первый и второй пытались вернуться в коридор. Третий снова поднял шест.

Я показал на клетку.

На себя.

На рычаг.

Рабочий смотрел.

Потом ударил нижней рукой по маленькой пластине у пояса.

Короткий сигнал.

Сверху ответил барабан.

Тормозной рычаг пошёл сам.

Рабочий схватил его всеми четырьмя руками и потянул вниз.

Цепь клеток загремела.

Движение замедлилось.

Звонари повернули головы к нему.

Третий ударил рабочего.

Не наконечником.

Древком по рукам.

Рычаг остановился на половине.

Я бросился вперёд.

Правой рукой схватил древко Звонаря. Корнем обвил его запястье. Повернул к стене.

Левой рукой не мог ударить.

Ударил головой.

Сломанный нос хрустнул.

Звонарь отшатнулся.

Рабочий снова потянул рычаг.

Цепь замедлилась сильнее.

Передняя клетка вошла на площадку. Деревянные опоры приняли её снизу.

Вторая встала рядом.

Третья приближалась.

Два Звонаря вернулись в коридор.

Один оставил товарища висеть снаружи и пошёл на меня. Второй поддерживал его за пояс.

Я отступил к окну.

Клетка с Ладой находилась под ним.

Скоба всё ещё держалась на двух крюках.

Площадка была в трёх метрах.

— Сейчас! — крикнул я рабочему.

Он опустил рычаг до конца.

Тормозной барабан схватил цепь.

Клетка остановилась резко.

Меня выбросило из окна.

Звонарь успел зацепить одежду.

Ткань разорвалась.

Я упал на крышу клетки.

Рёбра встретили доски.

Внутри люди ударились о стену, но нижние опоры площадки уже приняли вес.

Повреждённая скоба раскрылась.

Оба крюка вышли.

Основная цепь отпустила.

Клетка провалилась на ладонь и села дном на деревянную колыбель.

Без падения.

Без разрушения пола.

Без трёх тел в шахте.

Я лежал на крыше и слушал.

Снизу поднималась платформа преследователей.

Сверху Звонари выходили из ремонтного коридора.

Остановка была безопасной.

Тихой она не стала.

Я спрыгнул на площадку.

Правая нога выдержала. Левая голень дрогнула, но удержала.

Дверь последней клетки находилась передо мной.

Костяной замок соединял раму с нижним полозом. Теперь клетка стояла на колыбели. Даже если пол просядет, опоры удержат его.

Я вставил раздвоенный конец шеста в замок.

Повернул.

Кость треснула.

Второй рывок сломал фиксатор.

Дверь открылась внутрь.

Инженер вышел первым.

Худой пленник помогал ему держать Ладу.

Я увидел её полностью.

Кожа серо-белая. Губы почти бесцветные. Одежда пропитана старой кровью. На боку плотная повязка. Грудь поднималась редко и мелко.

— На площадку, — сказал я. — Подальше от края.

Инженер посмотрел на мои руки, корни, кровь и разорванную одежду.

Вопросов было много.

Времени — нет.

— Остальные клетки?

— Открываем.

Передняя и вторая уже стояли на колыбелях. Замки были такими же.

Я добрался до первой.

Звонари сверху спускались по боковой лестнице. Платформа охраны снизу оставалась в десяти метрах.

Сломал первый замок.

Четверо вышли.

Мужчина, который узнал меня в башне. Женщина с пере-

вязанной ногой. Молодой парень, державший бок. Четвёртый почти не мог стоять, но был в сознании.

Вторая клетка.

Замок сопротивлялся дольше.

Охранник снизу бросил крюк.

Металл ударил в деревянную опору рядом.

Я повернул шест всем корпусом.

Замок лопнул.

Ещё четверо.

Женщина с окровавленной повязкой на голове. Два мужчины. Лежавший пленник оказался старше остальных; один мужчина вынес его на плечах.

Одиннадцать.

Все вне клеток.

Все живы.

Площадка имела боковую ремонтную камеру. Дверь открыта. Внутри стояли пустые короба, кожаные мешки и большой тёплый водяной канал.

— Все туда! — приказал я. — Инженер, Ладу к тёплой трубе. Не на неё, рядом. Снимите мокрое. Укутайте мешками.

Люди двигались медленно, но двигались.

Мужчина из первой клетки остался у двери.

— Помочь?

— Закрывай за последним.

— Тебе.

Я посмотрел на лестницу.

Сверху шли трое Звонарей. Снизу платформа уже достигала края площадки. Четыре противника на ней.

— Закрывай дверь.

— Командир...

— Это не обсуждение.

Он ушёл.

Остался один.

Как положено.

Первый Звонарь спрыгнул на площадку.

Я встретил его коротким шестом.

Два древка ударились.

Его оружие скользнуло по моему и зацепило правое плечо. Неглубокий разрез раскрылся.

Повернул своё древко и зажал одну ветвь его наконечника между своими.

Потянул вниз.

Звонарь сделал шаг.

Правая нога ударила ему под колено.

Существо упало.

Я ударил концом шеста в слуховую складку.

Металл вошёл.

Тёмная кровь пошла по шее.

Второй Звонарь ударил сбоку.

Наконечник прошёл через левое предплечье, между кривой перемычкой и костью.

Рука перестала чувствовать пальцы.

Я отпустил своё оружие.

Правый корень обвил его древко. Левый, укороченный, дошёл до пояса первого мёртвого.

Поглощение началось, и прохладная ткань Звонаря пошла в ладонь. Мне требовался только материал, который можно было немедленно потратить. Я стянул левое предплечье прямо вокруг застрявшего шеста, фактически заклинив оружие в собственной руке; следующий толчок ушёл в снова разорванную икру, затем в плечо, рёбра и сосуды.

Я отпустил мёртвого.

Повернул тело вместе с зажатым шестом.

Звонаря потянуло за оружием.

Он оказался рядом.

Правый корень вошёл под складки на шее и раскрылся поперёк.

Не поглотил орган.

Разорвал его.

Звонарь потерял ориентацию. Ударил ладонью по камню и получил только собственный беспорядочный звон.

Я толкнул его к краю.

Он упал на платформу охраны снизу.

Сбил одного коренастого.

Третий Звонарь остановился на лестнице и ударил в пластину.

Из глубины шахты ответили.

Ещё шли.

Не победить всех.

Нужно было закрыть площадку.

Тормозной барабан стоял в центре. К нему подходил огромный противовес, висящий в боковом колодце. Если освободить его, он опустит каменную заслонку между уровнями.

Я видел цепь и фиксатор.

До него — через платформу охраны.

Платформа сравнялась с площадкой.

Два коренастых прыгнули первыми. Один поднял круглый щит. Второй держал крюк двумя руками.

Я отступил к клеткам.

Пустые клетки всё ещё стояли на колыбелях.

Первая ближе к противовесу.

Её подвес соединялся с общей цепью, но нижние опоры были освобождены после выхода людей.

Я ударил по стопору колыбели.

Деревянный палец вышел.

Клетка покатилась по коротким рельсам к платформе охраны.

Первый охранник упёрся щитом.

Клетка была тяжелее.

Она толкнула его назад, на платформу.

Второй попытался уйти, но дверь клетки оставалась открыта. Костяная рама зацепила его крюком и затянула

внутрь.

Пустая клетка столкнулась с платформой.

Две конструкции заклинило между направляющими.

Путь снизу закрылся.

Охранники остались внутри или под клеткой.

Звонарь на лестнице пошёл быстрее.

Я перепрыгнул через рельсы и добрался до фиксатора противовеса.

Толстая костяная скоба удерживала цепь.

Короткий шест остался у мёртвого.

Использовал чужой, который всё ещё проходил через левое предплечье.

Схватил древко правой рукой.

Повернул.

Металл вырвался из руки вместе с тканью.

Кровь брызнула на скобу.

Вставил раздвоенный конец под фиксатор.

Надавил ногой.

Скоба поднялась.

Звонарь ударил сзади.

Шест вошёл в правый бок между рёбрами.

Воздух вышел.

Я повис на рычаге.

Существо потянуло оружие.

Раздвоенные ветви раздвинули рану.

Перед глазами потемнело.

Правый корень обвил фиксатор.

Я отпустил шест и упал вперёд всем весом.

Скоба вышла.

Противовес сорвался.

Цепь застонала.

Каменная заслонка пошла вниз между площадкой и шахтой.

Звонарь понял.

Попытался уйти.

Я обвил его лодыжку левым корнем.

Повреждённая рука едва управляла волокном, но расстояние было маленьким.

Потянул.

Существо упало.

Заслонка опустилась.

Её нижний край ударил Звонаря по спине и прижал к камню.

Тело дёрнулось.

Металлические подвески зазвенели один раз.

Потом замолчали.

Площадка содрогнулась.

Путь сверху и снизу закрыла толстая каменная плита. Преследователи остались по другую сторону.

Я сидел рядом с прижатым Звонарём.

Шест всё ещё торчал в правом боку.

В ремонтной камере плакала женщина.

Инженер звал меня.

Я вытащил оружие.

Кровь пошла между рёбрами.

Прижал корень к мёртвому Звонарю.

— Ещё раз, — сказал я.

Поток вошёл.

Я взял ровно столько, сколько требовалось, чтобы закрыть сосуды в боку, стянуть левое предплечье, удержать правое лёгкое и вернуть ногам опору. К сложным слуховым складкам на шее даже не полез. От мёртвого тела приходило лишь тепло сырья и тяжёлое понимание, что оно становится меньше ради моих следующих нескольких минут жизни.

Когда кровотечение остановилось, я оторвал корень.

Встал.

Ремонтная камера закрывалась деревянной створкой. Мужчина из первой клетки держал её изнутри.

— Всё?

— На ближайшие минуты.

Он открыл.

Внутри пахло мокрой одеждой, кровью, тёплым камнем и страхом.

Ладу положили рядом с водяным каналом. Её укрыли разрезанными кожаными мешками. Инженер держал пальцы на шее.

— Пульс слабее.

На стене висели три глиняных сосуда. Один пустой. Вто-

рой с чёрной смазкой. В третьем плескалась прозрачная жидкость.

Я коснулся жидкости корнем. Вода была солоноватой, со слабой растительной сладостью и небольшой горечью, но разделяющие камеры не отреагировали на неё как на яд.

— Можно, — сказал я. — По капле. Не вливать.

Инженер смочил Ладе губы. Потом дал несколько капель.

Она не глотнула.

Он провёл пальцем по горлу.

Ещё капля.

Мышцы шеи дёрнулись.

Лада сглотнула.

Очень слабо.

В комнате никто не заговорил.

Инженер повторил.

Пульс не стал сильным.

Но перестал редеть.

— Ей нужна кровь, тепло и нормальная медицина, — сказал он.

— Знаю.

— У нас этого нет.

— Пока нет.

Он посмотрел на мои корни.

Я увидел вопрос.

— Я не могу безопасно перелить ей то, что перерабатываю, — сказал я раньше него. — Моя кровь тоже не вариант.

В ней слишком много чужого.

Инженер кивнул.

Не спорил.

Это было хуже.

Я осмотрел остальных.

Все одиннадцать были здесь. Двое почти не стояли; у женщины из второй клетки рана на голове уже не кровила, худой пленник сохранил чувствительность в тёмной опухшей руке, а мужчина из первой клетки дышал ровно, несмотря на пропитавшуюся повязку на боку. Их состояние позволяло хотя бы немного ждать. Ладе — нет.

За каменной заслонкой шёл глухой звон. Преследователи искали обход.

Ремонтная камера имела второй выход.

Узкая лестница поднималась вверх между тёплыми трубами. В конце чувствовался холодный поток воздуха. Не сырость нижнего мира. Сухой каменный холод и слабый запах пепла.

Горный тоннель.

Возможно.

Я поднял жетон Власова на шнурке и посмотрел на него.

Один человек уже не дождался.

Эти одиннадцать ещё могли.

— Лестница ведёт вверх, — сказал я. — Но раненые её не пройдут.

— Что предлагаешь? — спросил инженер.

На стене камеры стоял ручной подъёмник. Маленькая платформа, рассчитанная на грузы. Деревянный барабан, цепь и две рукояти. Выше она уходила в отдельный узкий ствол.

Механизм цел.

Платформа маленькая.

За один подъём — два лежащих или три сидящих.

— Поднимем вас партиями.

Мужчина из первой клетки посмотрел на каменную заслонку.

— А они?

— Будут стучать.

— Долго?

— Зависит от качества строителей.

Первый удар пришёл из-за плиты.

Камень дрогнул.

— Строители были мотивированные, — добавил я.

Мы перенесли Ладу на грузовую платформу первой. С ней пошёл инженер. Рядом поместили старшего лежачего пленника из второй клетки.

Я взялся за рукоять барабана.

Левая рука не работала полноценно. Пришлось привязать её к древку обрывком кожаного мешка и толкать плечом. Правой вращал.

Платформа пошла вверх.

Цепь скрипела.

Каждый оборот тянул левое предплечье. Внутренняя перемычка двигалась вместе с костью. Правый бок горел под свежим швом.

Но платформа поднималась.

Через несколько минут сверху ударили три раза.

Инженер добрался.

Я опустил пустую платформу.

Вторая партия — женщина с раной головы, мужчина с боком и худой с повреждённой рукой.

Третья — оставшиеся четверо.

Последним поднялся мужчина, который хотел остаться помогать.

Я стоял один у барабана.

Каменная заслонка покрылась первой трещиной.

За ней Звонари ударяли в одном ритме. Охранники, вероятно, использовали рычаги или молоты. Пыль сыпалась с потолка.

Я закрепил платформу наверху и осмотрел камеру.

Оставлять механизм преследователям нельзя.

Снял стопор с тёплого водяного канала.

Труба дрогнула.

Повернул деревянную заслонку.

Кипящая вода пошла в нижнюю часть шахты за каменной плитой. Оттуда донёсся гул и беспорядочный звон.

Не победа.

Задержка.

Затем ударил по опоре ручного барабана раздвоенным шестом.

Дерево треснуло.

Ещё раз.

Опора сломалась.

Барабан сорвался и ушёл в нижний ствол вместе с цепью.

Подниматься следом этим путём стало невозможно.

Мне тоже.

Осталась узкая лестница между трубами.

Я поставил правую ногу на первую ступень.

Левая выдержала вторую.

Третья потребовала опоры корнем.

Подъём был медленным.

Снизу каменная заслонка треснула снова.

Потом ещё раз.

Я не оглядывался.

Лестница закончилась в узком каменном коридоре. Люди ждали там. Лада лежала на платформе, которую инженер использовал как носилки. Воздух был холодным и двигался слева направо.

Коридор расходился.

Правый путь шёл шире и почти горизонтально. На полу лежали старые деревянные полозья. Он мог вывести грузовую платформу к горному тоннелю.

Левый поднимался круто. Оттуда тянуло пеплом сильнее.

Инженер посмотрел на меня.

— Вместе?

Люди стояли за ним.

Одиннадцать.

Истощённые. Раненые. Живые.

Если они пойдут за мной по крутому пути, Лада умрёт. Если я останусь, мы будем ждать, пока Звонари найдут другой подъём. Если отправить их по широкому тоннелю, они смогут двигать платформу и держаться вместе.

— Вы идёте направо, — сказал я. — Медленно. Не разделяться. Ищите место, где можно закрыть проход. Воду давайте всем понемногу. Ладе — по капле, следить за дыханием.

— А ты?

Я посмотрел на крутой проход.

Холодный воздух приносил не только пепел.

Очень слабый запах горелого пластика.

Человеческий.

Или мне хотелось, чтобы он был человеческим.

— Проверю верхний выход.

— Один?

— Других добровольцев не вижу.

Мужчина из первой клетки шагнул вперёд.

— Я пойду.

Он едва держал бок.

— Нет.

— Ты вытащил нас.

— Именно поэтому не собираюсь тащить обратно.

Инженер понял раньше.

— Ему нужно найти корабль.

Я кивнул.

Если корпус горел, там могли быть другие люди, медицинские запасы, связь, оружие, капсулы.

Помощь для Лады.

И ответы.

— Мы остановимся в первом закрывающемся помещении, — сказал инженер. — Оставим след на правой стене.

— Не кровью.

Он посмотрел на моё тело.

— Это твоя специализация.

— Уже занята.

Первый настоящий смех за всё время прозвучал тихо и закончился кашлем.

Я передал инженеру глиняный сосуд с водой.

Больше дать было нечего.

Жетон Власова остался у меня.

Короткий раздвоенный шест — тоже.

Люди взялись за платформу с Ладой. Трое толкали. Двое поддерживали раненых. Остальные шли по сторонам.

Они двинулись вправо сами — не строем за мной, а группой раненых людей, которым я наконец дал шанс выбирать собственный путь без прутьев вокруг.

Я смотрел, пока последний не исчез за поворотом.

Потом повернулся к крутому проходу.
Снизу, далеко под нами, металл снова зазвенел.
Они нашли путь.
Я поставил шест на камень и сделал первый шаг вверх.
Подземное небо осталось внизу.
Над головой была гора.
А где-то за ней горел мой корабль.

Глава 29 — Горный выход

Я поставил раздвоенный конец шеста на первую каменную ступень и перенёс вес на правую ногу.

Проход поднимался почти вертикально. Не лестница — старая трещина, которую когда-то расширили инструментом, а потом бросили. На стенах ещё попадались квадратные выемки под балки, но дерево сгнило или было снято. Дальше шёл голый камень.

Холодный воздух тянул сверху непрерывно.

Он пах пеплом, мокрым железом и горелым пластиком.

Запах был слабым. Любой другой человек мог принять его за смолу или местную растительность. Я слишком долго жил среди человеческих машин, чтобы ошибиться. Так пахла расплавленная изоляция кабелей, перегретая обшивка и внутренние панели после пожара.

Корабль находился снаружи.

Насколько далеко — другой вопрос.

Я поднялся на три ступени.

Правая икра выдержала. Грубые поперечные тяжи внутри мышцы натянулись и не разошлись. Левая голень работала только при прямой постановке стопы. Приходилось сначала проверять выступ шестом, потом ставить ногу и только затем подтягивать тело корнем.

На пятой ступени живот свело.

Токсичная масса под рёбрами сжалась в плотный холодный комок. По коже живота прошла волна онемения. Серые пятна на руках стали темнее.

[СИСТЕМА] Токсическая нагрузка: критическая.

[СИСТЕМА] Снижение проводимости периферических нервов.

[СИСТЕМА] Рекомендуется удаление накопленной фракции.

— Найди ещё слив, — пробормотал я.

Удалять было некуда.

Разделяющие камеры удерживали яд, не позволяя ему смешаться с кровью. Но сами камеры не были бездонными. Серая растительная масса из ремонтной платформы дала мне воду и белок вместе с таким набором примесей, что любая лаборатория попросила бы отдельный бюджет на анализ.

У меня не было лаборатории.

Был горный проход и несколько органов, собранных из тех, кого я съел.

Приходилось работать с доступным оборудованием.

Я продолжил подъём.

Камень становился светлее. Чёрные стены нижнего мира сменились серыми, потом буро-красными. В трещинах лежал лёд. Сначала тонкие прозрачные нити, дальше — настоящие пластины, закрывавшие ступени.

На лёд оседал пепел.

Не местная пыль.

Чёрные лёгкие хлопья крошились между пальцами и оставляли жирный след. Я растёр один большим пальцем. Внутри блеснула тонкая серебристая нить.

Углеродная ткань.

Фрагмент теплоизоляции или внутренней панели.

Первое подтверждение.

Я поднял голову.

Сверху донёсся далёкий низкий удар.

Не звон подземного города. Не каменный механизм.

Глухой взрыв, который прошёл через гору и заставил лёд осыпаться со стен.

Через несколько секунд поток воздуха принёс более сильный запах дыма.

Корабль всё ещё горел.

Значит, пожар не закончился за четыре дня.

Или горело уже что-то другое.

Мне не понравился ни один вариант.

За спиной, далеко внизу, металл ударил о камень.

Один раз.

Потом два.

Преследователи нашли крутой проход.

Я ускорился.

Первые двадцать метров удалось пройти на ногах. Потом трещина сузилась. Ступени закончились, и подъём превратился в наклонную щель между двумя пластами камня. Высоты хватало только для того, чтобы ползти на боку.

Левое плечо пришлось прижать к груди. Правым толкал шест перед собой. Корни цеплялись за выступы и подтягивали тело.

Холод проникал через одежду.

В нижнем мире я мечтал о свежем воздухе. Через несколько минут гора напомнила, что свежесть бывает разной.

Лёд под правым локтем треснул.

Рука ушла в воду до плеча.

Я остановился.

Под тонкой коркой проходил ручей. Ледяная вода текла между каменными пластами, направляясь вниз.

Жажда сжала горло.

Я пробил корку шестом и выпустил правый корень в поток.

Вода была чистой только на вкус. В ней растворились соли железа, кальция и что-то горькое, но разделяющие камеры не показали опасной реакции.

Я пил медленно, позволяя воде прежде всего вернуть объём обезвоженным сосудам и немного разбавить тяжёлую токсичную массу под рёбрами. Часть оставил в желудке. Через несколько глотков сердце перестало биться мелко и часто.

Я напился ещё.

Камеры под рёбрами растянулись.

Теперь яд можно было вывести.

Я развернулся, насколько позволяла щель, прижал левую

ладонь к воде и открыл корневой канал в обратную сторону.

Обычно корни тянули всё внутрь, но после возни с храмовым сбросом я уже знал, что разделённую массу можно вытолкнуть в обратную сторону, если правильно создать давление. Внутренняя сантехника оставалась отвратительной, зато работала. Я сжал камеры.

Боль прошла под рёбрами.

Правый корень судорожно сократился. Из его пор вышла густая серая жидкость и смешалась с ручьём. Вода сразу потемнела.

Вместе с ядом ушли соли, часть воды и немного пригодной массы.

Организм попытался остановить потерю.

Я заставил продолжить.

Серый поток стал почти чёрным. Живот скрутило. Меня вырвало водой и жёлчью в узкую щель. В глазах потемнело.

Но онемение языка начало уходить.

Серые пятна на коже побледнели.

Я закрыл канал.

Ручей унёс токсичную массу вниз.

К преследователям.

Пусть знакомятся.

Я лежал на боку и дышал, пока сердце не перестало пропускать удары.

[СИСТЕМА] Токсическая нагрузка снижена.

[СИСТЕМА] Ресурсный резерв: минимальный.

[СИСТЕМА] Обезвоживание: умеренное.

— Хоть кто-то сегодня доволен.

Снизу донёсся первый звук из узкой щели.

Не звон.

Кашель или низкий хрип.

Потом металлический наконечник царапнул камень.

Они были ближе, чем хотелось.

Я пополз.

Щель поднималась и поворачивала вправо. Камень давил на спину. В нескольких местах приходилось выдыхать полностью, чтобы протиснуть грудь. Сломанные рёбра скользили друг о друга. Правое лёгкое сжималось и расправлялось короткими болезненными толчками.

Шест застрял впереди.

Я потянул.

Древко не двигалось.

Протиснул правую руку и нащупал препятствие.

Не камень.

Тонкая гладкая пластина, зажатая между стенами.

Я выдернул её.

Кусок человеческой обшивки размером с предплечье. С одной стороны обгоревший композит, с другой — светло-серое покрытие. На краю сохранились две чёрные буквы.

«КС».

Ниже — часть номера.

Не местная вещь. Не случайный мусор.

Фрагмент колонизационного корабля или одного из его модулей вошёл в гору снаружи и застрял в трещине.

Я провёл пальцем по буквам.

Пластина была холодной.

На внутренней стороне остались капли застывшего прозрачного герметика. Края согнуло наружу, будто лист вырвало взрывом из корпуса.

Направление изгиба ничего не говорило без места, откуда его вырвало.

Зато говорил пепел.

Его становилось больше.

Я не взял пластину с собой. Она весила немного, но в щели любое лишнее движение могло разорвать плечо. Оставил её поперёк прохода за ногами.

Преследователь, который шёл первым, упрётся в неё.

Небольшая задержка.

И предупреждение: дальше начинается чужой мир.

Щель закончилась неожиданно.

Правая рука ушла в пустоту. Я подтянулся и вывалился на маленькую площадку внутри естественной пещеры.

Потолок терялся в темноте. Сверху падали капли. В центре лежала груда льда и камней. По дальней стене шла вертикальная трещина, из которой тянуло ветром.

До выхода оставалось недалеко.

Между мной и трещиной лежало тело.

Сначала решил, что человеческое.

Форма была похожа: две ноги, две руки, узкие плечи. Потом оно пошевелилось.

Существо сидело спиной к стене, обхватив себя четырьмя длинными пальцами. Ростом ниже человека. Кожа белая, почти прозрачная. Под ней виднелись тёмные сосуды. Глаза закрывала костяная пластина, а рот состоял из узкой щели от подбородка до груди.

Оно не нападало.

Рядом лежали обрывки кожаной сумки и несколько замёрзших клубней.

Житель горы или беглец из нижнего мира.

Существо подняло голову.

Костяная пластина над глазами треснула. Внутри блеснули две мутные точки.

Оно увидело меня.

Руки прижались к телу сильнее.

Не охотник.

Замерзающий.

Голод отреагировал иначе.

Корни в ладонях напряглись. Для истощённого тела существо в трёх шагах выглядело почти готовым запасом: слабое, тонкокожее, полное тёплой жидкости и мягкой ткани.

Я смотрел на существо.

Оно смотрело на меня.

В нижнем мире я уже решил, что не всё живое обязано стать едой только потому, что я способен его съесть.

Решение пришлось принимать снова.

Я указал на клубни.

Потом на себя.

Существо не поняло.

Поднял один клубень шестом. Поднёс к лицу. Понюхал.

Запах крахмала, горечи и земли.

Коснулся корнем.

Вода. Углеводы. Немного белка. Слабый яд в кожуре.

Пригодно.

Я отломил половину и положил остальное перед существом.

Оно не двигалось.

Съел свою часть через корень, отделяя кожуру и горечь. Масса была холодной и вязкой. Тепла дала мало, но мышцы перестали дрожать.

Существо медленно протянуло руку к оставшейся половине.

Пальцы были обморожены.

Оно прижало клубень к грудной щели. Рот раскрылся, и внутрь вышли тонкие тёмные нити. Не корни. Языки или пищевые волокна.

Я отвернулся.

Чужие способы есть уже не казались самыми странными вещами дня.

В сумке осталось ещё два клубня.

Существо подтолкнуло оба ко мне.

Похоже, это был обмен. Я взял оба клубня, не пытаясь приписывать жесту больше смысла, чем он, возможно, имел. Этого было достаточно.

Снизу в щели ударил металл.

Пластина обшивки задержала преследователей ненадолго.

Существо вздрогнуло и прижалось к стене. Потом показало двумя пальцами на вертикальную трещину. Третий палец повернуло в сторону груды льда.

Я подошёл.

За льдом находился узкий лаз вниз и вбок. Из него тянуло тёплым воздухом нижнего мира.

Обход.

Если преследователи войдут в пещеру, они увидят два пути: трещину наружу и боковой лаз.

Существо знало, где спрятаться.

Я указал на лаз.

Потом на него.

Оно поняло и начало ползти к льду.

Не стал помогать. Любое прикосновение корнем могло напугать сильнее врагов.

Один клубень я поглотил по дороге к выходу и позволил скудному теплу поддержать правую икру, левую голень и дыхание. На полноценное восстановление его всё равно бы не хватило.

За спиной заскрежетала человеческая пластина.

Преследователь толкал её по щели.

Я вошёл в вертикальную трещину.

Здесь не было ступеней.

Каменные стены расходились на ширину плеч и поднимались вверх на несколько десятков метров. Между ними застряли ледяные пробки. Ветер проходил через щели и выл, как двигатель на повреждённой тяге.

Я закрепил шест между стенами.

Правый корень обвил верхний выступ. Левый нашёл трещину ниже. Подтянулся.

Ноги искали опору.

Первая ледяная пробка выдержала.

Вторая треснула под правой ступнёй.

Я успел перенести вес на корни. Лёд ушёл вниз и разбился в пещере.

Существо уже исчезло в боковом лазе.

Из нижней щели показалась гладкая серая голова Звонаря.

Он вышел первым.

Слуховые складки раскрылись и сразу прижались обратно. Ветер и падающий лёд забивали его отражённый звук. На открытом вертикальном участке преимущество Звонаря становилось слабее.

Существо ударило шестом по стене.

Камень ответил.

Голова повернулась ко мне.

Не исчезло полностью.

Только стало хуже.

Я продолжил подъём.

Звонарь вошёл в трещину следом. За ним показался коренастый охранник в белой накидке. Другие оставались в щели.

Пространства хватало только одному.

Это работало на меня.

Следующая ледяная пробка перекрывала весь проход. Толщина — около метра. Через неё шла тонкая трещина. Ветер проникал сверху, но пролезть было нельзя.

Я ударил шестом.

Лёд выдержал.

Ещё раз.

Трещина стала шире.

Снизу Звонарь поднимался быстрее. Его пальцы и ступни цеплялись за камень костяными крючьями. Шест он держал вдоль тела.

До меня — шесть метров.

Я выпустил правый корень в трещину льда и расширил волокно. Повреждённая ткань разошлась, но давление передалось внутрь.

Лёд заскрипел.

Недостаточно.

Ударил раздвоенным наконечником в ту же линию.

Кусок откололся.

Появилось отверстие размером с голову.

Ветер ударил сверху.

Он был ледяным и пах дымом.

Я просунул правую руку, нашёл выступ и подтянулся. Рёбра прошли через узкий край. Кожа на боку содралась. Левое плечо застряло.

Звонарь достиг нижней стороны пробки.

Его шест вошёл в мою правую пятку.

Раздвоенные ветви зажали ахиллово сухожилие, не пробив полностью.

Существо потянуло.

Я остался зажат плечом во льду, ногой в оружии и корнем на верхнем камне.

Охранник снизу ударил крюком по ледяной пробке.

Трещина пошла вокруг меня.

Если лёд сорвётся, мы упадём вместе.

Я втянул левый корень и выпустил его вниз вдоль ноги. Волокно обвило древко Звонаря.

Не тянул оружие.

Повернул.

Раздвоенный наконечник разжал пятку.

Звонарь удержал шест обеими руками.

Я повернул сильнее.

Левое предплечье хрустнуло внутри, но корень слушался.

Древко встало поперёк трещины.

Охранник снизу снова ударил по льду.

Пробка сдвинулась.

Звонарь оказался между древком и стенами. Его собственное оружие упёрлось концами в камень.

Я отпустил левый корень и подтянул тело вверх.

Плечо прошло через отверстие вместе с полосой кожи.

Лёд под животом треснул.

Звонарь попытался вытащить шест.

Поздно.

Пробка ушла вниз.

Она не упала целиком. Один край застрял, второй повернулся. Древко Звонаря стало осью.

Существо прижало грудью к стене. Охранник под ним получил ледяной край по плечу и сорвался.

Его крик ушёл в пещеру.

Я лежал сверху на остатке пробки.

Звонарь был ниже, зажат, но жив.

Он ударил подвеской.

Металл зазвенел в узкой трещине.

Ответ пришёл снизу.

Ещё несколько преследователей.

У меня не было времени убивать зажатого и кормиться.

Я ударил пяткой по верхнему краю льда.

Пробка повернулась ещё.

Древко сломалось.

Звонарь и лёд ушли вниз.

Сначала удар о стену.

Потом второй.

Дальше звук потерялся в ветре.

Я пополз вверх.

Трещина стала уже, но лёд закончился. Камень был сухим и шершавым. Корни цеплялись лучше. Ноги работали хуже.

Каждый десяток движений приходилось останавливаться.

Грудь не набирала воздух. В висках пульсировало. Холод вытягивал тепло быстрее, чем два клубня могли дать энергию.

Организм открыл путь к собственным запасам.

Жир под кожей уже почти исчез.

Следующими были мышцы.

Я почувствовал, как регенеративный контур начал разбирать ткань вдоль спины и живота, переводя её в тепло и поддержку сердца.

Запретил всё, что мог.

Тело оставило конечности и взяло немного из внутренних запасов.

Цена подъёма стала буквальной.

Я ел себя, чтобы выйти наружу.

Выше появился свет.

Не голубой мох.

Настоящий серый свет ночного неба, отражённый снегом и облаками.

До выхода оставалось метров десять.

Трещина расширялась. Ветер усиливался. Вместе с пеп-

лом он приносил мелкий снег.

Я поднялся ещё на три метра.

Правая икра дрогнула.

Грубые тяжи разошлись на одном краю. Нога потеряла опору.

Корни удержали.

Правый продольный разрыв раскрылся до ладони. Белая ткань начала рваться у основания.

Я повис на левой руке и одном корне.

Левое предплечье не выдерживало вес.

Внутренняя перемычка сместилась. Кость упёрлась в кожу.

Ниже послышалось царапанье.

Другой Звонарь поднимался по трещине.

Я посмотрел вверх.

На правой стене торчал тёмный предмет.

Не камень.

Полоса человеческого металла, вбитая в гору ударом. На конце висел оборванный кабель.

Я подтянулся к ней.

Правая ладонь схватила металл.

На поверхности под пеплом сохранилась красная полоса и белая стрелка аварийного выхода.

Фрагмент внутренней направляющей корабля.

Кабель уходил в трещину наружу.

Я обвил его правым корнем.

Изоляция была обгоревшей, но армирующие волокна держались.

Потянул.

Кабель выдержал мой вес.

Поднялся ещё на метр.

Звонарь снизу ударил шестом по камню. Ветер исказил отражение. Наконечник прошёл мимо ноги и высек искру.

Я упёр шест между стенами ниже себя.

Звонарь поднялся к нему.

Пальцы коснулись древка.

Я отпустил шест.

Не бросил.

Протолкнул вниз обоими корнями.

Раздвоенный наконечник ударил Звонаря в гладкое лицо. Существо отшатнулось. Одной рукой удержалось за камень, второй поймало древко.

Теперь у него было оружие.

У меня — кабель и выход.

Нормальный обмен.

Я подтянулся.

Кабель резал повреждённый корень. Изоляция лопнула, обнажая металлические нити. Они вошли в белую ткань.

Боль стала яркой и чистой.

До края — два метра.

Правая нога нашла выступ.

Толкнулся.

Икра выдержала.

Левая стопа легла прямо.

Поднялся на локоть.

Ветер ударил в лицо.

Настоящий ветер.

Снег.

Пепел.

Холод, в котором не было запаха подземной воды, крови и храмового жира.

Я вытащил тело из трещины и перевернулся на спину.

Надо мной было небо.

Тёмное, закрытое низкими облаками. Между ними виднелись несколько незнакомых звёзд.

Я смотрел на них дольше, чем позволяла ситуация.

Четыре дня я видел небо кусками: через лес, решётки, двор и провалы. Сейчас над головой не было потолка.

Только гора и чужая планета.

Снизу в трещине ударил шест.

Я заставил себя встать.

Выход находился на узкой полке под скальным навесом. Слева стена уходила вверх. Справа начинался обрыв, скрытый снегом и дымом. Ветер шёл вдоль склона и толкал к краю.

Под ногами лежали обломки.

Камень.

Лёд.

Человеческий композит.

Тонкие панели, куски теплоизоляции, оборванные ремни. Один фрагмент был частью сиденья. На другом сохранилась жёлтая маркировка грузового отсека.

След от корабля шёл по склону.

Не основной корпус. Разбросанные части, которые принесло взрывом или ударом.

Я нашёл кабель, по которому поднялся. Он тянулся по снегу к большой чёрной борозде между камнями.

Там лежал кусок шлюзовой рамы.

На металле сохранились царапины и кровь.

Человеческая.

Старая, замёрзшая.

Рядом отпечатался след ботинка.

Один.

Потом второй.

Они уходили вдоль полки к востоку — если направление имело здесь тот же смысл.

Кто-то вышел из обломков и шёл.

Следы почти занесло, но края оставались чёткими под слоем пепла.

Не местная обувь.

Человек.

Я опустился на колено и коснулся отпечатка.

Льда внутри было больше, чем снаружи. След оставили не сегодня. Возможно, в первые часы после падения.

Он не возвращался.

Власов?

Другой член экспедиции?

Ответ находился впереди.

Из трещины показалась серая рука.

Звонарь добрался до выхода.

Я встал у края и ждал.

Сначала появилась гладкая голова. Слуховые складки раскрылись.

Ветер ударил в них.

Существо дёрнулось.

На открытом склоне мир был слишком большим. Отражения уходили в пустоту. Снег глушил шаги. Обрыв не возвращал звук.

Звонарь поднял украденный шест и выбрался на полку.

Он остановился.

Повернул голову к стене, потом к обрыву.

Не видел.

Слышал плохо.

Но запах крови и вибрация камня оставались.

Он ударил шестом по скале.

Толчок прошёл под моей ногой.

Голова повернулась.

Я отступил по снегу.

Звонарь пошёл.

Неуверенно, но быстро.

Внизу трещины двигались другие.

Если задержусь, полка заполнится.

Я посмотрел на склон.

Над нами нависал козырёк снега и льда. Пепел лежал на нём тёмным слоем. После каждого порыва по поверхности проходила трещина.

Карниз.

Под ним — Звонарь.

Я ударил ладонью по камню слева.

Существо повернулось на вибрацию.

Потом бросил кусок шлюзовой рамы вправо.

Металл ударился о скалу и заскользил к обрыву.

Звонарь замер между сигналами.

Слишком много открытого пространства. Слишком мало отражений.

Я обвил правым корнем кабель, лежащий под снегом, и потянул его к себе. Другой конец уходил под снежный карниз.

Кабель натянулся.

Снег просел.

Звонарь услышал движение и бросился ко мне.

Я ждал.

Три шага.

Два.

Шест пошёл вперёд.

Ушёл влево и потянул кабель всем телом.

Карниз сломался.

Сначала упал верхний слой снега. Потом лёд. За ним пошли камни и человеческие обломки, застрявшие на склоне.

Звонаря накрыло по грудь.

Он ударил шестом, пытаясь найти опору.

Следующая масса снега столкнула его к обрыву.

Существо зацепилось пальцами за край полки.

Я подошёл.

Гладкая голова поднялась ко мне. Складки на шее были забиты снегом.

Можно было протянуть корень и поглотить.

Ресурс требовался.

Правая икра снова кровила. Левое предплечье почти не работало. Тепло уходило. Впереди следы человека и неизвестный путь.

Я поставил ногу на его запястье.

Звонарь ударил второй рукой по камню.

Снизу из трещины ответили.

Ещё шли.

Я нажал.

Пальцы разжались.

Звонарь упал в дым и снег.

Не кормился.

Тело потребовало вернуться к краю.

Я пошёл по следам.

Полка огибала скалу. Местами её полностью занесло.

Приходилось проверять путь корнем и концом кабеля. Шест остался у Звонаря. Оружия больше не было. Только кабель длиной около трёх метров, оторванный от обломка.

Я намотал его на правую руку.

Неплохая замена корню, если потребуется тянуть что-то тяжёлое.

Через десять метров нашёл второй след.

Потом третий.

Человек хромал. Правая нога оставляла глубокий отпечаток, левая — короткий. На снегу попадались замёрзшие капли крови.

Он шёл в сторону перевала.

Я двигался за ним.

Ветер усиливался. Пепел летел почти горизонтально. Видимость падала до нескольких метров. От дыма слезились глаза, но снег охлаждал лицо и помогал не потерять сознание.

Через полчаса — или через пять минут, время снова стало бесполезным — полка вывела к естественной седловине между двумя вершинами.

Здесь лежал крупный обломок человеческого корпуса.

Не корабль.

Часть внешнего контейнера или посадочного модуля. Металл вошёл в камень под углом. Один край расплавился. На другом сохранился знак экспедиции: круг, пересечённый вертикальной линией.

Я коснулся маркировки.

Под панелью находилась ниша.

Внутри лежал человек.

Скафандр разорван на животе. Шлем снят и зажат под рукой. Лицо покрыто льдом. Мужчина, около сорока. Не Власов. Я не знал имени.

Он сидел спиной к обломку, вытянув повреждённую ногу.

Рядом лежал аварийный термопакет, давно остывший, и маленький медицинский контейнер.

Я опустился рядом.

Смерть наступила давно.

Не сегодня.

Кровь на снегу принадлежала ему.

Он вышел из обломков, дошёл до седловины и остановился.

Медицинский контейнер был закрыт человеческим замком.

Пальцы правой руки не слушались полностью. Я ударил замок камнем.

Пластик треснул.

Внутри сохранились два герметичных водных пакета, перевязочный материал, одноразовый инъектор и две маленькие ампулы.

Маркировку я прочитал.

Кровезамещающий раствор. Две ампулы.

Препарат для стабилизации давления — в инъекторе.

Ладе нужно было всё.

Мне — вода.

Я взял один пакет и выпил половину. Остальное закрыл зажимом.

Второй пакет оставил для людей.

Ампулы и инъектор убрал под одежду.

Кровезаменитель мог дать Ладе время, если инженер сумеет поставить инъекцию или найти вену. Контейнер был рассчитан на аварийное использование. Инструкция на крышке сохранилась.

Я оторвал её вместе с упаковкой.

Теперь требовалось вернуться к людям.

Но сначала — понять, куда идти за помощью.

На груди погибшего висел персональный жетон.

Не стал снимать.

У него осталось имя, даже если я его не знал.

Рядом с телом лежал ручной аварийный передатчик.

Корпус разбит. Экран тёмный. Антенна вырвана.

Нажал кнопку.

Ничего.

Внутри спасательной капсулы или медицинского модуля передатчик мог работать. Этот умер вместе с владельцем.

Я осмотрел обломок.

На внутренней стороне сохранилась стрелка эвакуационного маршрута. Она указывала через седловину.

Туда же шли следы.

Мужчина, вероятно, видел то, что находилось за перевалом, прежде чем сел.

Я взял его шлем.

Не ради защиты — крепление разбито.

На внутреннем стекле сохранился слой прозрачного пластика. Им можно было накрыть лицо от пепла.

Отрезал часть подкладки, сделал маску и привязал кабелем.

Выглядело достойно человека, который четыре дня спорил с пищеварением храма.

Я оставил погибшего сидеть у обломка.

— Я вернусь, — сказал ему.

Обещание мёртвому не требовало ответа.

С перевала пришёл новый взрыв, громче предыдущего. Снег под ногами дрогнул, а за седловиной небо на мгновение стало красным от света, отражённого низкими облаками. Самого источника я ещё не видел. Через секунду над гребнем поднялся столб чёрного дыма, внутри которого мелькнули оранжевые искры.

Корабль был там.

За следующим хребтом или в долине ниже.

Я сделал шаг к седловине.

Гора ответила треском.

Склон справа начал двигаться.

Сначала по снегу прошла тонкая линия. Потом верхний пласт отделился.

Лавина.

Взрыв сорвал карниз над перевалом.

Белая стена пошла вниз, увлекая пепел, камни и куски человеческого металла.

До укрытия у обломка — четыре шага.

Я развернулся.

Правая нога толкнула.

Икра выдержала первый шаг.

На втором грубый шов разошёлся.

Я упал.

Снег ударил в спину.

Корень обвил выступ контейнера.

Кабель на руке натянулся вокруг запястья.

Лавина потащила тело к обрыву.

Я врезался боком в металл. Рёбра сдвинулись. Правое лёгкое потеряло воздух.

Снег засыпал голову.

Темнота.

Холод.

Давление.

Я удерживал корень на выступе. Белая ткань рвалась, но не отпускала.

Поток прошёл ниже.

Тело осталось прижатым к обломку под слоем снега.

Я не мог вдохнуть.

Правая рука была свободна на несколько сантиметров.

Начал разгребать снег перед лицом.

Пальцы онемели.

Корень вышел из ладони и расширился, создавая небольшой канал.

Воздух пришёл вместе с пеплом.

Я вдохнул.

Боль в рёбрах стала далёкой.

[СИСТЕМА] Температура тела снижается.

[СИСТЕМА] Ресурсный резерв исчерпан.

[СИСТЕМА] Начат внутренний катаболизм.

Тело снова ело себя.

Я не запрещал.

Если остановить тепло сейчас, потом запрещать будет некому.

Расширил воздушный канал корнем. Правой рукой вытолкнул снег. Маска из шлема удержала часть пепла.

Двигался медленно.

Сначала освободил лицо.

Потом правое плечо.

Левая рука оказалась зажата под телом. Ноги — под плотным слоем.

Я выпустил второй корень в сторону поверхности. Он нашёл холодный воздух через полметра.

Потянулся по нему.

Белые волокна работали как две верёвки, раздвигая снег.

Правый корень начал кровить прозрачной жидкостью по

всей длине.

Левый держался лучше, но укороченная часть не давала большого рычага.

Я работал руками и корнями.

Снег снова осыпался в отверстие.

В какой-то момент пальцы перестали чувствовать камень.

Сердце замедлилось.

Я подумал о Ладе, которая сглотнула несколько капель воды.

Об одиннадцати людях в правом тоннеле.

О погибшем у обломка.

О красном свете за перевалом.

Умирать под снегом в двух шагах от корабля было слишком аккуратным завершением для последних четырёх дней.

Я ненавидел аккуратность.

Сжал мышцы спины.

Контур разобрал часть ткани живота и отдал энергию рукам.

Правое плечо вышло.

Я подтянулся к поверхности за корнем.

Снег треснул.

Высунул голову.

Ветер ударил по лицу.

Я лежал на склоне рядом с обломком. Половину седловины смыло. Следы погибшего исчезли. Само тело осталось в нише, защищённое металлом.

Правая нога не двигалась.

Откопал её.

Икра снова раскрыта до старой раны. Кровь замёрзла на коже. Бедро держалось.

Левая голень была цела, но перемычка сместилась.

Я достал второй клубень, который всё ещё оставался под одеждой.

Раздавил его в ладони и поглотил вместе с растаявшим снегом.

Мало.

Но хватило, чтобы закрыть сосуды икры и вернуть чувствительность пальцам.

Водный пакет сохранился.

Медицинские ампулы тоже.

Я проверил ампулы с кровезаменителем.

Обе целы.

Лада получила шанс.

Теперь нужно было не потерять его на последнем подъёме.

Снизу, со стороны выхода из горы, металл больше не звенел.

Лавина закрыла полку и трещину.

Преследователей либо засыпало, либо они остались по другую сторону.

Я был один.

По-настоящему.

Снег продолжал падать. Пепел делал его серым.

Седловина после лавины стала ниже. Через неё можно было пройти, держась за обломки контейнера.

Я поднялся.

Шест потерян. Кабель остался на руке. Корни служили опорой.

Первый шаг дался правой ноге.

Второй — левой.

На третьем я вышел на гребень.

Ветер почти сбил меня. Я опустился на колено и вцепился корнем в камень.

За гребнем открывалась долина, но дым закрывал большую часть вида. Внизу тянулась чёрная борозда длиной в несколько километров. Лес был сломан и выжжен. На склонах лежали обломки, некоторые размером с дом. Между ними горели отдельные очаги.

За следующим каменным выступом слева небо пульсировало тусклым красным светом.

Не сигнал.

Не ответ.

Отблеск большого пожара за хребтом.

Я ещё не видел корпуса. Не знал, остался ли там кто-то живой. Знал только запах расплавленной изоляции, человеческие обломки в снегу и то, что путь к этому огню лежал ниже, через чужую долину.

Ладе нужны были лекарства. Одиннадцати людям — вода,

тепло и место, где можно закрыть дверь.

А мне нужен был ещё один подъём.

Я намотал кабель плотнее на предплечье и пошёл вдоль гребня, туда, где сквозь снег и дым проступало красное небо.

За следующим перевалом ждала не помощь.

Ответ.

Глава 30 — Горящий горизонт

Ветер шёл навстречу.

Он выдувал снег из трещин, бросал в лицо пепел и тянул дым с той стороны хребта, куда я направлялся. Красное небо то гасло, то снова проступало за камнями. Не огонь передо мной. Его отражение в низких облаках.

Я шёл к нему уже достаточно долго, чтобы перестать считать шаги.

Правая нога держала, пока я ставил её ровно. Стоило носку повернуться в снегу — и икра напоминала о себе тупой вспышкой под кожей. Левая голень работала хуже. Внутренняя перемычка не сломалась после лавины, но при каждом подъёме будто прокручивалась внутри кости.

Корни выходили из ладоней короткими белыми жгутами. Правый цеплялся за камень. Левый больше дрожал, чем держал. Кабель, снятый с человеческого обломка, был намотан на предплечье. Удобства он не добавлял, зато позволял не сорваться там, где корни уже не справлялись.

За спиной оставались гора, Звонари и одиннадцать человек в верхнем тоннеле.

Лада оставалась жива. На данный момент это было всё, что я мог о ней сказать без злости.

Противоударный медицинский футляр лежал под одеждой, прижатый к животу. В нём стучали о рёбра две ампулы

кровезаменителя и одна доза для стабилизации давления. Я нашёл их слишком поздно и слишком далеко от неё. Теперь нужно было вернуться. Развернуться. Спуститься к тоннелю.

Но красное небо не отпускало.

Я говорил себе, что просто ищу направление. Что не собираюсь идти к кораблю. Что командир обязан знать, где находится его главная цель, прежде чем вести к ней людей.

Тело не верило. Оно давно выучило простую связь: запах человеческой обшивки — шанс на воду, еду, тепло, оружие, ответы. Голод реагировал на неё так же честно, как на кровь.

— Только посмотрим, — сказал я ветру.

Ветер не возразил. У него вообще была отвратительная привычка соглашаться со всем, что вело к боли.

Гребень сузился. Слева камень уходил вверх рваной стеной. Справа начинался склон, забитый льдом и серым снегом. Ниже дым лежал плотной полосой. Иногда в нём открывались чёрные пятна леса, длинные полосы оплавленной земли и куски металла.

Человеческого металла.

Я остановился у выступа и опустился на корточки.

Ноги от этого решения не обрадовались. Правая икра задрожала. Левая голень вспыхнула белой болью. Дышать пришлось мелко: рёбра ещё помнили падение, а правое лёгкое разворачивалось неохотно.

Пепел на снегу был свежим — тонким, жирным, с серебристыми нитями. Я растёр его между пальцами и сразу узнал

остатки проводника, пластика и сгоревшей изоляции. Корабль продолжал умирать.

Снизу донёсся звук.

Три удара по металлу.

Пауза.

Ещё два.

Я замер.

Не звон Звонарей. Их сигналы шли по камню, сухо и быстро. Здесь звук был глухим, с длинным послезвучием, будто тяжёлый предмет бил в корпус с полыми перегородками.

Потом над дымом вспыхнуло синее.

Свет ударил из-за хребта и на мгновение показал весь склон. Обломки, чёрные деревья, длинную борозду в земле. В следующую секунду грохот дошёл до меня через камень.

Я прижал ладонь к поверхности.

Вибрационное чувство откликнулось неохотно. После шахт оно стало слабее, перегруженное звоном, водой, падением и моим собственным сердцем. Но удар был слишком большой, чтобы спутать его с другим.

Снаружи работал механизм.

Или рушился.

Разницы пока не было.

Я двинулся дальше.

Путь вдоль гребня привёл к разлому. Не пропасти, но достаточно глубокой щели, чтобы нога ушла в неё по бедро. Над щелью лежала тонкая каменная плита. Снег скрыл её

края. В обычный день я бы искал обход. В обычный день у меня были бы две рабочие руки, вода и нормальная причина жить.

Пришлось работать с тем, что осталось.

Я закрепил правый корень в трещине над головой. Кабель обвил вокруг каменного зуба. Левый корень протянул через щель и нащупал противоположную сторону.

Первую ногу поставил на плиту.

Камень выдержал.

Вторую перенёс медленнее.

Под подошвой хрустнул лёд.

Плита качнулась.

Я лёг животом на снег и вцепился пальцами в край. Левая голень провалилась до колена. Внутри кости что-то сместилось с сухим, влажным треском.

Боль пришла не сразу. Сначала мир стал белым. Потом внизу живота открылась пустота, а воздух перестал доходить до лёгких.

Корни натянулись.

Правый держал.

Левый выскальзывал.

Я вдавил кабель в снег и потянул себя руками. Правая ладонь сорвалась по камню. Кожа на пальцах разошлась. Кровь сразу почернела от пепла.

Тело почувствовало её раньше меня.

Кровяные ямки под челюстью открылись горячими точ-

ками. Вкус железа залил рот. Внизу, за дымом, где-то двигалось ещё живое. Слишком далеко, чтобы различить. Слишком близко для спокойствия.

Плита просела.

Я выбросил правый корень глубже в трещину. Волокно обвило выступ и натянулось до боли в запястье. Левым локтем упёрся в снег.

Ещё один рывок.

Нога вышла из щели.

Плита рухнула за ней.

Камень бился о стены внизу долго. Я лежал на животе и слушал, как звук уходит в гору.

— Чисто, — прошептал я. — Просто проверял прочность маршрута.

Никто не оценил шутку.

Левая голень не позволяла встать. Внутренняя перемычка держала ногу только пока я не нагружал её полностью. Воды почти не осталось. Клубни закончились. Регенеративная сеть могла закрыть маленькую рану на ладони, но не исправить кость из пустоты.

Я достал водный пакет. После лавины в нём осталось заметно меньше половины, внутри хрустел лёд. Позволил себе один глоток: вода исчезла в теле так быстро, будто я вылил её в раскалённый песок, сразу разойдясь по обезвоженным сосудам и повреждённым корням. Остаток я оставил Ладе, хотя её здесь не было.

Смешно, как далеко можно носить чужую надежду.

Я снял кабель с камня и стянул им левую голень, ограничив движение кости при следующем шаге. Второй конец закрепил на поясе.

Когда поднялся, меня вырвало водой и жёлчью.

Токсинов оставалось мало, но тело всё ещё не простило мне ручей. Под рёбрами тяжело сжались разделяющие камеры. Я переждал судорогу и продолжил.

Дым становился гуще.

Через несколько минут гребень начал опускаться. Снег здесь был серым, почти чёрным. Сквозь него торчали куски обшивки: ребристые панели, полосы теплоизоляции, обгоревшие кабели. Некоторые были размером с ладонь. Другие — с дверь.

Один кусок лежал прямо на пути.

Белая внешняя панель с остатками чёрной буквы. Я очистил её рукавом.

А.

Под ней — ломаная линия.

АЛЬ…

Пальцы замерли на металле.

Сто восемь лет полёта.

Тысячи спящих людей.

Города, которые мы везли в ящиках и контейнерах.

Семена, машины, классы, больницы, детские комнаты.

Всё это уже лежало ниже, по ту сторону дыма.

Я отдёрнул руку.

Панель была тёплой.

Не от солнца. Солнца здесь почти не было.

Из-за хребта снова ударил грохот. На этот раз за ним пришёл короткий скрежет, будто по металлу протащили цепь.

Местные.

Я не видел их, но увидел следы на снегу: широкие полосы полозьев, вдавленные в пепел. Они поднимались со стороны долины и уходили к дыму. По краям виднелись отпечатки тяжёлых ног — много, слишком много. Между следами лежали мелкие обломки человеческого пластика.

Корабль уже нашли.

Не сегодня.

Не вчера.

Они работали там давно.

В горле поднялся холод.

Я думал о спасательных капсулах, разбросанных по лесу. О Власове. О людях, которых везли в клетках к храму. О руках местных на цепях и рычагах.

Мы не разбились на чужой планете.

Мы упали прямо в её раскрытую пасть.

Надо было повернуть назад.

Это было разумно. У меня была медицина для Лады. Группа ждала в верхнем тоннеле. У меня не было оружия, еды, нормальной ноги и права рисковать тем, что уже удалось вытащить из храма.

Я повернул корпус к горе.

И тогда услышал голос.

Сначала решил, что ветер ударил в обломки.

Потом звук повторился.

Короткая последовательность треска. Мужской голос, разорванный помехами. Не слова — отдельные слоги, слишком слабые, чтобы разобрать. После них прозвучал сигнал, знакомый любому человеку из экспедиции: автоматическое предупреждение аварийной системы.

Я замер.

Петля кабеля врезалась в голень.

Голос пришёл не из воздуха. Он шёл через один из обломков под снегом. Возможно, из разбитого модуля. Возможно, из самой горы, если кабели протянуло внутрь при падении.

Я опустился рядом и разгреб пепел.

Под ним нашёл плоский металлический блок размером с книгу. Одна сторона была обуглена. На другой ещё мигал слабый синий индикатор.

Аварийный ретранслятор.

Не личный передатчик. Не маяк капсулы. Часть корабельной линии.

Из трещины в корпусе шёл голос.

— …приём… — выдохнуло устройство.

Пауза.

Статика.

— …не… повторяю… не…

Я наклонился ближе.

Сигнал захлебнулся. Потом вернулся на секунду.

— Не отвечать на открытый канал. Они…

Голос исчез.

На индикаторе осталась одна тусклая точка.

Я не касался кнопок.

Не потому что стал умнее. Просто видел следы полозьев. Видел цепи на снегу. Если местные научились идти на сигнал, нажать кнопку здесь означало сказать им, где я стою. Где стоит гора. Где ждут Лада и остальные.

Ретранслятор пискнул ещё раз.

Вдалеке ответил другой звук.

Три металлических удара.

Пауза.

Два.

Не человеческий код.

Я погасил индикатор снегом.

Слабый свет исчез.

Тишина стала тяжёлой.

Они слышали?

Не знал.

Нужно было уйти. Немедленно.

Я поднялся, но дым сдвинулся раньше, чем я успел сделать первый шаг.

Ветер прорезал его широким коридором.

Долина открылась.

Сначала я увидел огонь.

Он шёл длинной полосой по земле, будто гора сама разрезала себе живот и продолжала гореть изнутри. Потом различил чёрную борозду, тянувшуюся от дальнего хребта вниз, через лес и камень. По её краям лежали белые рёбра металла. Капсулы. Секции. Грузовые модули.

А дальше, там, где дым поднимался выше всего, лежал «Альтаир».

Не целый корабль.

Огромное тело, вбитое в долину под углом. Нос скрывался в чёрном лесу. Центральное кольцо было разорвано. Кормовая часть уходила в расселину, откуда поднималось оранжевое пламя. На обшивке висели тёмные цепи, тонкие даже на таком расстоянии, но слишком ровные, чтобы быть случайными.

Вокруг корпуса двигались огни.

Жёлтые.

Зелёные.

Багровые.

По снегу тянулись линии полозьев. Маленькие фигуры копошились у вскрытых модулей. Отсюда я не мог различить людей и местных. Не мог понять, кого ведут, кого режут, кого пытаются спасти.

Только видел, что корабль не был пустым.

На его верхней части мигал красный огонёк.

Раз.

Пауза.

Два.

Сигнал бедствия.

Или приманка.

Ветер ударил сильнее. Дым снова пополз по долине и начал закрывать корпус.

Я не ушёл сразу.

Это была ошибка.

Умная часть меня уже развернулась бы к тоннелю. Взяла бы кабель, лекарства, остаток воды и спустилась к людям. Она бы не стояла на виду у чужой долины, разглядывая пожар, который нельзя потушить одной парой рук.

Но умная часть меня четыре дня назад осталась где-то в капсуле вместе с нормальной кровью, прямыми пальцами и уверенностью, что план обязан пережить первую минуту боя.

Я лёг на снег за камнем.

Ниже, сквозь новые разрывы в дыму, двигалась колонна.

Не к кораблю — от него.

Сначала показались два длинных полоза. Потом между ними выползла низкая платформа, нагруженная чем-то белым. На таком расстоянии предметы теряли форму. Я видел только светлые пятна, связанные тёмными ремнями.

Капсулы.

Или их части.

За платформой шли шестеро высоких фигур. У двоих над

головами горели зелёные чаши. Свет от них ложился на снег узкими полосами. Третий тащил цепь, прикреплённую к заднему краю груза. Четвёртый время от времени бил в металлическую пластину у пояса.

Три удара.

Пауза.

Два.

Ответа с горы не было.

Я прижал голову к снегу и не дышал, пока колонна не скрылась под дымом.

Местные не просто нашли «Альтаир».

Они вывозили его по частям.

Вместе с теми, кто мог остаться внутри.

От этой мысли кровь в ладони пошла быстрее. Кровяные ямки обожгло. Организм потянул корни к долине, как голодная собака рвёт поводок.

Я сжал кулак.

— Нет.

Слово вышло тихо.

Я сказал его не телу. Себе.

Внизу были люди. Возможно. Там же были охранники, цепи и неизвестное количество существ, которые уже знали, как пахнет аварийный сигнал. Прыжок с гребня ничего не спас бы. Он дал бы им ещё одно тело и лекарство, которого Лада не дождётся.

Пепел полетел с новой силой.

Он закрыл долину окончательно. Остался только красный огонёк на верхней части корпуса. Раз. Пауза. Два.

Человеческий свет в месте, где люди больше не владели ничем.

Я отполз от края.

Кабель скользнул по предплечью. Когда я потянул его, из-под снега показался другой обломок: тонкая труба с облезшей красной полосой. Я очистил её ладонью.

Стрелка.

Она указывала вниз, к долине.

Под ней едва читалась надпись: «ВНЕШНИЙ…».

Дальше металл был выжжен.

Я не стал додумывать. За последние дни мне и без того слишком часто приходилось платить за мысли, которые выглядели логично ровно до первого удара.

Трубу оставил в снегу, но запомнил направление стрелки.

Если вернусь сюда с людьми, она станет дорогой.

Если не вернусь — останется железом.

Спуск к тоннелю оказался хуже, чем подъём.

Снег, сорванный лавиной, лежал рыхлыми языками между камней. Под ним не было опоры. Каждые несколько шагов я проваливался по колено, вытаскивал ногу корнями и терял больше сил, чем получал от движения.

Правая икра снова начала кровить.

Я почувствовал это не по боли. Кровяные ямки под челюстью захлебнулись собственным запахом. Мир на секунду

стал красным: кровь в ладони, кровь в ноге, далёкие пятна ниже, где проходила колонна.

Я опустился на камень и прижал руку к разрезу.

Регенеративная сеть отозвалась привычной пустотой: воды и еды почти не осталось, минерального запаса тоже. Потратить остаток сейчас означало завтра идти хуже; не потратить — рисковать вообще не дойти сегодня. Я дал ране самый минимум.

Тепло пошло по икре. Края кожи стянулись грубо, без красоты. Сосуды закрылись. Мышца осталась разорванной, но кровь перестала стекать в снег.

За это тело забрало остаток тепла из живота и плеч. Меня затрясло, и я один раз коротко рассмеялся без звука.

— Всё по-честному тарифу.

В ответ из-за хребта донёсся ещё один взрыв.

На этот раз он не был далёким.

Камень подо мной дрогнул. С ближайшего карниза посыпался снег. Я упал на бок, прикрывая рукой ампулы.

Одна из них ударилась о рёбра, но не разбилась.

Кровезаменитель для Лады.

Маленькая стеклянная вещь весила меньше ножа. И тяжелее всего, что я нёс последние дни.

Я поднялся.

На спуск ушло ещё неизвестно сколько времени. Солнца не было. Только серый свет в небе, красное марево за спиной и тёмная щель горного выхода впереди.

У самого края гребня я остановился.

Отсюда «Альтаир» почти исчез за дымом. Виднелась только полоска разорванной обшивки и огонь под ней.

Я посмотрел на корабль в последний раз.

Над разорванным кольцом дрожал красный огонь. Ниже, у тёмной линии леса, двигались зелёные чаши местных. Между ними ползли цепи. Они тянулись к корпусу и от него, как жилы вокруг раны.

Там могли быть живые.

Там точно были мёртвые.

И там было всё, ради чего мы летели сто восемь лет: люди, техника, запасы, будущее. Всё уже лежало на чужой земле, открытое для тех, кто первым услышал наш удар.

Я не мог забрать это сегодня.

Не мог спуститься, открыть дверь и сделать вид, что стал сильнее мира.

Но я мог запомнить.

Дорогу. Свет. Полозья. Ритм цепей.

Не как спасение.

Как место, которое придётся отвоёвывать.

Не сегодня.

Но скоро.

Я развернулся вдоль гребня, выбирая путь к тоннелю, где ждали Лада и остальные.

Красный огонь мигнул ещё раз над дымом.

Я запомнил направление.

И сделал первый шаг к нему.

Эпилог — Под горой

Я стоял на гребне и смотрел, как дым снова закрывает корабль.

Красный огонёк мигнул над разорванным корпусом.

Раз.

Пауза.

Два.

Я запомнил направление.

Этого было достаточно. Дальше — назад к людям, к Ладе, к воде и теплу. Потом — подготовка. Потом дорога через долину. Потом всё остальное, чего я ещё не знал.

Я уже сделал первый шаг, когда гора дрогнула.

Не взрыв.

Взрывы шли сверху — от корабля, от огня, от умирающих человеческих механизмов. Этот толчок пришёл снизу.

Через подошвы.

Через повреждённую голень.

Через корни, вцепившиеся в камень.

Я замер.

Вибрационное чувство давно перестало быть надёжным. Оно ловило капли воды, биение собственного сердца, шаги зверя за стеной. В шахтах Звонари забили его металлом так, что иногда я слышал угрозу там, где была только пыль.

Но это не было ни пылью, ни водой.

Под горой прошёл медленный удар.

Один.

Потом тишина.

Такая долгая, что я почти решил: показалось.

И тогда пришёл второй.

Глубже первого.

Не ритм механизма. У механизмов есть трение, повтор, ошибка. У живого тела — дыхание, спазм, дрожь. Здесь не было ничего знакомого.

Будто в самой глубокой темноте под шахтами что-то огромное сдвинулось во сне.

Я убрал корень с камня.

Толчки исчезли.

Или просто ушли так глубоко, что даже мои изменённые нервы больше не могли их поймать.

Внизу горел «Альтаир». Местные тянули к нему цепи. Люди ждали помощи. Всё, что я понимал, лежало передо мной — больное, опасное, но понятное.

А под ногами оставалось что-то, чему я ещё не придумал названия.

Я не знал, что это было.

Не знал, проснулась ли под горой древняя машина, зверь или всего лишь треснул пласт породы.

И проверять не собирался. Не сейчас.

Я знал только одно.

Корабль горел.

И мне нужно было выжить достаточно долго, чтобы до него дойти.

Красный огонёк мигнул в последний раз перед тем, как дым поглотил его.

Я отвернулся от края и пошёл обратно по горной тропе.

Подо мной гора молчала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.